

ISSN 2658-7637

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XXV

Сборник научных трудов памяти А.М. Белавина

Под общей редакцией Н.Б. Крыласовой

Пермь
ПГГПУ
2024

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)
Т782

Т782 **Труды** Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск XXV : сборник научных трудов памяти А.М. Белавина / под общей редакцией Н.Б. Крыласовой ; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Пермь, 2024. – 255 с. : ил. – Текст (визуальный) : непосредственный.

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», основанная в 2001 г. А.М. Белавиным.

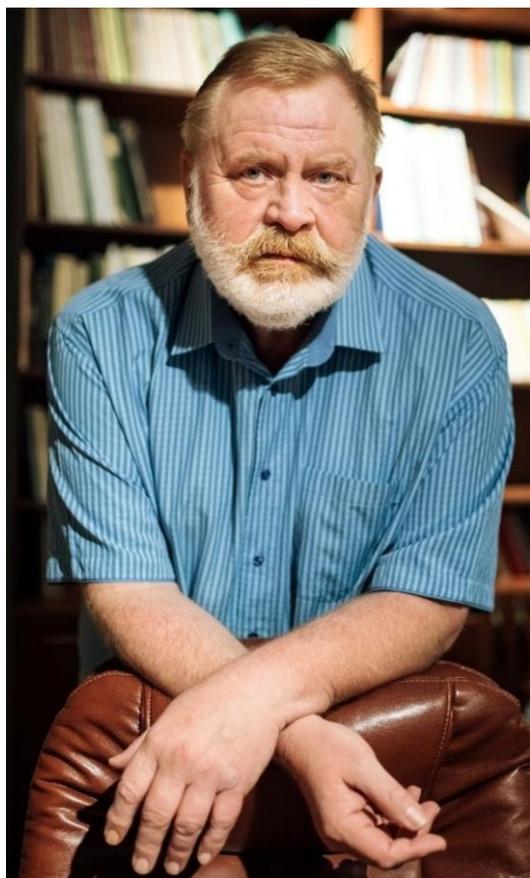
14 марта 2024 г. Андрей Михайлович Белавин ушел из жизни. Сборник включает статьи, содержащие воспоминания о нем близких людей, друзей и коллег, а также статьи в сфере его научных интересов, которые могут быть интересны специалистам в области археологии и истории, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, сотрудникам музеев.

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. *Н.Б. Крыласова*;
канд. ист. наук, доц. *А.Н. Саранулов*;
д-р ист. наук, проф. *В.А. Иванов*;
канд. ист. наук, доц. *Н.С. Батуева*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2024
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2024

А.М. Белавин в домашнем кабинете, 2020 г.

14 марта 2024 г. не стало нашего лидера, руководителя, наставника и друга Андрея Михайловича Белавина (05.07.1958–14.03.2024).

Он был настоящим «отцом-основателем»: в 1979 г. организовал Археологический клуб старшеклассников при Дворце пионеров, который позже преобразовался в Школу юных археологов; в начале 1980-х вместе с Л.А. Коротковой стал основателем Научного общества учащихся; в 1983 г., поступив на работу в педагогический институт, основал Камскую археолого-этнографическую экспедицию.

В пединституте/университете Андрей Михайлович прошел путь от ассистента до профессора. Был он зам. декана исторического факультета по заочному отделению, зав. кафедрой Отечественной истории, проректором по науке и внешним связям. В 2003 г. он добился выделения отдельной кафедры Древней и средневековой истории, которая, несмотря на численно небольшой коллектив, на многие годы заняла в вузе лидирующие позиции.

Андрей Михайлович стал лидером пермской археологической научной школы, хорошо известной в России.

Значимой для функционирования научной школы была преподавательская работа А.М. Белавина. Он привлекал студентов своими лекциями как преподаватель с ораторским талантом и научной фундаментальностью, яркими и интересными идеями. Под его чутким руководством учениками защищены кандидатские и докторские диссертации.

Для представления результатов нашей деятельности А.М. Белавин основал целый ряд серийных и продолжающихся изданий: «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», «Вестник музея Археологии и этнографии Пермского Предуралья», включенные в наукометрическую базу РИНЦ, и серию «Археология Пермского края. Свод археологических источников», которая предполагает монографическое издание результатов исследований отдельных памятников.

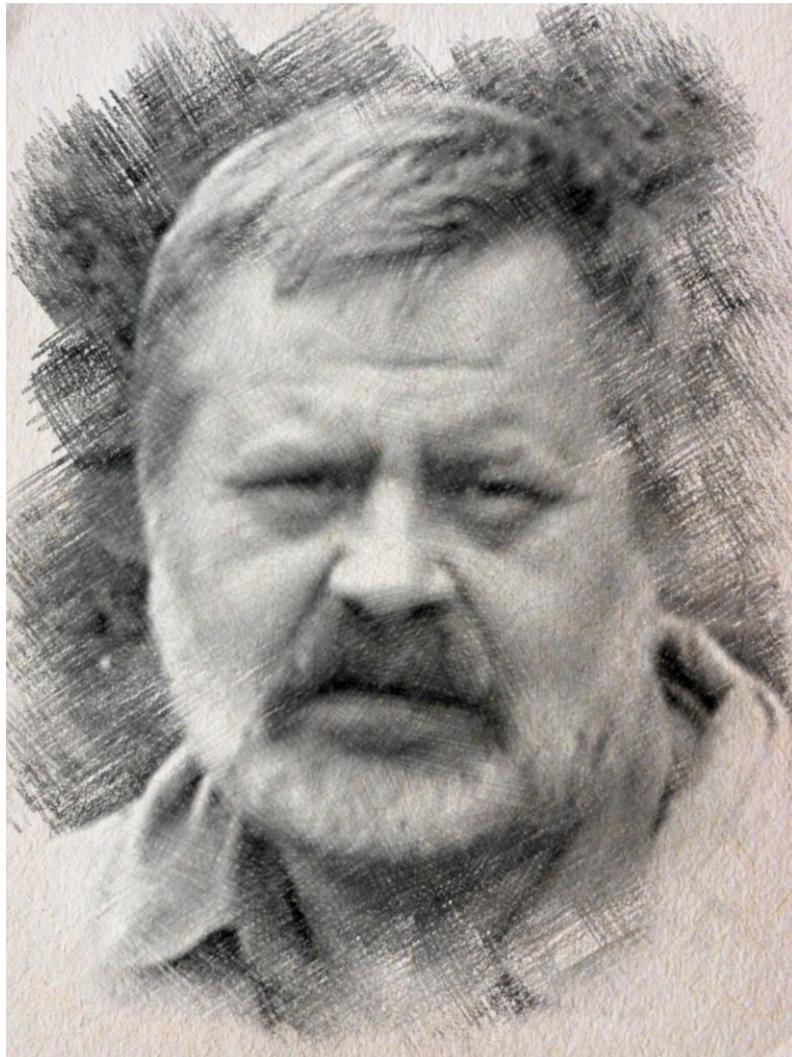
Был он и неизменным руководителем первого в Пермском крае гуманитарного подразделения РАН, сначала существовавшего как филиал Института истории и археологии УрО РАН, потом – как отдел Истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН, а сейчас – Институт гуманитарных исследований УрО РАН.

Все это было бы невозможно без опоры на единомышленников, учеников и последователей. Андрей Михайлович умел собирать вокруг себя неординарных людей, активных, увлеченных. Он умел по-настоящему дружить, и особенно это проявлялось в каких-то сложных ситуациях, когда своим спокойствием и теплотой он гасил стресс и оказывал так необходимую в этот момент помощь.

Очень многогранной была жизнь А.М. Белавина. Он останется в памяти и как неординарный организатор, руководитель и вдохновитель и как блестящий ученый-археолог, разработавший целый ряд важных научных концепций, которые, безусловно, получают дальнейшее развитие в трудах его последователей.

Редколлегия

ВОСПОМИНАНИЯ

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-5-9

СПАСИБО ВСЕМ ЗА ПОДДЕРЖКУ И ТЕПЛЫЕ СЛОВА...

Когда 14 марта 2024 г. произошла ужасная трагедия, Андрея Михайловича Белавина не стало с нами, невозможно было бы обойтись без поддержки и помощи друзей и коллег. В те минуты, как в тумане, рядом стремительно появились друзья, сотрудники КАЭЭ ПГГПУ, сыночка Артем и Аня Белавины, Таня Вострикова привезла из музея Сашу... Потом пошли многочисленные звонки – на мой телефон и на телефон Андрея (от тех, у кого не было моего номера), и даже уже не вспомнить всех, кто сумел дозвониться и поддержать. Особенно ценны были разговоры с Элеонорой Анатольевной Савельевой, она поначалу звонила почти каждый день и как старший друг размягчала боль в сердце. Как всегда, помогала добрым словом наша давняя подруга и вечная «палочка-выручалочка» Ольга Алексеевна Щеглова. Мы много переписывались со студенческой подругой Андрея Михайловича М.И. Спириной и его однокурсником и студенческим другом А. Кожевниковым. Отдельная благодарность нашей выпускнице Ане Комаровой, хозяйке Пермской ритуальной компании, которая очень ответственно и лично все организовала. Ну и, конечно, безмерная благодарность подругам Оле Поляковой и Оле Сафрошенко, которые очень мягко и тактично вернули нас с Сашей к обычной жизни...

На адрес университета и на мою электронную почту в те печальные дни поступило множество соболезнований, как от различных учреждений и организаций, так и от друзей и коллег. Собрать все теплые слова (где-то целиком, где-то за выдержкой официальных фраз) посоветовала Р.Д. Голдина:

Голдины Римма Дмитриевна и Екатерина Владимировна: *«Уважаемые коллеги, товарищи, друзья! Глубоко скорбим, соболезнуем, плачем по поводу кончины Андрея Михайловича Белавина! Это был воистину “матерый человечик”, умный, красивый, добрый, замечательный – настоящий русский ученый. Его уход – огромная потеря для всей археологии Урало-Поволжья. Его подвижническая научная деятельность и работы его многочисленных учеников составляют целую эпоху в изучении древней и средневековой истории Урала. Вечная ему память.*

Пожелание Наталье Борисовне – собрать все отклики на кончину Андрея Михайловича Белавина и опубликовать их в сборнике его памяти».

Да, действительно, в этих письмах, составленных на свежих эмоциях, содержатся очень яркие характеристики Андрея Михайловича и оценки его научной и организационной деятельности.

В адрес педагогического университета в телеграммах, телефонограммах и письмах поступили соболезнования от руководства, трудовых и научных коллективов: аппарата администрации губернатора Пермского края; Пермской геральдической комиссии; Центра по реализации проектов в сфере культуры Министерства культуры Пермского края; Московского областного отделения Российского географического общества; Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»; Набережночелнинского государственного педагогического университета. Более развернутые письма прислали:

– **Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан:**

«Вклад Андрея Михайловича в археологию Татарстана неоценим. Речь не только о его собственных научных интересах и исследованиях, но и о той поддержке, которую он беззаветно оказывал академическому сообществу республики при изучении и сохранении историко-культурного наследия Татарстана и ее древних городов Казани и Елабуги.

Будучи учеником А.Х. Халикова, в своей научной работе Андрей Михайлович руководствовался его принципами: всегда следовать за материалом; не бояться, если появляются новые факты, менять свою концепцию, даже если она идет в разрез с устоявшимися представлениями.

Разработанные Андреем Михайловичем концепции никогда не оставались незамеченными, не всегда принимались однозначно и вызывали научную полемику, но выдержали испытание временем, получили многочисленные новые подтверждения и легли в основу современных представлений об особенностях эпохи Средневековья на территории Пермского края.

Андрей Михайлович навсегда останется в памяти многочисленных учеников и коллег как талантливый ученый, блестящий руководитель, чуткий преподаватель и верный друг».

– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН:

«В эти дни сотрудники Кунсткамеры вместе с коллективами Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН и всем академическим сообществом скорбят о кончине выдающегося ученого и педагога Андрея Михайловича Белавина, внесшего большой вклад в изучение, продвижение и развитие урало-сибирской археологии.

Многолетний творческий путь Андрея Михайловича неразрывно связан с раскопками и интерпретацией уникальных археологических памятников, с исследованием и осмыслением взаимосвязей древних культур Урала и Сибири. Широкий кругозор вкупе с творческой энергией и организаторскими способностями стали основанием для создания ярких научных концепций и композиций, обеспечив Андрею Михайловичу известность и признание в академических кругах. Его лекции и выступления на научных форумах и в университетах стали ярким и весомым вкладом в дело популяризации науки.

Человек творческого умонстроения, твердой воли и неотразимого мужского обаяния, А.М. Белавин выполнил и продолжает выполнять миссию одного из лидеров нашего профессионального сообщества: он был знатоком уральских культур и народов, к нему обращались за советом и напутствием поколения учеников и последователей, его прекрасно знали и любили в родном Пермском крае.

Археолог от Бога, ученый и преподаватель, умелый организатор науки и бесменный руководитель экспедиций, мудрый единомышленник и надежный друг – светлая память тебе, дорогой Андрей Михайлович!»

– Институт истории материальной культуры РАН: *«Уход из жизни Андрея Михайловича Белавина – это огромная невосполнимая потеря для коллег, института и российской археологии в целом. Огромная боль и душевная утрата для друзей, родных и близких.*

Андрей Михайлович Белавин без преувеличения являлся лидером в изучении проблем средневековой истории и археологии Прикамья. Он создал и возглавлял Камскую археолого-этнографическую экспедицию, которая провела масштабные полевые исследования памятников Пермского Предуралья.

В 2003 г. при активном участии Андрея Михайловича в Перми открыли филиал Института истории и археологии УрО РАН. А.М. Белавин стал его первым директором.

Много сил было отдано преподавательской деятельности. В пермском государственном педагогическом университете Андрей Михайлович Белавин был заведующим кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, а также директором научно-исследовательского института археологии и антропологии. Были написаны десятков книг и более 180 публикаций научного и научно-методического характера.

Он ушел неожиданно и бесконечно рано, уже не на взлете, а в полете на высоте достигнутого и в преддверии новых открытий. Коллегам осталась неизбывная боль и светлая память о большом ученом и большом человеке, каким был и будет для нас Андрей Михайлович Белавин».

– **Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра:** *«Мы знали и будем помнить Андрея Михайловича как достойнейшего человека, выдающегося ученого и организатора науки».*

– **Пермский государственный национальный исследовательский университет:**

Жизнь Андрея Михайловича Белавина связана с Пермским государственным университетом, а его вклад в развитие археологической науки в Прикамье трудно переоценить.

После окончания в 1980 г. исторического факультета ПГУ А.М. Белавин посвятил себя работе со школьниками, организовав Школу юных археологов, ставшую одним из первых школьных кружков в СССР, направленных на изучение археологического наследия. В 1981 г. Андрей Михайлович создал Пермскую археологическую экспедицию ВООПИК, преобразованную в дальнейшем в Камскую археолого-этнографическую экспедицию ПГПИ.

Андрей Михайлович был блестящим организатором науки, при его участии в Перми был открыт Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, и он стал его первым директором. Много лет Андрей Михайлович занимал пост проректора по науке ПГГПУ.

Андрей Михайлович обладал удивительным даром объединять вокруг себя талантливых людей: во многом благодаря именно его энергии решались важнейшие задачи сохранения и популяризации историко-культурного наследия Пермского края. Его многочисленные работы подвергли глубокой ревизии классические представления о древней истории Прикамского региона. По его учебникам знакомится с историко-культурным наследием уже не одно поколение прикамских школьников. Он внес неоценимый вклад в формирование не только пермской – общероссийской системы охраны археологического наследия».

– **Коми-пермяцкий краеведческий музей им. П.И. Субботина-Пермяка:** *«...из жизни ушёл талантливый учёный, педагог, высокий профессионал, преданный любимому делу, человек, вызывавший искреннее уважение у всех, кому выпала честь знать и работать с Андреем Михайловичем».*

А эти письма коллеги и друзья прислали на мою почту:

– **Марийская археологическая экспедиция:** *«Это огромная потеря для нас всех, от нас ушел не только высококвалифицированный специалист, но и просто хороший человек. Мы искренне сочувствуем Вам в этот тяжелый час и разделяем Вашу боль и скорбь, желаем Вам крепости духа».*

Андрей Михайлович был не просто нашим коллегой, он был нашим товарищем, нашим оппонентом (в хорошем смысле этого слова, ведь только в наличие множества теорий рождается истинное научное знание), другом. Светлая память о нем останется в наших сердцах. Мы всегда будем помнить его и благодарить за то, что он был с нами».

– **Государственный Эрмитаж:** *«Дорогая Наталья Борисовна, буквально только что узнали о случившемся. Мы искренне соболезнуем и потрясены известием об уходе Андрея Михайловича – нашего большого друга, доброго, интересного и большой души человека. Поверить в случившееся очень трудно. Андрей Михайлович навсегда останется в нашей памяти и сердце, а с нами – его дружба, уважение и любовь к Елене Ивановне и нашему медвежьему углу».*

Дорогая Наталья Борисовна, Вы всегда наш большой друг и мы всегда ждем Вас в Эрмитаже».

Обнимаем, Ваши первобытники».

– **Агтила Тюрк:** *«Дорогая Наташа!!!!!!!!!!!!!!»*

Я просто не могу поверить в эту ужасную новость! Как я ждал, что после этой страшной спецоперации мы снова увидимся, сколько еще будет смеха, и сколько хороших статей мы напишем вместе... Андрей был таким замечательным человеком, прекрасным археологом и искренним другом».

Мы обязательно будем помнить о нем в самом важном венгерском археологическом журнале. И навсегда сохраним память о нем как о ведущей фигуре новой эпохи российско-венгерских археологических отношений. Боже, я действительно не могу в это поверить...»

Дорогая Наташа, крепко обнимаю Вас и всем сердцем разделяю вашу боль!!! Я желаю Вам сил и зажигаю сегодня свечу за Андреем!»

– **Михай Грубер** (зам. ген. консула, врем. поверенный в делах Генерального консульства Венгрии в Екатеринбурге): *«От Генерального консульства Венгрии в Екатеринбурге примите наши соболезнования в связи со смертью вашего мужа Андрея Михайловича Белавина. Господин Аттила Тюрк проинформировал нас о случившейся огромной потере.*

Андрей Михайлович был великолепным историком своей страны и одним из самых лучших друзей Венгрии в Пермском крае.

Генеральный консул в Екатеринбурге, господин Фабиан Шандор, желал лично выразить свое соболезнование Вам и в связи с этим просит встречу в Перми в удобное для Вас время в октябрьский – ноябрьский период...»

– **Константин Карачаров:** *«Наталья, привет! Вчера был просто оглушен печальным известием. Только в такие моменты осознаешь, что не достречались, не договорили, не доспорили, не долюбили...*

Ты держись. Сил тебе и еще раз сил пережить боль. Если чем-то могу помочь, то я всегда готов».

– **Искандер Измайлов:** *«Дорогая Наталья! Вчера вечером узнал от Владимира Александровича о вашей трагической утрате... Целый день собирался с силами, чтобы написать слова соболезнования. Начинаю, и никак не могу... Мы ведь были дружны еще с УПАСКа 1979 г. Целая вечность. Очень тяжело осознать и принять. Понимаю, что любые мои слова никак не сделают твое горе меньше, но главное – знай, что мы разделяем его с тобой. Андрей всегда был гораздо больше, чем коллега и единомышленник, он был великим ученым, но еще и добрым, отзывчивым и принципиальным человеком. Я все вспоминаю наши веселые и бесшабашные студенческие посиделки, его выступления на конференциях. Еще чаще – как мы в начале нулевых встречались у нас дома: старые добрые разговоры на кухне, шутки и серьезные обсуждения. Не могу поверить, что это не повторится, и не потому, что мы не готовы встречать гостей... Но надо жить и продолжать поддерживать идеалы науки и творчества, которым Андрей был всегда верен. Человек жив, пока мы помним о нем. И эта память будет с нами навсегда. Мы на сайте нашего института разместили некролог. Бахтияр обещал написать от имени института. Все это только малая толика нашего уважения и памяти Андрея. Эту боль не унять, но ты крепись, потому что надо как-то похорошему отметить заслуги Андрея, увековечить в трудах и воспоминаниях. Думаю, что это важно... Всегда твой, Искандер».*

– **Бахтияр Измайлов:** *«Уважаемая Наталья Борисовна! Примите от меня и всей семьи Измайловых самые искренние соболезнования... В нашей памяти Андрей Михайлович навсегда останется выдающимся ученым, доброжелательным и высококонтактным человеком и просто хорошим другом нашей семьи!»*

– **Надежда Шутова:** *«Дорогая и глубокоуважаемая Наталья, в эти тяжелые дни примите мои соболезнования в связи с уходом в иной мир Андрея Михайловича – талантливого исследователя и организатора науки, надежного отца и мужа, доброго и жизнерадостного человека. Дай Вам Бог терпения, мужества и сил смириться с его уходом, но Вы будете все равно чувствовать его духовную поддержку, ведь с уходом человека связь с ним не прекращается. Тем более, что вы с ним были крепкой парой как супруги и как соратники, жили общими делами, общими интересами.*

Он оставил заметный след в уральской археологии, нам будет не хватать его харизмы, юмора, эрудиции».

– **Сергей Кузьминых:** *«Наташа, дорогая, с четверга, как получил от Лизы Черных оглушающую весть об Андрее, не могу прийти в себя. И все же через боль – неутешную твою и щемящую его коллег и друзей – хочу вспомнить добрым словом Андрея. Знаю, для тебя это важно. Мы познакомились в 1985 г. в Сыктывкаре на очередном Финно-угорском конгрессе. Андрей был там вместе с В.А. Обориным и, кажется, у них был и общий доклад по родановской культуре. Для нас обоих это были первые выезды на международные конференции. Я тогда впервые озвучил результаты нашего с Е.Н. Черных исследования о сейминско-турбинском транскультурном феномене (через два года появится глава в томе по лесной бронзе в серии “Археология СССР”). С Владимиром Антоновичем я уже был знаком по аспирантской поездке 1974 г. в Пермь – он и познакомил нас.*

Обратный путь из Сыктывкара в Москву я планировал через Пермь, чтобы по договоренности с В.П. Денисовым и А.Ф. Мельничуком добрать материалы в областном музее и в ПГУ, а также съездить в Соликамск, где моей целью была хранящаяся там ананьинская секира – я планировал зарисовать ее и отобрать пробу для спектрального анализа. Все это в итоге удалось осуществить. С Андреем и Владимиром Антоновичем мы вылетели в Пермь одним рейсом. С гостиницами в ту пору было непросто, заранее забронировать номер не удалось. А поскольку прилетели в Пермь уже поздно, Андрей, уяснив, что я прилетел без ночлега, забрал меня к себе. Его близких дома мне было – август, отпускное время, сейчас уже не вспомню, почему дом был пуст. Скоротечно перекусили, а утром простились, разошлись по своим делам.

С той сыктывкарской встречи, а затем ночлега у Андрея, завязалось наше знакомство и взаимная симпатия, которая сохранялась все эти долгие годы. Встречались не часто, и обычно рядом с Андреем была ты, и всегда это были встречи родных людей. Тяжко сознавать, что где-то при очередной встрече я увижу тебя одну, без Андрея рядом, – вы так слились в моем сознании в одно целое. И это ощущение останется со мной до последних моих дней.

В этой жизни мне и, уверен, многим коллегам будет недоставать самого осознания того, что Андрей где-то рядом. Все, кто близко его знал, осознают, какая это редкая и незаурядная личность. В Андрее чувствовался нравственный стержень – он определял его шаги и поступки и в жизни, и в науке.

Наташа, для меня невыносимо вспоминать об Андрее в прошедшем времени. Когда уходят друзья и близкие коллеги, и так рано, с этим невозможно смириться. Но в науке остаются труды А.М. Белавина, а для нас, его близких, друзей и коллег – светлая и благодарная память. Тебе еще многое предстоит сделать и в память об Андрее, и в продолжение неоконченных дел, и претворить какие-то его мечты в жизнь...

Держись... Твой С.К.».

Валентина Кузнецова: *«Дорогие Наталья Борисовна, Саша, разделяем с вами искреннее горе и глубокую скорбь.*

От берегов Ладоги до Пермских лесов две тысячи километров... Мы можем только гадать, какие отношения были у средневекового населения Северо-Запада и Северо-Востока: торговцев, ювелиров, безымянных авторов Пермского звериного стиля, северных красавиц Прибалтики и Предуралья... Но точно знаем, что значит Пермь для петербургских археологов...

Благодаря силе, энергии, харизме Андрея Михайловича, что-то произошло с законами физики и две тысячи километров между Петербургом и Пермью сократились, а мы обрели гораздо большее, чем просто сотрудничество ИИМК РАН и ПГГПУ и совместное воспитание научных кадров. Когда дружба и теплые отношения сопровождают научные проекты, происходит настоящее волшебство. Каждый приезд Андрея Михайловича в Петербург с семьей и учениками становился научным событием: обсуждением новой концепции или совместного проекта, и большим праздником. Кажется, в огромном сердце серьезного профессора находилось место для всех.

Андрей Михайлович был во всех смыслах большим, добрым, широким и умным человеком. Таким он и останется в нашей памяти».

– Ирина Шилова и студенты истфака ПГПУ 2003–2008 гг.: *«Уважаемая Наталья Борисовна! Примите самые искренние и глубочайшие соболезнования.*

До сих пор вспоминаю с теплом именно Ваши лекции по ВИД и Андрея Михайловича – по археологии. А еще Андрей Михайлович руководил аспирантурой, когда я училась, все было очень гуманно и человечно. Самые теплые воспоминания об этом светлом человеке: быллинный богатырь, он был словно оберегом и одновременно символом нашего вуза.

К сожалению, эту боль никто не сможет прожить за Вас, но мы вместе сохраним светлую память об Андрее Михайловиче».

Спасибо, дорогие...

Составитель, главный редактор Н.Б. Крыласова

УДК 902, 930.253

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-10-34

Н.Б. Крыласова**ТАКАЯ МНОГОГРАННАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ В ВЕЩАХ, ФОТОГРАФИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ: ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА А.М. БЕЛАВИНА**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ
Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, РФ

Не стало человека, но остались его вещи, разные бумаги, документы, научные труды и фотографии, где он полон жизни... Андрей Михайлович Белавин прожил яркую интересную жизнь, был отличным организатором и выдающимся ученым, верным другом и любимым в своей семье. Все грани его личности передают материалы, составляющие личный фонд, который планируется передать в Пермский краеведческий музей. Представленный в статье обзор фонда отражает насыщенную биографию А.М. Белавина.

Ключевые слова: Андрей Михайлович Белавин, личный фонд, документы, письма, фотографии, биография.

N.B. Krylasova**SUCH A MULTIFACETED INTERESTING LIFE IN THINGS, PHOTOGRAPHS
AND DOCUMENTS: A REVIEW OF THE PERSONAL FUND OF A.M. BELAVIN**

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation
Institute of Humanitarian Research of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Perm, Russian Federation

The man is gone, but his things, various papers, documents, scientific works and photographs remain, where he is full of life... Andrei Mikhailovich Belavin lived a bright interesting life, was an excellent organizer and an outstanding scientist, a loyal friend and beloved in his family. All facets of his personality are conveyed by the materials that make up the personal fund, which is planned to be transferred to the Perm Museum of Local History. The review of the fund presented in the article reflects the rich biography of A.M. Belavin.

Keywords: Andrey Mikhailovich Belavin, personal collection, documents, letters, photographs, biography.

Как-то мы с Андреем Михайловичем были в гостях в Государственном архиве Пермского края, директор – Н.П. Лобанова – с гордостью показывала нам современное оборудование в новом здании. После экскурсии Наталья Порфирьевна спросила: «А когда же вы, Андрей Михайлович, начнете формирование своего личного фонда?». Он тогда, как ему было свойственно, рассмеялся, ответил, что нет у него, вроде, такого, что представляло бы интерес. И «перевел стрелки» на меня – вот она у нас дома все хранит, может, и найдет что-то, достойное архива.

Когда весной все случилось, я буквально рассыпалась, не понимала, что делать, как быть дальше... Позвонила как-то однокурсница Л.В. Женина, и в разговоре сказала, что неплохо было бы собрать фонд... И я начала методично перебирать шкафы с бумагами. Сидела подолгу над каждым листочком, раздумывая, имеет ли он какую-то значимость. Потом подумала, что одни только документы не смогут создать полный образ, нужны еще и знаковые вещи. Описание собранных материалов всколыхнуло воспоминания и местами перешло в рассказ о важных моментах в биографии А.М. Белавина, а вместе с ней – истории НОУ при Дворце пионеров, истфака ПГГПУ, Камской археологической экспедиции...

С детских лет сохранилось, конечно, немного, главным образом фотографии. Как это, наверное, у большинства бывает, поначалу родители фотографировали Андрюшу почти каждый месяц, мама заботливо собирала эти фотографии в альбом. Самое любимое фото (судя по числу отпечатанных экземпляров) – лицо 5-месячного малыша с вполне узнаваемой слегка ехидной улыбкой (рис. 1). Часто мама Валентина Владимировна смеялась, вспоминая Андрюшино детство, над снимком, сделанным в 1960 г. незадолго до рождения дочки Светы, – родители хотели представить, как будет выглядеть их девочка, и нацепили сыну бантик (рис. 2). Конечно, впечатляет фотография в 2 года и 4 месяца перед телефоном с сосредоточенным видом будущего проректора (рис. 3). Андрей любил вспоминать детство, прошедшее в ЗАТО Челябинск-70 (ныне г. Снежинск). Когда мы там прогуливались, он показывал места, где играл с друзьями в «войнушку», катался на санках, на велосипеде, купался в озере Синара. Перебирая фотографии, видишь, что это было абсолютно счастливое детство. Рядом всегда заботливая бабушка Александра Александровна, которая приехала из Перми помочь с детьми. Летом поездки к родственникам в Большую Соснову, где они всю шалили с двоюродным братом Вовой, на море...

В старших классах сложилась дружная компания одноклассников – Андрей, Сергей Кодатко, Костя Демьянов и Андрей Суворов. На фото 9–10 классов они часто вместе (рис. 4). Сохранился забавный конверт, присланный Андрею друзьями к 16-летию. Там самодельная открытка, где Андрей изображен в виде Штирлица, и несколько маленьких фотографий: Андрей – Бе'Ля'Винь – майор армейской разведки США, «критик», «историк»; Костя – Кин-Стин-Тин, посол Японии в СССР (развлекались ребята). Они и после окончания школы дружили, встречались. Есть письмо от 2011 г., где Сергей Кодатко, ставший врачом, сообщает в том числе, что он частенько навещает родителей Андрея и приглядывает за их здоровьем. Сергей писал стихи, и в том письме приложены очередные.

Ребята были весьма активные, не случайно, видимо, Андрей на линейке 1 сентября 1974 г. был знаменосцем (рис. 5). Сохранилась и грамота, врученная на Последнем звонке в 1975 г. за создание фотогазет.

В 1975 г. началась учеба на истфаке ПГУ. Для дневного отделения не хватило одного балла, поэтому поступил на вечернее и устроился на работу в Государственный архив Пермской области архивно-техническим сотрудником. Из этого этапа жизни остался конвертик с фотографиями празднования Нового 1976-го г., где они с коллегами разыгрывали разные сценки.

Уже на 1-м курсе Андрей «прикипел» к кабинету археологии, потому что мечтал стать именно археологом (он рассказывал, как после прочтения нескольких книг из городской библиотеки – В. Берестов «Государыня пустыня», Г. Федоров «Дневная поверхность» и др. – загорелся этой идеей). Из студенческой жизни остались фотографии из разведок, экспедиций, с УПАСКов. Параллельно он увлекся художественной самодеятельностью, комсомольской и профсоюзной деятельностью. Есть серия фотографий выступлений театра ПОСАТ (политическая сатира), где Андрей со своим колоритным образом постоянно был на первых ролях (рис. 6–7). А я когда-то была пионеркой-активисткой, и помню, как однажды в «Муравейнике» перед нами феерично выступал «ПОСАТ». Быть может, именно тогда я Андрея впервые увидела, но не помню...

С 1977 г. осталась маленькая фотография на пропуск. На ней написано «Привет с ГАЗа» (рис. 8). Это еще одна страничка жизни, когда вместо колхоза несколько крепких парней с курса было отобрано для работы на заводе «ГАЗ». Это был интересный опыт, о котором Андрей часто вспоминал: работа на конвейере, короткие перерывы... Он после этого опасливо относился к продукции советского автопрома.

Есть очень выразительная фотография, где Андрей сидит в наушниках с микрофоном (рис. 9). Мне он рассказывал, что вел радиотрансляцию в корпусе во время перемен. Но его однокурсник Александр Кожевников уточнил, что серия этих фотографий (он еще несколько прислал) была сделана в 1978 г. в кабинете заведующего музеем ПГУ А. Стабровского, когда они дурачились, изображая ведущих дискотеки.

Ну и, конечно, Андрей всегда был любимцем женщин, и сам влюблялся и любил до умопомрачения. Он ничего от меня не утаил, но я все утаю... В 1978 г. он женился на Ольге, в 1979 г. родился первый сын Миша.

1980 г. был насыщен событиями. Летом того года ходили военные курсы, которые Андрей частенько вспоминал. Любопытным событием стали съемки в фильме «Против течения» по рассказам А. Фадеева, который был выпущен Свердловской киностудией в 1981 г. Многие эпизоды снималась в Хохловке, туда из летнего военного лагеря была отправлена группа студентов для участия в массовке. С ними поехал А. Стабровский, благодаря которому сохранились отдельные снимки (рис. 10). Фильм можно посмотреть в Интернете, я в массовке никого узнать не смогла, правда, в одном кадре, благодаря совершенно невообразимому костюму, Андрея Михайловича все же увидела. В 1980 г. он гостил у однокурсника П.Ю. Павлова в Калининграде и сфотографировался у могилы Э. Канта, съездил в несколько разведок, поучаствовал в очередном УПАСКе.

Важно было определиться с новым местом работы. Тогда ведь распределение было... Родственник В.П. Романовский, который работал в Обкоме КПСС, посодействовал, чтобы его оставили в «Муравейнике», где Андрей с 1979 г. работал руководителем археологического кружка. В одном из рабочих блокнотов есть тезисы какого-то выступления о Школе Юных археологов Пермского дворца пионеров с ценными сведениями об образовании ШЮА, которые больше, пожалуй, нигде не найти... «*Основание ШЮА – ноябрь 1979 г. Первый набор 18 человек. Из них: Сергей Бородулин – первый председатель ученического Совета НОУ (окончил истфак ПГУ, работает социологом), Борис Капитанов (окончил истфак ПГУ, работает во Дворце пионеров), Света Механошина (окончила истфак ПГУ, работает социологом), Юра Цыганков (работает науч. сотрудником сектора археологии УДИИЯЛ АН СССР, аспирант Лен. отд. Института археологии). Многие другие закончили юрфак ПГУ, физфак и геологический факультет ПГУ, политехнический институт. В 1980 г. впервые поехали на раскопки неолитической стоянки Чашкинское Озеро VI. В 1981 г. впервые участвовали в УПАСК. Кроме нас в этой студенческой конференции из школьников участвуют лишь юные археологи из Челябинского НОУ. В 1983 г. на материалах ШЮА была издана брошюра для юных туристов об археологии [Белавин, 1983а], а в сборнике «Археологические открытия 1981 г. была опубликована заметка «Археологические исследования Пермского дворца пионеров»... [Белавин, 1983б].*

Совершенно невероятно, но с тех времен сохранились две ценные папки. В одной – документ, где сформулированы основные задачи Археологического клуба старшеклассников; проект письма за предполагаемой подписью В.А. Оборина, где говорится о необходимости создания Археологического клуба старшеклассников в помощь КАЭ ПГУ и областному отделению ВООПИК; список членов Археологического клуба старшеклассников, тематический план, расписание занятий и листы посещений. В эту папку вложен листочек, на котором почерком Андрея Михайловича написана короткая пьеска из жизни археологов, видимо, ребята ставили ее на каком-то мероприятии. А во второй папке собраны анкеты первых членов клуба. Есть забавная (очень потрепанная от длительных поездок в поле) распечатка 1981 г. «*Краткий справочник примет и один полезный совет (с одной иллюстрацией и одной шуткой в тексте)*», где собраны народные приметы погоды. В домашних бумагах остался *Отчет А.М. Белавина о раскопках поселений Запосельского, Володин камень I и II и разведке в районе г. Березники в 1983 г., организованных Пермским областным отделением ВООПИК и Пермским дворцом пионеров. В этих раскопках принимали участие В.А. Сокол – преподаватель ГПТУ № 41, А.В. Рублев – руководитель археологического клуба Березниковского дворца пионеров, студенты ПГУ Б. Капитанов, А. Суслов, С. Швыдлова и кружковцы Пермского и Березниковского Дворцов пионеров (рис. 11–12).*

Андрей Михайлович вместе с Л.А. Коротковой стал основателем Научного общества учащихся при Пермском Дворце пионеров. Какие же счастливые времена настали! Общество поначалу активно поддерживалось, выделялись достаточные средства на экспедиции, конференции. Теперь уже Школа юных археологов с несколькими преподавателями стала одной из

ведущих секций НОУ. Сохранилась *программа занятий Школы юных археологов*, подготовленная А.М. Белавиным в 1991 г. Из конференций самой запоминающейся стала *2-я Уральская археологическая конференция школьников*, которая проводилась в 1989 г. по случаю 10-летнего юбилея Пермской Школы юных археологов, и Андрей Михайлович сберег некоторые бумаги, связанные с ней.

Параллельно в 1983 г. Андрей Михайлович был принят ассистентом в ПГПИ (ныне ПГГПУ), где И.С. Капцугович, ставши ректором, задумал возродить истфак. В том же году по инициативе А.М. Белавина для обеспечения полевой археологической и этнографической практики студентов исторического отделения филфака была образована Камская археолого-этнографическая экспедиция. В 1984 г. он впервые вывоз практикантов на Чашкинское озеро. А в 1985 г. практику под его руководством на Рождественском городище проходил наш курс (я в то время была в Малом Савино). Помню, встретились мы в городе с однокурсником Наби Балаевым (который был в экспедиции Белавина и ненадолго приезжал в Пермь), у нас только неорнаментированные черепки, а он нам рассказывает про невероятные подвески, костяные поделки, остатки кожи... Завидно!!! А как же они тогда замечательно обустроились на берегу Обвы и назвали свой лагерь «Курорт для миллионеров». На одной из фотографий Андрей с венком на голове и с фотоаппаратом стоит как раз под этой вывеской (*рис. 13*).

Он тогда тоже на несколько дней уехал из экспедиции, чтобы принять участие в Шестом международном конгрессе финно-угров в г. Сыктывкар (*рис. 14*). Это, наверное, был первый настолько крупный форум, куда он попал. Именно здесь он познакомился со многими иностранными коллегами, в частности, с Иштваном Фодором, с которым много позднее у нас завязалась тесная дружба. И, если мне не изменяет память, именно тогда университетский научный руководитель Андрея – В.А. Оборин – познакомил его с А.Х. Халиковым, к которому он поступил в аспирантуру. По воспоминаниям Андрея, Альфред Хасанович давал ему полную волю в изложении своих взглядов и совсем немного корректировал текст диссертации. Часто Андрей Михайлович вспоминал фразу Альфреда Хасановича: «*Андрей, не бойтесь бросать камни в наше научное болото, а потом наблюдайте, как будут расходиться круги...*», и постоянно следовал этому завету. К сожалению, от тех времен общения с А.Х. Халиковым не осталось ни фотографий, ни писем (кроме одного – с замечаниями по 3 главе диссертации), только несколько подписанных Халиковым отдельных оттисков статей.

Осенью 1985 г. состоялось грандиозное открытие исторического факультета ПГПИ, для чего был арендован клуб УВД, который мы чуть не спалили. Андрей Михайлович принимал активнейшее участие в подготовке мероприятия, снимал его в процессе и сам был запечатлен на фото.

Он очень неплохо фотографировал, и долгое время до появления цифровых фотоаппаратов именно он производил всю фотофиксацию во время раскопок. Затем был сложный процесс проявления пленок, печати фотографий. Когда-то он это делал дома, но во время работы во Дворце пионеров мы обычно пользовались фотолабораторией. Кроме фотографий у нас сохранилась коробка со слайдами. Там в отдельной коробочке собраны слайды с Финно-угорского конгресса 1985 г., и еще разные, в том числе, снятые во время поездки с сыновьями в Челябинск-70, где есть кадры внуков с дедушкой Михаилом Васильевичем на фоне машины – первых папиных рыжих «Жигулей». Примечательна сама коробка с надписью: «*Парижский фотограф в Перми г-нь Белавинь. Фирма существует с 1975 г.*» (*рис. 15*).

В 1986 г. наш декан В.А. Шмыров с директором Школы олимпийского резерва в г. Чусовом Л.Д. Постниковым задумал создать Музей истории р. Чусовой. Была разработана большая программа, где мы получили отдельные темы для разработки, были организованы археологические и этнографические экспедиции для сбора материалов. А.М. Белавин тогда провел серию экспедиций в окрестностях Чусового на Саломатовском городище (1986 г.), могильнике и селище Телячий Брод (1986–1987, 1989 гг.) (*рис. 16*). Параллельно Г.Т. Ленц вела исследования Антыбарского могильника. Есть газета «Чусовской рабочий» от 21 авг. 1986 г. со статьей А.М. Белавина «Новые открытия», где он пишет «...*комплексная археолого-этнографическая экспедиция Пермского пединститута начала большую работу по об-*

следованию бассейна реки. Она связана с созданием музея при спортшколе олимпийского резерва «Огонек». Несколько лет мы посвятили музею, своими руками создавали экспозиции, проводили недели на «Огоньке» в разное время года вместе со своими руководителями В.А. Шмыровым, А.М. Белавиным, А.А. Терехиным, А.В. Голдобиним. Сейчас мало, конечно, осталось с тех времен, но все равно при посещении музея (сейчас Этнографический парк) чувствуется и наш вклад.

В те времена (1984–1994) «сколотилась» дружная команда юных археологов (Старых Юных, как мы до сих зовем уже поседевших ребят), которые незаметно стали лучшими друзьями, и остаются ими по сей день. Много с ними связано незабываемых моментов во Дворце пионеров, особенно – конференции, высочайший уровень организации которых в некоторых городах вспоминают до сих пор, экспедиции и разные неформальные встречи в течение года. Запоминающимися стали две поездки НОУ на теплоходе «Украина» (который потом был переименован в «Булгарию» и затонул в Волге) (рис. 17). Не удивительно, что многие наши кружковцы поступили в ПГПИ (ныне ПГГПУ) и стали хорошими специалистами, пусть и не все археологами. Вообще жизнь НОУ и КАЭЭ ПГПИ трудно разделить. Одни и те же события, экспедиции, конференции, встречи. Часто заседания археологического кружка Андрей Михайлович проводил в кабинете археологии ПГПИ.

Именно тогда развились и окрепли многие традиции КАЭЭ. Андрей Михайлович всегда был чуточку пижоном, и к организации полевого лагеря относился с легким налетом пижонства. Он белой завистью завидовал ижевцам, которые первыми обзавелись шикарными польскими палатками, и при первой подвернувшейся возможности тоже купил несколько подобных. А потом в 1987 г. удалось приобрести еще несколько. Мы их поставили на «Телячке» ровной улицей, выходящей к кухне, и, глядя на эту красоту, Андрей не раз повторял: *«Ну вот, теперь мы как маленькие ижевцы»*. Он тогда вместе со своим закадычным другом Володей Соколом придумал целую серию наградных значков, которые потом выдавались на протяжении ряда лет. Сохранились нарисованные им тушью на кальке значки для экспедиции 1990 г. в Рождественске – именные значки начальников раскопов, разные наградные значки (не смотрите, что там есть Москва, ЮНЕСКО – это чтобы добавить нам значимости в глазах местных жителей) (рис. 18), а также серия значков для участников экспедиции 1992 г. на том же памятнике. Эти картинки размножались на «синьке» и вставлялись в круглые значки с вынимающимся «стеклышком», которые в то время продавались за копейки... В 1990-м Андрей купил красный мегафон, надеясь, что он поможет легче управлять огромным отрядом (достигавшим порой 80 человек). В период проведения полевого симпозиума на Анюшкаре в 1991 г. он с помощью этого мегафона ловко отпугивал стадо коз, которых очень привлекали наши палатки. У него всегда был лучший приемник («Океан»), лучший фотоаппарат («Зенит», «Киев»), фонарик, модный станковый рюкзак, он до последних дней любил коньяк не ниже 5 звезд и черную икру. У него первого во всем университете появился домашний компьютер Robotron, который мы потом передали в Пермский краеведческий музей. И вообще Андрей Михайлович одним из первых овладел компьютером, и долго помогал всем научиться им пользоваться. В начале 2000-х он обзавелся новомодной туристической горелкой на газовом баллоне и элегантным кофейником, с помощью которых мы многие годы варили в экспедиции утренний кофе, а в промозглую погоду – глинтвейн. Отдельная любовь – красивые ручки с мягким пером и остро отточенные карандаши.

Его заботил и собственный имидж. В 1979–1981 гг., судя по фотографиям, он то отпускал усы, то дополнял их еще и бородой, видимо, чтобы казаться солиднее. А с 1982 г. борода стала неотъемлемым элементом его образа. Хотя в экспедиции он иногда экспериментировал. В 1987 г. сбрил бороду, но его совсем узнавать перестали, поэтому борода быстро была отпущена вновь. В 1989 г. они с В. Соколом сбрили усы, оставив только бороду (рис. 19). Интересный эксперимент, они стали напоминать каких-то морских бродяг. Но это тоже было ненадолго. В 1988 г. ему захотелось иметь длинную бороду и сравнительно длинные волосы

(в одной из разведок, когда он вышел из автобуса, местные бабули приняли его за нового бабюшку). Бороду даже можно было украсить цветами (рис. 20). Но порой он просил подстричь так, чтобы осталась «трехдневная щетина».

Довольно долго в 80–90-х Андрей Михайлович курил трубку. Кто понимает – это процесс, не требующий суеты: выбрать трубку, набить ее табаком, разжечь, раскурить, а потом медленно попухивать... Курильщик трубок очень удобный в плане того, что ему подарить. Во-первых, трубок должно быть много, и он всегда рад новой, во-вторых, хороший трубочный табак не везде можно было достать, и хорошим презентом из поездки в столицу была коробка табака «Золотое руно», к тому же, для ухода за трубками были разные приспособления, имелись специальные спички и зажигалки. У нас оставался мешочек с такими вещами, но при переезде куда-то запропастился. Нашлись только одна трубка, набор щеток для чистки, «топталка» для табака и подаренный кем-то набор в красивой деревянной шкатулке: подставка под трубку, пепельница и зажигалка (рис. 21). Именно на почве курения трубок Андрей Михайлович сдружился с Юрием Константиновичем Николаевым, который работал во Дворце пионеров руководителем геологического кружка (рис. 22). Юрий Константинович не раз обкуривал ему новые трубки... Именно Ю.К. Николаев «перетащил» нас на какое-то время на работу в Пермский филиал Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества, где Андрей Михайлович проработал пару лет деканом. А потом Ю.К. Николаев способствовал созданию Геральдического совета при губернаторе (сейчас Геральдическая комиссия отдела государственных наград Администрации губернатора), с которой Андрей Михайлович сотрудничал многие годы.

Все, кто знал Андрея Михайловича молодым, помнят его элегантное зеленое пальто, которое он носил многие годы. Девчонки плакались, уткнувшись в него носом (не в жилетку), на свои девчачьи проблемы... Его он носил еще и когда дочка родилась (рис. 23), лишь потом, когда появилась машина, перешел на куртки. А пальто я до сих пор храню, у меня с ним связаны свои воспоминания (рис. 24). Когда он уезжал надолго, мы поменялись маленькими игрушечными гномами, у него был Тат, а у меня – Тот, вынимали их из кармана, когда было грустно. У меня даже такое осталось:

*Мой гном поселился в кармане пальто.
А как в нем уютно, не знает никто.
Пусть чуть темновато, но это пустяк,
Зато никакой не достанет сквозняк.
В кармане полно очень нужных вещей –
ключей, сигарет и бумажных рублей.
Из этих вещей гномик строит гнездо
В уютном просторном кармане пальто.
И теплая очень большая рука
Приходит, чтоб гнома на свет извлекать,
Грозит ему пальцем и по носу бьет
И ложку мороженого дает... (1988)*

Тогда у нас было модно в экспедиции расписывать штормовки разными пожеланиями, названиями памятников, где побывали. Такая была и у Андрея Михайловича. В 1991 г. он заказал себе (и мне тоже) в ателье в Снежинске замечательную удлиненную штормовку из качественного плотного брезента. Он украсил ее на груди переводной картинкой с гербом СССР, ниже подписал маркером «АН СССР. Археологическая экспедиция», позже прикрепил на рукав нашивку с российским триколором. Он на многих фотографиях в этой штормовке (рис. 25), но сама она многие годы ездила в багажнике нашего автомобиля и совсем истлела (рис. 26).

Очень любил Андрей Михайлович примерять разные *головные уборы*, это заметно по фотографиям (рис. 27). И зная об этом, многие привозили ему из поездок всевозможные шапки, шляпы, тубетейки, арафатки... Эта коллекция долгие годы украшала его кабинет проректора, а когда он ушел с этой должности, то передал ее в «КАМВА», подготовив пол-

ное описание. Лишь несколько головных уборов сохранились в семье, среди них – пробковый шлем, который он очень любил и носил в экспедициях (рис. 28). Позже он еще прикрепил к этому шлему значок шерифа (рис. 29).

Значки – еще один «пунктик» Андрея Михайловича. Думаю, он собирал их еще со школы. Часть значков он отдал моему папе, который разместил их на тематических планшетах. Но значительная часть осталась. Среди них есть значки участников разных конференций, отдельно собирались значки УПАСКов, есть серия юбилейных значков: «60 лет ПГУ», «20 лет концертно-театральной весне», «70 лет коми-пермяцкому автономному округу», «50 лет КЦБК», «20 лет истфаку ПГПУ», «75 лет Пермскому государственному педагогическому университету», «10 лет Пермскому политехническому институту», «60 лет ВЛКСМ» и пр. Очень он любил всякие советские значки, у него были: «Ворошиловский стрелок», «Дружинник», «Ударник коммунистического труда», «День советской конституции 7 октября», «За отличную учебу», «Активист ЮДПД», «Депутат районного совета», «Ветеран» и др.

Иногда он их надевал. К примеру, порой вспоминал историю, что накануне 1 мая у него разболелся зуб. Тогда он надел депутатский значок и создал положительный имидж депутатам, потому что сидел со всеми в очереди, а старушки перешептывались, мол, смотри, депутат, а вместе с народом. А доктор посочувствовал: «вам же завтра на трибуне стоять», и поставил какой-то волшебный укольчик. Особо он ценил и иногда надевал значок с портретом Мао Цзэдуна, который очень напоминал значок академиков с профилем Ломоносова. Конечно, очень он любил подаренный мною значок «БАМ», потому что это была его аббревиатура. Есть и его нагрудный знак члена Всероссийского геральдического общества. Множество значков из разных городов и стран, значков музеев, организаций, предприятий. И это не была просто коллекция, большинство значков, особенно маленьких, Андрей Михайлович носил на лацкане пиджака. Бывало, вечером в воскресенье долго сидел, перебирал коробки со значками, выбирал том, который прикрепит на следующую неделю.

До появления электронной почты и сотовых телефонов активная связь с родственниками, коллегами и друзьями поддерживалась по переписке. *Писем* осталось довольно много, некоторые (например, от родителей) содержат много личной информации, и, думаю, их лучше оставить в семье. Но есть и письма с приглашениями на разные конференции, письма друзей и коллег. Н.В. Федорова обсуждает предложение написать совместную статью про ювелирные изделия: «Идея мне нравится, давай, сделаем статью... Но как ты себе представляешь дальнейшее? Главная идея – скромненько и со вкусом опубликовать, и сказать, что они болгарские? Или как? И как мы будем ее писать – по частям? У меня нет опыта работы с соавторами в других городах, поэтому, пожалуйста, напиши мне своимображения по этому поводу...» (1988). Остались письма ижевцев, с которыми в 1990-е нас связывала крепкая дружба – Л.Д. Макаров делится впечатлениями о своей поездке в Пермь (1994), И.Ю. Пастушенко сообщает о получении новой квартиры (приглашает в гости) и просит сделать ксерокопии нескольких статей (1990-е). В.В. Никитин прислал по почте небольшую записку о том, что потерялись тезисы Андрея, и поскольку надо срочно подготовить к изданию материалы конференции, просит выслать их снова (1994). Е.П. Казаков пишет о начале издания журнала *Finno-Ugrica* и просит выступить координатором журнала в Перми, «т.е. выявить авторов, которые могут подготовить хорошие проблемные статьи по финно-угорской тематике как по древнему периоду, так и по современности, в том числе по языкознанию, искусству, философии, политике и т.д.» (1997). П.А. Косинцев прислал определения костей Редикарского городища (1997). М.Ф. Обыденнов из Уфы просит узнать, не делают ли на нашей фабрике Гознак дипломы о высшем образовании гос. образца (1998).

Можно передать в фонд несколько писем нашего близкого друга и крестного дочка Саши – В.А. Иванова. Это письма периода, когда он работал в Стерлитамаке (1996–1998 гг.). Там и обсуждения работы аспирантов, и договоренности о чтении лекций (Андрей у них, а Иванов – у нас), и радостное известие о рождении первого внука.

Сохранилось очень душевное и поэтичное письмо сотрудницы Научного отдела Е.С. Субботиной (~2010 г.), где она делится впечатлениями от поездок к нам в экспедицию в Рождественск и пишет: *«Андрей Михайлович! Хочу поблагодарить за уверенность в поддержке в сложные для меня минуты; за то, что научилась ценить этот ваш взгляд, теплущий и не спрашивающий лишнего, и покровительственный тон, супер тактично переходящий со строгого «Елена Сергеевна...» на тонущее в ваших ладонях рукопожатие и заботливое «Лен...».* И вот в этих словах весь Михалыч, где-то строгий и требовательный, но всегда готовый прийти на помощь в сложных ситуациях. Забавное письмо пришло от Д.Г. Савинова (2008). Дмитрий Глебович выступал оппонентом на моей докторской защите, и мы ему подарили карандашницу в пермском зверином стиле. Он так ее полюбил, что не поленился об этом написать, да и при личных встречах потом еще не раз вспоминал: *«Она, несомненно, обладает определенной энергетикой. Стоит передо мной на стопке бумаг, где еще придется писать. И эта лобастая голова, опущенная между передних лап, аккумулирует много хороших мыслей».*

Отдельный вид документов – это *рабочие блокноты* Андрея Михайловича. В них можно найти много интересного. Это и заметки, сделанные во время конференций, заседаний кружка, ну а самое ценное – конспекты различных публикаций, сделанные во время работы в библиотеках и архивах. Этими конспектами при подготовке диссертаций пользовались не только он, но и я, и А.Н. Сарапулов. Все это нередко перемежается рисуночками, которые Андрей Михайлович начинал рисовать, когда слушал доклады или задумывался о чем-то. В некоторых блокнотах на обложке есть карман, где тоже можно отыскать много любопытного. Так, в блокноте с Финно-угорского конгресса в Сыктывкаре лежит письмо к П. Павлову о коллекции реплик каменных орудий, изготовленных Е.Ю. Гирей. В блокноте 1993 г. лежат две визитки: одна *«Пермский госпединститут, доцент, зав. лабораторией археологических исследований»*, а вторая – *«Всероссийская академия живописи, ваяния и зодчества, зав. каф. гуманитарных дисциплин»*; мамина фотокарточка и два его фото на документы, фотография подвески с Анфалова места; временный билет в Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и временный пропуск в Эрмитаж; листочки с разными контактами и адресами, и, конечно же, листочки с рисуночками. Пожалуй, самое примечательное – это записка от В.А. Оборина, где он просит отвезти в Ижевск Р.Д. Голдиной отзыв на сборник, а потом подписанный привезти обратно *«Очень прошу вас выполнить эту просьбу. Постараюсь не остаться в долгу».*

Сохранилась часть документов, связанных с защитой кандидатской и докторской диссертаций. По кандидатской диссертации их довольно много: опись документов, удостоверение о сдаче кандидатских экзаменов, отзыв научного руководителя А.Х. Халикова, выписка из протокола заседания отдела археологии ИЯЛИ им. Ибрагимова КФАН СССР о завершении аспирантуры и принятии рукописи диссертации, выписка из протокола заседания Отдела славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР, отзывы официальных оппонентов И.В. Дубова, Ф.Ш. Хузина и ведущей организации, отзывы на автореферат, рукопись самого автореферата и список рассылки. Здесь же есть письмо А.Х. Халикова (11 апр. 1988 г.): *«Ознакомился с 3 главой. В целом глава получилась, но: (далее небольшой список замечаний). Остальные замечания на полях. Доработайте и привозите вместе со всей работой. Желаю успеха...».* А еще – вырванный из блокнота листочек с наспех записанными замечаниями Н.В. Хвоцинской и Е.А. Рябинина, высказанными при обсуждении диссертации в отделе славяно-финской археологии ЛОИА 28 марта 1990 г. Ну и, конечно, очень важен экземпляр самой кандидатской диссертации, которая, в отличие от докторской, не была опубликована.

С докторской защиты сохранилось письмо ученого секретаря П.Е. Нехорошева с подробным планом действий накануне защиты, отзыв оппонента Е.П. Казакова, отзывы на автореферат и еще некоторые документы.

Для сбора материалов к будущей докторской диссертации Андрей Михайлович в феврале 1996 г. уезжал на стажировку в РГПУ им. Герцена в С.-Петербург, основной целью которой было обозначено ознакомление с системой преподавания археологии и вспомогатель-

ных исторических дисциплин, ознакомление с учебными планами истфака РГПУ (как это указано в индивидуальном плане стажера). С того времени остались некоторые документы – справка об успешном завершении стажировки, и письмо, где я рассказываю ему про маленькую Сашку, беспокоюсь, что ему там голодно и холодно, и настаиваю, чтобы обязательно завершил все запланированное, потому что не известно, когда еще появится возможность съездить в столицы. И эти беспокойства не напрасные, потому что с финансами тогда было очень туго... Среди документов есть и *Выписка из протокола заседания Ученого совета ИИМК РАН* от 14 февраля 1996 г. об утверждении темы докторской диссертации А.М. Белавина «Этнокультурные связи средневекового населения Пермского Предуралья в 8–15 вв.» и прикреплении исследователя к Отделу славяно-финской археологии.

Андрей Михайлович и сам много раз выступал оппонентом или готовил отзывы ведущей организации. Так, среди писем есть обращения ученого секретаря диссертационного совета УдГУ О.М. Мельниковой с просьбой подготовить отзыв ведущей организации на диссертацию С.Р. Волкова (1995), на диссертацию И.Ю. Трушковой (1997). Имеется вариант отзыва ведущей организации на кандидатскую диссертацию А.М. Мурыгина, подготовленный А.М. Белавиным (1994). Есть не отправленный по какой-то причине отзыв на автореферат кандидатской диссертации А.Г. Иванова, согласие на оппонирование кандидатской диссертации А.С. Проценко (2022).

Особое значение имеют сохранившиеся *документы*. Самые ранние из них – комсомольский билет, выданный еще в школе, военный билет от 1981 г.; самые ценные – диплом об окончании университета, дипломы кандидата и доктора исторических наук, аттестаты доцента и профессора. Есть разные удостоверения с мест работы, читательские билеты, членский билет Всероссийского геральдического общества. Остались загранпаспорта с отметками о наших зарубежных поездках. Копия Трудовой книжки отражает всю трудовую жизнь Андрея Михайловича.

Есть несколько *наград*, к которым Андрей Михайлович относился с большим трепетом: знак Всероссийского общества охраны памятников «За активное участие в работе общества», знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2006), памятная медаль внутренних войск МВД России «За содействие» (2011), «Знак почета» Пермского муфтията (2012), знак «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2018).

Кроме последнего знака наибольшее значение для него имела *медаль «В память 1000-летия Казани»* (2005), которая поначалу имела статус государственной награды, а потом была переведена в разряд памятных медалей. Казанские археологи собрали бесспорные доказательства того, что Казань возникла на рубеже X–XI вв. Чтобы принять это и утвердить решение о дате основания Казани пригласили экспертов, среди которых был и Андрей Михайлович. Он нередко вспоминал о том, как это происходило. Вроде доводы казанских археологов всех убедили, но никто не решался вынести вердикт. И именно он предложил коллегам утвердить решение о 1000-летию Казани и подписать документ, который сейчас хранится в музее истории Казанского Кремля. Сохранились газеты, где рассказывается об этом, письмо мэра Казани К.Ш. Исхакова, приглашение и программа празднования 1000-летия Казани в рамках итогового форума городов Великого Волжского пути. Сохранились фотографии, запечатлевшие вручение медалей археологам (*рис. 30*). Андрей Михайлович был на вручении в светлом летнем костюме, пиджак от которого сохранился. Он считал этот костюм парадным и нередко надевал его на линейки 1 сентября, куда представители ректората поприветствовать первокурсников.

Разумеется, осталось множество различных *грамот и благодарностей*. Из них самыми важными являются «*Почетная грамота Департамента образования и науки Администрации Пермской области*» (2000) за большой вклад в развитие научно-исследовательской деятельности учащихся; «*Почетная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации*» (2011) за развитие и совершенствование учебного процесса, значительный вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов; «*Благодарственное письмо гу-*

бернатора Пермского края О.А. Чиркунова» (2011) за вклад в развитие системы образования Пермского края; три «Почетные грамоты Уральского отделения РАН» (2007, 2012, 2018) за заслуги в научно-исследовательской работе по изучению истории Пермского края, древней и средневековой истории Урала, значительный вклад в становление гуманитарных подразделений академического профиля и развитие взаимодействия академической и вузовской науки; «Почетная грамота Правительства Пермского края» (2016) за большой вклад в развитие системы высшего образования в Пермском крае; «Почетная грамота Министерства культуры Пермского края» (2016) за значительный вклад в области охраны объектов культурного наследия, расположенных в Пермском крае, «Благодарность Государственной Думы» (2018) за системную и целенаправленную работу по развитию и обобщению научного знания и педагогического опыта в направлении образования лиц с особыми образовательными потребностями, «Почетная грамота города Перми» (2021) за значительный вклад в развитие системы высшего образования в г. Перми. Есть ряд почетных грамот ПГГПУ (2001, 2011, 2015) и различные благодарности от Комитета по физической культуре, спорту и туризму Администрации Пермской области (2002), Областного производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Пермской области (2006), Аппарата правительства Пермского края (2006), дирекции фестиваля «КАМWA» (2006, 2007), Главы Коми-пермяцкого округа (2007, 2008), Пермского краеведческого музея (2008), Ильинского районного краеведческого музея (2016), Министерства культуры Пермского края (2016), Центра по реализации проектов в сфере культуры (2018), Духовного управления мусульман Пермского края (2019), Министерства образования Пермского края и многих других. По этим Благодарностям наглядно видно, с каким широким кругом организаций Андрей Михайлович сотрудничал или реализовывал совместные проекты.

Из материалов, отражающих преподавательскую деятельность Андрея Михайловича, я приготовила, для примера, две папки с конспектами лекций по «Истории Урала» и «Истории СССР XVII–XVIII вв.», написанными от руки. Правда, во второй папке сложены еще конспекты лекции № 1 по Этнографии, лекции № 1 и 5 по Истории первобытного общества, лекции № 1 и 4 по Отечественной истории с древнейших времен (как и подписано на самой папке). Там же лежит конверт с экзаменационными билетами. В папке «История Урала» в кармашке обнаружили листок посещений лекций, выписка из статьи Л.С. Грибовой «К истории Перми Великой», расчетные листочки за 12/98 и 1/99 по Отделу НОУ, наполовину заполненные требования из Горьковской библиотеки и календарик на 1999 г. Еще есть Программа учебного курса «Основы археологии, этнологии и истории первобытного общества», составленная Андреем Михайловичем в 1996 г.

Очень показательны пометки, сделанные при проведении экзаменов (они набрались с пяти экзаменов). Андрей Михайлович отмечал, кто какой вытянул билет, рисовал возле фамилий студентов какие-то значки и проставлял оценки, а пока студенты готовились, он успевал зарисовать весь свой лист невероятными картинками, сочетающими орнаменты, археологические предметы, отдельные сюжетные сценки, надписи (выше уже отмечалась эта его забавная особенность) (рис. 31).

Есть также карточки учебных поручений на 1996/97 учебный год, контракт от 1994 г. Примечательно, что в контракте, по настоянию Андрея Михайловича, в обязанностях администрации вуза допечатаны такие пункты: *Оплачивать командировки на конференции и для ведения НИР общей продолжительностью до 35 дней в году; Обеспечить создание бюджетной археолого-этнографической лаборатории при историческом факультете и финансировать работы КАЭЭ ПГПИ в необходимом размере.*

Андрей Михайлович был завкафедрой, замдекана по заочному отделению, а потом многие годы – проректором по научной работе и внешним связям. В домашних бумагах нашлась доверенность ректора А.К. Колесникова на право совершать определенный перечень действий, выданная в 2004 г. В газете «Учитель» от 5 декабря 2011 г. освещается ход компании по выборам ректора ПГПУ, где А.М. Белавин выступал одним из кандидатов.

Андрей Михайлович всеми силами последовательно развивал КАЭЭ, и со временем у нас появились и *Лаборатория*, и *Музей*. В бумагах обнаружился проект *Служебной записки ректору ПГПИ И.С. Капцеговичу* (год, к сожалению, не подписан), где предлагается выделить новую кафедру Археологии, этнографии и истории Урала или Археологии и древней истории. И в результате в 2003 г. была выделена кафедра Древней и средневековой истории Урала.

Сам он с 1998 г. перестал заказывать на себя Открытый лист, хотя еще до 2010 г. регулярно ездил со мной в экспедиции. Но он взял на себя всю организационную работу и много внимания уделял сохранению историко-культурного наследия, что отражают сохранившиеся документы. Первый из них относится к 1990 г. – договор с УДИИЛиЯ УрО АН СССР о творческом сотрудничестве на период до 1995 г. по теме «*Формирование протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья*». Именно в рамках этого сотрудничества в июне 1991 г. был успешно проведен полевой симпозиум на городище Анюшкар. В 1992 г. Андрей Михайлович разработал проект положения об Экспертном совете по оценке культурно-исторической ценности объектов. Вместе с ним в папке находится письмо к заместителю председателя Областного Совета народных депутатов В.А. Черепанову о содействии в организации этого Экспертного совета, а также некоторые подготовительные материалы. Тем же годом датируются *запрос директора ОЦОП Ю.В. Ушакова* о представлении заявки на получение разрешения на производство археологических работ на территории Пермской области, *ответное письмо* от А.М. Белавина и разрешение на производство археологических исследований на Рождественском археологическом комплексе, подписанное Ю.В. Ушаковым. 1993 г. датируется *Охранное обязательство*, составленное для колхоза «Большевик» и Рождественского с/с Карагайского района, где определяется порядок использования земель Рождественского археологического комплекса. Есть среди бумаг *Удостоверение начальника Камской археолого-этнографической экспедиции* (1994), подписанное деканом А.В. Вертинским, не использованный *Открытый лист* на разведку по р. Иньва и Визяй (1995). Среди документов, связанных с охранными раскопками Каневского могильника, есть *Охранный акт*, написанный Андреем Михайловичем от руки, по которому И.В. Лесников, домовладелец д. Канево Ошибского с/с обязуется не производить на своей усадьбе, представляющей собой территорию Каневского средневекового могильника, никаких земляных работ (1995). Имеются также *документы, связанные с охранными раскопками* культурного слоя г. Кудымкар (1995), *Календарный план работ КАЭЭ* на 1995–2000 гг., *приказ и смета* на проведение археологических работ в Кудымкарском районе по программе «Наследие» и *Производственный отчет об обследовании Кудымкарского района* (1995), *письмо директору Кирпичного завода* о выделении средств на обследование разрушающейся по вине предприятия стоянки каменного века Ермаши II (1997), проект *Заключения о культурологической экспертизе* изъятых археологических предметов, которую проводили А.М. Белавин, А.Ф. Мельничук, Н.Е. Соколова и Р.Ф. Вильданов по постановлению следователя РУ ФСБ РФ (1997). Есть многочисленные *приказы и сметы по археолого-этнографической практике* (1996, 1997, 1998, 2001).

Андрей Михайлович был настоящим патриотом Пермского края, и не только в своих научных работах подчеркивал его историческую значимость, но и с большим вниманием относился к текущим событиям. Это подтверждается несколькими сохранившимися *письмами*, где он выражает свою позицию по разным острым вопросам. Одно из таких писем от 26.11.1996 г. адресовано кандидату в губернаторы и издателю газеты «Губернские вести» С.В. Левитану. Там А.М. Белавин выражает свою поддержку кандидату, обсуждает его программу и выделяет несколько важных для себя направлений, таких, как вариант строительства метро в Перми, завершение составления земельного кадастра, важного не только для сельского хозяйства, но и для археологов, необходимость археологического обследования района будущего моста через р. Кама, реорганизация управления в регионе, поддержка вузов. Еще одно письмо, озаглавленное «*К теме «Рельсы в тумане»*», не датировано, но составлено уже тогда, когда Андрей Михайлович стал доктором исторических наук. Здесь, обраща-

ясь к проекту строительства «Белкомура», он отмечает, что предполагаемая трасса пройдет по древним поселениям и могильникам финно-угров, и прежде, чем строители придут на эти земли, необходимо провести сплошное археологическое обследование, и пока эти работы не будут профинансированы и проведены, *«говорить о начале строительства, а тем более, о его быстром завершении, просто преступно»*. Очевидно, к 1997 г. относится письмо (или заготовка небольшой статьи в СМИ), связанная с вопросом «двухсотлетнего» юбилея Пермской губернии. Эта тема, как и тема основания г. Перми, его всегда волновала. Он в очередной раз приводит исторические факты и доводы о том, что Пермская губерния была учреждена по указу от 27 января 1781 г., а ее торжественное открытие состоялось 18 октября 1781 г., и *«город Пермь – ровесник губернии, в качестве центра которой он и был задуман Екатериной Великой»*. Есть еще *проект обращения* к министру культуры РФ М.Е. Швыдкому о неотложных мерах по охране историко-культурного наследия в связи с созданием Земельного кадастра РФ. Сохранилась также ксерокопия небольшой статьи А.М. Белавина из газеты (к сожалению, не подписано, какая это газета, и не указана дата, но по тексту понятно, что это где-то накануне объединения Пермской области и Коми-пермяцкого автономного округа), которая называется *«Коми-пермяцкий этнос – уходящая натура?»*. Здесь он выражает большую озабоченность по поводу сохранения коми-пермяцкого языка, потери коми-пермяками субъектности, и указывает на необходимость создания Института языка, культуры и истории коми-пермяцкого народа, который должен поспособствовать сохранению живого этноса.

Еще одна важная сторона деятельности Андрея Михайловича, это издание книг и учебников. Если вспомнить советские времена, там каждая публикация ценилась на вес золота... Попасты в сборник или журнал, а уж тем более издать книгу было чрезвычайно непросто. Началось все с «монографии» *«Археологические памятники бассейна р. Чусовой»* [Белавин и др., 1988], которая была издана Музеем истории р. Чусовой при СДЮШОР «Огонек» в 1988 г. по итогам исследований, о которых говорилось выше. У книжки довольно большой коллектив авторов, но Андрей Михайлович был главным организатором и основным иллюстратором.

Где-то к 1991/1992 г. относится составленный А.М. Белавиным *План-проспект учебного пособия* по истории родного края под названием *«Одно тысячелетие из истории Прикамья (VII–XVII вв.)»*, предполагалось, что оно станет первой частью трехтомного краеведческого пособия под общей редакцией И.С. Капцуговича. Уже не помню почему, но этот проект реализован не был. В 1993 г. А.М. Белавиным было составлено примерное тематическое планирование курса *«Страницы истории Земли Пермской»* для учащихся 8 классов. Вскоре при сотрудничестве с руководителем издательства «Книжный мир» Н.Ф. Шнетковской началась работа над учебником *«Страницы истории Земли Пермской»*, который был подготовлен для обеспечения регионального компонента преподавания истории в Пермской области [Страницы ... , 1995] (рис. 32). Нина Федоровна – чудесный, увлеченный человек, с ней было очень легко и интересно работать. Мы постарались выложиться по полной, создать относительно краткий и вместе с тем содержательный текст, насколько было возможным, дополнить его иллюстрациями. К учебнику сделали еще *рабочую тетрадь*, но от нее остались только отдельные заготовки, ни одного экземпляра не сохранилось. Но есть распечатка этого учебника и копии иллюстраций. Первая часть вышла в 1995 г. За эту книгу мы тогда впервые (да и практически последний раз) получили гонорар! Мы тогда только переехали на очередную съемную квартиру, и соседкой оказалась бывшая однокурсница Андрея Михайловича по вечернему отделению, которая работала учительницей. Она недоумевала, как это мы написали учебник, и не можем купить квартиру. А мы купили по модной кожаной куртке и были счастливы. Нину Федоровну очень интересовала реакция на новый учебник, в 1996 г. было проведено анкетирование среди учителей и учеников (часть анкет у нас осталось). Ответы разные, но в основном учебник нравился. Со следующей частью учебника [Страницы ... , 1997] связаны сохранившиеся *Проспект учебного пособия*, авторские *договора, соглашения* о разделе гонорара за рабочую тетрадь ко второй части учебника и прочие документы.

В 1997 г. Н.Ф. Шнетковская организовала конкурс к 200-летию Пермской губернии, основанный на знаниях, полученных при изучении вышедших учебников, и сохранились бланки Благодарностей участникам этого конкурса. Был и один неудачный опыт. Воодушевленные успехом «Страниц истории Земли Пермской», мы взялись за учебник для 3–4 классов *«Первые странички истории»*, где предприняли попытку параллельного изложения фактов истории отечества и истории Урала. Но перестарались, увлеклись, самое главное, забыли о возрасте, на который рассчитывался учебник. Это отражено в *отзывах* (учителей Л.Е. Колобовой и Е.А. Тарасовой), вложенных в распечатку макета издания. Е.А. Тарасова отметила, что эти материалы целесообразно было бы использовать *«на факультативных занятиях по углубленному изучению родного края, где с максимальной эффективностью можно использовать данный учебник»*. В 1997 г. Андреем Михайловичем к 265-летию г. Перми был подготовлен исследовательский проект *«Пермь и Пермьяки: история и культура города в вопросах и ответах»*, по итогам которого было запланировано издание иллюстрированной энциклопедии. Мы над ней долго и увлеченно работали, уже был, практически, подготовлен макет, но по каким-то причинам проект так и не был реализован. Кроме текста проекта остались отдельные странички из макета энциклопедии, а сам он, видимо, хранится где-то в недрах памяти компьютера Андрея Михайловича...

А потом Андрей Михайлович подготовил макеты своей монографии *«Камский торговый путь»* [Белавин, 2000] и моей – *«История прикамского костюма»* [Крыласова, 2001]. В 2002 г. он с сотрудниками КАЭЭ написал учебное пособие *«Очерки археологии Пермского Предуралья»* [Очерки археологии ... , 2001] (есть папка с распечаткой, проверенной в РИО ПГПУ), где впервые с 1958 г., когда вышла известная книга *«На заре истории Прикамья»*, были обобщены результаты новейших археологических исследований. Ему очень нравилось самому верстать макеты, выбирать шрифты, украшения, подбирать иллюстрации. Со временем завязалось тесное сотрудничество с издательством технического университета (сейчас ПНИПУ), особенно с А.А. Федоровой. Анна Альбертовна очень мягко, тактично наставляла его, как правильно создавать макеты, какие тонкости учитывать, и со временем качество изданий улучшалось. В 2001 г. вышли *I–II выпуски «Трудов Камской археолого-этнографической экспедиции»*, это периодическое издание сейчас хорошо известно и очень востребовано среди коллег-археологов. В 2006 г. Андрей Михайлович собрал первый выпуск *«Вестника археологии и этнографии Пермского Предуралья»*, где первоначально планировалась публикация предметов, хранящихся в музее, но сейчас этот журнал стал важной площадкой для обсуждения вопросов музейной педагогики. В 2008 г. был запущен новый проект – серия *«Археология Пермского края. Свод археологических источников»*. Над первой монографией, вышедшей в этой серии: *«Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск»* [Белавин, Крыласова, 2008], мы работали многие годы, собирая материалы всех исследований, начиная с XIX в. и даже раньше. Надеюсь, все эти проекты продолжат развиваться.

Выше уже упоминалось, что со временем мы очень сдружились с Иштваном Фодором (рис. 33). Он не раз очень гостеприимно принимал нас в Венгрии, неоднократно приезжал в Пермь, и Андрей Михайлович устраивал ему вояжи по Пермскому краю. Однажды в разговоре Иштван упомянул, что подготовил русский вариант своей *научно-популярной книги «Венгры: древняя история и обретение родины»*, но проект погиб... Андрей Михайлович предложил издать эту книгу у нас, нашел деньги, выставив ее на конкурс, и, как обычно, сам подготовил макет. Там было множество сложностей. В частности, издатель венгерского варианта отказался предоставить иллюстрации, и их пришлось подбирать заново. Часть иллюстраций присылал Иштван, часть Андрей Михайлович находил в недрах Интернета. Мы создали совершенно новое оригинальное оформление страниц. В результате книга получилась очень красивая [Фодор, 2015]. Сотрудники типографии «ЗЁБРА», где она печаталась,

настолько в нее влюбились, что сделали для себя дополнительные экземпляры. Иштван, когда взял в руки эту книгу, сказал, что она получилась гораздо лучше венгерского варианта (а все – заслуга Андрея Михайловича, который с душой подошел к ее подготовке). Сохранились *фотографии и некоторые документы*, связанные с приездами И. Фодора в Пермь и подготовкой книги.

Я собрала еще несколько *вещиц*, с моей точки зрения, отражающих характер Андрея Михайловича. Из полевых вещей, кроме упомянутого пробкового шлема – неизменная офицерская полевая сумка, которую он до появления автомобиля носил не только в экспедициях, но и в городе летом вместо барсетки; его любимый пенал с линейкой вместо крышки, где лежит уникальный выдвижной ластик в виде ручки и один из первых автоматических карандашей с тонким стержнем; ну и конечно, армейская фляжка, где обычно всегда был запас коньяка (*рис. 34*). А с рабочего стола я взяла один из многочисленных ежедневников, которыми он так и не смог научиться пользоваться, только во время долгих телефонных разговоров оставлял свои привычные рисунки; очки и лупу; фигурку мамонта (одного из его многочисленной коллекции, которая пока останется в семье) и флакончик с любимыми духами (с запахом проректора), которым он не изменял многие годы (*рис. 35*).

Конечно, это только следы... отдельные штрихи к портрету. В памяти у нас, я думаю, останется образ Андрея Михайловича – у каждого свой, дорогой и понятный.

Библиографический список

1. *Белавин А.М. [и др.]*. Археологические памятники бассейна реки Чусовой. Чусовой : Огонек, 1988. 64 с. : ил.
2. *Белавин А.М.* Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : ПГПУ, 2000. 201 с. : ил.
3. *Белавин А.М.* О выявлении и охране памятников археологии (для юных туристов). Пермь : ПГДТЮ, 1983а. 16 с.
4. *Белавин А.М.* Работы Пермского Дворца пионеров // Археологические открытия 1981 г. М. : Наука, 1983б. С. 136.
5. *Белавин А.М.* Раскопки в окрестностях г. Березники // Археологические открытия 1983 г. М. : 1985. С. 137.
6. *Белавин А.М.* Раскопки памятников средневековья в Верхнем Прикамье // Археологические открытия. 1984. Т. 1982. С. 141–142.
7. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Пермь : ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с. : ил.
8. *Крыласова Н.Б.* История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь : ПГПУ, 2001. 260 с. : ил.
9. *Очерки археологии Пермского Предуралья* / под ред. А.М. Белавина. Пермь : ПГПУ, 2002. 254 с.
10. *Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII в.* / Н.Н. Агафонова, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова. Пермь : Книжный мир, 1995. 176 с. : ил.
11. *Страницы истории земли Пермской: Прикамье в XVIII–XX вв.* : учеб. пособие. Ч. 2 / Н.Н. Агафонова, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова и др. – Пермь : Книжный мир, 1997. 336 с. : ил.
12. *Фодор И.* Венгры: древняя история и обретение родины : науч.-попул. изд. Пермь : ЗЕБРА, 2015. 132 с.

Рис. 1. 1958 г.,
Андрюше 5 мес.

Рис. 2. 1960 г., родители
прикидывают, как будет
выглядеть их девочка

Рис. 3. 1960 г., 2 г. 4 мес.
Будущий проректор

Рис. 4. 1975 г., Андрей с друзьями-одноклассниками, 10 класс

Рис. 5. 1974 г., 1 сентября. Андрей – знаменосец на линейке

Рис. 6. 1976 г.,
выступление ПОСАТ

Рис. 7. 1978 г., выступление ПОСАТ

Рис. 8. 1977 г., привет с ГАЗа

Рис. 9. 1978 г., в кабинете А. Стабровского

Рис. 10. 1980 г., на съемках фильма «Против течения». Хохловка

Рис. 11. 1983 г., Запоселье.
Посвящение в археологи

Рис. 12. 1983 г., Запоселье.
Андрей Михайлович и Боря Капитанов

Рис. 13. 1985 г., Рождественск

Рис. 14. 1985 г., участники VI Финно-угорского конгресса.
Во втором ряду справа Андрей Михайлович рядом со своим учителем
В.А. Обориным, в центре – А.Х. Халиков

Рис. 15. Коробка со сайдами

Рис. 16. 1986 г.,
Саломатовское городище

Рис. 17. 1991 г., круиз НОУ на теплоходе «Украина»
А.М. Белавин и И.А. Подюков разыгрывают сценку
про Ш. Холмса

Рис. 18. Значки для участников экспедиции, Рождественск-90

Рис. 19. 1989 г., Телячий Брод

Рис. 20. 1988 г., Володин Камень

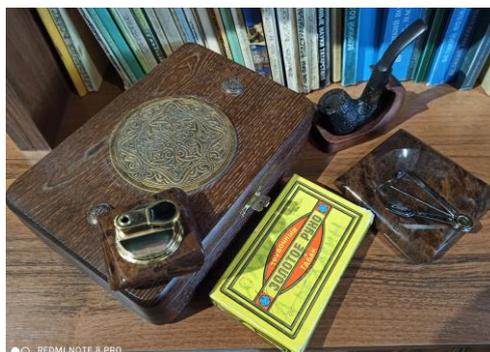

Рис. 21. Трубочный набор

Рис. 22. 1990 г., А.М. Белавин и Ю.К. Николаев в к. 317 Дворца пионеров, где заседала Школа юных археологов

Рис. 23. Зеленое пальто и неизменная всепогодная кепка

Рис. 24. 1995 г., октябрь. А.М. Белавин с дочкой Сашей

Рис. 25. 2007 г., Баяновский могильник

Рис. 26. Остатки любимой штормовки...

Рис. 27. Коллаж портретов А.М. Белавина в разных головных уборах

Рис. 28. 2007 г., Баяновский могильник

Рис. 29. 2008 г., Рождественск

*Рис. 30. 2005 г., А.М. Белавин и мэр Казани Камиль Исаков
после вручения медали «1000-летие Казани»*

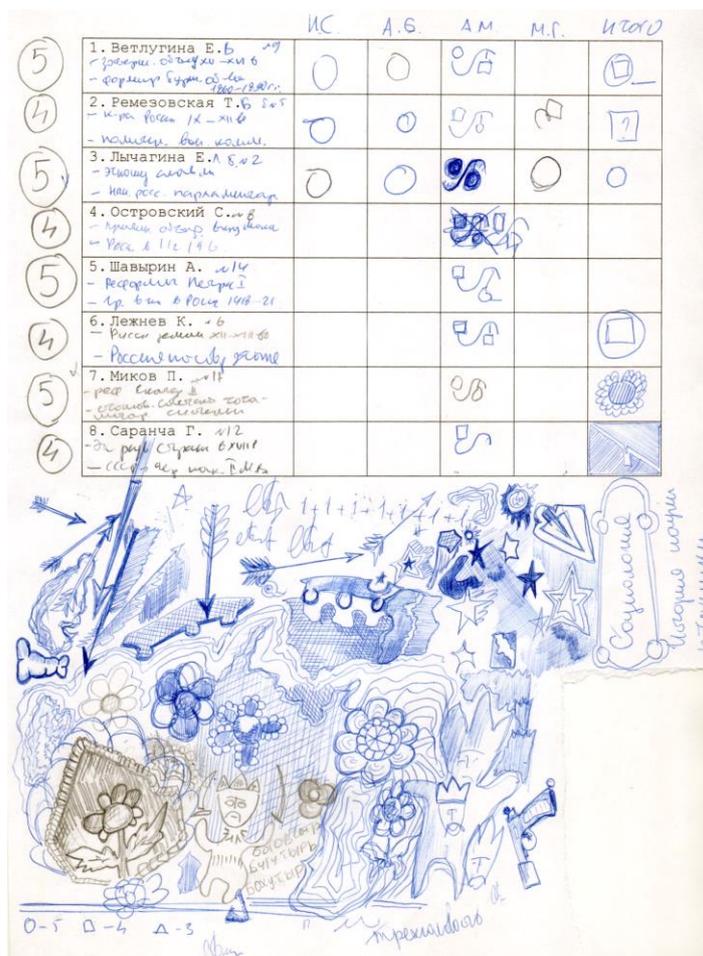

Рис. 31. Листок с экзамена

Рис. 32. Наши «Страницы...»

Рис. 33. 2013 г., А.М. Белавин и И. Фодор

Рис. 34. Полевые вещи А.М. Белавина

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-35-41

А.А. Белавина
МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПАПА

Пермский краеведческий музей, Пермь, РФ

Белавин Андрей Михайлович оставил огромный след в археологии Пермского края. Его знают как маститого археолога, преподавателя, автора научных публикаций, проректора ПГГПУ по научной работе. Но как папу Андрея Михайловича знает его дочь – Саша. В статье приводятся самые интересные воспоминания о Папе, те воспоминания, которые не знает никто, кроме близких людей.

Ключевые слова: *воспоминания, Белавин Андрей Михайлович, археология Пермского Предуралья, папа, семья, «Закамская Три-а-два».*

A.A. Belavina
MY FAVORITE DAD

Perm Museum of Local History, Perm, Russian Federation

Belavin Andrey Mikhailovich left a huge mark on the archeology of the Perm region. He is known as a venerable archeologist, teacher, author of scientific publications, vice-rector of Perm State Pedagogical University for research. But, as Andrey Mikhailovich's dad, his daughter, Sasha, knows him. The article provides the most interesting memories of Dad, those memories that no one knows except for close people.

Keywords: *memories, Belavin Andrey Mikhailovich, archeology of the Perm Cis-Urals, dad, family, "Zakamskaya Three-a-two".*

Папа и мама всегда мечтали о дочке Саше. Имя они придумали задолго до того, как я родилась. Папа хотел назвать дочку в честь любимой бабушки – Александры Александровны Белавиной. И папина сестра Света тоже, поэтому у меня есть еще двоюродная сестра Саша.

И вот я у них появилась, причем родилась в день своих именин – 2 апреля (рис. 1). Папа очень радовался, что я родилась рыжей (рис. 2), потому что он сам имел рыжий цвет волос. Но рыжим оказался младенческий пушок, потом я стала русой. Но, все равно, когда солнечный свет падает на мои волосы, они озаряются пламенем.

В 1990-х папа любил снимать на видеокамеру многие моменты жизни. Он записал целый фильм про меня маленькую, есть и фильмы про экспедиции. Смотря эти видео, можно увидеть папу и снова услышать его голос...

Папа обо мне всегда заботился, переживал. Как-то, когда я была еще маленькая, мне приснилось, будто капля воды упала на лоб, и растеклась, а после этого я увидела осень, какие-то бревенчатые полуразвалившиеся дома, и белые простыни везде висят, сушатся. И только в одном из домов живет семья – наша. И нас пугали приведения из простыней, ну, знаете, как в «Карлсоне»... Я проснулась от этого ужаса, заплакала и позвала папу. А он пришел, обнял и успокоил и принес мне водички.

В детстве летом меня отправляли в санатории. Папа часто вспоминал: «Раздается звонок, ты плачущим голосом говоришь: «Папа, приезжай!». Я срываюсь, приезжаю, смотрю, а ты весело качаешься на качели. Увидела меня, тут же суксилась, и говоришь: «Папа, я не знаю, как чипсы купить». Про чипсы была и другая история, которая случилась в 1998 г. в экспедиции на Чашкинском озере. Я тогда очень плохо ела, и меня всегда брали в магазин,

когда ехали за хлебом для отряда, чтобы накормить хотя бы мороженым (рис. 3). И вот папа рассказывал: «Мы пришли в магазин, а там были чипсы Принглс. Ты их очень любила, увидела, и все повторяла «Принглс, принглс...». А я сказал, они что дорогие, поэтому брать их не будем. Но ты всю дорогу обратно повторяла «Принглс, принглс...». Позже студенты собрались в магазин, и папа попросил их все же купить эти чипсы. Когда студенты попросили Принглс, продавщица сказала: «А, та маленькая девочка все-таки достала своего папу...».

Хотя я давно уже выросла, папа продолжал беспокоиться обо мне, как о маленькой. Встречал меня у порога, когда я возвращалась с работы, обнимал и говорил: «Мой Музейчик пришел», а на ночь желал: «Спокойной ночи, и пусть тебе приснится апельсинка». Но апельсинка, почему-то, никогда не снилась...

Папа любил нас с мамой. Он каждый день нам это говорил, я не раз слышала, как он спрашивал у мамы: «А я уже говорил тебе сегодня, что я тебя люблю?», и все время пел про нее песенки, которые сочинял на ходу. Он старался сделать нам что-нибудь приятное. Маме он всегда дарил цветы, наверное, ему и самому нравилось, когда в доме стоят живые цветы (особенно весной тюльпаны-«солдатики», а осенью астры). В магазине, проходя мимо цветочного отдела, спрашивал: «Тебе цветочки не пора купить?». Продавщицы цветочного отдела хорошо запомнили их, и тихонько завидовали маме. Но перед 8 марта он начинал страдать, причитать, что не знает, что нам подарить... Последние несколько лет мы точно знали, что это будут сертификаты на тайский массаж, и предвкушали блаженство. А мы с мамой дарили папе его любимые духи «1 million».

А еще папа рассказывал, что в детстве родители заставляли их с сестрой ездить в выходные на огород, вместо того, чтобы побегать с друзьями. Поэтому он принципиально не ездил в наш сад, и многие годы не пускал туда маму. Ну, разве что за букетом мне на 1 сентября (рис. 4). Но потом бабушка заболела, мама стала помогать с садом, а когда бабушка ушла, все заботы о саде перешли к маме. Она им очень увлеклась, потому что с детства любила растения, засадила всякими экзотами, сделала прудик с кувшинками. И папе все это очень нравилось, он с нетерпением ждал новых фотографий и выкладывал сообщения о мамином саде «ВКонтакте». Была только одна традиция – свозить нас туда в ноябре, чтобы все проверить и закрыть сезон, завязав калитку ленточкой (рис. 5). Когда мама весной начинала выращивать рассаду на подоконнике – рассматривал в лупу росточки, называл их «малышами». Мама оставляла ему на подоконнике красный перец, и он ухаживал за ним, пока мы были в экспедиции, и очень гордился урожаем.

Конечно, папина любовь, – это внуки, мои племянники. Он очень радовался рождению старшей внучки – Лизы (рис. 6), и тому, что она, как и я, родилась рыженькой! А потом родился и второй внук – Ярослав (рис. 7). У папы глаза были на мокром месте от умиления в те минуты, когда Лиза, к примеру, показывая на него пальцем, нежно говорила: «Это дедка мой!», а Ярослав, уходя от нас, вставал в дверях, раскинув руки, и говорил: «Я вас люблю!» Родители ребят очень хорошо воспитывают, и они даже маленькими всегда знали, что можно, а что нельзя. Но и знали, у кого попросить. Папа часто вспоминал: «Деда, дай ету (конфету), ну тсью-тсьют» (и Ярослав показывал пальчиками это маленькое чуть-чуть). Потом договорились, что у нас в гостях можно есть конфеты, сколько захочется, ведь должны же бабушка с дедушкой баловать внуков. Дедушка радовался их успехам в садике, а потом в школе, очень любил, когда внуки приезжали в гости (рис. 8–9).

Папа обладал прекрасным чувством юмора. На каждый случай у него находился анекдот. И причем, анекдоты он рассказывал очень артистично – играл голосом, интонацией, жестами! Я думаю, что унаследовала эту папину черту – я тоже люблю анекдоты и пошутить в тему. В последние годы мы с ним почти каждый вечер обменивались услышанными или прочитанными шутками и анекдотами. У него были прекрасные отношения с тещей и тестем, особенно с бабушкой Таней, с которой они все время друг над другом подтрунивали. Папа нарочно собирал анекдоты про тещу и рассказывал бабе Тане. Она делала вид, что сердится, а потом смеялась и просила рассказать еще.

Папа любил слушать рок-н-рол, он всегда играл в машине, когда мы ехали в экспедицию. Многие помнят дискотеки в экспедиции, которые устраивал папа. Еще он любил читать фантастику и смотреть фильмы с Брюсом Уиллисом (он называл его «Брюсик»). Мы много раз смотрели «Пятый элемент». Еще папа вместе с моим крестным папой Володей любили смотреть старые фильмы, а потом созванивались и обсуждали их.

Папа очень любил ездить на машине. Права он получил, еще учась в школе. Самую первую машину – белые «Жигули»-пятерку – ему отдал его папа Михаил Васильевич, когда уже я родилась. Потом было две пятнадцатилетние «Нивы» – вишневая и зеленая, китайский «Адмирал», Toyota Hilux и Toyota Fortuner (рис. 10–14). Он за машинами очень следил. Если казалось, что что-то не так, сразу звонил в Toyota-центр и приезжал туда, чтобы машинку починили и почистили.

Когда начиналась весна и оттаивали дороги, папе хотелось поехать куда-нибудь далеко... И чаще всего мы ехали Уфу, к крестному папе Володе в гости на день рождения (28 апреля) или на майские праздники. Со временем эти поездки стали традиционными, (кроме 20-го ковидного года, когда поехали только в сентябре) (рис. 15–16). Однажды они как-то (я тогда не ездила) отмечали 9 мая на даче Ивановых в Тукране. Устроили там свой «бессмертный полк», установив на столе портреты родственников-ветеранов. Пели до зари военные песни, запускали фейерверк.

Когда папа перестал ездить в экспедицию постоянно, он часто приезжал просто нас попроведать. И расстояние в 150 км было для него ничто. Мог приехать всего минут на 15, всех обнять, съесть супчика, сваренного на костре, и уехать обратно.

Папа всегда собирал вокруг себя хороших людей. Так же как он любил нас, свою семью, он любил и тех, кто его окружал на работе. Он всегда интересовался их делами, и если что-то шло не так, старался чем-то помочь.

Еще ему очень нравились гости в нашем доме. На всех съемных квартирах у нас обязательно был диванчик для гостей, в своей квартире на Закамской – отдельная комната (она же – рабочий кабинет мамы и папы), а сейчас уже совсем отдельная комната. У нас многие останавливались на ночку или на подольше, и родственники, и близкие друзья, и, конечно, кумовья – мои крестные мама Женя (Е.О. Святова) и папа Володя (В.А. Иванов) с тетей Мариной. Мы с мамой вспоминали, кто у нас останавливался: Л.И. Ашихмина, Г.Т. Ленц, И.В. Журбин, А.В. Старков, М.Г. Иванова, Е.М. Черных, Н.В. Федорова, О.А. Щеглова, А. Тюрк, а может, и еще кто-то, кого мы не вспомнили. И были разговоры допоздна, обмен идеями, экспедиционные байки...

Можно сказать, что с его подачи у нас сложилось общество археологов Закамска. Как-то случайно получилось, что большинство археологов КАЭЭ ПГГПУ родом из Закамска (Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.Н. Сарапулов, Д.В. Шмуратко, А.В. Вострокнутов, М.Е. Шмырина), кто-то переехал сюда позднее (Н.Г. Брюхова, В.Л. Петров, К.В. Моряхина), кто-то жил некоторое время (О.В. Полякова, и совсем рядом в п. Железнодорожный Ю.А. Подосёнова). Когда мы переехали в свою квартиру на ул. Закамская, д. 3а, кв. 2, каждый год 6 января стали собирать археологов Закамска (и не только) на Рождественские посиделки. Адрес наш звучал как «Закамская Три-а-два», очень созвучное слову Триада (триединство – это папа, мама и я). Традиции Рождественских посиделок уже почти 15 лет. Последний раз мы собирались все вместе 6 января 2024 г. (рис. 17). Я думаю, мы с мамой будем поддерживать эту традицию и дальше.

Вот таким и был мой папа: шутником, любителем жизни! Я вспоминаю его каждый день, скучаю и очень люблю...

Рис. 1. 1995, апрель. Первое фото с дочкой

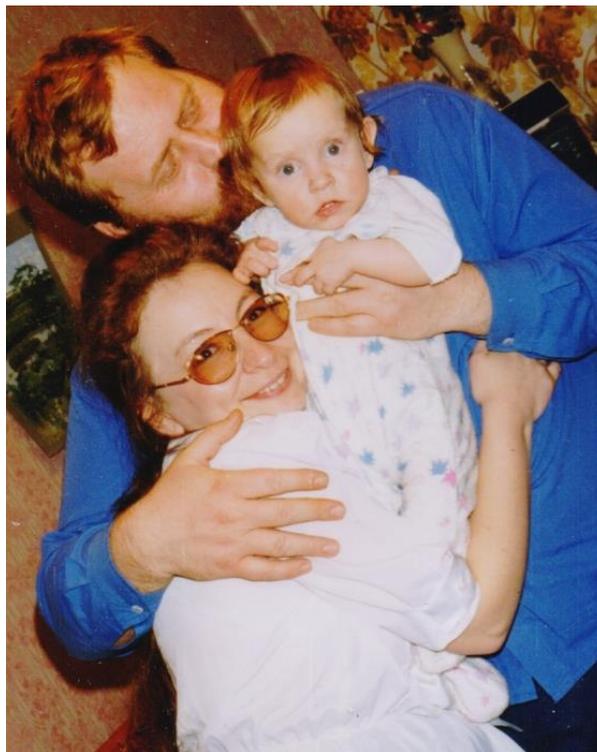

Рис. 2. А здесь мне уже 1 год!

Рис. 3. 1998 г., Чашкинское озеро.
Ну, вы понимаете, этого ребенка надо
было накормить...

Рис. 4. 1998 г. Бабушкин сад, букет на
1 сентября

Рис. 5. 2022 г., ноябрь.
Закрытие сезона в саду

Рис. 6. 2012 г., дед с внучкой Лизой

Рис. 7. 2022 г., дед дурачится с внуком Ярославом

Рис. 8. 2019. Во дворе с внуками

Рис. 9. 2022 г., семья Белавиных

Рис. 10. 1997 г., Рождественск, папина «пятерочка»

Рис. 11. 2003 г., Телячий Брод, вишневая «Нива»

Рис. 12. 2009 г., «Адмирал»

Рис. 13. 2016 г., улс..., распутица. Toyota Hilux

Рис. 14. 2023 г., Toyota Fortuner

Рис. 15. 2009 г., май. У Ивановых в Туркране

Рис. 16. 2020 г., сентябрь. В Уфе у Ивановых

Рис. 17. 2024 г., 6 января. Традиционные Рождественские посиделки

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-42-45

О.В. Полякова
ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАЛЫЧЕ

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

В данной статье собраны воспоминания об Андрее Михайловиче Белавине как об авторитетном руководителе, надежном коллеге, замечательном друге. Собранные истории позволят хранить память о выдающемся человеке. Андрей Михайлович сыграл большую роль в судьбах людей, которые его окружали. Автор с благодарностью описывает истории, непосредственно произошедшие с ним.

Ключевые слова: Андрей Михайлович Белавин, исторический факультет, деканат, археологическая практика, воспоминания.

O.V. Polyakova
MEMORIES OF MIKHALITCH

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

This article contains memories of Andrei Mikhailovich Belavin as an authoritative leader, reliable colleague, and wonderful friend. The collected stories will help preserve the memory of an outstanding person. Andrei Mikhailovich played a major role in the fates of the people who surrounded him. The author gratefully describes the stories that directly happened to him.

Keywords: Andrei Mikhailovich Belavin, history faculty, dean's office, archaeological practice, memories.

Михалыч... как много в этом слове... Трудно писать о человеке, с которым ты 30 лет бок о бок работал, дружил, гулял, отдыхал и осознавать, что его больше нет рядом. Светлая память...

Моя первая встреча с Андреем Михайловичем состоялась на экзамене по истории России с древнейших времен до конца XVIII в. Тогда этот экзамен они принимали вместе с Виктором Александровичем Шмыровым, и все одноклассники почему-то хотели попасть сдавать экзамен к В.А. Шмырову, потому что А.М. Белавина боялись, а мне было без разницы, так как я только перевелась с другого факультета, и никого не знала. Выходя из аудитории с заветной «четверкой» от Андрея Михайловича, я подумала – какой большой, рыжий, умный и совсем нестрашный преподаватель.

В тот же год Андрея Михайловича назначили заместителем декана по заочному обучению, и он предложил мне должность методиста заочного отделения на историческом факультете (рис. 1). «За время работы с Андреем Михайловичем на заочном отделении исторического факультета у нас сложился замечательный тандем: Полякова – Белавин. Полная взаимозаменяемость, работать было легко и интересно. Андрей Михайлович, благодаря своим уникальным способностям и высокому авторитету, поднял статус заочного отделения нашего факультета до небес. Нас слушали, нас слышали, с нами советовались. У нас, у одних из первых в университете, появился в деканате компьютер. Документы, оформленные на компьютере, имели уже совсем другой вид, нам все завидовали. Мы были впереди планеты всей. Обучение на заочном отделении стало престижно»¹. Надо сказать, что тогда заочное отделение было достаточно взрослым. У нас учились директора и завучи школ, вы-

© Полякова О.В., 2024

¹ Шмуратко Д.В., Полякова О.В. Система подготовки археологов в ПГГПУ в рамках научной школы профессора А.М. Белавина // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. Вып. XIV. С. 30.

пускники техникумов и колледжей, представители силовых структур, военные. *«Все самые хорошие люди учатся на заочном отделении»*, – говорил Андрей Михайлович. И это было действительно так.

Это он ввел систему поощрения среди студентов-заочников. Тем ребятам, которые своевременно сдавали летнюю сессию на «хорошо» и «отлично», разрешалось поехать в археологическую экспедицию. А это был предел мечтаний многих студентов. Благодаря Андрею Михайловичу стало возможным участие студентов-заочников в «археологической жизни» факультета. Археологическая практика для одних студентов заочного отделения стала отправной точкой в научных исследованиях, а для других – любимым делом всей жизни.

Андрей Михайлович был удивительным человеком, он очень тонко чувствовал людей, разделяя их на «своих» и «чужих». Быть «своим» у Михалыча – это дорогого стоило. «Своим» разрешалось и прощалось многое. Андрей Михайлович умел дружить. Для него «дружба» значила намного больше, чем просто слово. Он был готов делить с тобой моменты радости и горя, победы и успехи, неудачи и переживания, он был готов оказать тебе в трудную минуту помощь и поддержку, внимание и заботу. Кому только не помогал и кого только не выручал щедрый Михалыч. Придя к нему с проблемой, ты всегда в ответ получал готовое решение и дельный совет.

Андрей Михайлович был очень гостеприимным человеком. Мы часто бывали в его доме. Помню, как в те далекие времена, когда еще видеокассеты брали на прокат, мы заезжали после работы в киоск, выбирали фильм и устраивали вечерний просмотр. К просмотру обязательно прилагался супчик, приготовленный Натальей Борисовной, и килограмм семечек, помытых и пожаренных дома самостоятельно. Мы много разговаривали, спорили, шутили, смеялись. У Андрея Михайловича было отличное чувство юмора, он был великолепным рассказчиком анекдотов. У него всегда находился подходящий анекдот к любой ситуации. Андрей Михайлович знал очень много историй, и с удовольствием ими делился, а мы слушали, «развесив уши».

Двери их дома были открыты и для курсовиков и дипломников, так как богатейшая библиотека Андрея Михайловича и Натальи Борисовны позволяла подготовить работу в кратчайшие сроки. Ну и еще один немаловажный факт успешно выполненной курсовой или дипломной: уезжая из дома в университет, Андрей Михайлович запирали студентов на ключ в своей квартире, и конечно, ничего другого им не оставалось, только как писать, писать и еще раз писать.

Надо сказать, что поездки в Закамск не сопровождалась каким-то поводом, чаще мы его придумывали себе сами. Мне вспоминаются множество квартирных переездов, прогулки по набережной Камы, шашлычки в кафе на улице у Рубина, посещение Парка с маленькой Сашкой. Вестибулярный аппарат Михалыча не позволял ему качаться на качелях, и мы с Александрой катались по кругу на всех аттракционах Парка, пока у меня не начинали подкашиваться ноги (рис. 2). А потом, маленькая Сашка, проголодавшись, подходила к Андрею Михайловичу и говорила: *«Папа, а давай угостим тетю Олю шашлычком, она ведь никогда в жизни не пробовала шашлычок»* и, конечно же, мы шли в кафе и случался праздник.

Я благодарна Андрею Михайловичу за то, что он познакомил меня с замечательным городом Санкт-Петербург: Эрмитаж со служебного входа, институт истории материальной культуры (ИИМК) с дубовым залом и удивительными людьми из сектора Славяно-финской археологии, защиты коллегами докторских и кандидатских диссертаций, прогулки по Дворцовой площади и Невскому проспекту, Русский музей, любимая кафешка без названия, которую мы окрестили «У террориста...», потому что она располагалась на улице Желябова, вечера в гостинице на «Черной речке» и сырный салат, визиты в гости в роскошные старинные питерские квартиры, рождественские ярмарки, сувениры и много-много чего еще. Со временем поездки в Питер в канун католического Рождества на какое-то время стали доброй традицией.

Дорогой Михалыч, мы навсегда запоем и сохраним в памяти: *«на первой электричке домой»*, *«еще не полвосьмого»*, *«давай полечимся»*, *«балбесы»*, *«дорогие мои детишечки»*, *«господа историки»*, *«ни за что»*, *«дверь там»*, *«цветы и конфеты не пьем»*, *«пять баксов»*, *«кушла на базу»*, *«знаешь птичку белый аист?»*, *«с тебя пирожок с капустой»*, *«Наташа, скажи им, пусть уходят»*, ПРОЩАЙ...

С благодарностью, твоя Полякова.

Рис. 1. Защита дипломов на заочном отделении истфака,
О.В. Полякова, А.М. Белавин, О.П. Малис

Рис. 2. На каруселях с Сашкой, 2000 г.

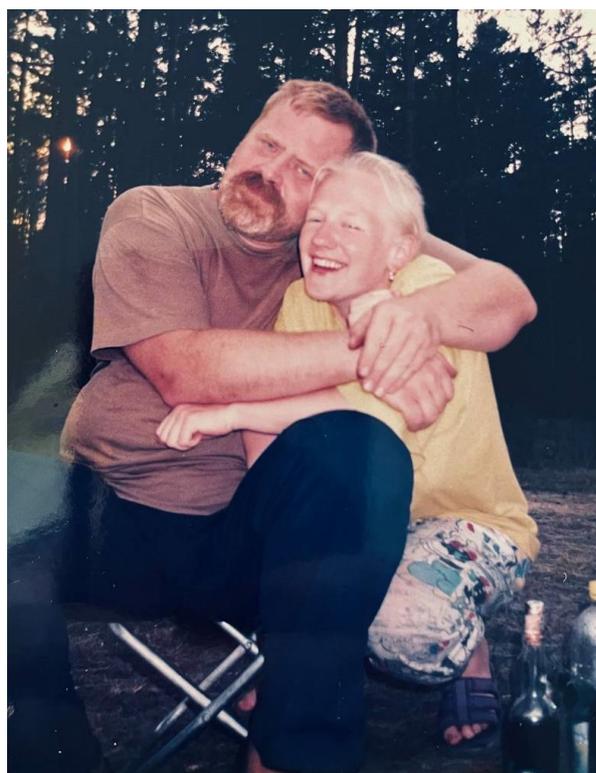

Рис. 3. 2000 г., Огурдино

Рис. 4. 2007 г., Запоселье

Рис. 5. 2015 г., Рождественск

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-46-48

А.В. Черных
АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЛАВИН – У ИСТОКОВ ГУМАНИТАРНОГО
НАПРАВЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН, Пермь, РФ

Уже более 20 лет прошло с момента появления в Перми первого академического научного учреждения гуманитарной направленности. Поначалу это был филиал Института истории и археологии УрО РАН, директором которого назначили А.М. Белавина. Именно он сформировал структуру филиала, тщательно подбирал его сотрудников. Он отличался комфортным стилем управления – с одной стороны, давал широкую свободу для научной деятельности, с другой стороны, был весьма требовательным. Позже в 2013 г. филиал был переведен в качестве отдела в Пермский научный центр УрО РАН, а сейчас стал подразделением Института гуманитарных исследований УрО РАН, но, несмотря на все преобразования, Андрей Михайлович оставался бессменным руководителем.

Ключевые слова: Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Отдел истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Андрей Михайлович Белавин.

A.V. Chernykh
ANDREY MIKHAILOVICH BELAVIN – AT THE ORIGINS OF THE HUMANITARIAN
DIRECTION OF ACADEMIC SCIENCE IN THE PERM REGION

Institute for Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russian Federation

More than 20 years have passed since the first academic scientific institution with a humanitarian focus appeared in Perm. At first, it was a branch of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, with A.M. Belavin appointed director. It was he who formed the structure of the branch and carefully selected its employees. He was distinguished by a comfortable management style – on the one hand, he gave wide freedom for scientific activity, on the other hand, he was very demanding. Later, in 2013, the branch was transferred as a department to the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, and now it has become a division of the Institute for Humanitarian Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, but despite all the changes, Andrei Mikhailovich remained the permanent leader.

Keywords: Perm Branch of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of History, Archaeology and Ethnography of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Humanitarian Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Andrei Mikhailovich Belavin.

Весной 2003 г. создавался Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, тогда и произошла моя первая встреча с Андреем Михайловичем в его проректорском кабинете на втором этаже главного здания педагогического университета. Разговор маститого ученого со мной как с молодым ученым был об этнологических исследованиях, их пер-

спективах на будущее и в целом о планах в науке. Тогда еще не было осознания важности той обычной, казалось, встречи. Перейти в новый филиал было для меня непростым решением, но как оказалось спустя годы, – абсолютно правильным. На долгие годы кабинет проректора был главным штабом нашего Пермского филиала, который Андрей Михайлович в разных статусах возглавлял долгие годы.

Более двадцати лет совместной работы с Андреем Михайловичем. За этот период было много разных событий и ситуаций: непростые организационные решения, проблемные и конфликтные ситуации, текущая работа, радости от научных свершений и поисков, новые книги и поездки. Все это сегодня хранится в памяти. Следует отметить то, что в Перми сформировалась академическое научное учреждение – ныне Институт гуманитарных исследований УрО РАН, произошло становление академических направлений и научных групп по археологии и этнологии – в этом огромная заслуга Андрея Михайловича. В том, что он поверил в нас, тогда еще совсем молодых, принимая на работу, поддерживал в течение всех лет и искренне радовался успехам.

Его поддержка, а это, наверное, ключевое слово при характеристике совместной работы, ощущалась во многом. И в решении вопросов об обучении пермских выпускников в аспирантуре Института истории и археологии УрО РАН с возможностью оставаться в Перми и быть прикрепленным к Пермскому отделу, в принятии на работу молодых исследователей, в решении вопросов об изданиях, командировках, конференциях. На протяжении всех лет всегда была возможность в любое время зайти или позвонить Андрею Михайловичу, обсудить сложные вопросы, посоветоваться, обратиться за помощью, а иногда и просто поговорить. И именно этого сегодня больше всего не хватает...

Успех научной работы во многом строился на доверии и свободе научного поиска. Андрей Михайлович доверял нам, и готов был помогать в реализации даже самых, казалось бы, нереальных идей проектов, всегда поддерживал научные инициативы, будь то новые проекты, конференции, экспедиции, выставки. При этом всегда ощущалась свобода творчества, без которой невозможен научный поиск и исследовательская работа. Эти качества и сегодня остаются для нас примером работы с молодежью и организации исследовательского коллектива.

Подкупали не только деловые качества Андрея Михайловича, но и его доброта, легкость в общении, непревзойденное чувство юмора. Запомнились совместные поездки на конференции, в Екатеринбург, в Йошкар-Олу.

Незабываемой была осенняя октябрьская поездка 2012 г. в Минск большой пермской компанией на совместный семинар с минскими этнологами (рис. 1–2). Это было время теплого общения, веселых застолий, множества дорог, которые объединяют и сплачивают. Эта поездка была наполнена знакомством с Минском, Несвижем, Миром. Пермские ученые тогда впервые оказались в Белоруссии, и минские коллеги организовали обширную культурную программу. Важной была и содержательная часть семинара, обсуждение вопросов апотропейных функций предметов материальной культуры на археологическом и этнографическом материалах.

Были и запоминающиеся поездки по Пермскому краю: на городище Анюшкар в село Кыласово в рамках этнофутуристического фестиваля «КАМWA», на Афукулу в село Рождественск на археологические раскопки. Фотографии в альбомах сегодня напоминают о прошедших днях и дорогах, дорогих нам людях, которых уже сегодня нет рядом.

До последнего времени Андрей Михайлович был полон научных планов и идей. Нам всем будет не хватать Андрея Михайловича. Но хочется надеяться, что его идеи и проекты будут продолжены и реализованы его коллегами и учениками.

Рис. 1. Беларусь, Минск, научный семинар «Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси (конец XV–XXI вв.). А.М. Белавин, А.В. Черных

Рис. 2. Беларусь, Несвиж. Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин, А.В. Черных

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-49-53

И.Э. Любчанский
НАБРОСКИ К ВОСПОМИНАНИЯМ ОБ АНДРЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ БЕЛАВИНЕ

Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, Челябинск, РФ

Одним из прекрасных периодов жизни, безусловно, являются студенческие годы. Время знакомств, экспедиций, конференций, юношеского максимализма и научного задора. Хотелось бы вспомнить несколько эпизодов, которые касаются А.М. Белавина, наставника, коллеги и товарища. Наше знакомство случилось в 1987 г. на студенческой конференции в Волгограде и продлилось до трагического события 2024 г. О нескольких встречах и пойдет речь в этой небольшой заметке.

Ключевые слова: А.М. Белавин, конференции, археологический съезд, юбилей.

I.E. Lyubchansky
SKETCHES FOR MEMOIRS ABOUT ANDREI MIKHAILOVICH BELAVIN

Center for Historical and Cultural Heritage of Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russian Federation

One of the wonderful periods of life is undoubtedly the student years. A time of acquaintances, expeditions, conferences, youthful maximalism and scientific enthusiasm. I would like to recall several episodes that concern A.M. Belavin, a mentor, colleague and friend. Our acquaintance happened in 1987 at a student conference in Volgograd and lasted until the tragic event of 2024. Several meetings will be discussed in this short article.

Keywords: A.M. Belavin, conferences, archaeological congress, anniversary.

... Мозг человека очень сложная субстанция... Каких только нейронов в него не запихнула природа... Однако самой важной составляющей является такая эфирная субстанция как *память* и способность мозга наполнять ее многочисленной информацией, которую можно через много лет воспроизвести, т.е. вспомнить (к сожалению, не *всё*, а только самые яркие сюжеты, которые серьезно повлияли на формирование личности, жизнь, судьбу). И я благодарен судьбе, что в одну снежную зиму, меня, студента третьего курса исторического факультета Челябинского госуниверситета, она свела с пермским археологом Андреем Михайловичем Белавиным.

А было это в зиму 1987 г. в городе-герое Волгограде... В этот год на базе Волгоградского госуниверситета проходила XIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция, собравшая представителей практически всех археологических школ Урало-Поволжского региона в лице студентов и их научных руководителей. Участников конференции разместили в новеньком общежитии на 11 и 12 этажах (а лифт не работал – *прим. ред.*). Вот так на одном этаже оказались представители Астраханской, Самарской (Куйбышевской), Пермской и Челябинской делегаций.

После первого дня работы конференции представители вышеперечисленных делегаций собрались в одной из комнат общежития на дружеские посиделки. От Пермской делегации подошли их руководители: Андрей Рублев (г. Березняки) и Андрей Михайлович Белавин. Два абсолютно контрастных человека. Один небольшого роста, щуплый, в очках. Второй предстал как истинный варяг, ярл, конунг: статный, значительного роста (как мне тогда показалось), с рыжей шевелюрой. Правда, без меча и щита, а в футболке, джинсах и тапочках.

Подняв кружку чая, Андрей Михайлович поздравил всех с началом работы конференции, а после присел на табуретку между кроватями и стал внимательно наблюдать за присутствующими, слушая, что говорят. Одним словом, составлял своё мнение о студентах. Вот именно в этот момент я обратил внимание на небольшой круглый значок на груди Андрея Михайловича. Интересно было узнать, что это за значок, да еще на домашней футболке. Спрашивать было не совсем удобно, но в скором времени этот вопрос разрешился сам собой. В какой-то момент подошел Геннадий Николаевич Гарустович, который был знаком с Андреем Михайловичем, видимо, с предыдущих конференций, и предложил чашечку «чая». Последовал уважительный, но категоричный отказ с указанием на значок. И чтобы каждому не объяснять, взял слово и произнес коротенькую речь (минут на пять) о вреде чрезмерного «чаепития» да еще из трехлитровых банок... В период перестройки было много всякой всячины, всякой борьбы с чем-либо. Как говорил один из персонажей фильма «Завершение операции «Резидент»: *«У них там борьба с «зеленым змием»*». Так вот, Андрей Михайлович на тот момент состоял в «Обществе трезвости» и, если я правильно помню, возглавлял его или его филиал, что накладывало определенную ответственность. После такого спича он продолжил заниматься визуализацией активно дебатующих студентов.

Лично познакомились чуть позже, на следующий день. Волгоградские студенты устроили нам экскурсию на Мамаев курган и Панораму Сталинградской битвы. И это в дикий ветер и стужу. Собственно, обсуждая музей Сталинградской битвы, высказывали мнения об устройстве экспозиции, о панораме, и нашли определенные точки соприкосновения. Меня поразили его открытость, доброта, рассудительность, кругозор, энциклопедические знания и какая-то необъяснимая грусть...

Расставались в аэропорту Волгограда. Самолеты улетали на Пермь, Уфу и Челябинск. Нас всех загнали в один «накопитель». Пока стояли и мерзли, говорили о горячем кофе и чае. Андрей Михайлович подбадривал школьников Рублева и своих студентов. Тут объявили посадку, и мы расстались на долгие 12 лет.

Следующая встреча с Андреем Михайловичем состоялась у нас, в Челябинске в 1999 г. Весной этого года на платформе Челябинского политехнического института (ныне Южно-уральский государственный университет) проводилось XIV Уральское археологическое совещание. Собрались практически все уральские археологи. Мне довелось заниматься размещением приезжающих коллег. На ул. Лесопарковая заблаговременно были забронированы номера в гостинице-пансионате «Алмаз». Вот там, на парковке и встретились. Андрей Михайлович с Наташей приехали на белых «Жигулях» пятой модели. Я еще удивился, разве можно почти тысячу километров проехать по тогдашним дорогам? На свое недоумение получил веселый ответ: *«Колеса едут, руль рулит, а остановиться и отдохнуть никто не запрети*т». Совещание открывалось традиционно – пленарным заседанием, на котором первым докладчиком выступал Андрей Михайлович. Затем были заседания секций, работа в кулуарах, текущие дела оргкомитета... так что долго пообщаться не удавалось. Более или менее поговорили в день отъезда. К тому времени одно колесо у машины сдулось, и пока шел процесс надувания, произошел случай, который запомнился на всю жизнь. Из «Алмаза» вышел небольшого роста лысеющий мужчина с приветливой улыбкой и направился в сторону старенького «Мерседеса». В этом человеке А.Г. Гаврилюк узнал всем известного композитора Владимира Яковлевича Шаинского, который собирался на концерт в Озерск. Удалось завязать разговор с мэтром, а также для детей взять автограф маэстро. За время беседы колесо было восстановлено. Прощались, желали счастливой дороги. И только в последний момент я узнал, что Андрей Михайлович едет в город Снежинск, к родителям... Вот так мы стали земляками из ЗАТО. Он из Челябинска-70 (Снежинска), а я из Челябинская-40 (Озерска)...

Довольно часто встречались в период 2006–2010 гг.

2006 г. Первый археологический съезд проходил в г. Новосибирск. Судя по поданным заявкам, форум должен был быть внушительным. Предполагалось, что будет работать более двух десятков секций по различным направлениям археологической и естественно-научной проблематике. Более шестисот участников. Формат мероприятия вряд ли давал возможность

встретиться со многими участниками. К тому же съезд проходил в гостиничном комплексе, в лесной зоне под Новосибирском. Кто где жил, узнать было практически невозможно. Наиболее реальные встречи и общение могло быть только с коллегами из близких тебе по теме секций. Такие были, и общение было. Однако в холле главного корпуса гостиницы были места, где можно было увидеть и неожиданных гостей. Вот в одном таком месте, говорить не буду в каком, случайно повстречал Андрея Михайловича. В костюме, при галстуке, серьезно-задумчивый, и все с той же неповторимой грустью в глазах. Сидел и пил «заварной кофе». Невооруженным глазом было видно, что человек серьезно о чем-то думает, размышляет. В работе наших секций оказалось окно, вот решили провести время с пользой.

- *Разрешите присоединиться? Не помешаю?* – на мои вопросы ответом была прекрасная улыбка добродушного и снисходительного человека (которого только что оторвали от глубокой мысли).

- *О, привет, земляк, привет! Рад видеть! Когда приехал? Присаживайся! Как дела?*

Задав традиционные вопросы и обменявшись мнениями о том времени, пока не виделись, углубились в размышления о проходящем съезде, о его целесообразности, структуре, организации работы секций. И вот здесь, сидя в кафе, я услышал мысли не столько ученого, доктора исторических наук, а вдумчивого администратора, организатора научного процесса. Не все понравилось Андрею Михайловичу в работе съезда. И в первую очередь огромное количество участников и множество секций для выступающих. Конечно, мы понимали замысел организаторов. Собрать как можно больше специалистов-археологов, чтобы возродить такое мероприятие, как съезд. Необходимо было легитимировать решение съезда максимально большим числом участников. Это себя оправдало, так как уже на втором съезде в Суздале народу было значительно меньше. Если я правильно понял Михалыча, ему нужно было кому-то проговорить эти мысли, а затем предложить в президиум в качестве предложений. Допив «заварной кофе», мы разошлись по секциям... Окно закрылось... Началась работа... Работа секций была построена таким образом, что нам больше не удалось пересечься в перерывах. Мельком виделись на заключительном заседании, где успели попрощаться до новой встречи на УПАСКе в феврале 2007 г. в Пермском педагогическом государственном университете.

Приглашение для участия в конференции было за подписью А.М. Белавина, проректора по научной работе ППГУ.

Любая конференция, в том числе и студенческая, требует при ее организации прилагать много усилий и усердия. Обычно председателем оргкомитета конференции становятся первые лица организации, которая принимает и организует такое мероприятие. Председателем оргкомитета XXXIX УПАСКа был А.М. Белавин. Председатель – это координатор, который берет на себя всю работу по сведению воедино всей информации об участниках, подготовке аудиторий, исправности оргтехники, редактирование и утверждение программы и макета сборника тезисов выступающих (*рис. 1*). Это только по конференции работа, а если ты еще и проректор... Прямые обязанности никто не снимал. Так и получилось. Выступив на пленарном заседании с приветственным словом, Андрей Михайлович спустился с кафедры и ... «ушел по-английски». Думаю, убежал на совещание или заседание ректората. Одним словом, ушел по делам. В перерыве между заседаниями кабинет проректора был закрыт, что в очередной раз убедило в занятости Председателя. И все же на следующее утро удалось попасть на «прием» проректора до начала работы конференции. Оказавшись в кабинете, удалось немного поговорить об организации работы конференции, о каких-то новых задумках, о планах на летний полевой сезон. Время пролетело быстро, пора было идти. Уходя, я еще раз обратил внимание на кабинет и понял, что хозяин этого помещения прекрасно может организовать пространство. Все необходимые аксессуары находятся в зоне досягаемости, папки с необходимыми документами располагаются на столе с левой стороны, отработанные документы справа. В стеллажах – книги, отчеты, папки. Кабинет оставил впечатление ухоженности (да? (*рис. 3*) – *ред.*), а самое главное, кабинет был наполнен мыслями, идеями, харизмой его обладателя. Я так думаю, что если ты смог организовать свое рабочее пространство, то организовать науку в вузе, и тем более открыть филиал ИИиА УрО РАН возможно, хотя и нелегко. Андрею Михайловичу это удалось.

... Наступил 2010 г. Это был год юбилея нашего коллеги, друга и моего учителя Владимира Александровича Иванова. На торжественные мероприятия собрались практически все археологи Башкортостана и приглашенные из других регионов. Из Самары приехал С.Э. Зубов, из Перми – Н.Б. Крыласова и А.М. Белавин, из Челябинска ваш покорный слуга (рис. 4). Торжества проходили в кафе Педагогического института им. Акмуллы. Были накрыты столы. Был организован президиум. После зачитывания всевозможных поздравительных текстов от официальных лиц началась неформальная часть празднования, руководили которой (т.е. тамадили) Гульнара Талгатовна Обыденова и Андрей Михайлович Белавин (рис. 5–6). Дуэт ведущих понимал друг друга с полуслова. Поднимая тосты за юбиляра и предоставляя слово гостям, они шутили, рассказывали анекдоты, вспоминали экспедиционные и житейские байки, тем самым включая присутствующих в своеобразную игру, которой они руководили.

Солнце клонилось к закату... Гости стали расходиться... А мы, вместе с юбиляром, переехали в их с Мариной квартиру, где и продолжили душевные беседы. Ночь прошла... Утро выдалось пасмурным... Попив кофе, ближе к полудню отправились на прогулку по набережной реки Уфы (рис. 7). Погода настраивала на лирический лад. В этот же день Андрей Михайлович и Наталья Борисовна уехали обратно в Пермь.

Последняя наша встреча состоялась 2 февраля 2020 г. после завершающего пленарного заседания очередного УПАСКа, когда Андрей Михайлович пригласил к себе в дом на ужин. У меня оставалось несколько часов до поезда, которые мы и провели вместе с ним и Натальей Борисовной в их прекрасной квартире. Там я в очередной раз убедился в умении и Андрея Михайловича, и Натальи Борисовны организовывать рабочее пространство, пространство для отдыха. Уютная квартира, прекрасный ужин, несколько часов просто доброй беседы и об археологии, и о жите-бытие... Выстраивались новые планы... Андрей Михайлович рассказывал о даче, грядках, цветах, которые выращивает Наталья Борисовна... Радовался всему... полученному урожаю, прекрасно проведенному лету. Прощаясь, сделал несколько фотографий на память (рис. 8)... И тогда вечер в Перми не мог предвещать страшного. Я никак не мог представить, что это действительно последняя наша встреча... Дальше год пандемии, который дал возможность общаться по Интернету, не так часто, как хотелось бы, но общение было до того трагического ужасного сообщения «ВКонтакте» от 14 марта 2024 г. ...

Спи спокойно, коллега и товарищ!

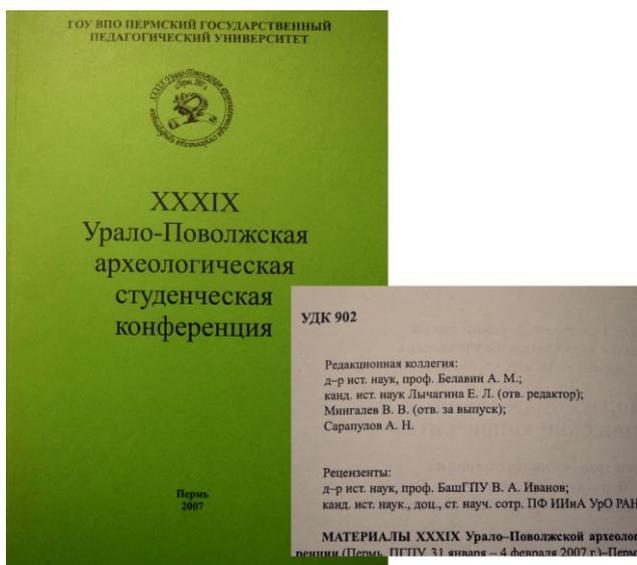

Рис. 1. Обложка сборника тезисов XXXIX УПАСК

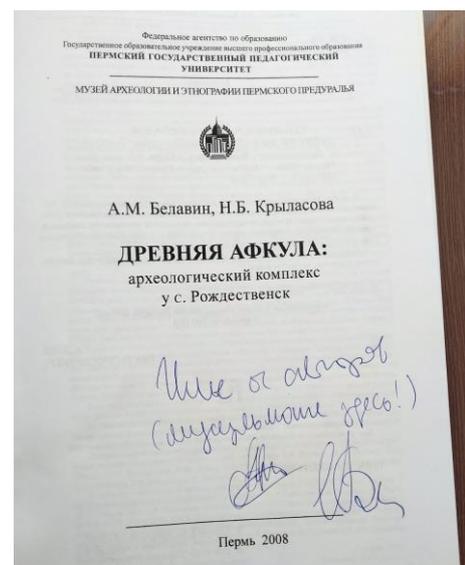

Рис. 2. Подпись на подаренной монографии

Рис. 3. В кабинете проректора

Рис. 4. 2010 г., И.Э. Любчанский и А.М. Белавин

Рис. 5. А.М. Белавин и Г.Т. Обыденова

Рис. 6. А.М. Белавин и В.А. Иванов

Рис. 7. Прогулка по набережной р. Уфы

Рис. 8. А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова в домашнем кабинете, 2020 г.

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-54-56

Е.М. Черных
«ДРУЗЬЯ УХОДЯТ КАК-ТО НЕВЗНАЧАЙ...»

Удмуртский государственный университет, Ижевск, РФ

Небольшая заметка является, скорее, эмоциональным откликом на преждевременное завершение земного круга нашего коллеги, давнего друга и большого ученого Андрея Михайловича Белавина.

Ключевые слова: археология, история науки, научные коммуникации, Урало-Поволжский регион.

Е.М. Chernykh
«FRIENDS ALWAYS PASS AWAY SUDDENLY...»

Udmurt State University, Udmurt Republic, Izhevsk, Russian Federation

A small note is rather an emotional response to the untimely end of the earthly circle of our colleague, long-time friend and great scientist Andrei Mikhailovich Belavin.

Keywords: archeology, history of science, scientific communications, Ural-Volga region.

С Андреем мы познакомились в начале 1979 г. в Волгограде, на почти легендарном XI УПАСКе. То есть в переводе на язык чисел – 45 лет назад... Его невозможно было не заметить. Это был настоящий былинный богатырь невероятно яркой наружности. Но не только внешность выделяла его среди прочих молодых интеллектуалов-археологов, слетевшихся в город на Волге.

Вообще в тот год только на одной секции Средневековья «зажглось» немало будущих звезд урало-поволжской археологии, достаточно просто назвать имена – И.Л. Измаилов, С.Г. Баталов, А.Н. Мажитова, А.В. Расторопов и много кто еще. Но больше всего наши старшаки (те, кто уже бывал на УПАСКах) пугали «начинашек» соседями-пермяками. И мы их увидели на первом же заседании. Это были два Андрея – Андрей Федорович Мельничук и Андрей Михайлович Белавин. В паре они смотрелись как две абсолютные противоположности. По-разному выглядели, по-разному говорили, но оба обладали безусловной харизмой, как любят говорить в нынешнее время. Андрей Федорович – «мотор», быстро двигался, быстро говорил. А в Андрее Михайловиче удивляла прежде всего его «взрослость», до монументальности, некая плавность и твердость в суждениях. Это была моя первая научная конференция и, скорее по неопытности, я приняла его за уже вполне себе состоявшегося ученого. А ведь он тогда был студентом то ли третьего, то ли четвертого курса. Выступал с докладом об изразцах Нижне-Чусовского городка. Стоит ли говорить, что я впервые услышала и об этом памятнике, и об изразцах, но в памяти они остались навсегда.

Андрей Михайлович всегда был душой компании, центром притяжения – и формальным и неформальным. Не случайно же после завершения учебы в университете он взялся за подготовку юных археологов в Пермском Дворце пионеров, а затем и за формирующийся научный коллектив в Пермском государственном пединституте. Этот организаторский и преподавательский талант вызревал в нем, очевидно, имманентно, и очень удачно совпал с теми изменениями, что происходили в образовании и науке в середине 1980-х. Именно тогда Андрей получил предложение преподавать во вновь открытом историческом факультете в

пединституте, где ему вновь необыкновенно «повезло» и с учениками и новым этапом в личной жизни. Здесь он встретил Наташу, и эта встреча, я убеждена, определила главный вектор его дальнейшей жизни, придав ему стратегическую и тактическую завершенность.

Удивительная деталь, о которой не могу не сказать. Совсем недавно, уже после кончины Михалыча (прошу простить за некую фамильярность, но я его так и называла), при выполнении экспертизы документации тверских археологов, зацепило мой взгляд название населенного пункта в бывшем Вышневолоцком уезде – владельческого села Белавина, упоминаемого аж с XV в. Не знаю, занимался ли Андрей столь глубокими генеалогическими разысканиями, но почему-то очень хочется, чтобы его предки имели отношение к этой исконно русской земле. Впрочем, он легко вписывался и в этнический колорит Урала.

Как истинно русский человек Андрей был гостеприимным, хлебосольным хозяином. Это качество всегда было частью его широкой души. Помню, как во время полевого симпозиума, проводившегося летом 1991 г. на Кыласовом городище (Анюшкар), Андрей с присутствующим ему энтузиазмом приветал приехавших в этот незатронутый городской цивилизацией «угол» Пермского края. Это была, наверное, первая крупная научная конференция, проводившаяся его молодой командой, да еще и в полевых условиях. Научные прения проходили под сколоченными навесами, сенью редких деревьев, среди луговых трав, в непринужденно-свободной обстановке, что в какой-то мере снижало градус дискуссий (*рис. 1*). Тема по тем временам была весьма актуальной – «Проблема возникновения и развития протогородских центров у народов Урала и Поволжья»¹. Несмотря на уже остро чувствовавшиеся перебои со снабжением, столы не пустовали все 24 часа в сутки. Особенно запомнилось всегда холодное пиво при почти африканской жаре в период белых ночей, когда солнце ни на минуту не скрывалось за горизонтом!

Снова окунуться в почти «средневековую» атмосферу Анюшкара мне посчастливится в 2008 г., и вновь благодаря Андрею! Тем летом Андрей Михайлович соберет круг единомышленников в рамках фестиваля «КАМWA». Для тех, кто бывал на этих фестивалях, безусловно, запомнился их особый колорит. Задумка А.М. Белавина была замечательной – обсудить проблемы сохранения культурного наследия народов Урала не в замкнутом пространстве научных аудиторий, а на пленэре, по месту расположения самих достопримечательностей.

Вот тогда-то, погрузившись большой компанией на неведомо каким чудом сохранившийся в ангарах местного пароходства речной кораблик, мы поднялись вверх по Каме. В процессе слушали доклады (*рис. 2*). И вот мы вновь оказались в палаточном лагере на городище Анюшкар. Лагерь был оборудован уже не археологами, а туристической компанией «Зеленый ветер», по всем законам туристического быта, даже с определенными изысками. Чувствовалось, что времена-то были уже совсем другие... Но самые захватывающие эмоции, благодаря организаторам, мы получили, увидев средневековое городище не в привычном для археолога ракурсе – из квадрата раскопа, а с неба, из кабины двухместного вертолета. Чувство полета над широкой гладью Камы, над древним городищем оставили неизгладимый след в моей памяти. Какими мы были счастливыми, свидетельствуют фото того времени (*рис. 3*). На них мы еще молодые, восторженные и уверенные в прекрасном завтрашнем дне!

Да и в Перми, в их с Наташей очень уютном доме, гостей семьи всегда ждали накрытый стол с разносолами и обязательной бутылочкой какого-нибудь экзотического напитка, а также разговоры-разговоры за любимую археологию, с безудержным желанием поделиться новейшими открытиями очередного полевого сезона, новыми находками и новыми идеями. Наверное, не было в этой квартире уголка (разве только комната дочки Саши), в котором не были разложены археологические находки в процессе их чистки, реставрации, зарисовки или описания.

¹ Всероссийский полевой симпозиум на городище Анюшкар в июне 1991 г. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I–II / под ред. А.М. Белавина. Пермь, 2001. С. 95–153.

Последняя наша встреча, увы, проходила в заочном формате в ноябре 2023 г. Осень выдалась крайне напряженной, и моя поездка в Пермь не состоялась. Да и сам Андрей, по всей видимости, чувствовал себя не очень хорошо, руководил работой онлайн. Это была Всероссийская научная конференция, посвященная 40-летию юбилею Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ, 20-летию Музея археологии и этнографии ПГГПУ, организованная в рамках празднования 300-летия г. Перми. Тема конференции – «Археологические и этнографические исследования университетов» – формулировалась абсолютно в духе задуманной много лет назад экспедиции. К тому же она совпала с той тематикой, по которой мы с географами и этнографами нашего университета готовили научный отчет по гранту Русского географического общества. И это обстоятельство нашей суматошной жизни позволило мне пообщаться, пусть и заочно, с Андреем и Натальей. Разве можно было предугадать ...

Рис. 1. 1991 г. Полевой симпозиум на городище Анюшкар (Н. Крыласова, А. Терехин, Г. Ленц, Н. Шутова, М. Иванова, Е. Черных, А. Старков)

Рис. 2. 2008 г. Заслушивание докладов на теплоходе (М.Г. Иванова, Е.М. Черных, Г.Т. Ленц, И.А. Подюков)

Рис. 3. 2008 г. На городище Анюшкар (А.В. Черных, А.М. Белавин, Е.М. Черных, М.Г. Иванова)

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-57-59

Г.Т. Обыденнова
**«И ВСЕ ЖЕ С БОЛЬЮ В ГОРЛЕ МЫ ТЕХ СЕГОДНЯ ВСПОМНИМ,
ЧЬИ ИМЕНА, КАК РАНЫ, НА СЕРДЦЕ ЗАПЕКЛИСЬ...»**

Уфа, РФ

Андрей Михайлович Белавин – мой давний друг. Сколько связано с ним разных встреч и воспоминаний, совместных проектов, сотрудничества по делам наших педуниверситетов. Не так уж часто мы встречались, но постоянно было ощущение его присутствия где-то рядом, возможности позвонить и проконсультироваться по какому-то вопросу, обсудить какие-то идеи.

Ключевые слова: Андрей Михайлович Белавин, сотрудничество, взаимодействие, дружба.

G.T. Obydennova
**“AND STILL WITH A PAIN IN OUR THROAT WE WILL REMEMBER TODAY
THOSE WHOSE NAMES ARE LIKE WOUNDS ON THE HEART...”**

Ufa, Russian Federation

Andrey Mikhailovich Belavin is my old friend. How many different meetings and memories, joint projects, cooperation on the affairs of our pedagogical universities are connected with him. We did not meet so often, but there was always a feeling of his presence somewhere nearby, the opportunity to call and consult on some issue, discuss some ideas.

Keywords: Andrey Mikhailovich Belavin, cooperation, interaction, friendship.

Годы пролетают быстро и незаметно, и мы все чаще сталкиваемся с потерями самых дорогих и близких людей. Эта боль и утраты невосполнимы – эти люди были частью нашей жизни, радостей и горестей. Известие о том, что не стало Андрея Михайловича Белавина, стало как гром среди ясного неба, и до сих пор «спотыкаешься» мыслью – надо позвонить, спросить, как дела... Не воспринимаешь это реальностью.

Настоящих друзей не бывает много. С ними можно не встречаться каждый день, но ты всегда чувствуешь, что они рядом. Таким был и Андрей. Расстояние не было камнем преткновения, просто все мы очень занятые люди...

Впервые я увидела Андрея на Урало-Поволжской Археологической студенческой Конференции в 1980 г. Она проходила на базе нашего историко-английского факультета в Башкирском государственном педагогическом институте. На фоне многочисленных участников конференции Андрей сразу выделялся – высокий, крепкий. Мы познакомились мимоходом. Каждый из нас пропадал на своих секциях: Андрей на Средневековье (*рис. 1*), я – на бронзе. После заседаний, когда собирались вместе и обсуждали различные темы, пели археологические песни, рассказывали о своих экспедициях. Андрей завораживал своей харизмой и душевностью.

В дальнейшем наши отношения развивались, когда защитились, и стали «проходить» этапы административного роста каждый в своем вузе. Андрей за свою недолгую жизнь сделал столько, что хватило бы на жизнь десятка людей. Он жил в своем непостижимом ритме,

несмотря на его внешнюю неторопливость и степенность. Главным достижением, конечно же, стало продолжение традиций Пермской археологической школы, заложенной еще О.Н. Бадером, придание ей нового дыхания.

Сегодня многие центры после ухода лидеров постепенно сдают свои позиции. Он был блестящим организатором, методично идущим к своей цели: школа «Юных археологов» при Дворце пионеров (1979 г.), Камская археолого-этнографическая экспедиция (1983 г.), участие в создании филиала Института истории, археологии и этнографии (2003 г.), Музей археологии и этнографии Пермского края и Предуралья, уникального по своей структуре и построению экспозиций (2003 г.), археологическая лаборатория и многое другое.

В 2002 г. он стал проректором по научной работе и внешним связям Пермского государственного педагогического университета. Будучи на этой должности, ему удалось укрепить позиции пермской археологической школы, как одного из лидеров Урало-Поволжского региона. В настоящее время Пермь – мощный центр археологических исследований на территории Российской Федерации, где, благодаря усилиям Андрея Михайловича и его коллег, сформировался хороший профессиональный археологический кадровый потенциал, проводятся комплексные археологические изыскания и форумы международного уровня...

В период его проректорства активно развивались учебные и научные контакты с вузами и институтами Урало-Поволжья. Он неоднократно приглашал меня в качестве председателя ГАК на аттестацию магистров и аспирантов.

В 2014 г. наш вуз БГПУ им. М. Акмуллы проходил плановую аттестацию, и на Институт исторического и правового образования в качестве эксперта был определен Андрей Михайлович Белавин. Он быстро и по сути схватывал проблемы в материалах аттестации, четко ставил вопросы и крайне деликатно давал советы. У него сложились теплые дружеские отношения с проректором нашего вуза по науке – Мустаевым Алмазом Флюоровичем, разрабатывался проект по взаимодействию в научной сфере между нашими вузами и созданию объединенного диссертационного совета по археологии и этнографии. Последняя задумка нее удалась по причине пертурбации ВАКа.

Андрей был очень яркий, талантливый, доброжелательный и тактичный человек, общение с которым всегда приносило радость. К нему тянулись, он был душой любой компании. А для друзей он был редким другом – понимающим и надежным. С ним всегда было тепло и комфортно... Он бережно относился к учителям и друзьям. Он всегда помнил, и звонил своим друзьям в дни рождения и памятные даты.

Вспоминается последний приезд всей семьи Белавиных – Андрея, Наташи и Сашеньки – к нам в Уфу на празднование 9 мая в 2022 г. Отбыв в Уфе один день, мы приехали в сад. 9 мая стал действительно днем памяти, а не просто застолья. Были выставлены фотографии родных и близких – дедов, отцов, мам, бабушек, кто пережил это страшное время, вспоминали и рассказывали о них, а потом тихо пели песни военных лет. Было особое ощущение единения через года. Все понимали и чувствовали друг друга.

Сегодня нам – его друзьям, как и родным Андрея, не хватает этого удивительно теплого и светлого человека, внимательного и доброго друга. Я благодарна судьбе за радость общения с этим дорогим мне человеком.

Рис. 1. Секция Средневековья на XII УПАК, Уфа

Рис. 2. 1980 г., XII УПАК, Уфа

*Рис. 3. 2009 г., Г.Т. Обыденнова
и А.М. Белавин, Тукран*

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-60-63

Д.В. Шмуратко
ОТ КУРСОВЫХ РАБОТ ДО ДИССЕРТАЦИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ПРОФЕССОРА А.М. БЕЛАВИНА

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

В статье содержатся воспоминания автора о работе над курсовыми проектами, выпускной квалификационной работой, диссертационным исследованием под руководством профессора А.М. Белавина. Описывается отношение А.М. Белавина к своим ученикам, некоторые характеристики стиля его работы со студентами. Подчеркивается вклад А.М. Белавина в становление и развитие научных интересов автора. Статья описывает события с 2002 по 2012 г.

Ключевые слова: А.М. Белавин, организация научной работы студентов, воспоминания, археология.

D.V. Shmuratko
FROM COURSEWORKS TO DISSERTATION UNDER THE SUPERVISION
OF PROFESSOR A.M. BELAVIN

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The article contains the author's memories of working on course projects, final qualification work, and dissertation research under the supervision of Professor A.M. Belavin. The article describes the attitude of A.M. Belavin to his students, some characteristics of the style of his work with students. The contribution of A.M. Belavin to the formation and development of the author's scientific interests is emphasized. The article describes the events from 2002 to 2012.

Keywords: A.M. Belavin, organization of scientific work of students, memories, archeology.

Мое знакомство с Андреем Михайловичем состоялось осенью 2002 г. После окончания отделения промышленной экологии Лицея № 1 при Пермском техническом университете я поступил в педагогический, чем, конечно же, весьма удивил своих одноклассников, продолживших обучение на аэрокосмическом, механико-математическом, строительном, автомобильном факультетах пермского политеха. Педагогический университет был выбран под влиянием замечательного педагога, а сейчас доктора исторических наук Евгении Леонидовны Лычагиной, которая вела в лицее историю и кружок юного археолога. Вскоре после 1 сентября Евгения Леонидовна торжественно сообщила, что писать курсовые работы мне предстоит у профессора, доктора исторических наук, проректора университета по научной работе Андрея Михайловича Белавина. Выпавшей мне удачи я тогда совершенно не понимал. Чуть позже меня за руку привели в кабинет № 19 главного корпуса педагогического университета и познакомили с научным руководителем.

Первая курсовая работа (I курс, 2002/03 учебный год). Первая встреча, посвященная курсовой работе, была весьма краткой. Андрей Михайлович сообщил мне общую тему, над которой предстояло работать – «Этнокультурная ситуация в Прикамье в эпоху Великого переселения народов», причем реконструировать весьма сложные и запутанные этнические процессы древности было предложено с помощью инструментария математической статистики. Позже я узнал, что тема со статистикой была специально сформулирована Андреем Михайловичем для меня – выпускника лицея при политехе. Предполагалось, что лицейст

должен разбираться в математике, статистических формулах и графиках. Однако самая первая курсовая работа была еще свободна от многочисленных цифр и таблиц, Андрей Михайлович предложил для начала разобраться с тем, что же представляет собой Великое Переселение народов в целом.

Задачу я понял буквально и прогрузился в чтение литературы... по всеобщей истории. В поле моего внимания попали работы, одинаково удаленные как от археологии, так и от Прикамья. В залах Горьковки и Фундаментальной библиотеки университета были подробно изучены и законспектированы такие раритеты, как: «Сокращенная история средних веков в двух частях» М. Де Мишеля, изданная в 1837 г.; «История Европы в средние века (396–1270 гг.)» Ш. Бемона и Г. Моно, 1915 г., а также классические труды Р.Ю. Виппера, А.Р. Корсунского, Р. Гюнтера, С.Д. Сказкина, Г. Дельбрюка, Ф. Кардини, А.Н. Бернштама и др. Помню, какой восторг у меня вызвало знакомство с работой В.П. Будановой «Варварский мир эпохи Великого переселения народов», вышедшей в свет в 2000 г. Единственным археологом, на которого была ссылка в первой курсовой работе, был А.Х. Халиков. В разделах курсовой, посвященных географии и хронологии Великого переселения, была процитирована работа А.Х. Халикова «Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств» (1987 г.). Знал ли я тогда, что Альфред Хасанович являлся научным руководителем Андрея Михайловича – конечно же, нет. Обратил ли на это Андрей Михайлович внимание, не знаю.

Помимо того, что содержание курсовой работы представляло собой обзор мнений классических антиковедов и медиевистов, а не археологов, как думаю, ожидал Андрей Михайлович, стиль ее изложения был, мягко говоря, не научный, а публицистический. В первоначально представленном тексте главы имели следующие, как казалось, привлекательные названия: «Великое переселение народов: КОГДА?», «Великое переселение народов: ГДЕ?», «Великое переселение народов: ПОЧЕМУ?». Свой отзыв Андрей Михайлович написал непосредственно в файле курсовой работы, в конце основного текста, красные заглавные буквы сообщали: «ЭТО НЕ КУРСОВАЯ! А НЕКОЕ ЛЕГКОЕ ЭССЕ. ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ ...» и далее подробный перечень рекомендаций. Прежде всего поменять названия глав. Журнально-газетные заглавия должны уступить место научному стилю: «Проблемы хронологии Великого переселения народов», «Вопросы территориальной привязки процессов Великого переселения народов», «Дискуссии о причинах и движущих факторов Великого переселения народов» и т.д. Текст был переписан, лирика и интрига ушли. На защиту курсовой работы Андрей Михайлович пригласил Наталью Борисовну. Сама процедура проходила в лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии, что расположена на цокольном этаже второго корпуса университета. В назначенный день я явился в лабораторию в черном френче, отцовском красном в белую полосу галстук и белой рубашке с запонками. С собой у меня был выученный наизусть текст доклада и карта мира для наглядности, на которой планировалось продемонстрировать путь движения хунну – гуннов от границ Китая до Западной Римской империи. Комиссия меня выслушала, для порядка задала несколько уточняющих вопросов и, поставив оценку, отпустила.

Вторая курсовая работа (II курс, 2003/04 учебный год). В этот год Андрей Михайлович поставил две задачи – начать читать археологическую литературу и освоить методы математической статистики, применяемые в археологических исследованиях. Для решения первой Андрей Михайлович порекомендовал почаще появляться в лаборатории. Для осуществления второй предложил созвониться с Натальей Борисовной. «Позвони Наталье Борисовне, у нее диссертация по реконструкции средневекового костюма, она про статистику тебе все расскажет», – сказал Андрей Михайлович. И я позвонил. В этой, организованной Андреем Михайловичем, телефонной беседе для меня впервые прозвучали имена В.Ф. Генинга, В.А. Борзунова, Г.А. Федорова-Давыдова, В.Б. Ковалевской, В.А. Иванова. Их работы рекомендовано было изучить, а используемые методики освоить. Так началось погружение в математику. Особое впечатление, конечно же, произвела работа Г.А. Федорова-Давыдова «Статистические методы в археологии», ксерокопии глав которой стали фактически моей настольной

книгой. В этой книге говорилось о комплексах связанных признаков (КСП), абсолютной и относительной частоте, встречаемости, вероятности, коэффициентах корреляции Пирсона, хи-квадрат и т.д. Во время работы над второй курсовой Андрей Михайлович мягко, но верно переориентировал меня на региональный контекст, обозначив в качестве проблемы исследования феномен харинских курганов, проникших в наш лесной регион, в эпоху раннего Средневековья откуда-то из Зауралья. Идея исследования была сформулирована более конкретно – собрать материал по опубликованным курганным могильникам и с помощью математических методов, оценивая сходства и различия погребального обряда, предположить их культурную принадлежность. Тогда же Андрей Михайлович познакомил меня с Виталием Викторовичем Мингалевым, работавшим во Дворце детского и юношеского творчества г. Перми. Оказалось, Виталий Викторович глубоко интересовался темой Великого переселения народов и о многом мог рассказать. Беседы с ним еще больше помогли погрузиться в региональный археологический контекст. Движимый благими побуждениями, и желая хоть как-то обозначить вклад В.В. Мингалева в написание второй курсовой работы, я имел неосторожность указать его на титульном листе в качестве научного консультанта. Увидев это, Андрей Михайлович, конечно же, в шутку (хотя в тот момент на шутку это походило меньше всего) сказал: «*Какой еще научный консультант Мингалев! Не знаю такого!*». Куда после этого была отправлена моя, переплетенная в папку скоросшиватель, курсовая работа, писать не буду, но титульный лист пришлось-таки переделать.

Третья курсовая работа (III курс, 2004/05 учебный год). В этот год Андрей Михайлович предложил поехать на УПАСК, проходивший в Челябинске. Конференция была назначена на 2–5 февраля 2005 г. Нового материала к тому времени я еще не наработал, и решил ехать с тем, что было сделано в предыдущем году, тема доклада была заявлена как «Миграционные процессы в Прикамье в эпоху Великого переселения народов». Никакого призового места тогда я, к сожалению, не получил, но аплодисменты сорвал, когда, отвечая на вопросы аудитории, на память воспроизвел мелом на доске формулу для расчета коэффициента хи-квадрат. Рассказал ли кто-то об этом Андрею Михайловичу или нет, не знаю, но после конференции в Челябинске контроль над моей научной деятельностью был несколько снижен, мне дали практически полную свободу научного творчества. И в результате... я поменял тему. От миграционных процессов переключился к социальной дифференциации средневекового общества. Андрей Михайлович не стал возражать. Социальная дифференциация средневекового населения Прикамья была рассмотрена на материалах могильников Броды, Бурково и Митино. Летом 2005 г. результаты анализа могильника Броды были представлены на межрегиональной научной конференции «Коми-пермяки и финно-угорский мир», проходившей в Кудымкаре. Это была первая «взрослая» конференция, на которую Андрей Михайлович сподвиг меня поехать. Быть в одной программе вместе со своим научным руководителем и другими известными археологами, докторами и кандидатами наук – Р.Д. Голдиной, Т.К. Ютиной, Л.И. Липиной, И.Ю. Пастушенко, было очень волнительно. Не знаю, есть ли еще такие научные руководители, которые бы позволили третьекурснику подобную научную дерзость. Андрей Михайлович позволил. И это была конференция, где пришлось по-настоящему защищаться. Тем самым Андрей Михайлович учил держать удар, не бояться критики: конструктивные замечания воспринимать, злые слова пропускать мимо ушей. Андрей Михайлович никогда не был против смелых предположений и интерпретаций, и сам всегда был готов доказывать правоту своих научных взглядов.

Четвертая курсовая работа (IV курс, 2005/06 учебный год). В этот год у меня появился компьютер. С одобрения Андрея Михайловича я приступил к освоению специальных статистических пакетов, основным исследовательским инструментом стал SPSS. Были изучены и освоены алгоритмы иерархического кластерного и факторного анализов. Новый математический аппарат тут же апробирован на материале Агафоновского I могильника. Тема новой курсовой работы звучала так «Социальная структура населения Пермского Предуралья (на примере Агафоновского могильника)». Результаты исследования были представлены на конференции в Кудымкаре. Стоит сказать, что Андрей Михайлович, являясь проректором по

научной работе университета, всячески способствовал студенческой науке. Выражалось это, в том числе, в предоставлении широчайших возможностей для поездок на конференции. Андрей Михайлович никогда не отказывал, если был материал (доклад и текст для публикации), то, пожалуйста, можешь ехать. Благодаря такому «научному туризму», которому Андрей Михайлович всячески покровительствовал, мне удалось побывать в Санкт-Петербурге, Москве, Самаре, Челябинске, Астрахани, Уфе, Ижевске, Екатеринбурге, Тобольске. Андрей Михайлович всегда говорил, что важнейшим результатом или продуктом научной деятельности является публикация. Ничего не опубликовал – значит, ничего и не сделал, и говорить тут нечего. Безусловно, археология не только кабинетная наука, для публикаций нужны материалы, а они нарабатываются в поле. В мае 2006 г. по ходатайству Андрея Михайловича я получил первый в своей жизни Открытый лист формы № 3 на археологические разведки по реке Большой Туй в пределах муниципального образования город Добрянка Пермского края. Открытый лист формы № 3 Андрей Михайлович называл «студенческим листом», потому что был убежден, что любой начинающий археолог должен получить его, еще являясь студентом.

Дипломная работа (V курс, 2006/07 учебный год). Работать над дипломом было просто. Андрей Михайлович так мастерски вел своих учеников, и меня в том числе, что все ранее написанные курсовые чудесным образом становились главами выпускной квалификационной работы. Для диплома оставалось только собрать их в единый текст, написать введение и заключение, составить общий список литературы. Большим подспорьем были и опубликованные за годы обучения в университете статьи и тезисы конференций. Благодаря Андрею Михайловичу к окончанию университета я мог похвастаться не одной, и не двумя, а восемью (!) печатными работами. Диплом был озаглавлен так «Социальная структура средневекового населения Пермского Предуралья (статистический анализ археологических материалов)». Рецензентом по рекомендации Андрея Михайловича была назначена старший преподаватель Галина Тимофеевна Ленц.

Кандидатская диссертация (2007–2012 гг.). После защиты диплома Андрей Михайлович пригласил меня в аспирантуру. Это было единственное бюджетное место в очной аспирантуре по археологии в том году, и Андрей Михайлович предложил его мне. Радости не было предела! Моим научным руководителем в аспирантуре стал доктор исторических наук, профессор Владимир Александрович Иванов, лучший друг, коллега и единомышленник Андрея Михайловича. Когда обсуждали тему предстоящего диссертационного исследования, я поначалу настаивал на продолжении социальных реконструкции в археологии, но Андрей Михайлович твердо и на этот раз безапелляционно сказал: «*Будешь заниматься миграционными процессами!*». Спорить было бесполезно. Тема, сформулированная для меня Андреем Михайловичем еще на первом курсе, стала диссертационной. Здесь остается только восхищаться пронизательностью Андрея Михайловича и его умению заглядывать в будущее... И вот, защита – 20 апреля 2012 г., 10:00, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ. Как же я переживал! Как же нервничал! Еду в автобусе из гостиницы в институт, защита через час, в горле пересохло, в голове туман, вдруг неожиданно звонит телефон, смотрю, пришло СМС-сообщение от Андрея Михайловича: «*Ну, с Богом!*». Простые, казалось бы, слова. Но от них я вдруг ощутил такую невероятную эмоциональную поддержку, как будто действительно кто-то всесильный и всемогущий взял меня под свой контроль и повел. Страх пропал. Речь вернулась. Туман рассеялся. Защита состоялась.

Говорят, один в поле не воин, и это действительно так, каждому важно встретить в жизни того, кто сможет оказать поддержку, подскажет, направит, не позволит упасть, если споткнулся. Для меня таким человеком был и остается Андрей Михайлович Белавин.

*А.М. БЕЛАВИН И ШКОЛА ЮНЫХ
АРХЕОЛОГОВ*

УДК 902, 37.035.461

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-65-71

А.В. Рубцов
ТРАДИЦИИ ШКОЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В ПРИКАМЬЕ

Пермь, РФ

В статье показано развитие детской археологии в Пермском крае на протяжении XX в., как отдельный феномен описано создание А.М. Белавиным Школы юных археологов при Пермском городском дворце пионеров, отмечен его личный вклад в привлечении школьников к археологическому изучению Пермского края, описана научно-практическая деятельность юных археологов.

Ключевые слова: Школа юных археологов, Андрей Михайлович Белавин, археология, школьная археология, раскопки, городище, могильник, селище, Пермь.

A.V. Rubtsov
TRADITIONS OF SCHOOL ARCHAEOLOGY IN THE KAMA REGION

Perm, Russian Federation

The article shows the development of children's archeology in the Perm region during the 20th century, as a separate phenomenon describes the creation of A.M. Belavin School of young archeologists at the Perm City Palace of Pioneers, noted his personal contribution in attracting schoolchildren to the archeological study of the Perm region, describes the scientific and practical activities of young archeologists.

Keywords: School of young archaeologists, Andrey Mikhailovich Belavin, archaeology, school archaeology, excavations, ancient settlement, burial ground, settlement, Perm.

Традиция детской археологии в России насчитывает уже около ста лет. Особенно актуальной детская археология стала в конце XX в. Это связано, прежде всего, с тем, что в 90-х гг. XX в. резко сократилось финансирование полевых исследований, и использование финансов, выделяемых на организацию летнего отдыха учащихся, стало зачастую единственным способом проведения полевых археологических работ.

Назвать точную дату, когда школьники начали принимать участие в археологических раскопках на территории Верхнего Прикамья, скорее всего, не удастся. Еще в 50-х гг. XIX в. деятельность пермских преподавателей-энтузиастов, направленная на введение краеведческого материала в школьную программу, получила высокую оценку со стороны Министерства образования. Однако у нас нет достаточных оснований утверждать, что в тот период школьники принимали участие в археологическом изучении Прикамья.

Известно, что уже в 40-е гг. XX в. кружковцы Городского дворца пионеров совершали экскурсии и участвовали в изучение памятников археологии на территории региона.

Накануне Великой Отечественной войны О.Н. Бадер, стимулируя рост интереса школьников к археологической науке, выпустил работу «По следам наших первобытных предков. В помощь краеведам-археологам и туристам». Также, по имеющейся информации, О.Н. Бадером в послевоенные годы предпринимались попытки организовать археологический кружок школьников при ПГУ. Об этом может свидетельствовать тот факт, что его ученик В.А. Оборин пришел в археологию школьником: в 1947 г. будучи учащимся 10 класса

участвовал в УАС. Кроме этого О.Н. Бадером был написан учебник «В помощь юным краеведам», пособие для начинающих краеведов и археологов «Археологические памятники Прикамья их научное выявление» (1950 г.).

Наверное, одними из первых к изучению древностей Прикамья приступили учащиеся средней школы № 2 пос. Луньевка (г. Александровск) под руководством известного местного краеведа П.М. Близнцова, Краеведческий кружок в этой школе образовался в 1948 г., и поначалу деятельность кружка лишь дополняла школьный курс. Но со временем в нем выделились и отдельные секции, в том числе, и археологическая. Силами школьников был проведены археологические раскопки ряда памятников, исследована Чаньвинская пещера, в которой им удалось обнаружить кремневый наконечник стрелы, кости животных, бронзовую подвеску, остатки глиняной посуды. По итогам своих исследований был организован школьный археологический музей.

В 60-е гг. XX в. в г. Перми было положено начало проведению ежегодных областных конференций юных туристов-краеведов Пермской области, позволяющих не только обобщить имеющийся опыт, обменяться им, но и скоординировать деятельность юных археологов.

Так, на 2-й областной конференции юных туристов-краеведов Пермской области, проходившей в 1964 г. на базе средней школы № 42 г. Перми, в работе секции истории и археологии принимали участие делегаты средней школы № 10 г. Краснокамска, средней школы с. Вогулка, средней школы с. Платошино, Верхне-Городковской средней школы, средней школы № 2 пос. Луньевка (г. Александровск). На этой конференции была отдельно выделена секция истории и археологии, заседания которой проходили на базе ПГУ. Руководил работой этой секции известный пермский археолог В.А. Оборин. В рамках данной конференции школьникам, интересующимся археологией, было дано задание оказывать помощь ученым в поисках археологических памятников, осуществлять сбор орудий труда и иных предметов, относящихся к деятельности древнего человека. Кроме этого, перед ними была поставлена задача выявлять, описывать и паспортизировать памятники материальной культуры.

В октябре 1979 г. в составе политико-массового отдела ПГДП по инициативе студента пятого курса исторического факультета ПГУ А.М. Белавина был создан археологический клуб старшеклассников «Легенда». А.М. Белавин убедил руководство ПГДП в необходимости и целесообразности создания такого кружка. К идее создания кружка юных археологов в Перми А.М. Белавина привело желание привлечь к археологии широкие массы школьников.

К моменту образования клуба аналогичные кружки уже существовали в ряде городов: в Уфе такой кружок работал более 15 лет, в Ленинграде при городском Дворце пионеров более 10 лет. Данный опыт внешкольной работы с подростками был хорошо известен в г. Перми.

В клуб «Легенда» были переведены школьники (5 человек), занимавшиеся до этого в кружке юных археологов при историческом факультете ПГУ в конце 70-х гг. XX в., после чего кружок юных археологов ПГУ прекратил свое существование. По существу, эти школьники стали самыми первыми кружковцами, с их помощью был осуществлен первый системный набор в кружок школьников, ранее никогда не занимавшихся археологией. Школьники, пришедшие из ПГУ, уже имели опыт полевых археологических исследований, и с образованием кружка занялись по большей части научной деятельностью: обработка материала, написание докладов. А с вновь пришедшими проводились планомерные занятия по археологии. Примечательно то, что кружковцы из первых наборов были нацелены продолжать дальнейшее профессиональное обучение именно по археологии и истории.

Было принято решение принимать в клуб школьников, начиная с 7–8 класса (как исключение с 6 класса). Это в первую очередь было обусловлено тем, что младшим школьникам будет довольно тяжело переносить специфику жизни в палатках, труд на раскопе и др. Первый набор юных археологов был относительно немногочисленным – 12 человек. Так как археологический клуб старшеклассников поначалу не имел своей аудитории, занятия кружковцев проходили в библиотеке ПГДП.

При создании клуба одним из первых встал вопрос, по какой программе заниматься. Первоначально использовалась программа для кружка юных археологов, составленная Г.Н. Матюшиным для кружка юных археологов г. Уфы. Впоследствии она была использована как основа для разработки собственной программы. В 1981 г. А.М. Белавиным было создано первое собственное методическое пособие.

Занятия проходили дважды в неделю: в ПГДП и в ПГУ. Так продолжалась примерно в течение 3 лет, при этом активно использовались археологические коллекции ПГУ, его техническая база, там же хранились археологические коллекции, собранные школьниками во время собственных полевых исследований.

Участие в первых археологических раскопках кружковцы приняли уже летом 1980 г. Ими совместно со студентами исторического факультета ПГУ изучалась стоянка эпохи неолита Чашкинское озеро VI. Руководителем раскопок был преподаватель исторического факультета ПГУ А.Ф. Мельничук. Осенью 1980 г. в библиотеке ПГДП силами кружковцев была организована первая выставка археологических древностей, эта традиция стала постоянной, и до сооружения учебного музея археологии во Дворце пионеров было организовано 6 таких выставок.

Набор учащихся ШЮА 1980 г. в основном состоял из друзей кружковцев первого набора. В итоге удалось сформировать 3 группы по 15 человек.

Осенью 1980 г. учащиеся ШЮА впервые выступили с докладами о результатах своей научной деятельности на 1-й сессии НОУ ПГДП. А уже зимой 1981 г. трое юных археологов, среди которых был и Юрий Цыганов, впоследствии кандидат исторических наук, профессиональный археолог, выступили на УПАСК, проходившей на базе Астраханского педагогического института, что подтвердило как высокий уровень преподавания, так и высокий потенциал самих учащихся. Кружковцы сделали доклады по материалам раскопок 1980 г. Этот год справедливо можно считать началом юношеской археологии на УПАСКах.

Практически все лето 1981 г. кружковцы провели в полевых археологических исследованиях. Лето для них началось с июньской археологической разведки по Соликамскому и Усольскому районам Пермской области. В разведочных работах под руководством А.М. Белавина принимали участие три юных археологов: Алексей Харин, Юрий Цыганов и Борис Капитанов. В ходе этой первой самостоятельной разведки юные археологи открыли 12 новых памятников археологии и осмотрели 6 памятников, уже известных ранее.

В июле 1981 г. совместно с КАЭ ПГУ кружковцы приняли участие в раскопках 6-го Заосиновского селища и могильника турбинского времени. Раскопки проводились в связи с началом мелиоративных работ, которые угрожали уничтожением памятника археологии.

А в августе пять юных археологов под руководством А.М. Белавина предприняли аварийные раскопки разрушаемого Городищенского городища в Соликамском районе, которые были продолжены в 1982 г. В 1983 г. юные археологи кроме нескольких разведок предприняли раскопки средневекового селища Володин Камень, в ходе которых было обнаружено 2 центра по изготовлению металла, селища Запоселье I (рис. 1).

С 1980 г. клуб «Легенда» под руководством А.М. Белавина стал одной из научных секций образованного Л.А. Коротковой и А.М. Белавиным Научного общества учащихся при Пермском Дворце пионеров и школьников (рис. 3). С 1984 г. в туристско-краеведческом отделе ПГДП возник еще один кружок юных археологов, инициатива возникновения которого принадлежала представителям исторического факультета ПГУ. В нем работали преподаватель исторического факультета ПГУ С.Н. Коренюк и бывший юный археолог И.Ю. Сереброва (Трушкова), в настоящее время доктор исторических наук, этнограф, преподаватель Кировского государственного университета, которую впоследствии сменила студентка исторического факультета ПГПИ Н.Б. Крыласова, – в настоящее время доктор исторических наук, профессор ПГГПУ, гл. научный сотрудник ИГИ УрО РАН. Только в 1989 г. все кружки были переведены в НОУ, и образована Школа юных археологов с несколькими преподавателями и разными направлениями деятельности, которая просуществовала в неизменном виде до XXI в.

Фактически само становление НОУ началось с клуба «Легенда» – он являлся его первой секцией. В составе первого ученического Совета НОУ половина членов была из клуба «Легенда», первым председателем Совета также являлся юный археолог Сергей Бородулин, впоследствии закончивший исторический факультет ПГУ и ставший социологом.

Привлечение в ряды юных археологов велось различными путями. С этой целью осенью каждого года проводились сессии НОУ г. Перми с приглашением на нее школьников города (рис. 5), при этом зачастую организовывались театрализованные представления-презентации, кроме этого практиковались непосредственные агитационные выходы в школы города.

Но прежде всего, основным источником появления новых кружковцев являлись советы и рекомендации друзей, уже занимающихся археологией. Необходимо отметить, что в то время среди школьников занятия такой романтической и отчасти экзотической деятельностью было очень популярно. Определенный толчок к привлечению школьников к занятиям археологией дала первая передача о деятельности ШЮА, вышедшая в эфир местного телевидения в 1982 г.

В 1983 г, после перехода А.М. Белавина на преподавательскую работу на исторический факультет Пермский государственный педагогический институт (ПГПИ, впоследствии ПГПУ, в настоящее время ПГГПУ), школьные археологические коллекции перевезли в ПГПИ, и занятия проводились на его базе. При этом Андрей Михайлович совмещал и работу в ПГПИ и в ПГДП.

Впоследствии А.М. Белавин стал создателем и руководителем КАЭЭ ПГПИ (ПГПУ, ПГГПУ), доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой Отечественной истории, затем Древней и средневековой истории, проректором по научной работе ПГГПУ, директором ПФ ИИиА УрО РАН, а с 2013 г – Отдела истории, археологии и этнографии ПФИУ УрО РАН (ныне Институт гуманитарных исследований УрО РАН). До 2001 г. он участвовал в работе ШЮА, был тьютором при подготовке докладов на научно-практические конференции старшеклассников, работал в оргкомитетах и жюри конференций НОУ...

Кроме участия в студенческих конференциях (рис. 6), школьники принимали активное участие в зимних сессиях НОУ (рис. 7), в конференциях НОУ в гг. Обнинске, Батуми, Кустанае, Днепрпетровске, Челябинск, Н. Тагил и др.

За все время существования кружка учащиеся ШЮА более 80 раз становились победителями конференции различного уровня, 23 раза – победителями областных конкурсов научно-исследовательских работ.

Фактически юные археологи со дня создания ШЮА принимали участие во всех полевых исследованиях ПГУ и ПГПИ. Всего ими исследовано 68 памятников археологии, некоторые из них неоднократно. Ряд памятников археологии изучались экспедициями, состоявшими исключительно из кружковцев: селища Володин Камень (1983) и Запоселье (1983 г.), Плотниковский могильник (1989 г.), селище Вильгорт (1990 г.), могильник Телячий Брод (1991 г.), Лаврятское городище (1992 г.) и др.

В ходе полевых исследований школьники не только занимались собственно раскопками памятников, а принимали участие в экспериментальных исследованиях: реконструкция керамического производства и др.

Кроме этого для ознакомления с археологическими памятниками региона и формирования навыков пешего туризма организовывались так называемые «экспедиции выходного дня» (рис. 8), которые преследовали своей целью и мониторинг состояния памятников.

Среди выпускников ШЮА немало людей, связавших всю свою жизнь с археологией и этнографией: Ю. Цыганов – кандидат исторических наук, научный сотрудник КНЦ УрО РАН, Е.Л. Лычагина – доктор исторических наук, профессор ПГНИУ, И.Ю. Сереброва (Трушкова) – доктор исторических наук, этнограф, профессор Кировского государственного университета, Э.Ю. Макаров ст. научный сотрудник Коми-Пермяцкого краеведческого музея, Е.О. Святова – сотрудник НППЦ по охране памятников Свердловской области и многие другие работники вузов, школ, музеев, учреждений РАН.

Большой вклад в развитие кружка внесла Леонидовна Лычагина Евгения, которая возглавила ШЮА в 1994 г. Она сама была выпускницей ШЮА и, соединяя свой опыт археолога, традиции, сложившиеся в к тому времени в кружке (являясь, по сути, носителем этих традиций) и педагогический талант, она создала устойчиво функционирующий кружок в условиях, когда все остальные кружки Дворца испытывали острый дефицит в учащихся. Особое внимание было обращено на методику преподавания археологии учащимся среднего школьного возраста.

В 1983 г. под влиянием деятельности ШЮА в Пермском Дворце пионеров, аналогичный кружок был открыт и при Дворце пионеров г. Березники. Создателем его стал один из археологов Верхнекамья А.В. Рублев. С 1989 по 2004 г. работой кружка руководила С.В. Скорнякова. Поначалу основным направлением его деятельности было краеведение, туристско-краеведческая работа, но со временем в этом кружке выделилась секция археологии. Березниковский археологический кружок тоже стал первой секцией, основой для формирования НОУ при березниковском Дворце пионеров, которое было создано в конце 1980-х гг. Со временем туристско-краеведческое направление в работе кружка вообще сошло на нет, осталась лишь секция археологии. Силами кружковцев в 1984 г. была проведена археологическая разведка в районе Чашкинского озера, а с 1985 г. школьники под руководством А.В. Рублева на основании открытого листа осуществляли регулярные археологические раскопки (городище Острая Грива, Чашкинское II селище и др.). Помимо этого, кружковцы вели активную научно-исследовательскую работу, с результатами которой неоднократно выступали на областных конференциях НОУ, с 1985 г. на УПАСКах, с 1987 г. на УРАШКах. Как особенность работы этого кружка можно выделить успешное вовлечение в изучение археологии так называемых педагогически запущенных школьников. Начиная с начала 2000-х гг. финансирование деятельности кружка фактически прекратилось, попытки привлечь к этому крупные предприятия г. Березники не увенчались успехом и кружок прекратил свое существование.

Такая же участь постигла впоследствии и ШЮА в ПГДП: постепенно к концу XX в. интерес школьников к изучению археологии по разным причинам стал пропадать, и число юных археологов стало сокращаться, а инициативных людей, способных пробудить этот интерес в школьниках не нашлось.

К сожалению, никто из бывших выпускников ШЮА, связавших свою жизнь с археологией, не смог организовать и возглавить работу ШЮА на том уровне, на котором она задумывалась и была воплощена на практике А.М. Белавиным. Фактически в XXI в. пермская археология вошла без такой базы по подготовке кадров, которой являлась ШЮА, созданная и долгие годы работавшая под руководством А.М. Белавина.

А ведь именно в ШЮА под руководством А.М. Белавина занятия археологией со школьниками стали подлинно систематическими, планомерными и поставленными на научную основу. Фактически на занятиях в кружке школьники проходили вузовский курс археологии и осваивали теоретическую часть методики полевых исследований. А.М. Белавину удалось очень удачно адаптировать вузовскую науку для понимания школьниками 13–15 лет. Будучи на раскопках, юные археологи с успехом применяли полученные знания, помогали МЧСам в руководстве раскопами.

Огромный вклад А.М. Белавина в развитие археологии Пермского края заключается не только и не столько в его научных достижениях и работах, а в первую очередь в создании и формировании научной школы, особенностью которой являлось привлечение школьников, интересующихся историей, к археологическому изучению родного края, создание наиболее благоприятных условий для раскрытия научно-исследовательского потенциала у юных археологов, и последующая их реализация как самостоятельных ученых.

Конечно, не все юные археологи связали свою жизнь с археологией, но все они научились ценить то историко-культурное наследие, которое досталось нам от предков. Никто из них не останется равнодушным, видя, как разрушается археологический памятник, никто из них не пройдет мимо лежащей в дорожной пыли или на прибрежном песке бусины, каменного отщепы и т.п.

Я начал заниматься в ШЮА осенью 1988 г., и мне кажется, это были поистине золотые годы кружка. Желающих заниматься было так много, что в аудиториях ПГДП не хватало мест за партами, учащиеся приносили скамейки из коридора, и писали конспекты прямо на коленях.

Что дала ШЮА лично мне? Я, сугубо городской мальчик, научился, конечно же с помощью старших товарищей, пилить, колоть дрова, разводить костер из того, что под руками, обустраивать экспедиционный быт, получил опыт жизни в палаточных лагерях и многое другое. ШЮА дала мне массу прекрасных впечатлений и воспоминаний о разведках и экспедициях, песнях у костра (рис. 4). На значительной доле фотографий и видеофильмов, хранящихся у меня, запечатлены моменты, связанные с экспедициями, на которых я и мои друзья были сначала школьниками, затем студентами, а потом и совсем взрослыми людьми с нашими детьми, которых мы неоднократно привозили в экспедиции.

С большинством друзей, с которыми я до сих пор поддерживаю теплые отношения, я познакомился на занятиях в ШЮА. И до сих пор, если позволяет время, то я с большим удовольствием, хотя бы на выходные, стараюсь приехать на раскопки, увидеться с друзьями, посидеть вечером у костра, послушать песни, экспедиционные истории.

Рис. 1. 1983 г., селище Запоселье I.
А.М. Белавин с кружковцами

Рис. 2. 1986 г., Саломатовское городище

Рис. 3. 1986 г., актив НОУ. В первом ряду вторая слева – Л.А. Короткова

Рис. 4. 1989 г., Телячий Брод. Песни у костра

Рис. 5. 1990 г., научная сессия НОУ

Рис. 6. 1990 г., УПАСК в Уфе, пермская делегация

Рис. 7. 1991 г., участники конференции НОУ в пермском Дворце пионеров

Рис. 8. 1990 г., экспедиция выходного дня на Конец-Гор. А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Ф. Ибраев, А. Фрирман, А. Кудрин, А. Рубцов

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-72-74

С.А. Кирпилева
КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ...

Пермь, РФ

Пройдя Школу юного археолога, я не стала археологом, но благодаря нашему руководителю, наставнику и другу Андрею Михайловичу Белавину, она стала для меня школой жизни, школой дружбы, а археология навсегда осталась любимым хобби.

Ключевые слова: Андрей Михайлович Белавин, Школа юного археолога, пермский Дворец пионеров, археологическая экспедиция.

S.A. Kirpileva
WHEN WE WERE YOUNG...

Perm, Russian Federation

After completing the School of the Young Archaeologist I did not become an archaeologist, but thanks to our leader, mentor and friend Andrei Mikhailovich Belavin, it became a school of life for me, a school of friendship, and archaeology has forever remained a favorite hobby.

Keywords: Andrei Mikhailovich Belavin, School of the Young Archaeologist, Perm Palace of Pioneers, archaeological expedition.

Стать археологом я мечтала с тех пор, как в 4 классе мы начали изучать историю древнего мира. Моя школьная пора пришлась на 1980-е гг., и основными источниками знаний по археологии тогда были художественные книги и фильмы на исторические темы, познавательные передачи по телевидению, краеведческие музеи. И вот сентябрь 1988 г. – мой девятый класс. Пора начать задумываться о поступлении в вуз. Кто-то из учителей посоветовал посетить день открытых дверей Научного общества учащихся Перми. Там можно было познакомиться с деятельностью различных «школ юных...» и записаться в них, чтобы успеть перед поступлением в вуз «прокачать» знания по направлению будущего обучения. Ясно было, что светит мне «Школа юного историка» при Пермском государственном университете. Но вдруг выяснилось, что кроме нее была и «Школа юного археолога» (ШЮА) при Дворце пионеров (сейчас ДТЮ). Убедительное и яркое выступление представителей школы во главе с Андреем Михайловичем Белавиным впечатлили, и выбор был сделан в пользу ШЮА.

В течение первого года мы занимались дважды в неделю на базе дворца. Это были интересные лекции, которые нам читал Белавин (очень быстро мы поняли, что это – Михалыч). Нам тогдашним было по 15–16 лет, а Михалычу – чуть больше 30. Большой усатый и бородатый дядька, он казался нам очень взрослым. Дабы наш интерес к науке не угас, читая теорию, Михалыч всегда показывал нам настоящие находки. Кроме того, нам было объявлено, что все, «дожившие» до лета, смогут поехать в археологическую экспедицию. В то время нас было человек 12–15 новичков, и мы практически не пересекались со «старичками». Среди моего «набора» были Андрей Кудрин, Тёма Рубцов, Виталик Мингалев.

До лета мы благополучно дожили и смогли почти всем составом новичков принять участие в своей первой археологической экспедиции на раскопках селища и могильника Телячий Брод. Месяц жизни на природе в палатках, еда, приготовленная на костре, умывание в речке, ежедневные вечерние посиделки у костра, песни под гитару, работа на раскопе, первые собственные находки, игры в «картошку» и бадминтон, и многое другое – все это только

усугубляет интерес и любовь к археологии в юных сердцах. А также способствует появлению достаточно дружного и сплоченного коллектива. На раскопе нами руководили МНСы. Конечно, официально это расшифровывалось как «младший научный сотрудник», но в нашем случае МНСом был Олег Нечаев, поэтому аббревиатура трансформировалась в «маленькое ноющее существо». Олег честно пробовал нами руководить, вызывая к нашей совести: *«Работайте, негры, солнце еще высоко»*, *«Я тут тружусь как маленький трактор, а вы стоите в позе девушки с веслом»* и т.п. При этом именно с нами, «кружковцами», Олегу было сложнее, чем со студентами-первокурсниками – тех мотивировала хорошо работать оценка за практику, а нас...

Какая археологическая экспедиция может обойтись без обязательного посвящения в археологи? Как обычно, программа включала брожение неофитов цепью с завязанными глазами по буеракам, ползание под лопатами, питье «священной бурды», намешанной «старичками», лобызание закопченной лопаты и как счастливый итог – печать на лицо с подтверждением статуса археолога. Да, зеленка смывается далеко не сразу, но если честно, то и не было особого желания ее смывать – все-таки статус был заслужен.

Та экспедиция мне запомнилась и еще одним развлечением – мы играли в карты... на еду. Кто-то из проигравших, помню, должен был выпить пять кружек киселя за раз, и потом ходил и булькал как водяной. А вот я проиграла поедание макарон с тушенкой в объеме одного литра. Надо ли говорить, что макароны с тушенкой после той экспедиции я не люблю.

В общем, жизнь была интересной и свободной. Но хотя гиперопеки над нами не было, мы были уверены, что Михалыч всегда знает, что мы делаем, и незримо контролирует происходящее.

Второй год в ШЮА пришелся на мой выпускной класс, а это подготовительные курсы, подготовка к выпускным экзаменам. Поэтому посещения занятий во Дворце стало меньше, но мы часто общались кругом «старичков», в который перешли после посвящения, и мечтали о следующем лете – как же можно пропустить экспедицию?! Однажды Михалыч объявил, что по обстоятельствам непреодолимой силы не сможет провести несколько занятий, так как «отбывает службу под знамена короля Артура» (ему пришла повестка на участие в военных сборах). Мы терпеливо ждали.

Несмотря на усиленную подготовку к поступлению на исторический факультет ПГУ, я внезапно передумала это делать, и поступила в тот же вуз на мехмат. Это не помешало мне в ежегодно проводить месяц каникул, а потом и отпуска, в археологических экспедициях.

Даже повзрослев, в экспедиции мы ездили (*рис. 1*) на равных условиях со всеми студентами-первокурсниками истфака. Нас никогда не воспринимали как «гостей», и, например, дежурства по кухне были обязательными. Помню, шел 1993 г., моя пятая экспедиция. Однажды, застав меня в очередной раз на дежурстве, Михалыч подошел и сказал, что он напишет от своего лица руководителя экспедиции благодарственное письмо, и отправит мне его на мехмат. Я честно призналась, что лучшей благодарностью для меня станет освобождения от участия в обязательных дежурствах. И с тех самых пор эти обязанности стали обходить меня стороной.

Кстати, далеко не все из «юных археологов» решили получать историческое образование, для части из нас археология осталась любимым хобби. Но и сейчас многие из нас хотя бы на несколько дней, но стараются приехать в поле. И почти всегда «костяк» экспедиции состоял именно из выпускников ШЮА, – именно нам доверялись сложные раскопки на могильниках, зачистки и разбор погребений с находками. И сегодня, спустя более 30 лет, я уверена, что моя зачистка будет на высоте.

За годы экспедиций все привыкли видеть Михалыча в неизменном образе: рыжая борода и усы. Но не все могут похвастаться тем, что видели его и другим. Не знаю, что было первопричиной, но в одной из экспедиций он сбрил усы, оставив бороду, – и стал похож на шкипера. Об этом начальнику не сказал только ленивый. В другой раз была сбрита борода, и это опять стало предметом шуток, уж слишком получившийся образ напоминал одного из героев «Маппет-шоу». Михалыч стоически перенес наше веселье.

В 2008 г. многие из нас – «старых юных», выпускников ШЮА, уже давно не ездили в экспедиции. Но в тот год БАМу исполнилось 50 лет, и 5 июля, в его день рождения, мы собрались на Рождественском городище, чтобы отметить юбилей того, кто стал для нас Учителем с большой буквы, кто повлиял на наше взросление, кто стал не только нашим наставником, но и другом. И праздник удался! А сейчас... нет чувства скорби. Есть только светлые и теплые воспоминания о замечательном человеке, который был в нашей жизни (рис. 2).

Рис. 1. 1992 г., Рождественск. Снежана Кирпилева на любимом «насесте»

Рис. 2. 2012 г., Рождественск. Снежана Кирпилева и Андрей Михайлович

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-75-77

А.В. Кудрин
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.М. БЕЛАВИНЕ

Пермь, РФ

Я не собирался становиться археологом, но Андрей Михайлович Белавин так поразил при первой встрече, что я оказался в Школе юных археологов. Много лет, проведенных в экспедиции, были насыщены событиями, дружескими встречами, шалостями и бесконечным жизненным опытом.

Ключевые слова: Школа юных археологов, Андрей Михайлович Белавин, экспедиции, находки.

A.V. Kudrin
MEMORIES OF A.M. BELAVIN

Perm, Russian Federation

I was not going to become an archaeologist, but Andrei Mikhailovich Belavin impressed me so much at our first meeting that I ended up in the School of Young Archaeologists. Many years spent on the expedition were full of events, friendly meetings, pranks and endless life experience.

Keywords: School of Young Archaeologists, Andrei Mikhailovich Belavin, expeditions, finds.

Андрея Михайловича Белавина я впервые увидел осенью 1988 г. Не помню, откуда точно, но я узнал, что в Пермском государственном университете будет проводиться день открытых дверей, и в студенческом клубе пройдет презентация кружков «Научного общества учащихся» (НОУ) дворца пионеров. Изначально я собирался записаться в кружок юных историков, но когда на сцену вышел огромный рыжеволосый обаятельный и добродушный Андрей Михайлович и начал рассказывать про экспедиции, предпочтения мои изменились и в конце мероприятия я записался в «Школу юных археологов».

Весь 1988/89 учебный год мы с другими кружковцами (С. Кирпилёвой, М. Медведевой, А. Рубцовым, Ю. Серебряковым и пр.) посещали занятия в новом, недавно построенном корпусе Дворца пионеров, где Белавин читал нам лекции. Запомнились занятия о каменном веке, где речь шла об орудиях труда и их изготовлении, о скифах и античных городах Северного Причерноморья, но особенно и более всего о Волжской Булгарии. Кроме того, Андрей Михайлович прививал нам любовь к археологическому фольклору, диктовал тексты песен, которые мы записывали в песенники, а иногда даже напевал мотивы.

В июле 1989 г. я вместе с другими юными археологами поехал в свою первую экспедицию под Чусовой, мы копали селище и могильник Телячий Брод. Я работал на селище, квадрат мне достался сложный с большим слоем гравия в верхних слоях. Находок было мало, но одна привлекла внимание Андрея Михайловича – это была бронзовая пуговица, которая казалась мне совершенно ничем не примечательной. Белавин объяснил мне, что пуговицы для того периода, который мы исследовали, были редкостью, чаще одежда застёгивалась на костяные или деревянные застёжки.

Андрей Михайлович всегда поддерживал археологическую субкультуру и уделял большое внимание различным её элементам, сам участвовал в различных мероприятиях, пел песни у костра (помню его исполняющим «Шишнадцать столовых ножей» и др.). В первую

же экспедицию я наблюдал археологические праздники «Крещение» и «Посвящение в археологи», позже, в 1990-е я уже сам участвовал, – был шафером на «свадьбе», когда «женили» моего друга Алексея Сытника (*рис. 1*).

В 1990 г. после моего поступления на истфак Педагогического института я приехал в экспедицию в районе села Рождественск Карагайского района, где шли раскопки городища и могильника. Ближе к концу экспедиции, когда Андрей Михайлович раздумывал, куда поехать в маленькую экспедицию в августе, я соблазнил его поехать в Чердынский район, в село Вильгорт, откуда родом мой отец. Там Андрей Михайлович с Натальей Борисовной Крыласовой помимо собственно археологии занимались ещё и этнографическими исследованиями, ходили по домам, делали записи на новенькие компактные диктофоны с маленькими кассетками.

Археологическая жизнь естественным образом сосуществовала с большой жизнью страны и мира и периодически вторгалась в неё неожиданными новостями, звучавшими из радиоприёмника. Помню, как где-то в Вильгорте Андрей Михайлович весело объявил нам с Артемом Рубцовым, что нас скоро заберут в армию, так как Саддам Хусейн вторгся в Кувейт, а мы с Ираком союзники. В другой раз, в августе 1991 г., когда мы копали могильник Телячий Брод, утром он заглянул в нашу палатку «БРДА» и сообщил, что в стране случился переворот. Он любил пошутить, поэтому ему никто не поверил, но когда мы вышли к костру, и услышали новости по радио, всё оказалось правдой.

Надо сказать, что пошутить в экспедиции умели многие. Однажды в 1990-е на Рождественском городище возникла идея разыграть Андрея Михайловича. Костей у нас на раскопе было очень много, из одной мы сделали что-то вроде кочедыка и нанесли на него шестиконечную звезду в качестве тамги. Чтобы искусственно состарить, продержали «кочедык» в чайной заварке, потом высушили и закопали на раскопе. Вскоре предмет был найден одним из непричастных к заговору археологов. К месту событий был вызван Белавин, который удивился, но сказал, что ему приходилось встречать тамгу в виде пятиконечной звезды, и что всё возможно. В итоге лишь тогда, когда эту «находку» уже зашифровали в камералке, кто-то всё-таки решился сказать, что это подделка. Андрей Михайлович очень обиделся.

Впрочем, были и минуты настоящего торжества, если не сказать триумфа, я наблюдал их дважды. Первый раз на могильнике Телячий Брод в августе 1991 г. была найдена серебряная пряжка с изображением всадника, чему Андрей Михайлович был очень рад, а во второй на Рождественском могильнике уникальная серебряная подвеска, с одной стороны которой был знак Рюриковичей, а с другой молот Тора. Оба этих предмета сегодня занимают достойное место в экспозиции Пермского краеведческого музея.

Андрей Михайлович никогда не чурался простой работы, я помню его и с лопатой в руках, когда он сам делал зачистку (*рис. 2*), и закапывал раскопы, и с молотком, и с пилой. Он был очень разносторонним и мудрым человеком, всегда готовым прийти на помощь и что-то подсказать.

Не забывал он и о справедливости. Однажды я приехал в Пермь из Москвы, и зашёл к нему на работу. Там прямо в проректорском кабинете он подарил мне книгу об археологическом комплексе Рождественского городища, в предисловии к которой упоминались и я, и мои товарищи, которые участвовали в раскопках, но археологами так и не стали.

Несмотря на то, что с самого начала своего общения с Андреем Михайловичем я никогда не скрывал того, что мне больше интересна история, т.е. работа с письменными источниками, а не археология, Белавин всё же не терял надежды сделать из меня археолога. Раз или два на Рождественском городище он ставил меня на короткое время МНСсом на раскопе вместо тех, кто временно выбывал. Пытался использовать меня, как хозяйственника, рассчитывая, что из меня получится хотя бы завхоз, так в одну из экспедиций я целый месяц ходил в Рождественск за молоком после работы на раскопе. Но в конечном итоге после вуза я стал даже не историком, а социологом, хотя никогда про историю не забывал и, в конце концов, к ней вернулся.

В последний раз с Белавиным мы виделись уже в период пандемии во дворе главного корпуса ПГГПУ, говорили о черновике книги, которую я в тот момент писал, обсуждали возможность её издания. К сожалению, потом мы уже лично ни разу не пересекались, хотя часто переписывались и по почте, и в социальных сетях.

Рис. 1. 1992 г., Рождественск. Андрей Кудрин, В.А. Сокол, Алексей Сытник на «свадебке»

Рис. 2. А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова на раскопках Лаврятского городища

УДК 902, 82-94

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-78-80

Ф.М. Ибраев, Д.М. Ибраев, Я.В. Агишев
КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ...

Пермь, РФ

Андрей Михайлович Белавин – не только известный ученый и исследователь. Одним из важных дел его жизни стало создание Школы юных археологов, несколько десятков лет действовавшей в пермском Дворце пионеров. Многие ее выпускники стали профессиональными археологами и историками, много лет работавшими в Камской археолого-этнографической экспедиции. Для многих, выбравших в жизни другой путь, археология навсегда осталась любимым хобби. В статьях собраны воспоминания «старых юных» археологов об Андрее Михайловиче, их первых экспедициях, удивительной атмосфере Школы, созданной Белавиным.

Ключевые слова: Школа юных археологов, экспедиция, дружба, наставник.

F.M. Ibraev, D.M. Ibraev, Ya.V. Agishev
HOW YOUNG WE WERE...

Perm, Russian Federation

Andrei Mikhailovich Belavin is not only a famous scientist and researcher. One of the important affairs of his life was the creation of the School of Young Archaeologists, which operated for several decades in the Perm Palace of Youth Creativity.

Many of its graduates became professional archaeologists and historians who worked for many years in the Kama archaeological and ethnographic expedition. For many who have chosen a different path in life, archeology has forever remained a favorite hobby. The articles contain memories of “old young” archaeologists about Andrei Mikhailovich, their first expeditions, and the amazing atmosphere of the School created by Belavin.

Keywords: School of young archaeologists, expedition, friendship, mentor.

Фарит Ибраев

Андрей Михайлович в первую очередь был нашим наставником. Мы познакомились в 1983 г., в моей первой экспедиции. Естественно, основное место наших встреч, это раскоп – он всегда был там, руководил. Всегда объяснял, говорил, – вот это такая вещь, вот это такая находка. Вечером у костра вместе пели песни. Андрей Михайлович, кстати, всегда их и заводил, он знал огромное количество старых туристических песен.

Благодаря ему мы в первых экспедициях начинали увлекаться фотографией, особенно с Фримом (Толей Фримерманом) (рис. 1). Ловили ракурсы и все такое... Белавин, конечно, был желанной целью нашей фотоохоты. Постоянно ходили и пытались застать Михалыча, как он работает. Во время экспедиции на Саламатово мы наконец-то подкараулили – он сидит на бровке раскопа, хороший ракурс. Я только прицелился, и тут сзади к нему незаметно подкрался Фрим, и сделал руками «рога». Таким этот кадр и получился (рис. 2). Когда мы потом Белавину эту фотографию напечатали и показали, он посмеялся, но все-таки нам влетело.

В одной из наших первых экспедиций мы с моим другом Андреем Ломаевым познали гнев Андрея Михайловича. Инициатором был я, нас назначили дежурными. По-моему, это было наше второе по счету дежурство, я сказал – слушай, давай пораньше встанем, дрова напилем, а потом будем спать, пока весь лагерь спит. В итоге мы часа в четыре встали, сол-

нышко только поднялось, и пошли пилить дрова. А палатка у Михалыча стояла рядом с кухней. Мы начали греметь на весь лагерь. И из палатки раздался такой рык: «Ну-ка, ко мне!». Мы, два обалдуя, перепуганные прискакали – ой, что? «Так, оба марш спать, чтобы я вас тут не слышал!» С тех пор мы больше в экспедиции так рано не вставали. Он, кстати, когда ругал нас, всегда делал этот так, что ты, с одной стороны, понимал, что так делать точно больше никогда не надо, а с другой, это всегда было не обидно, почти в шутку.

Его лекции по археологии в кружке, его всегдашние пояснения на раскопе дали мне многое понять о том, как был устроен мир. И иногда это в совсем удивительных случаях мне пригождалось. Например, уже в вузе на экзамене мне попался билет по истории металлургии – и тут я от души начал рассказывать все, что об этом знал. Экзаменаторы меня остановили и сказали: «Мы видим, молодой человек, вы очень хорошо знаете тему».

Дамир Ибраев

Я попал в экспедицию, естественно, после рассказов брата о том, как там интересно, какой пляж на Огурдино, как там интересно. Ну, я тоже решил, ладно, надо идти. Так я и попал в ШЮА в 1985 г. и тоже остался очень надолго.

Конец восьмидесятых – начало девяностых, это было время, когда в дефиците оказалось все. Но у Андрея Михайловича было удивительное свойство доставать «из ничего». Помню 1991-й г., мы копаем в окрестностях Чусового. В один из дней собрались в город за продуктами, а там пустота, – все по талонам. Но Белавин заглянул в какой-то небольшой магазин, и оп – у нас уже консервы и два блока сигарет.

С Андреем Михайловичем всегда было очень интересно, он не только умел увлекать, но и обладал удивительной внутренней свободой. Помню, как в 1988 г., когда я уже поступил в вуз, я поехал комиссаром на теплоходе «Украина». На теплоходе во время поездки у научного общества учащихся была официальная стенная газета. В один из вечеров мы собрались в каюте у Андрея Михайловича и Натальи Борисовны, и решили, что газеты нам этой не хватает, и надо выпускать свой альтернативный боевой листок. Белавин страшно загорелся этой идеей, и несколько номеров газеты, которая покорила весь теплоход, мы выпустили. Причем, мы соблюдали полную конспирацию, и только спустя неделю выяснилось, что подпольщики – это мы... А как-то Андрей Михайлович, у которого с собой было множество аудиокассет, предложил организовать особую дискотеку. Мы с ним разработали программу, и он выступил, как заправский диджей. Тогда на дискотеку собрался весь теплоход, включая даже нескольких матросов, и отплясывали, пока капитан всех не разогнал...

Яков Агишев

Мои воспоминания об Андрее Михайловиче сейчас кажутся отрывочными. В Школу юных археологов меня привел Фрим в 1986 г. – занятия кружка проходили еще и в пединституте. Было удивительно, когда я зашел в старый склад, в каморку, где лежали на полках палатки, спальники, коллекции, там стоял такой удивительный запах, – мне тогда казалось, что это запах «настоящей археологии». На следующее лето мы поехали в поле, и та компания, которая у нас появилась, экспедиция – это очень надолго стало моей жизнью.

Еще одна яркая история, которая связана с Андреем Михайловичем, это наши поездки с научным обществом учащихся на теплоходе «Украина». Каждый год была такая поездка, и она была удивительно интересной, потому что с нами были все те же люди. Помню лекции Андрея Михайловича на теплоходе, когда он собирал нас, юных археологов, и рассказывал нам свое видение истории, пересказывал новые публикации, открытия, которые появлялись. Оторваться от этого разговора было невозможно. И самое главное, какой была атмосфера, которую он создавал на этих лекциях – добродушную, приятную, заинтересованную. Еще Андрей Михайлович брал иногда у капитана лоцию и рассказывал по радио, мимо каких археологических памятников мы проплываем. Однажды на зеленой стоянке где-то в Самарской области нам наскучило купаться, и мы пошли искать подъемку. Нашли, и, как позже выяснилось, открыли новый памятник.

И еще одна очень важная вещь про Андрея Михайловича. Он воспитал многих людей, благодаря ему мы начали учиться, развиваться, жить. И еще он научил нас любить природу, научил, как мы должны вести себя с ней. Он страшно не любил туристов за бесцельность их походов и за то, что им было все равно, что они после себя оставляют. Нам он говорил – мы тут живем в экспедиции, и после себя на месте лагеря никогда не должны оставлять мусор. Он нам открыл наш родной край с той стороны, с которой мы никогда его не знали.

Рис. 1. 1987 г., Телячий брод – мы фотографируем (на переднем плане – Толя Фримерман)

Рис. 2. 1986 г., Саломатовское городище

Рис. 3. 1990 г., юные археологи: Фарит Ибраев, Алексей Шилов, Толя Фримерман, Женя Комарова, Яша Агишев, Лена Ежова, с гитарой – Дамир Ибраев

*СТАТЬИ В СФЕРЕ НАУЧНЫХ
ИНТЕРЕСОВ А.М. БЕЛАВИНА*

УДК 902, 303.446.4

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-82-90

В.А. Иванов
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА БЕЛАВИНА
«ИЗ БУЛГАР В УГРИ»

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Уфа, РФ

В статье приводится историографический обзор исследований и трудов А.М. Белавина, посвященных обоснованию и развитию концепции этнокультурной доминанты древних угров в этнической карте Прикамья эпохи Средневековья на материалах ломоватовской, неволинской полемской археологических культур. Этот обзор показывает, что «угорская проблема» была основной в исследовательской парадигме ученого буквально с первых его шагов в самостоятельном научном творчестве. Хотя на первый взгляд, благодаря фундаментальным исследованиям в области торгово-экономических и этнокультурных отношений в регионе именно они выступают на первый план при восприятии и оценке его научного наследия.

Ключевые слова: угры, венгры, Прикамье, Предуралье, этнокультурная доминанта.

V.A. Ivanov
CREATIVE PATH OF ANDREY MIKHAILOVICH BELAVIN
"FROM BULGAR TO UGRI"

Institute of Archaeology A.H. Khalikova AN RT, Ufa, Russian Federation

The article provides a historiographical review of the studies and works of A.M. Belavin, devoted to the substantiation and development of the concept of the ethnocultural dominant of the ancient Ugrians in the ethnic map of the Kama region of the Middle Ages based on the materials of the Lomovatskaya, Nevolinskaya Polomskaya archaeological cultures. This review shows that the "Ugri problem" was the main one in the research paradigm of the scientist literally from his first steps in independent scientific creativity. Although at first glance, thanks to fundamental research in the field of trade, economic and ethnocultural relations in the region, they come to the forefront in the perception and assessment of his scientific heritage.

Keywords: Ugrians, Hungarians, Kama region, Cis-Urals, ethnocultural dominant.

В качестве определения научного кредо археолога А.М. Белавина вполне подходят слова его учителя, выдающегося советского археолога А.Х. Халикова, услышанные мною в пересказе казанских коллег. Когда-то Альфреду Хасановичу задали вопрос, почему он сменил тему своих исследований. На что он ответил: «я изучаю НАУКУ АРХЕОЛОГИЮ, а не узкие темы в ней». И действительно, в археологии А.Х. Халиков был «полиглот», хорошо знавший её проблемы в самом широком диапазоне – от древности до Средневековья.

В этом плане Андрей Михайлович был близок своему учителю. Конечно, по своей научной специализации он был археолог-медиевист, но в рамках этой специализации его исследовательские интересы простирались широко: от проблем духовной и социально-экономической истории средневекового населения Урала и Волго-Камья до проблем этнической истории региона.

Как формируется палитра исследовательских интересов ученого, это, чаще всего, его сугубо личное дело. Главное, чтобы эти интересы не противоречили общей конъюнктуре познавательных проблем данного места (региона) и в данное время. Свой путь в науке

А.М. Белавин начал с подготовки под руководством А.Х. Халикова кандидатской диссертации на тему «Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X–XIII вв. (К вопросу о культурном и экономическом взаимодействии)». К этому времени в археологии Урало-Поволжья уже фактически затухали сполохи дискуссии относительно места и роли древних угров-мадьяр в этнической истории региона, вызванной было открытием и исследованием в 1974 г. Больше-Тиганского могильника.

Для большей части территории Прикамья своего рода программными стали выводы Р.Д. Голдиной, изложенные исследовательницей в статье, опубликованной в 1987 г. Суть их состоит в том, что, начиная с эпохи Великого переселения народов (и даже раньше), этническая карта Прикамья формировалась при явной доминанте носителей пермского этноса [Голдина, 1987].

В это же время Е.П. Казаков – последовательный сторонник угорского присутствия в Южном Предуралье – вопрос о пребывании угров в регионе предложил увязать с ответом на вопрос об этнической принадлежности носителей западносибирских культур с резной и штампо-гребенчатой керамикой, представителями которых в Приуралье, в частности, являются носители кушнарниковской и караякуповской культур VII–IX вв. [Казаков, 1979, с. 92; 1981a, с. 135; 1981b, с. 139–140; 1986; 1992, с. 242–245].

Уже в начале 1990-х гг. А.М. Белавин делает (позволю себе так выразиться) первый шаг к созданию собственной концепции угорского присутствия в Прикамье в эпоху раннего Средневековья: из общего комплекса материальной культуры племен региона начала II тыс. н. э. он выделяет именно угорские его черты. Это шумящие подвески и арочные наконечники с костыльком – исчезновение которых у носителей родановской культуры было, по его мнению, связано с усилением финно-пермского этнического компонента в лесной полосе Западного Урала [Белавин, 1993, с. 6].

Следующий шаг – обоснование угорской принадлежности Пермского звериного стиля в декоративном искусстве Прикамья. Здесь А.М. Белавин, исходя из результатов персонажного, сюжетного и композиционного сопоставления образцов Пермского звериного стиля с Печорским и Обским – традиционно идентифицированными как угорские – приходит к выводу об их этнической идентичности, при этом подчеркивая, «что и иные элементы духовной и материальной культуры Прикамья VI–XII вв. указывают на преимущественно угорский характер населения Пермского Прикамья (здесь и далее выделено мной – авт.). Звериные стили (культовые плакетки), таким образом, маркируют угорские территории на Востоке Европы и Западе Азии» [Белавин, 1995, с. 62].

То есть круг угорских этнических маркеров в культуре населения лесного Прикамья в I тыс. н. э. был расширен.

Сложившаяся у А.М. Белавина концепция угорской этнокультурной доминанты в лесном Прикамье в тезисном формате была изложена им в докладе, прочитанном в 1996 г. на XIII Уральском археологическом совещании.

Хронологические границы этой концепции охватывают период, начиная с ананьинской эпохи. По-видимому, в данном случае сказалось влияние гипотезы О.Н. Бадера и В.А. Оборина, выдвинутой много ранее, согласно которой формирование ананьинской культуры в Прикамье произошло вследствие этнокультурного толчка, полученного прикамским населением эпохи поздней бронзы из-за Урала, т.е. из области расселения древних угров [Бадер, Обороин, 1958, с. 95]. Данная гипотеза, вероятно, и породила высказанный А.М. Белавиным тезис о том, что «ананьинская общность, видимо, представляла собой союз разных в этническом плане племен древних финнов и угров, причем последние обитали преимущественно в районах Верхнего Прикамья» [Белавин, 1996, с. 61].

Далее автор обозначает миграционные волны угров из-за Урала и Приобья в эпоху раннего Средневековья (харинцы, турбаслинцы, кушнарниковцы и пр.), что привело к сложению в Прикамье и Предуралье «преимущественно угорских культур: ломоватовская и неволинская, угро-самодийская ванвиздинская, финно-угорская полонская». А после появления в Южном Приуралье угорских кушнарниковских и караякуповских племен здесь складывается

и протомадьярская общность [Белавин, 1996, с. 61]. И ещё одна интересная мысль А.М. Белавина: «Последняя¹ явилась центром притяжения для угров Прикамья и вызвала их переселения на Нижнюю Каму и Среднюю Волгу (миграция неволинских племен из бассейна Сылвы), где сложившееся в IX в. государство болгар вступило в конфронтацию с приуральскими мадьярами и использовало камских угров как союзников в борьбе с ними» [Белавин, 1996, с. 61]².

Таким образом, была в общих чертах сформулирована концепция угорской этнокультурной доминанты в Прикамье и Приуралье в эпоху раннего железного века – Средневековья.

В статье 1997 г. (в соавторстве с Н.Б. Крыласовой) концепция угорской этнокультурной доминанты в Прикамье и Приуралье излагается в более развернутом виде, вызывающем ассоциацию с планом-проспектом будущей монографии³. В этой статье авторы четко проводят этнокультурную грань между волжскими «ананьинцами» (финнами) и прикамско-приуральскими «ананьинцами», оставившими памятники с гребенчато-шнуровой керамикой (уграми). Обозначены морфологические признаки процесса «угризации» региона в эпоху Великого переселения народов и более позднее время. Обозначены время (X–XI вв.) и причины (миграция угров в западном направлении, расширение пермской этнической территории под нажимом русской колонизации региона) вначале ослабления угорской этнической доминанты в Прикамье и Приуралье, а затем и вообще превращения их в этническую ксению внутри финно-пермского этнокультурного ареала [Белавин, Крыласова, 1997].

Последующие труды А.М. Белавина, вышедшие в конце 1990-х – начале 2000-х гг.⁴, строились уже в концепции ведущей роли угров как в формировании этнической карты региона в эпоху раннего Средневековья, так и их участия в динамике этнокультурных и торгово-экономических контактов с этнически родственными племенами Зауралья и Волжской Болгарией. На данном этапе своей работы исследователь широко оперирует всем комплексом эмпирических данных, свидетельствующих об активном этнокультурном взаимодействии Приуралья с Зауральем, начиная с середины I тыс. н. э.: «в конце IV – начале V в. н. э. в Приуралье приходит большой массив зауральского населения, принесший курганный обряд захоронения. По мнению Р.Д. Голдиной и ряда других исследователей, это пришлое население связано с саргатской археологической культурой лесостепной и, частично лесной, полосы Западной Сибири.

Переселяющееся позднесаргатское население *быстро освоило территории Пермского Приуралья, заселенные родственными по языку гляденовскими племенами*, распространяясь в бассейне Сылвы, окрестностях современной Перми, а также на камском правобережье в направлении к верхнему течению Камы». Оно же, по мнению автора, привнесло с собой в Приуралье традиции связей с Востоком, отразившиеся в Пермских кладах сасанидской торевки и монет [Белавин, 1999, с. 10–11].

Совершенно новой⁵ явилась предложенная А.М. Белавиным идентификация болгарского племени «эсегель» как угры. По результатам работ Камской археолого-этнографической экспедиции (КАЭЭ) Пермского государственного педагогического института (затем – университета), созданной в 1983 г., эмпирическая база этноисторических построений исследователя стала заметно расширяться. И свои выводы он дополняет такими, заведомо угорскими, этномаркёрами, как наборная поясная гарнитура определенного типа, погребальные лицевые маски-покрытия, использование деревянных помостов и гробов-рам в погребальной обрядности носителей ломоватовской и неволинской культур. Это дает ему основание сделать ло-

¹ Протомадьярская общность.

² Здесь просто напрашивается необходимость указать, что к этой же мысли в это же время пришел и автор этих строк [Иванов, 1990, с. 115].

³ И она увидела свет в 2009 г. [Белавин и др., 2009].

⁴ Включая и докторскую диссертацию на тему «Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья», защищенную в 2000 г. [Белавин, 2000].

⁵ А для кого-то из коллег и неожиданной.

гически и эмпирически обоснованный вывод: «Во главе эсегельского переселения в Болгарию стояли племена неволинской культуры, к которым позднее присоединяются ломоватовско-родановские угры... Камские угры приняли активное участие в этногенезе волжских болгар и, приняв ислам, слились в X–XII вв. с тюркоязычными болгарями, сохранив, однако, этномаркирующие признаки своей традиционной материальной культуры. Именно эсегелывису заложили основы болгаро-прикамской торговли и стали основными экономическими партнерами Болгарии на севере» [Белавин, 1999а, с. 81].

С точки зрения А.М. Белавина⁶, пожалуй, наиважнейшим этническим маркером угорской культуры является так называемый Пермский звериный стиль в декоративно-прикладном искусстве Урала в эпоху Средневековья. Поэтому вполне естественно и логично, что определению, а главное – доказательству его угорской принадлежности им было посвящено специальное исследование. Методом анализа археологических, историко-этнографических и фольклорных данных, выстроенных в логическую взаимосвязанную и взаимодополняющую систему автор делает вывод, принять который, по моему убеждению, следует как аксиому: «Звериный стиль на востоке Европы и западе Азии в эпоху Средневековья можно уверенно считать маркером угорского этнического компонента населения» [Белавин, 2001, с. 23].

Собственно говоря, торговый обмен волжских болгар с прикамскими уграми-эсегелами это и было окончательное сложение Камского торгового пути, которому Андрей Михайлович посвятил свою докторскую диссертацию, своеобразный конспект которой был представлен им в специальной статье [Белавин, 1999].

Отмечу такую деталь: в конце 1990-х гг., когда А.М. Белавин разрабатывал свою концепцию угорской этнокультурной доминанты в Прикамье, я занимался тем же самым применительно к территории Южного Приуралья (памятники кушнаренокской и караякуповской культур). Но если я «стоял на плечах титанов» – Е.А. и А.Х. Халиковых, Е.П. Казакова, уже заложивших основы угорско-мадьярской этнической интерпретации этих культур, то ему сразу же пришлось столкнуться с решительным сопротивлением и критикой со стороны патриотов-автохтонистов, сторонников пермской этнической принадлежности прикамских культур эпохи раннего железного века – Средневековья. Среди них, кроме археологов Р.Д. Голдиной, И.Ю. Пастушенко, А.Ф. Мельничука, выступали этнограф Г.Н. Чагин и историко-лингвист В.В. Напольских. На мою долю, правда, тоже доставались критические «прилеты» со стороны коллег по археологии Башкортостана – Н.А. Мажитова, Ф.А. Сунгатова и их сторонников. На этой почве мы с Андреем Михайловичем все четче стали осознавать необходимость объединения результатов наших исследований в единую концепцию ведущей роли угров в формировании этнической карты Приуралья в эпоху Средневековья уже в широких историко-географических, а не современных административных границах региона.

После выхода в 1999 г. моей монографии, посвященной дальнейшему обоснованию идеи угорско-мадьярской принадлежности носителей кушнаренокской и караякуповской культур в Южном Приуралье (выдвинутой ещё в 1970-е гг. Е.А. и А.Х. Халиковыми) по результатам сравнительно-статистического анализа археологического материала [Иванов, 1999], А.М. Белавин применил этот метод для анализа материалов ломоватовской, неволинской и полумской культур Прикамья. Результаты у нас получились адекватные, что дало автору сделать вывод о том, что они, результаты «достаточно определенно указывают на то, что в этнокультурном плане могильники кушнаренокской, караякуповской и угорских зауральских археологических культур с одной стороны, и могильники неволинской, полумской и ломоватовской культур с другой стороны составляли части этнокультурного ареала древних угров Урала и Западной Сибири, занимавшего территорию от Приобья на востоке до

⁶ Подвергать которую сомнению я просто не вижу смысла.

Прикамья на Западе... Таким образом, верной представляется точка зрения А.Х. Халикова и Е.П. Казакова на принадлежность населения Предуралья эпохи раннего Средневековья к преимущественно древнеугорскому этносу» [Белавин, 2003, с. 141–143].

Значительное расширение эмпирической базы по средневековой археологии Прикамья вследствие масштабных полевых исследований КАЭЭ в 1990-х – начале 2000-х гг. (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, Н.Г. Брюхова, А.Н. Сарапулов, А.В. Данич и др.) объективно влекло за собой *некоторые*, если не коррективы, то дополнения и уточнения опять-таки *некоторых* высказанных ранее предположений. Именно таковой мне представляется статья А.М. Белавина и Н.В. Крыласовой, вышедшая в 2007 г., и посвященная взаимодействию населения степи и леса в его археологическом проявлении. Примечательно, что статья эта была опубликована на следующий же год после выхода в свет нашей с Н.В. Крыласовой монографии на ту же самую тему (только по материалам костюмного убранства кочевников и лесовиков). Наш общий вывод состоит в том, что при наличии некоторых общих элементов в костюмном декоре (в первую очередь – в поясных наборах), сравнительно-статистический анализ, во-первых, показал, «что ассортимент предметов убранства костюма средневековых кочевников, так же как и населения лесного Прикамья, в принципе унифицирован, и культурно-хронологические различия проявляются, в основном, в удельном весе тех или иных предметов в общем комплексе материальной культуры рассматриваемых групп». Во-вторых, различается семантика наборных поясов – общий элемент костюма у кочевников и прикамских лесовиков. Если у первых это знак социальной значимости мужчины-воина, то у вторых – сакральный элемент, в большей степени характерный для женского костюма. Хотя, в-третьих, «что касается женского костюма сравниваемых групп лесного прикамского и степного кочевого населения, то он вообще, кроме серег-подвесок и ожерелья из бус, *не имеет никаких общих признаков*» [Иванов, Крыласова, 2006, с. 147–148].

В этом плане А.М. Белавин и Н.В. Крыласова в своей статье излагают аналогичный взгляд, отмечая, что «смысл деталей костюмного убранства у жителей степи и жителей леса *никогда не совпадал*. Даже в позднее время, когда основным транслятором степных новинок стало ремесло Волжской Болгарии, «степняк» и «лесовик» *воспринимали один и тот же элемент с разной целью и смыслом*» [Белавин, Крыласова, 2007, с. 139].

Но с другой стороны⁷, по мнению исследователей, «археологический материал дает возможность говорить и о редких, но имевших место *прямым контактах степняков с жителями предуральских лесов*, в отличие от письменных источников, в которых нет такой информации». Более того, их итоговый вывод – археологические материалы Предуралья достаточно наглядно рисуют активные связи между населением степи и леса в период Средневековья [Белавин, Крыласова, 2007, с. 140–141]⁸.

Лично я данный тезис воспринимаю скептически – находки вещей кочевнических типов, на мой взгляд, ещё не означает прямого проникновения их создателей в леса Прикамья. В конце концов, между кочевниками Волго-Уральской степи и лесным населением региона находились рынки Волжской Болгарии и курсировали болгарские купцы, основавшие на Каме свой ремесленно-торговый центр – «Касаба Афкула» (Рождественское городище). Оттуда, кстати, и происходит большинство образцов деталей аскизской поясной гарнитуры [Белавин, 2003].

Развитие археологической эмпирики в регионе привело А.М. Белавина к мысли о существовании в Верхнем Прикамье в VII–XII вв. двукомпонентного этноса – угорского и финно-пермского. По его мнению, этот этнокультурный симбиоз просуществовал до конца XI–XII вв., «когда происходят достаточно серьезные и довольно заметные изменения в погребальном обряде, определенно свидетельствующие о значимых этнокультурных изменениях на территории Верхнего Прикамья», включая и исчезновение из археологической культуры

⁷ И в этом я усматриваю некоторое противоречие.

⁸ Противоречие, явно бросающееся в глаза.

коми-пермяков эпохи развитого Средневековья Печорского звериного стиля. Это было вызвано отчасти оттоком угорского населения в Волго-Камье, начавшимся ещё в IX в., отчасти вытеснением угров финно-пермяками на восток за Урал [Белавин, 2007, с. 11–12].

И таким образом, «фиксируется смена населения и ассимиляция северных камских угров пришлыми финно-пермяками. Характерно, что в XI–XII вв. *камские угры сами превратились сначала в ксению, а затем в симбиота внутри все увеличивающегося финского этноса, а затем и растворились в нем*, утратив свои этнические особенности (высокоразвитую технику металлообработки, традиционную этническую идеологию, погребальную обрядность и т.п.). Коми-пермяки XII–XIV вв. оказались менее комплиментарными, чем камские угры VII–IX вв. Находясь на стадии пассионарного подъема, первые окончательно смяли вторых, а наиболее активные пассионарии из первых вошли в историю как «купцы чулыманские», вытеснившие болгар в XII–XIII вв. из торговли с зауральской Йурой» [Белавин и др., 2007, с. 141–143].

Собственно, перечисленные выше исследования А.М. Белавина по развитию его концепции угорской этнокультурной доминанты в формировании этнической карты Прикамья в эпоху Средневековья логически привели к необходимости объединить их результаты с результатами аналогичных исследований автора этих строк на территории Южного Предуралья. Что и было реализовано в совместной монографии (А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова), вышедшей в 2009 г. [Белавин и др., 2009]. Её появление вызвало залп критики со стороны названных выше исследователей – сторонников пермского автохтонизма⁹. Правда, публикация двух наших ответов на прозвучавшую критику этой монографии [Белавин, Иванов, 2011; Иванов, 2015] к продолжению дискуссии не привела – каждый, по видимому, «остался при своих интересах». Поэтому мне весьма импонирует ремарка нашего коллеги А.Н. Сарапулова в статье, посвященной 60-летию юбилею Андрея Михайловича в разделе, где говорится о разработке юбиларом угорской концепции в этнической истории населения средневекового Пермского Предуралья: «Огорчительно то, что порой споры вокруг этой концепции выходят за рамки научной этики, и оппоненты реагируют агрессивными критическими статьями. *Хочется надеяться, что когда-нибудь появится монографическая работа, где с использованием широкого археологического материала противники угорской концепции будут доказывать финно-пермскую этническую основу средневековых культур Приуралья. А статей, основанных лишь на критике, пожалуй, уже достаточно*» [Сарапулов, 2018, с. 16].

Последующие исследования А.М. Белавина по угорской проблеме в Прикамье и Предуралье – это, по сути, уже «шлифовка и полировка» высказанных ранее положений, раскрывающих угорский этап в этнической истории региона, с использованием вновь поступающего археологического материала. В характеристике угорского погребального обряда в Прикамье исследователь уверенно опирается на ставшие в начале текущего столетия многочисленными находки погребальных лицевых масок-покрытий (почти в 40 % погребений из 16 могильников), специфические захоронения конской шкуры (более чем в 18 % погребений неволинской и ломоватовской культур Прикамья), использование берестяных покрытий и оберток в погребальной обрядности носителей этих культур и др. [Белавин, 2009].

Одновременно они с Н.Б. Крыласовой в очередной раз¹⁰ подробно рассматривают шнуровую керамику в качестве «важнейшей черты угорской культуры» и в очередной раз приходят к непреложному выводу о том, что «рассматривать такую посуду как угорский маркер следует вкупе с другими реперами культуры. Однако и сама по себе *«шнуровая» посуда*

⁹ Я не буду здесь ссылаться на них, тем более, критиковать. Поскольку в стилистике своей критики наши оппоненты подчас выступали «на грани фола». Кроме того, некоторые из них уже покинули сей мир.

¹⁰ Апологеты и патриоты финно-пермской автономии в Прикамье, вопреки археологической эмпирики, её логике и смыслу, продолжали настойчиво отрицать этнокультурную связь керамики со шнуро-гребенчатым орнаментом с угорской этнической культурой.

представляется достаточно выразительным в этнокультурном плане угорским элементом применительно к периоду железа на территории Урала и прилегающих к нему местностей» [Белавин, Крыласова, 2009, с. 124].

Впрочем, после II Международного Мадьярского симпозиума, состоявшегося в 2013 г. в г. Шадринске [Белавин и др., 2013], последующие работы А.М. Белавина, посвященные «угорской проблеме» в Предуралье, это продолжение «рихтовки и шлифовки»¹¹ отдельных сторон выдвинутой им концепции. Которая, подчеркну, была уже принята большинством археологического сообщества Урало-Поволжья и далеко за его пределами¹².

Это вполне логично и естественно привело исследователя к выводу о том, что приуральские угры – носители ломоватовской, неволинской, чепецкой (поломской), кушнаренковской и караякуповской археологических культур – есть никто иные, как *древние венгры периода Арпада*. Соответственно, «легендарная страна Magna Hungaria («Древняя или Великая Венгрия»), на поиски которой в XIII в. отправился венгерский монах-доминиканец Юлиан, это и есть территория распространения памятников этих культур в Южном и Среднем Предуралье» [Белавин и др., 2015, с. 120].

Таким образом, обозревая творческий путь археолога Андрея Михайловича Белавина, передо мной открывается интересная картина: его путь в науке – это все-таки изначально был путь «в угры». И хотя его имя прежде всего ассоциируется с такими фундаментальными исследованиями-монографиями, как «Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях» (2000); «Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск» (2008)¹³; «Угры Предуралья в древности и средние века» (2009)¹⁴; «Огурдинский могильник» (2012)¹⁵. Но оказывается, что магистральной и (не побоюсь этого определения) главной темой его научных интересов была «угорская проблема» в Предуралье. И в начале XXI столетия, благодаря его исследованиям, она перестала быть проблемой. У истоков её решения стояли корифеи-классики Урало-Поволжской археологии – А.Х. и Е.А. Халиковы, патриарх археологии региона Е.П. Казаков. Свое место в их ряду с полным на то основанием занимает и Андрей Михайлович. Горько сознавать, что он так рано и так внезапно физически оставил научное пространство Урало-Волжской археологии. Но не следует забывать и о том, что своим ученикам, друзьям и последователям он оставил блестящее духовное и идейное наследие, для сохранения и преумножения которого создал фундаментальную базу. Я имею в виду его идею почти 30-летней давности о необходимости локализации и археологического наполнения «Стран Вису, Йура и болгарских эсегел» арабских письменных источников [Белавин, 1999а; Белавин, Крыласова, 1997; Белавин, 1997]. Идею, которая непременно должна получить свое дальнейшее развитие.

Библиографический список

1. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1958. 244 с.
2. Белавин А.М. Взаимодействие населения Приуралья и Зауралья в древности и средние века // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.) : тез. докл. Челябинск : Рифей, 1999. С. 9–12.
3. Белавин А.М. Древние хакасы и Пермское Предуралье (по материалам Рождественского археологического комплекса) // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. 3. Пермь, 2003. С. 72–79.

¹¹ В основном в соавторстве с Н.Б. Крыласовой. Полную библиографию трудов А.М. Белавина см.: [Библиографический список ... , 2018, с. 312–336].

¹² Венгерские коллеги И. Фодор и А. Тюрк полностью присоединились к точке зрения А.М. Белавина об угорском присутствии в Прикамье и Предуралье в эпоху Средневековья.

¹³ Соавт. Н.Б. Крыласова.

¹⁴ Соавт. В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова.

¹⁵ Соавт. Н.Б. Крыласова.

4. *Белавин А.М.* Камский торговый путь из Болгара в «страну Вису и Чулман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. : материалы Международн. симп. (Казань. 8–10 сент. 1998 г.) : тез. докл. / редкол. : М.А. Усманов и др. Казань : Мастер Лайн, 1999. С. 161–172.
5. *Белавин А.М.* Некоторые особенности исторического процесса на Западном Урале в конце I–II тыс. н. э. // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тез. докл. XII Урал. археол. совещ. (19–22 апр. 1993 г.). Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, УрГУ им. А.М. Горького, 1993. С. 5–6.
6. *Белавин А.М.* О локализации Страны Вису в Пермском Приуралье // Коми-пермяки и финно-угорский мир : материалы I междунар. науч.-практ. конф. (г. Кудымкар, 26–27 мая 1995 г.). Кудымкар : Коми-Пермяц. кн. изд-во, 1997. С. 166–170.
7. *Белавин А.М.* О роли угров в этнической истории Верхнего Прикамья // XIII Уральское археологическое совещание (23–25 апр. 1996 г.) : тез. докл. Ч. II. Уфа : Восточный университет, 1996. С. 61–62.
8. *Белавин А.М.* Об угорском характере Пермского звериного стиля // Историческая наука сегодня: проблемы и перспективы : тез. межвуз. науч.-практ. конф. Пермь : ПГПУ, 1995. С. 61–62.
9. *Белавин А.М.* Об этнической принадлежности Пермского средневекового звериного стиля // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I–II / под ред. А.М. Белавина ; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2001. С. 14–24.
10. *Белавин А.М.* Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань : Мастер Лайн, 1999. С. 73–84.
11. *Белавин А.М.* Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Предуралья эпохи средневековья // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 139–143.
12. *Белавин А.М.* Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.М. Белавина ; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2009. С. 7–16.
13. *Белавин А.М.* Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000. 52 с.
14. *Белавин А.М.* Этнокультурная ситуация в Пермском Предуралье периода средневековья и нового времени // Пермские финны: археологические культуры и этносы : материалы I Всерос. науч. конф. Сыктывкар : РИО Ин-та языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН, 2007. С. 8–12.
15. *Белавин А.М., Иванов В.А.* К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // Вестник Пермского университета. Серия: История и политология. 2011. № 1. С. 173–180.
16. *Белавин А., Крыласова Н.* Взаимодействие степи и леса (по археологическим материалам Предуралья) // Средневековая археология евразийских степей : материалы Учредит. съезда Междунар. конгр. Т. 1. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 136–142.
17. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Еще раз о локализации «стран и народов» средневековых арабских источников в Приуралье // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях (на примере региона Ср. Прикамья) : тез. докл. науч.-практ. конф. Сарапул : СИКМ, 1997. С. 40–44.
18. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-пермяки и финно-угорский мир : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., г. Кудымкар. 26–27 мая 1995 г. Кудымкар : Коми-Пермяц. кн. изд-во, 1997. С. 130–138.
19. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции.

Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.М. Белавина ; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2009. С. 118–124.

20. *Белавин А., Данич А., Иванов В.* Древние мадьяры в Предуралье // Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины : науч.-попул. изд. Пермь : ЗЭБРА, 2015. С. 102–128.

21. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Археологическое содержание и основные этапы формирования угорской ойкумены в Предуралье // II Международный Мадыарский симпозиум : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск : Рифей, 2013. С. 167–172.

22. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века / Башки. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, Перм. гос. пед. ун-т, Перм. филиал ИИиА УрО РАН. Уфа : БГПУ, 2009. 285 с.

23. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.Б.* К вопросу об этнической принадлежности средневекового населения Верхнего Прикамья // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6-7. С. 131–144.

24. *Библиографический список публикаций А.М. Белавина / сост. : А.А. Котельникова, А.В. Костицина // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат : сб. науч. тр. к 60-летию юбилею А.М. Белавина / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2018. С. 312–336.*

25. *Голдина Р.Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов : сб. ст. Устинов, 1987. С. 6–36.

26. *Иванов В.А.* Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа : Гилем, 1999. 123 с.

27. *Иванов В.А.* О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 108–117.

28. *Иванов В.А.* Угры Предуралья: продолжение темы // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 202–219.

29. *Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006. 152 с.

30. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М. : Наука, 1992. 335 с.

31. *Казаков Е.П.* Кушнарниковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1981а. С. 115–135.

32. *Казаков Е.П.* О кушнарниковских памятниках на территории Татарии // ВАУ. Вып. 15 / отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1981б. С. 136–140.

33. *Казаков Е.П.* О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа : БФ АН СССР, 1986. С. 67–75.

34. *Казаков Е.П.* Об этнической принадлежности памятников кушнарниковского типа // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий : тез. докл. обл. конф. Омск : ОмГУ, 1979. С. 8–92.

35. *Сарапулов А.Н.* А.М. Белавин: личность в науке (к вопросу о научной археологической школе в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат : сб. науч. тр. к 60-летию юбилею А.М. Белавина / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2018. С. 4–26.

УДК 902, 303.446.4

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-91-94

А.З. Нигамаев^{1,2}, Ф.Ш. Хузин³
КАМСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА БЕЛАВИНА

¹Елабужский институт КФУ, Елабуга, РФ,

²Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, РФ

³Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, РФ

Одной из интересных тем для археологических исследований является функционирование средневековой торговой магистрали. Камский пушной путь, сложившийся еще в конце раннего Средневековья как часть Волго-Балтийской магистрали, связывал огромные пространства Урала, Западной Сибири и Севера с рынками экономически развитых стран Юга. Видное место среди исследователей истории Камского торгового пути по праву занимает А.М. Белавин, признанный археолог и историк Прикамья. Тесные этнокультурные связи населения Верхней и Нижней Камы, изучению которых посвятил себя А.М. Белавин, сложились прежде всего благодаря международному обмену по Каме.

Ключевые слова: *Восточная Европа, Средневековье, торговля, Камский путь, Волжская Болгария, домонгольский период, Прикамье, исследование, результат.*

A.Z. Nigamaev^{1,2}, F.Sh. Khuzin³
KAMA TRADE ROUTE IN THE RESEARCHES
OF ANDREY MIKHAILOVICH BELAVIN

¹Elabuga Institute of KFU, Elabuga, Russian Federation,

²Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

³Institute of Archeology named after A.H. Khalikov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

One of the interesting topics for archaeological research is the functioning of the medieval trade route. The Kama Fur Route, which was formed at the end of the early Middle Ages as part of the Volga-Baltic route, connected vast areas of the Urals, Western Siberia and the North with the markets of economically developed countries in the South. A.M. Belavin, a recognized archaeologist and historian of the Kama region, rightfully occupies a prominent place among researchers of the history of the Kama Trade Route. Close ethno-cultural ties between the population of the Upper and Lower Kama, which A.M. Belavin devoted himself to studying, were formed primarily due to international exchange along the Kama.

Keywords: *Eastern Europe, Middle Ages, trade, Kama route, Volga Bulgaria, pre-Mongol period, Kama region, research, result.*

Бассейны крупнейших рек Европы – Волги и Камы – покрывают большую часть территории Восточной Европы, что позволяло народам взаимодействовать друг с другом почти круглогодично еще с глубокой древности. К концу раннего Средневековья Кама превращается в одного из главных северных ответвлений Великого шелкового пути. По своему значению Камская торговая магистраль в продолжении своего функционирования превосходила Донской, Немано-Донецкий, сухопутный Болгар-Киев и даже Балто-Днепровский («из варяг

в греки») пути. Будучи его ответвлением, она по товарообороту уступала лишь Великому Волжскому пути. А это еще раз доказывает, что рассматриваемая проблема Камского торгового пути должна изучаться не в отрыве, а в органической связи со всей системой торговых путей Восточной Европы и даже всего евразийского континента. Без этого невозможно рассматривать сложные процессы культуро- и этногенеза народов Волго-Камья, с конца I тысячелетия и политогенеза в Восточной Европе.

Функционирование Камского пушного пути хронологически можно разделить на несколько этапов. Первый этап связан так называемой хазарской торговлей и датируется второй половиной VIII – первой половиной X в. Хазарские рахдониты прокладывали путь из североиранских городов через Каспий по Волге к Балтийскому морю. В последние годы данный маршрут сформировался в виде тезиса о Балтийско-Волжской торговой магистрали, как северном ответвлении Великого шелкового пути. Уже во второй половине данного этапа можно твердо констатировать функционирование торговли с Севером по Каме. Ибн-Фадлан, посетивший Волжскую Болгарию в 922 г., пишет об этом пути как о самостоятельном маршруте, начинавшемся в государстве болгар и тянувшемся на север до Моря. Как подтверждения этому служат находки на городище Лобач, Бартымском I селище и др.

Второй этап истории Камского пути датируется второй половиной X – первой половиной XIII в. Приток в Волжскую Болгарию в процессе крушения Хазарского каганата мусульманизированного торгово-ремесленного населения способствовало усилению болгарской колонизации бассейна р. Камы. На Нижней Каме почти до устья р. Агидель в интервале 10–20 км строятся военные крепости, торговые фактории и т.д., среди которых особое место занимала Алабуга. Усиление значения Камской магистрали для восточной торговли происходит после событий 1088 г., когда в ходе военно-политического противостояния с Северо-Восточной Русью болгары потеряли торговую гегемонию на Верхней Волге и ослабили свои позиции в торговле с Циркумбалтийским регионом. Значение Камской магистрали как основного пушного пути, связанного с мусульманским рынком, усиливается. Болгарские фактории на Верхней Каме становятся транзитными центрами, через которых изделия болгарских и восточных ремесленников попадали в бассейн Печоры, Сысолы и даже за Урал, в районы Нижнего и Среднего Приобья, Прииртышья и на Тобол [Могильников, 1991, с. 57–105].

Третий этап функционирования Камского пушного пути занимает большую часть золотоордынского периода. После монгольских погромов в 30–40-е гг. XIII столетия торговля здесь была быстро восстановлена, так как основные опорные пункты болгар по правобережью Камы не пострадали. Заинтересованность ордынских правителей в развитии трансконтинентального товарообмена, где особая роль отводилась меридиальной торговле, привело не только к восстановлению торговой деятельности на всей протяженности Камы, но и существенному ее расширению прежде всего на восток и северо-восток. Вплоть до конца XIV в. товарообмен по направлению север-юг было доминирующим, и Камская торговля не сходилась со страниц арабо-персидской географической литературы, даже привлекала внимания европейских картографов как «*furgure modo*» или «*furgure semita*» («*меховой путь*»). И только геополитическая катастрофа конца XIV в. в виде вторжений Тимура изменило векторное направление и, в какой-то мере, содержание камской торговли. Она сжимается географически и ведется уже по линии запад-восток.

Безусловно, история изучения Камского торгового пути неразрывна с научной деятельностью А.М. Белавина. Много названий, терминов, понятий, которые он первым использовал в своих трудах, уже прочно вошли в научный оборот.

Андрей Михайлович начал заниматься средневековой историей Камской торговой магистрали во второй половине 80-х гг. прошлого столетия. В 1986 г. в сборнике «Волжская Болгария и Русь» вышла его статья в соавторстве с В.А. Обориным, посвященная посреднической роли Волжской Болгарии торговле Руси с Верхним Прикамьем [Белавин, Оборин, 1986, с. 63–76]. Кандидатская диссертация А.М. Белавина, где чувствуется влияние взглядов и стиль мышления его научного руководителя А.Х. Халикова, называлась «Волжская Болгария и Пермское Приуралье».

Его всегда отличала тяга к детализированной интерпретации прошлого. Как нам кажется, для лучшего понимания Камы он любил плавать на теплоходе до одного из волжских городов и обратно. И в ходе таких «экскурсий» А.М. Белавин как историк должен был не пропускать любых мелочей, связанных со спецификой этой великой реки, ее крупных притоков, а также с природно-ландшафтным разнообразием во всем ее течении между Лесом и Степью. Помнится, в ходе одной из таких экскурсий в 1991 г. пермский теплоход остановился на пристани Елабуги. Большая группа отдыхающих (активистов пермского Научного общества учащихся – *прим ред.*) под предводительством А.М. Белавина поднялась на знаменитое Елабужское городище, где после широкомасштабных раскопок проводились реставрационные работы на мечети-цитадели. Андрей Михайлович потом часто вспоминал, что мы, прикрываясь только что придуманной традицией, заставили всю экскурсионную группу принести с подножия склона на гору камни, которых нам не доставало для реставрационных работ.

В 1998 г. Казань начала проводить научные конференции на самом высоком уровне, посвященные средневековой истории Казани и Великого Волжской пути. Почти на каждой из них Андрей Михайлович активно участвовал и выступал с докладами по наиболее актуальным темам. Он был своего рода рупором средневековой истории Западного Приуралья и Верхнего Прикамья в их торговых, этнокультурных и военно-политических связях с Поволжьем. Так, в 1998 г. А.М. Белавин выступил перед нами с темой «Камский торговый путь из Болгара в «страну Вису и Чулман» [Белавин, 1999, с. 161–173]. В следующем году свое выступление он посвятил торговым факториям болгар и проблемам возникновения городов в Поволжье и Предуралье [Белавин, 2000б, с. 122–127]. Именно в ходе работы этих конференций сложился круг его единомышленников по вопросу об этнической принадлежности прикамских древностей эпохи Средневековья.

Активные научные исследования 90-х гг. дали возможность А.М. Белавину накопить солидный фактологический и теоретический материал, который лег в основу его маркерной монографии «Камский торговый путь» [Белавин, 2000а], и до сегодняшнего дня являющейся для всех историков и археологов, кто интересуется средневековой историей Волго-Камской торговли, настольной книгой. Следует отдельно отметить, что автор посвятил свой труд отцу, Михаилу Васильевичу Белавину.

Для освещения истории Камского пути А.М. Белавин всегда старался привлекать как можно более широкий круг исследователей, организуя в Перми научные конференции и «круглые столы». Как один из результатов такой деятельности следует отметить весьма интересный сборник материалов «Пути средневековых торговцев» [Путиами ... , 2004]. К слову, Андрей Михайлович был активным участником Всероссийских научных конференций «Камский торговый путь», которые проводятся с 2007 г. в Елабуге и Набережных Челнах [Камский ... , 2007; 2018; 2021].

После выхода в свет монографии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой «Древняя Афкула» [Белавин, Крыласова, 2008], даже у ярых скептиков не должно было остаться сомнений о роли Волжской Болгарии в формировании материальной и духовной культуры населения Приуралья и, в частности, Среднего и Верхнего Прикамья. Хотя книга больше рассчитана на специалистов, занимающихся археологией, этнокультурной историей лесного и лесостепного населения Прикамья, тем не менее она демонстрирует удачный пример популяризации узко научных данных в кругу широких читателей. Это качество историка-популяризатора всегда отличало А.М. Белавина.

В октябре 2022 г. Андрей Михайлович и Наталья Борисовна ненадолго «заехали» в Елабугу. Мы посетили Лабораторию археологии и этнографии (*рис. 1*) и Музей археологии и истории Татарстана ЕИ КФУ (*рис. 2*), где познакомили гостей с новыми находками, прежде всего связанными с Прикамьем. Потом удалось посетить Елабужский музей-заповедник, где проходила выставка археологического материала из Нарын-Кала (Дербент). Рассматривая идентичность материалов из памятников Южного Дагестана и Нижнего Прикамья, очередной раз пришли к выводу о генетическом родстве средневекового населения регионов и необходимости некоторой коррекции об исходной территории миграции болгарского населения на Среднюю Волгу. А.М. Белавин попросил наши статьи по данной проблеме, чтобы детально ознакомиться с материалом. К сожалению, судьба распорядилась иначе.

В нашей памяти Андрей Михайлович останется прежде всего как близкий друг, единомышленник и просто как настоящий ученый. А для одного из авторов еще и как земляк, который его постоянно поддерживал.

Библиографический список

1. *Белавин А.М.* Камский торговый путь из Болгара в «страну Вису и Чулман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. : материалы Междунар. симп. (Казань, 8–10 сент. 1998 г.). Казань, 1999. С. 161–173.
2. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000а. 200 с. : ил.
3. *Белавин А.М.* Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье // Средневековая Казань: возникновение и развитие : материалы Междунар. науч. конф. (Казань, 1–3 июня 1999 г.). Казань : Мастер Лайн, 2000б. С. 122–127.
4. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск : моногр. / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. 603 с.: ил. 218 + Прил. (36 с.).
5. *Белавин А.М., Оборин В.А.* Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII вв. // Волжская Булгария и Русь (к 100-летия русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 63–76.
6. *Камский торговый путь* : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2008. – 228 с.
7. *Камский торговый путь* : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Набережные Челны : Изд-во НГПУ, 2018. 332 с.
8. *Камский торговый путь* : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Набережные Челны : Изд-во НГПУ, 2021. 226 с.
9. *Могильников В.А.* Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Проблемы археологии Евразии / отв. ред. В.А. Могильников. М. : Наука, 1991. С. 57–105.
10. *Путиями средневековых торговцев* : сб. материалов «круглого стола» в рамках Междунар. (XVI Урал.) археолог. совещ. (г. Пермь, 6–9 окт. 2003 г.) / под ред. А.М. Белавина ; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2004. 95 с. : ил.

Рис. 1. В Лаборатории археологии и этнографии ЕИ КФУ (октябрь 2022 г.)

Рис. 2. В Музее археологии ЕИ КФУ (слева направо: Д.С. Локтев, А.М. Белавин, А.З. Нигаматов, Н.Б. Крыласова, М.С. Купцова)

УДК 902, 303.446.4

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-95-101

К.В. Моряхина**ВКЛАД А.М. БЕЛАВИНА В ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Андрей Михайлович Белавин – известный российский археолог, доктор исторических наук, специалист по средневековой археологии Урало-Поволжья. В 1980–1990-е гг. он вел активные полевые работы, в большей степени на городищах, так как они были напрямую связаны с темой его научных интересов. Тем не менее под руководством А.М. Белавина было изучено несколько могильников: Телячий Брод (1986, 1987, 1989, 1991 гг.), Огурдинский (1995 г.), Редикарский (1996 г.), материалы которых были опубликованы в статьях и монографии. С середины 1990-х гг. и – более активно – после защиты в 2000 г. докторской диссертации А.М. Белавин продвигал концепции о доминировании угорского населения в раннем Средневековье в Пермском Предуралье и смене археологических культур (ломоватовской на родановскую) в конце XI в. Обе концепции основаны отчасти на анализе погребального обряда средневековых могильников Пермского Предуралья и сравнении с соседними синхронными культурами. А.М. Белавин совместно с Н.Б. Крыласовой и В.А. Ивановым были выделены угорские этномаркеры. В 2010-х гг., опираясь на материалы раскопок последних лет Баяновского и Рождественского могильников, ученый стал развивать идею присутствия групп венгерского населения на рассматриваемой территории в X–XI вв.

Ключевые слова: Андрей Михайлович Белавин, пермская археологическая школа, погребальный обряд, Средневековье, Пермское Предуралье.

K.V. Moryakhina**CONTRIBUTION OF A.M. BELAVIN TO THE STUDY OF FUNERAL RITUALITY
OF THE MEDIEVAL POPULATION OF THE PERM CIS-URALS**

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Andrey Mikhailovich Belavin is a famous Russian archaeologist, Doctor of Historical Sciences, and a specialist in medieval archaeology of the Ural-Volga region. In the 1980^s and 1990^s, he conducted active field work, mostly at ancient settlements. They were more related to the topic of his scientific interests. Nevertheless, several burial grounds were studied under the supervision of A.M. Belavin: Telyachy Brod (1986, 1987, 1989, 1991), Ogurdinsky (1995), Redikarsky (1996). The materials from the burial grounds were published in articles and a monograph. Since the mid-1990s, and more actively after defending his doctoral dissertation in 2000, A.M. Belavin promoted the concepts of the dominance of the Ugric population in the early Middle Ages in the Perm Cis-Urals and the change of archaeological cultures (Lomovatovskaya and Rodanovskaya) at the end of the 11th century. Both concepts are based partly on the analysis of the burial rite of the medieval burial grounds of the Perm Cis-Urals and their comparison with neighboring synchronous cultures. A.M. Belavin, together with N.B. Krylasova and V.A. Ivanov, identified Ugric ethnomarkers. In the 2010s, the scientist began to develop the idea of the presence of groups of the Hungarian population in the territory under consideration in the 10th–11th centuries, relying on the materials of the excavations of the Bayanovsky and Rozhdestvensky burial grounds in recent years.

Keywords: Andrey Mikhailovich Belavin, Perm archaeological school, burial rite, Middle Ages, Perm Cis-Urals.

Андрей Михайлович Белавин – выдающийся археолог Урало-Поволжья, внесший большой вклад в изучение Камского торгового пути, этнокультурных отношений средневекового населения Пермского Предуралья с соседними регионами, этнических процессов на территории Предуралья в Средние века. А.М. Белавин основал Камскую археолого-этнографическую экспедицию. Под его наставничеством выросло несколько поколений археологов, которых он поддерживал и вдохновлял. Мне посчастливилось стать частью этой школы.

Вкладу А.М. Белавина посвящено уже немало статей (и, думаю, выйдет еще больше). Часть из них была опубликована в XIV выпуске Трудов Камской археолого-этнографической экспедиции (2018), посвященном его 60-летию. В данной работе будет рассмотрен вклад А.М. Белавина в изучение погребальной обрядности средневекового населения Пермского Предуралья.

В 1980–1990-е гг. под руководством А.М. Белавина активно велись раскопки средневековых памятников Пермского Предуралья, в том числе, могильников. Результаты полевых исследований были опубликованы в отдельных статьях и монографии.

На протяжении четырех лет (1986, 1987, 1989, 1991 гг.) под руководством А.М. Белавина исследовался могильник Телячий Брод, расположенный на правом берегу р. Усьва вблизи г. Чусовой. За это время на памятнике было вскрыто около 400 м², изучено 65 погребений, а также ритуальный ров и площадка для тризн. В небольшой статье по итогу первого года раскопок, опубликованной в сборнике «Археологические открытия 1986 г.», памятник был датирован XII–XIII вв. [Белавин, 1988]. В этой же публикации была упомянута интересная находка из погребения № 5 – серебряная позолоченная округлая бляха с так называемым «охотничьим сюжетом». Позднее она была опубликована А.М. Белавиным в соавторстве с Е.Н. Носковой в отдельной статье [Белавин, Носкова, 1989]. Исследователями был сделан вывод об импортном происхождении бляхи, предполагалось, что она попала в Пермское Предуралье из Волжской Болгарии и, вероятно, была сделана в мастерской Биляра. Также отмечено, что изделие являлось символом высокого социального происхождения [Белавин, Носкова, 1989, с. 255]. Исследования памятника в 1989 г. позволили расширить его датировку до XIV в. [Белавин, Крыласова, 1991]. Полностью материалы раскопок не были опубликованы.

В 1995 г. под руководством А.М. Белавина проводились раскопки на Огурдинском могильнике, расположенном на правом берегу Камского водохранилища между п. Орел и д. Огурдино Усольского района Пермского края. Ранее на памятнике проводились исследования Н.В. Соболевой и Н.Б. Крыласовой. За 1995 г. было исследовано 46 погребений и пять ям. Дневник раскопок, а также анализ погребального обряда и инвентаря, был опубликован в 2012 г. в совместной монографии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой «Огурдинский могильник». Исследователи отметили черты погребального обряда, характерные для этого памятника: на ряду с погребениями с прямыми стенками зафиксированы ступеньки, выступы-карманы, столбовые ямки на дне погребения; столбовые ямки вокруг погребений, что указывает на наличие наземных сооружений; биобрядность; некоторые погребения с кремацией и ингумацией (когда погребенный уложен на помост) отделены столбовыми ямками; в ряде погребений сохранились остатки деревянных конструкций (следы помоста, в одном случае лодка-долбленка); в заполнении ям встречаются угли, в ряде погребений речной песок; в заполнении жертвенных ям обнаружены угли и кости животных. Авторы монографии отмечали, что отдельные схожие черты зафиксированы по материалам Рождественского, Агафоновского I, Аверинского II, Щукинских могильников. Памятник датировали X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2012, с. 10–20].

Под руководством А.М. Белавина проводились раскопки на Редикарском могильнике, расположенном в центре с. Редикар Чердынского района Пермского края. Ранее памятник был исследован И.А. Лунеговым и В.А. Обориным. Последний считал, что памятник полностью исчерпан. Но в период проведения раскопок Редикарского городища в 1996 г. при осмотре площадки могильника была обнаружена бронзовая пряжка, что позволило

А.М. Белавину продолжить изучение памятника и расширить его границы. Было заложено два раскопа: на первом обнаружено два погребения, на втором – семь. Дневник раскопок и характеристика инвентаря опубликованы в статье «Редикарский археологический комплекс (по материалам раскопок 1996 г.)» в IV выпуске Трудов Камской археолого-этнографической экспедиции. Материалы памятника были датированы X – началом XI в., и отнесены к ломоватовской культуре [Белавин, 2007].

А.М. Белавин опирался на материалы исследования средневековых могильников Пермского Предуралья для разработки своих концепций, являющихся фундаментальными для пермской археологии: 1. Концепция культурного и экономического взаимодействия Волжской Болгарии с населением Пермского Предуралья и существования Камского торгового пути; 2. Концепция о новой границе между ломоватовской и родановской археологическими культурами; 3. Концепция о доминировании угров в составе финно-угорского населения средневекового Пермского Предуралья [Сарапулов, 2018, с. 12–15].

В 2000 г. вышла в свет монография А.М. Белавина, в которой он рассматривал культурные и экономические контакты средневекового населения Пермского Предуралья с Волжской Болгарией, Древней Русью и Зауральем [Белавин, 2000]. Отмечу, что ниже приведена информация, касающаяся исключительно могильников. В целом А.М. Белавиным был использован для анализа широкий круг предметов, происходящих из разного типа памятников, и дана характеристика этнокультурных связей. На основе материалов могильников (украшений, вооружения, предметов быта) ученым были выделены импортные вещи и прослежено влияние Волжской Болгарии на ремесло Пермского Предуралья. К болгарским изделиям на тот момент А.М. Белавин отнес серебряные украшения из позднеломоватовских могильников: Важгорского, Деменковского, Огурдинского, Плесинского, Редикарского, Рождественского. Распространение ажурных шумящих украшений исследователь связывал с волжскими финнами. Такие украшения были найдены, в том числе, на могильниках: Аверинском II, Мало-Аниковском, Плесинском, Редикарском, Рождественском, Телячий Брод, Урьинском. На могильниках X–XIV вв. встречаются, как отмечал А.М. Белавин, изделия древнерусского происхождения: на Аверинском I, Антыбарском, Рождественском, Телячий Брод, Плотниковском. Приток зауральского населения в Предуралье отмечен на протяжении длительного времени – IV–IX вв. Но при этом предметы «зауральского» типа встречаются и на могильниках X–XI вв. А.М. Белавин в своей работе привел примеры таких предметов с Редикарского, Рождественского, Огурдинского, Степаново Плотбище могильников.

Концепцию о доминировании угров среди населения ломоватовской культуры А.М. Белавин начал активно продвигать еще в 1990-е гг. [Белавин, 1996]. Сама идея не нова, еще дореволюционные исследователи выдвигали предположение, что в Средневековье на территории Пермской губернии проживало угорское население (например, Ф.А. Теплоухов, Д.Н. Анучин, А.А. Спицын и др.) [Теплоухов, 1892–1895, с. 73; Анучин, 1899, с. 135; Императорская Археологическая комиссия, 2009, с. 646]. В 2000-е гг. А.М. Белавиным были сформулированы угорские признаки в погребальном обряде средневекового населения Пермского Предуралья: 1) расположение могильников на возвышенном месте рядом с рекой, погребения ориентированы на реку; 2) неглубокие могильные ямы; 3) наличие угля в засыпи ямы; 4) оборачивание берестой; 5) наличие погребальных масок; 6) захоронение в полном костюмном комплексе; 7) снабжение умершего транспортным средством (преимущественно конем), пищей, орудиями труда, оружием. Выделенные признаки были обоснованы, как угорские, путем проведения сравнительного статического анализа с материалами могильников неволинской, караякуповской культур, Зауралья и угров Западной Сибири. В исследовании были учтены материалы Каневского, Редикорского, Баяновского, Плесинского, Рождественского, Огурдинского, Запосельского могильника [Белавин, 2003; Белавин, 2009]. Более подробно результаты проведенной работы представлены в коллективной монографии А.М. Белавина, В.А. Иванова, Н.Б. Крыласовой «Угры Предуралья в древности и средние века» [Белавин и др., 2009]. Большое количество серебряных изделий в средневековых могильниках, в том числе, и несколько находок блюд, А.М. Белавин связал с мировоззренче-

скими представлениями угров, которые известны по этнографическим данным. Угры особо почитали серебро, оно выступало в качестве основы для изображений духов-покровителей и их помощников на серебряной посуде [Белавин, 2013]. Здесь приведены далеко не все статьи, только, на мой взгляд, наиболее интересные и значимые.

Концепция вызвала оживленную дискуссию в научной среде. Особенно критично была воспринята коллективная монография «Угры Предуралья в древности и средние века» ([Чагин, Мельничук, 2010; Голдина, 2016] и др.). Порой оппоненты, приводя свои контраргументы, искажали взгляды А.М. Белавина. Так, Р.Д. Голдина писала, что родановскую культуру А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова считают угорской, хотя на самом деле с угорским компонентом они связывают только предшествующую ломоватовскую. Такая путаница возникла из-за того, что она проигнорировала идею указанных авторов о смене культур и населения в конце XI в. [Голдина, 2016].

Несмотря на то, что полемика имела негативную эмоциональную окраску, она способствовала тому, что погребальный обряд и вещевой материал могильников неоднократно пересматривался, публиковались результаты новых исследований.

В последние годы А.М. Белавин активно продвигал идею о проживании группы венгерского населения на территории Пермского Предуралья в X–XI в. В статье А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой, А.В. Данича «Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья» представлены результаты статистического анализа исследования мужских захоронений на Баяновском и Рождественском могильниках. Исследователи пришли к выводу, что к венгерским чертам погребального обряда можно отнести наличие в могильных ямах сумочек, погребальных масок и драгоценных поясов, которые сопровождали захоронения социальной элиты [Белавин, Крыласова, Данич, 2018, с. 8–10]. Дальнейшее изучение этой темы нашло отражение в статье А.М. Белавина, В.А. Иванова, Н.Б. Крыласовой «Археологические признаки культуры древних венгров на Урале: реальные и мнимые». Помимо выделенных уже ранее признаков авторы обратили внимание на наличие в погребениях таких венгерских черт, как серебряные подвески-всадники (Рождественский, Баяновский могильники) и сабли (Баяновский могильник) [Белавин, Иванов, Крыласова, 2021, с. 39–40].

Хотя А.М. Белавин и считал, что в V–XI в. в Пермском Предуралье доминировало угорское население, он не отрицал, что на этой территории проживали и пермские финны. На основе анализа погребальной керамики Рождественского и Огурдинского могильников А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой был выявлен финский компонент. Авторы отнесли к маркирующему элементу керамику только с гребенчатым орнаментом [Белавин, Крыласова, 2013].

Концепция о границе между ломоватовской и родановской археологическими культурами в XI–XII вв. неразрывно связана с идеей о доминировании угорского населения в Пермском Предуралье в раннем Средневековье. Впервые четко была сформулирована идея о новой границе между культурами в статье А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой, И.В. Бочарова «Пермское Предуралье в эпоху Средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов)», опубликованной в 2000 г. Авторы статьи отмечали, что в XI–XII вв. произошли резкие изменения в погребальном обряде: исчез обряд кремации, изменились погребальные конструкции, уменьшилось количество погребений с керамикой, конское снаряжение и кости животных практически исчезли из погребального обряда, исчезла традиция использования погребальных масок. При этом в XII–XIII вв. в погребения стали укладывать орудия пашенного земледелия, которые не встречались ранее. Как отметили авторы статьи, генезис пашенных орудий практически не прослеживается, «т.е. этот тип земледелия был привнесен в готовом виде в результате миграций земледельческого населения». Исследователи отметили и произошедшие изменения в костюме – в височных кольцах, поясной гарнитуре и в особенности в наконечниках. Так, типичные для ломоватовской культуры арочные и биконьковые подвески окончательно исчезли к XII в. В заключении статьи авторы предло-

жили период Средневековья разделить на три стадии: V (IV)–VII, VII–XII, XII–XV вв. [Белавин и др., 2000]. Более подробно аргументы о необходимости пересмотреть хронологию средневековых археологических культур Пермского Предуралья были приведены в статье А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой «Проблема периодизации средневековых археологических культур». В статье предельно четко дана характеристика погребального обряда и материальной культуры для разных хронологических периодов и показаны различия между ними. Авторами подчеркнуто, что вещи, характерные для урынского этапа ломоватовской культуры (кон. VIII–IX вв.), встречаются на более поздних могильниках, например, Баяновском (X в.) и Рождественском (X–XI вв.). Иллюстративный материал, приведенный в статье, демонстрирует это сходство, и в то же время, заметно, насколько разнятся предметы X–XI и XII–XV вв. [Белавин, Крыласова, 2016].

Ранее считалось, что граница между ломоватовской и родановской культурами приходилась на IX в., и традиционно ее придерживаются многие археологи. У А.М. Белавина есть интересное замечание по поводу того, почему в свое время IX в. стали рассматривать, как рубежный: «рубежным для археологических культур Предуралья был признан (в 1930–1960-е гг. – об этом выше писал А.М.). IX в., период формирования древнерусской народности и древнерусского государства, которое, по мысли большей части исследователей, не могло не оказать огромного влияния на все окружающие народы... Интересно, что в 1950-е г. примерно такая же схема развития принималась и для Волжской Болгарии, и только исследования казанских археологов позволили изменить эту, ставшую стереотипной для территорий европейской части России, схему периодизации» [Белавин, 2000, с. 137].

Поскольку концепция А.М. Белавина о новой границе между культурами не укладывалась в общепринятую хронологию, разработанную еще в середине XX в., на нее обрушилась критика. Так, Г.П. Головчанский и А.Ф. Мельничук обращали внимание на появление в IX в. новых типов украшений, на изменение использования изображений пермского звериного стиля – исчезновение плакеток и появление изображений на предметах прикладного характера (пряжках, подвесках и т.п.). Они считали, что изменения в культуре, которые фиксировали А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова, связаны с «послемонгольским периодом» и упадком после падения Волжской Болгарии [Головчанский, Мельничук, 2017]. Контраргументы приведены недостаточно обоснованно и убедительно.

Помимо разработки фундаментальных концепций А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой были опубликованы в монографиях результаты исследования Рождественского [Белавин, Крыласова, 2008а] и Огурдинского [Белавин, Крыласова, 2012] могильников. В статьях были рассмотрены отдельные аспекты погребального обряда: погребальные маски (выделены и датированы типы масок) [Белавин, Крыласова, 2008б], воинские захоронения [Белавин, 2015], хозяйственные и производственные комплексы в захоронениях на Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2015] и др. Последняя указанная работа вдохновила автора данной статьи для проведения подобного исследования на материалах других могильников.

Работы А.М. Белавина, посвященные изучению этнической истории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья, позволили по-новому взглянуть на погребальный обряд. Ученый совместно со своими коллегами Н.Б. Крыласовой и В.А. Ивановым не только пытались проследить эволюцию местных традиций, сравнить разные этапы, найти принципиальные различия и обосновать их, но и сопоставить характерные черты погребального обряда ломоватовской культуры и синхронных соседних культур. Насколько мне известно, подобные масштабные исследования для нашей территории другими исследователями не проводились.

В заключение хотелось бы отметить, что А.М. Белавин был ученым, который не боялся с накоплением нового материала пересматривать собственные взгляды, выступать с новыми концепциями и отстаивать их, несмотря на то, что это могло вызывать резкую критику в научных кругах. Работы А.М. Белавина вызывают интерес и вдохновляют на новые исследования.

Библиографический список

1. *Анучин Д.Н.* К истории искусства и верований у Приуральской чуди // *Материалы по археологии восточных губерний*. Т. 3. М. : Типогр. М.Г. Волчанинова, 1899. 165 с.
2. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
3. *Белавин А.М.* О роли угров в этнической истории Верхнего Прикамья // XIII Уральское археологическое совещание (23–25 апр. 1996 г.) : тез. докл. Уфа : Восточный университет, 1996. Ч. 2. С. 61–62.
4. *Белавин А.М.* Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Предуралья эпохи средневековья // *Из археологии Поволжья и Приуралья : материалы II Халиковских чтений*. Казань : Школа, 2003. С. 143–147.
5. *Белавин А.М.* Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. 2009. Вып. VI. С. 7–16.
6. *Белавин А.М.* Погребения с воинскими знаками средневековых могильников Пермского Предуралья // IV Северный археологический конгресс : материалы, 19–23 окт., 2015. Ханты-Мансийск ; Екатеринбург : Альфа Принт, 2015. С. 160–163.
7. *Белавин А.М.* Работы на р. Усьве // *Археологические открытия 1986 г.* М. : Наука, 1988. С. 156.
8. *Белавин А.М.* Редикарский археологический комплекс (по материалам раскопок 1996 г.) // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. 2007. Вып. IV. С. 23–50.
9. *Белавин А.М.* «Серебро закамское» в истории и археологии Пермского Предуралья // *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. 2013. № 2. С. 50–61.
10. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : ПФ ИИиА УрО РАН, 2008а. 603 с.
11. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий у населения // *Вестник ЧелГУ*. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 16–27.
12. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X–XI вв. // *Материалы по археологии Европейского Северо-Востока*. Вып. 18: Культурные связи населения Европейского Северо-востока в древности и Средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 99–105.
13. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник : моногр. Пермь : Изд-во РАН : Изд-во ПГПУ, 2012. 259 с.
14. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития : материалы всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г.* Екатеринбург : Ин-т истории и археологии, 2008б. С. 47–51.
15. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // *Вестник Пермского университета*. 2016. Вып. 1 (32). С. 28–41.
16. *Белавин А.М., Носкова Е.Н.* Серебряная бляха из могильника Телячий Брод // *Советская археология*. 1989. № 2. С. 253–256.
17. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Археологические признаки культуры древних венгров на Урале: реальные и мнимые // *Золотоордынское наследие*. Казань, 2021. С. 35–42.
18. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа : Изд-во БГПУ, 2009. 285 с.
19. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.В.* Пермское Предуралье в эпоху Средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов) // *Российская*

археология: достижения XX и перспективы XXI вв. : материалы науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения В.Ф. Генинга, Ижевск, 28–30 марта. Ижевск : УдГУ, 2000. С. 318–321.

20. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Данич А.В.* Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 8–12.

21. *Голдина Р.Д.* К итогам дискуссии «Угры в Предуралье» // Российская археология. 2016. № 2. С. 102–119

22. *Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф.* Проблема современного этнокультурного и хронологического восприятия средневековых древностей Верхнего Прикамья (конец I тыс. – первая половина II тыс. н. э.) // Этнокультурные процессы в странах и регионах : материалы междунар. науч.-практ. очно-заочной конф. Киров : Аверс, 2017. С. 13–26.

23. *Императорская Археологическая комиссия (1859–1917) : к 150-летию со дня основания.* СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.

24. *Крыласова Н.Б., Белавин А.М.* Раскопки средневековых могильников в Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья : сб. ст. Ижевск : Удм. ин-т истории яз. и лит., 1991. С. 56–58.

25. *Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н.* Современное состояние «Угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2010. № 2 (14). С. 140–153.

26. *Сарапулов А.Н.* А.М. Белавин: личность в науке (к вопросу о научной археологической школе в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. Вып. XIV. С. 4–26.

27. *Теплоухов Ф.А.* Оттиски статей и заметок о древностях Пермской губернии. Пермь : Тип. Н-ков Каменского, 1892–1895. 280 с.

УДК 902, 303.446.4

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-102-108

А.Р. Смертин¹, А.Ю. Смертина^{2,3}
ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ В ТРУДАХ А.М. БЕЛАВИНА

¹Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, РФ

²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

³Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ

Статья посвящена контент-анализу трудов А.М. Белавина. Из статейного материала были вычленены наработки Андрея Михайловича в теме металлургии средневекового Прикамья. К ним относится и работа в качестве организатора науки, и учёного-исследователя. Наиболее перспективными направлениями по развитию идей А.М. Белавина является решение нескольких вопросов: выделение металлургических провинций (археологических микрорегионов); уточнение форматов металлургического и металлообрабатывающего производства в протогородских ремесленных центрах; вычленение сфер и хронологии инокультурного влияния на металлургию и металлообработку Прикамья. Дальнейшее исследование прикамской металлургии будет основано в том числе благодаря вкладу Андрея Михайловича Белавина.

Ключевые слова: металлургия, металлообработка, Прикамье, ремесло, протогородские центры.

A.R. Smertin¹, A.Yu. Smertina^{2,3}
THE STUDY OF METALLURGY IN THE WORKS OF A.M. BELAVIN

¹Institute of Humanitarian Studies Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Perm, Russian Federation

²Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

³Perm State University, Perm, Russian Federation

The article is devoted to the content analysis of the works of A.M. Belavin. The work considered the achievements of Andrei Mikhailovich in the topic of metallurgy of the medieval Kama region. These include working as an organizer of science and a research scientist. The most promising directions for the development of A.M. Belavin's ideas are the solution of several issues: the allocation of metallurgical provinces (archaeological microregions); clarification of the formats of metallurgical and metalworking production in proto-urban craft centers; identification of spheres and chronology of foreign cultural influence on metallurgy and metalworking of the Kama region. Further research on the Kama metallurgy will be based on the contribution of Andrei Mikhailovich Belavin.

Keywords: metallurgy, metalworking, Kama region, handicrafts, proto-urban centers.

Исследование древней металлургии является важным компонентом в процессе изучения древнего общества. Именно освоение металла и уровень его обработки отражает как социальное разделение в обществе, так и его экономическое благосостояние. Не является исключением и исследование металлургии в средневековой истории Прикамья (V–XV вв.), связанной с бытованием ломоватовской и родановской археологических культур.

Здесь стоит хотя бы коротко остановиться на истории изучения металлургии. Понятие «металлургия» в этой работе используется в широком смысле: как совокупность операций по получению и обработке металла.

На протяжении всего XX в. было приложено немало усилий по разработке данной тематики. Масштабные работы на прикамских памятниках X–XIV вв. в 1930-х гг. велись М.В. Талицким. Автор уделял отдельное внимание ремеслам, в том числе, получению и обработке железа и бронзы. М.В. Талицкий считал, что специализация кузнецов-литейщиков произошла в XI в., обработкой всех металлов занималась одна группа людей [Талицкий, 1951, с. 50–52]. Позднее А.П. Смирнов обобщил знание об общественном строе в Прикамье. Он отмечал, что ремесленная специализация в Средневековье существовала только в обработке металлов. При этом функция кузнеца и литейщика совмещалась [Смирнов, 1952, с. 197]. В диссертации, посвященной родановской культуре, В.А. Оборин достаточно подробно описал металлургические сооружения и процесс кузнечного и литейного дела. Особое внимание автор уделял появлению в XII в. пашенного земледелия, что обеспечило специализацию металлургов [Оборин, 1957, с. 322–328]. Далее, в 1980-е гг. благодаря деятельности Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина, впервые был описан процесс добычи руды и варки железа. Достаточно подробно объяснялся и процесс металлургии. Кроме того, в работе была создана фундаментальная классификация железных орудий труда и литых украшений [Голдина, Кананин, 1989, с. 78–90]. В то же время появляются первые результаты массового металлографического анализа железных изделий, благодаря работам В.И. Завьялова и А.П. Зыкова [Завьялов, 1988, с. 129–161; Зыков, 1987, с. 145–155]. Известен вклад в исследование металлургии и со стороны многих других ученых. Однако задача этой статьи рассмотреть отдельный вклад в изучение металлургии со стороны А.М. Белавина.

Андрей Михайлович был сторонником классических приемов и методов в археологии, но содействовал начинаниям в естественно-научном подходе своих коллег. Среди мер поддержки – предоставление материалов раскопок КАЭЭ для всестороннего исследования [Завьялов, 2006], организация приобретения сложной исследовательской техники по программе стратегического развития ПГПУ (бинокулярные микроскопы, рентгено-флуоресцентный анализатор металлов и др.) [Подосёнова, 2013, с. 78–84]. Когда в 2022 г., после долгого перерыва, продолжилось металлографическое исследование железных артефактов [Смертин, 2023а, с. 127–141], Андрей Михайлович сначала спрашивал: *«Зачем пилить, всё ведь уже написано? А разрешение у авторов раскопок спросили?»*. Но затем изначальный скептицизм сменялся на добродушие и заинтересованность в новых результатах. Так каков был личный вклад А.М. Белавина в развитие истории металлургии?

Начиная с ранних публикаций, А.М. Белавин уделял отдельное внимание исследованию металлургии. Самостоятельные археологические исследования Андрея Михайловича проводились в сотрудничестве с Пермским областным отделением ВООПИК в окрестностях Березников и Соликамска (1977–1984 гг.).

Одними из первых полевых работ были раскопки Городищенского городища (1981–1982 гг.). Многочисленные остатки цветной металлургии и бронзолитейного дела указывали на ремесленный характер поселения [Белавин, 1986, с. 141]. Весьма интересные результаты были получены при раскопках селищ Володин камень I–II (1982–1983, 1988 гг.). По итогам работ удалось заключить, что селища являлись крупными производственными центрами по выплавке меди и железа. Это подтверждалось находками в культурных напластованиях определенных артефактов: руды, шлаков, железных и бронзовых заготовок, тиглей и щипцов, производственных ям [Белавин, Мельничук, 1984, с. 15]. Работы на соседних селищах производственного назначения – Абрамовском и Пермьяковском (1984 г.) позволили выявить скопления руды и шлаков, при общей малочисленности артефактов. Работы на более крупном производственном поселке – Чашкинское II селище, были продолжены А.М. Белавиным в 1984, 1998 гг. вслед за раскопками Ю.А. Полякова 1980 г. Далее это селище исследовалось А.В. Рублевым (1987–1991 гг.). Все исследователи приходили к выводу, что данный поселок – производственный центр металлургической направленности [Чашкинское II ... , 2011, с. 49–64].

Указанные полевые работы А.М. Белавина и его единомышленников на левом берегу р. Камы позволили несколько обобщить результаты и выделить на территории Березников-

ского археологического микрорайона производственные металлургические поселки финноугров [Белавин, 1987, с. 117–130].

Выделение особых средневековых археологических памятников Прикамья – производственных поселков металлургов – вполне вписывается в концепцию А.М. Белавина по урбанизации Пермского Предуралья и образования протогородских центров. Сельская округа была представлена серией поселков больших размеров, без укреплений и с прерывистым культурным слоем [Белавин, 1987, с. 124]. Сами же протогородские центры – городища, являлись местом сосредоточения различных ремесленных производств [Белавин, 2007, с. 8–9]. Следы развитой металлургии (продукция, полуфабрикаты, отходы и производственные сооружения) зафиксированы, в том числе, в материалах ряда городищ: Рождественского, Саламатовского, Анюшкар, Роданово, Устин II, Острая Грива и др. Рядом с Саламатовским городищем исследовано и крупное селище Телячий Брод, также с развернутым металлургическим производством [Смертин, 2023в, с. 254–259]. Предполагается наметившаяся в Средние века специализация – металлургические поселки могли производить сам металл (железо и медь), а в протогородских мастерских могла происходить его последующая обработка.

Пока только в Березниковском археологическом микрорайоне выделяется целая группа производственных поселков: Чашкинское II, Володин Камень I–II, Абрамовское, Пермьковское селища. Селища, вероятно, носили преимущественно именно металлургический характер, а не металлообрабатывающий. Хотя на Чашкинском II селище есть элементы полного цикла в обработке железа. В ремесленных центрах на городищах, вероятно, производилась уже готовая продукция. Сейчас это продемонстрировано раскопками мастерских на Рождественском [Крыласова, Подосёнова, 2015, с. 27–41], Роданово [Крыласова, Подосёнова, Сарапулов, 2019, с. 56–72], Анюшкар [Горшкова, 2013, с. 84–103] городищах. А.М. Белавин объяснял данную дифференциацию через общественное разделение труда, связанное с отделением ремесла от сельского хозяйства и возникновением производственной специализации [Белавин, 2001, с. 139–140]. Достаточно подробно концепция о протогородских центрах резюмирована В.А. Ивановым [Иванов, 2018, с. 47–53] и А.Н. Сарапуловым [Сарапулов, 2018, с. 4–26].

Ряд монографий, выпущенных при участии А.М. Белавина, были направлены на публикацию материалов раскопок памятников археологии. Так, каждая из монографий серии «Археология Пермского края: свод археологических источников» содержат сведения о следах металлургии и металлообработки [Археологические памятники ... , 2014]. Однако назначение данных работ – комплексная публикация материалов и, в меньшей степени, их углубленная аналитика.

Существуют в трудах А.М. Белавина и некоторые обобщения по средневековой истории Прикамья, в том числе, по металлургии. Среди них и учебные пособия [Белавин и др., 2002], и сборники материалов [Белавин и др., 2004], и коллективные монографии [Белавин, 2022, с. 184–213]. Мы не будем подробно останавливаться на этих работах, так как они имеют характер обобщений уже систематизированного материала. Однако их ориентация на широкую читательскую аудиторию позволяет обозначить вклад А.М. Белавина в педагогическую и популяризаторскую работу.

В многочисленных статьях А.М. Белавин, так или иначе, затрагивал тему металлургии и металлообработки. В частности, за последнее десятилетие накопился целый пласт научных статей, анализирующих результаты работ на Рождественском городище (индивидуально и в соавторстве с Н.Б. Крыласовой). К наиболее интересным сюжетам относятся раскопки жилищ. Исследователи акцентируют внимание на находках остатков кузнечного производства и литейного дела внутри жилищных сооружений. Среди артефактов: крицы, шлаки, кузнечные заготовки, зубила, фрагменты тиглей, льячки, литейные формы, слитки и др. Отдельные ямы в пределах жилищ исследователи связывают с металлообрабатывающим производством [Крыласова, Белавин, 2014, с. 292].

В науке имеются попытки интерпретировать данные находки как вхождение металлообработки в состав домашнего производства [Половников, Пермькова, 2018, с. 238–241].

В таком случае не совсем ясно, как этот факт отвечает критериям к выделяемым протогородским ремесленным центрам эпохи Средневековья (каким и является Рождественское городище). На данном поселении металлургия уже выделялась в отдельную специализацию, что подтверждается, в том числе, наличием погребений мастеров [Крыласова, Белавин, 2015, с. 16–27]. Кроме того, металлургическое и металлообрабатывающее производство требует специализированных металлургических печей, а следовательно, и большого объема топлива, что невозможно было обеспечить внутри жилища. Справедливо то, что полностью обслужить нужды поселения такой формат производства не мог, поэтому данные случаи являются исключением, а не тенденцией для средневекового населения. В любом случае этот вопрос ожидает проработки в контексте концепции А.М. Белавина о протогородских центрах.

Отдельная часть публикаций (А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой) посвящены анализу медницкой мастерской в северо-восточной части Рождественского городища (раскопки 2018–2019, 2021–2022 гг.) [Белавин, 2023, с. 11–13]. Сам факт обнаружения комплекса и его вещественное наполнение является важной научной сенсацией, по-разному аналитически обработанной в литературе. В данном случае нам доступен удачный пример многопрофильной постройки металлурга, в одной части которой располагалась мастерская (с многочисленными находками медных отходов и заготовок, инструментов и т.д.), а другая часть была жилой [Мастерская медника]. Сложно оценить, трудился ли в этой мастерской один мастер с подмастерьями, либо эта была какая-то группа мастеров. Но, случай примыкания полномасштабной мастерской к жилищу в данном случае уникален.

Отдельного внимания заслуживает работа А.М. Белавина «Камский торговый путь», посвященная экономическим отношениям Прикамья. В одном из разделов А.М. Белавин заключает, что высокий уровень хозяйственных занятий и ремёсел местных жителей обеспечивался под влиянием болгарского ремесла, так как железные изделия имеют схожие формы и хорошее качествоковки [Белавин, 2000]. Ещё в начале 2000-х гг. В.И. Завьялов отмечал, что традиция в ковке клинков Прикамья основывалась на схеме трехслойного пакета. В то же время, кузнечество булгар строилось на традиции варки и наварки стального лезвия на железную основу. Следовательно, болгарское кузнечное дело не могло быть источником новаций в прикамской железообработке и не могло оказать значительного культурного влияния [Завьялов, 2006, с. 179–180].

Здесь стоит согласиться, что единство форм кузнечных изделий не могут в полной мере отражать место и технологию их производства, так как в развитом Средневековье наблюдается некое единство форм основных орудий, как минимум, во всей Восточной Европе. И преобладающей технологией в Прикамье действительно является трехслойный пакет. Но в то же время, несмотря на научное парирование, на настоящий момент мы можем выделить некоторые прикамские поселения, на которых весьма выражено болгарское влияние. Это группа памятников Телячий Брод, где в выборке из 14 ножей зафиксировано преобладание варки над трехслойным пакетом (8 – варка; 6 – трёхслойный пакет) [Смертин, 2023в, с. 254–259]. Кроме того, на Рождественском городище в выборке из 15 клинков зафиксирована весомая доля варки (4 – варка, 26,66 %) [Завьялов, 2006]. Также на этих памятниках есть находки и чугунных котлов, технология литья которых появляется в Волжской Булгарии в XIII–XIV вв. [Ефимова, 1958]. Таким образом, дальнейшее развитие тезиса о возможном локальном влиянии Волжской Булгарии на ремесленную железообрабатывающую традицию прикамских племен считается возможным, как минимум, в формате импорта.

Таким образом, в контексте имеющихся наработок А.М. Белавина в области металлургии и металлообработки, можно выделить несколько основных направлений для развития и уточнения имеющихся концепций:

- Выделение металлургических провинций (археологических микрорегионов). В научный оборот А.М. Белавиным введен тезис о Березниковском археологическом микрорегионе. Важно оценить, является ли данный феномен локальной спецификой, либо агломерации производственных селищ имели повсеместный характер. Приуроченность производственных центров к сырьевым источникам также является перспективным направлением в разработке данного вопроса (на основании естественно-научных анализов: РФА, минералогического и др.).

- Уточнение форматов металлургического и металлообрабатывающего производства в протогородских ремесленных центрах. Нам известны и полномасштабные мастерские, и отдельные находки остатков производств в составе жилищ. Не до конца решенным остается вопрос об овладении рядовыми жителями (неспециалистами) кузнечным и литейным делом в качестве домашнего (подсобного) производства.

- Вычленение сфер и хронологии инокультурного влияния на металлургию и металлообработку Прикамья. В свете продолжающихся археологических раскопок и появления новых источников, важно расширить аналитические материалы по технологии производства металлических изделий (на основании естественно-научных методов: РФА, металлографического, СЭМ и др.). Это поможет уточнить традиции в средневековой металлургии и металлообработке Прикамья, выявить вектор и формат влияния со стороны соседних территорий.

Невозможно в рамках одного небольшого очерка описать все разработки А.М. Белавина даже по одной из тематик всей археологии Прикамья – металлургии. Тем не менее можно быть уверенным, что благодаря работам Андрея Михайловича мы имеем материалы многочисленных полевых работ, значительный пласт аналитических материалов, концепций и научных предложений. Уже последующий их пересмотр, интерпретация, осмысление и дополнение могут дать новую картину об историческом прошлом по данным археологии. Но эти новации будут основаны, в значительной мере, на предшествующих основополагающих работах, чем и являются труды Андрея Михайловича Белавина.

Библиографический список

1. *Археологические памятники Чашкинского озера* / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.М. Белавин, С.В. Скорнякова // *Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. Пермь : ПГГПУ, 2014. 565 с.*
2. *Белавин А.М. Городищенское городище на р. Усолке* // *Приуралье в древности и Средние века. Устинов, 1986. С. 130–142.*
3. *Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : ПГПУ, 2000. 200 с.*
4. *Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье* // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. IV. Поселенческие памятники Предуралья и Средневековья и Нового времени: к проблеме раннего этапа урбанизации. Пермь : ПГПУ, 2007. С. 4–12.*
5. *Белавин А.М. Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н. э. (По материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья)* // *Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) : межвуз. сб. Йошкар-Ола : МарГУ, 1987. С. 117–130.*
6. *Белавин А.М. Раннегородские центры Предуралья* // *Региональные столицы России – точки опоры и роста : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Екатеринбург, Пермь, 20–22 сентября 2023 г. Екатеринбург ; Пермь : Альфа, 2023. С. 11–13.*
7. *Белавин А.М. Ремесленные центры Пермского Предуралья в системе средневековой торговли* // *Древние ремесленники Приуралья : материалы всерос. науч. конф. (Ижевск, 21–23 нояб. 2000 г.). Ижевск : УДИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 139–147.*
8. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археологические памятники Чашкинского озера* // *Археология Пермского края. Свод археологических источников. Пермь : ПФ ИИаА УрО РАН, 2008. 603 с.*
9. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник* // *Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. II. Пермь : ПГПУ, 2012. 258 с.*
10. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Памятники Среднего Предуралья* // *Археология Волго-Уралья : в 7 т. / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Т. 5. Казань : АН РТ, 2022. С. 184–213.*

11. *Белавин А.М., Мельничук А.Ф.* Средневековые памятники у д. Володин Камень в приустьевой части р. Яйвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья : межвуз. сб. науч. тр. Ижевск : УдГУ, 1984. С. 8–16.
12. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : УрГУ, 1989. 216 с.
13. *Горшкова Н.С.* Комплекс черной металлургии первой половины II тысячелетия на примере городища Анюшкар // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2013. № 1 (21). С. 84–103.
14. *Ефимова А.М.* Чёрная металлургия города Болгара // МИА. 1958. № 61. С. 292–315.
15. *Завьялов В.И.* История кузнечного ремесла пермских народов (эпоха Средневековья) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006.
16. *Завьялов В.И.* Черная металлообработка у древних коми-пермяков // Новые археологические памятники камско-вятского междуречья. Ижевск : УдГУ, 1988. С. 129–161.
17. *Зыков А.П.* Технология кузнечного производства в Верхнем Прикамье в начале II тыс. н. э. (по материалам родановских и сыльвенских памятников) // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск : УдГУ, 1987. С. 145–155.
18. *Иванов В.А.* Концепция урбанизации Прикамья А.М. Белавина в свете контент- и дискурс-анализа // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. Вып XIV. С. 47–53.
19. *Крыласова Н.Б., Белавин А.М.* Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // Вестник ЧелГУ. 2015. № 6. С. 16–27.
20. *Крыласова Н.Б., Белавин А.М.* Раскопки Рождественского археологического комплекса // Археологические открытия. 2016. Т. 2014. С. 290–294.
21. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А.* Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2015. № 4. С. 27–41.
22. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Сарапулова А.Н.* Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г. // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 1 (44). С. 56–72.
23. *Мастерская медника* [Электронный ресурс] : офиц. сайт ПФИЦ УрО РАН. URL: <https://www.permsc.ru/ru/main/about/instituty-tsentra/igi/otdel-istorii-arkheologii-i-etnografii/vazhnejshie-rezultaty-issledovaniy/814-masterskaya-mednika> (дата обращения: 26.09.2024).
24. *Оборин В.А.* Коми пермяки в IX–XIV вв. (родановская культура) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1957. 404 с.
25. *Очерки археологии Пермского Предуралья* : учеб. пособие / А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова [и др.] ; под ред. Н.Б. Крыласовой. – 2-е изд., испр. и доп. Пермь : ПГГПУ, 2022. 315 с.
26. *Подосёнова Ю.А.* Комплексное исследование ювелирных изделий Пермского Предуралья эпохи средневековья: итоги и перспективы // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 2. С. 78–84.
27. *Половников Л.В., Пермякова А.В.* Металлообработка изделий из черных и цветных металлов в рамках домашнего производства в жилищах родановской культуры (по материалам раскопок на Рождественском городище в 2014–2016 гг.) // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в 175 археологии : материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых. СПб. : ИИМК РАН, 2018. С. 238–241.
28. *Сарапулов А.Н.* А.М. Белавин: личность в науке (к вопросу о научной археологической школе в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. Вып XIV. С. 4–26.

29. *Смертин А.Р.* Железообрабатывающее производство средневекового археологического комплекса Анюшкар в Верхнем Прикамье // *Археология Евразийских степей.* 2023а. № 1. С. 127–141.

30. *Смертин А.Р.* Историографический обзор исследований железообработки средневекового населения верхнего и среднего Прикамья // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Камско-Вятской археолог. экспедиции. Ижевск : Удмуртский университет, 2023б. С. 183–185.

31. *Смертин А.Р.* Кузнечное производство на группе средневековых памятников Телячий Брод в бассейне р. Чусовая в Пермском Предуралье // *Геоархеология и археологическая минералогия.* 2023в. Т. 10. С. 254–259.

32. *Смирнов А.П.* Очерки по древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья // *МИА.* 1952. № 28. 276 с.

33. *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // *МИА.* 1951. № 22. С. 33–96

34. *Усольские древности* : сб. тр. и материалов по традицион. культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. Усолье : [б. и.], 2004. 240 с.

35. *Чашкинское II* поселение крупнейший неукрепленный памятник родановской культуры в Верхнем Прикамье / Г.П. Головчанский, А.Ф. Мельничук, А.В. Рублев, С.В. Скорнякова // *Вестник Пермского университета. Серия: История.* 2011. № 1 (15). С. 49–64.

Рис. 1. Участники Региональной научно-практической конференции «Археологические полевые исследования в Пермском крае в 2022 г.», где на фотографию попали большинство пермских археологов. Слева направо: Л.В. Романова; М.К. Мингалева; Е.В. Чуйкина; Г.П. Головчанский; А.В. Васильева; В.В. Мингалев; А.М. Белавин; Н.Б. Крыласова; А.Р. Смертин; Е.Л. Лычагина; М.Л. Перескоков; Ю.А. Подосёнова; А.С. Азанов; Н.Г. Брюхова; Е.М. Орлова

УДК 902, 303.446.4

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-109-111

А.Н. Сарапулов
ЗАМЕТКИ УЧЕНИКА: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ
В ТРУДАХ А.М. БЕЛАВИНА

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Статья посвящена памяти выдающегося отечественного археолога, профессора А.М. Белавина, ушедшего из жизни в 2024 г. Наряду с другими основополагающими научными концепциями об особенностях эпохи Средневековья в Пермском крае А.М. Белавин в своих многочисленных трудах касался дискуссионных вопросов происхождения пашенного земледелия на территории Пермского Предуралья. Его идеи нашли отражение в последующих работах и были доказаны на основе накопленного археологического материала.

Ключевые слова: пашенное земледелие, эпоха Средневековья, Пермское Предуралье, научная школа, историография, вклад в науку, профессор А.М. Белавин.

A.N. Sarapulov
STUDENT'S NOTES: CONTROVERSIAL ISSUES OF THE ORIGIN OF ARABLE
FARMING IN THE PERMIAN URALS IN THE WORKS OF A.M. BELAVIN

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The article is dedicated to the memory of the outstanding Russian archaeologist, Professor A.M. Belavin, who passed away in 2024. Along with other fundamental scientific concepts about the peculiarities of the Middle Ages in the Perm Region, A.M. Belavin in his numerous works dealt with controversial issues of the origin of arable farming in the Permian Urals. His ideas were reflected in subsequent works and were proved on the basis of accumulated archaeological material.

Keywords: arable farming, the epoch of the Middle Ages, Permian Urals, scientific school, historiography, contribution to science, Professor A.M. Belavin.

Андрей, не стесняйтесь бросить в воду
камень, и посмотрите, как будут расходиться круги...

А.Х. Халиков, выдающийся советский археолог

В 2024 г. отечественная археологическая наука потеряла большого и выдающегося исследователя, профессора А.М. Белавина, создателя Пермской научной археолого-этнографической школы в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете, организатора науки, Учителя нескольких поколений археологов. За почти полувековую научную деятельность А.М. Белавин исследовал десятки археологических объектов, написал сотни научных работ, выдвинул основополагающие для современных ученых-археологов концепции. В эпиграф этой статьи я вынес фразу учителя Андрея Михайловича Альфреда Хасановича Халикова, которую А.М. Белавин любил вспоминать. Глубокий смысл этой фразы характеризует научный стиль и идеи А.Х. Халикова, и стал принципом научной деятельности его ученика. Разработанные Андреем Михайловичем концепции никогда не оставались незамеченными, не всегда принимались однозначно и вызывали научную полемику, но выдерживали испытание временем и получали многочисленные новые подтверждения в трудах учеников, ложась в основу современных представлений об особенностях эпохи

Средневековья в Пермском крае. Анализ его основных концепций был представлен нами в статье, посвященной 60-летию юбилею А.М. Белавина [Сарапулов, 2018]. В своих многочисленных работах А.М. Белавин касался и дискуссионных вопросов времени распространения и истоков пашенного земледелия на территории Пермского Предуралья.

История хозяйства по археологическим данным имеет большое значение для комплексной реконструкции системы жизнеобеспечения и культуры повседневности средневекового населения Пермского Предуралья. Данный регион во все исторические периоды являлся специфической культурно-экологической областью, имеющей весьма благоприятную для проживания и хозяйствования природную среду, сочетающую в себе как наличие природных ресурсов, определяющих систему жизнеобеспечения, так и крепкие культурные и экономические традиции населения. Разветвленная гидросеть Камского бассейна и лесные пространства региона определяли то, что во все времена для населения этой территории большую роль в хозяйстве играли охота и рыболовство, что фиксируется археологически. Начиная с раннего железного века, особую роль стало играть животноводство и земледелие. С VII в. мотыжное земледелие и пастушеское животноводство получило широкое распространение в хозяйственной структуре населения Прикамья. А в конце XI – начале XII в., в период смены ломоватовской археологической культуры на родановскую, происходит переход к новому хозяйственно-культурному типу пашенного земледелия и животноводства, с сохранением вспомогательной роли охоты, рыболовства, бортничества и собирательства.

Одним из самых дискуссионных вопросов в изучении хозяйственной структуры средневекового общества Пермского Предуралья является вопрос о происхождении пашенного земледелия. Очевидно, что появившиеся на территории Пермского Предуралья в начале второго тысячелетия нашей эры железные наконечники пахотных орудий попали на рассматриваемую территорию уже в готовом виде, т.е. были заимствованы с других территорий, где они к тому времени были известны и широко использовались.

Первая основательная работа, посвященная изучению средневекового земледелия Пермского Предуралья, была издана еще в конце XIX в. [Теплоухов, 1892]. На протяжении XX столетия такие исследователи, как М.В. Талицкий, А.П. Смирнов, В.А. Оборин, А.В. Прокопов, Р.Д. Голдина, И.Ю. Пастушенко касались вопросов хозяйствования средневекового населения Прикамья, в том числе земледелия [Сарапулов, 2015, с. 6–11]. Так или иначе, этих вопросов касался в своих работах и А.М. Белавин.

В монографии, посвященной этнокультурным связям Пермского Предуралья с соседями, А.М. Белавин рассматривает вопросы происхождения и проникновения пашенного земледелия на территорию Пермского Предуралья. Исследователь указывает, что новый хозяйственно-культурный тип получает распространение на территории Пермского Предуралья в X–XI вв., а в XII в. пашенная форма обработки земли достигает высокого уровня развития, позволявшего получать зерно в товарных масштабах. По его мнению, часть товарного хлеба из Предуралья поступала в Волжскую Булгарию, а затем болгары вывозили его в другие страны, в том числе, и на Русь [Белавин, 2000, с. 130]. Эта идея А.М. Белавина нашла свое подтверждение в дальнейших исследованиях. Распространение пашенного земледелия на территории Пермского Предуралья происходит в конце XI – начале XII в. в русле общих изменений материальной и духовной культуры, связанных со сменой ломоватовской культуры на родановскую.

А.М. Белавин первоначально однозначно связывал проникновение пашенного земледелия на рассматриваемую территорию с волжскими булгарами. Он пишет: *«первое, что бросается в глаза, это прямое тождество ранних наральников и сошников из Предуралья и известных болгарских образцов аналогичных орудий»*. А.М. Белавин не исключал и того, что на процесс развития пашенного земледелия в Прикамье оказало влияние и земледелие соседей пермяков – жителей Чепцы [Белавин, 2000, с. 130–131].

Позже в учебном пособии, посвященном археологии Пермского Предуралья, А.М. Белавин совместно с Н.Б. Крыласовой указывают, что типологически родановские пахотные орудия более близки древнерусским, таким образом, резоннее считать, что пашенное

земледелие проникает в Пермское Предуралье в развитом северорусском варианте в процессе переселения в Предуралье финнов и древнерусской колонизации [Белавин, Крыласова, 2002, с. 168].

А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова в исследовании, посвященном результатам многолетних раскопок Рождественского археологического комплекса, анализируют сельскохозяйственные орудия, найденные на городище и могильнике (наконечники мотыг, ральники, жернова, зернотерки). Поскольку Рождественское городище являлось болгарской торговоремесленной факторией, значительную часть населения которой составляли выходцы из Волжской Булгарии, логично предполагать, что здесь пашенное земледелие появляется именно с ними. Авторы приходят к выводу, что пашенное земледелие появилось здесь не ранее конца XI в. и было привнесено от волжских болгар либо с чепецких земель [Белавин, Крыласова, 2008, с. 252–255].

В работах вашего покорного слуги последних двух десятилетий доказывается тезис о том, что происхождение пашенной формы обработки земли и появление в Пермском Предуралье железных широколопастных наконечников пахотных орудий – ральников – можно связать с распространением древнерусских хозяйственных традиций через посредничество и влияние Волжской Булгарии [Сарапулов, 2015, с. 113–122]. Безусловно, исследования А.М. Белавина сыграли основополагающую роль для выдвигаемых нами идей о происхождении пашенного земледелия на территории Пермского Предуралья.

Завершить данную статью, отдавая дань памяти Учителю, хотелось бы четверостишием из стихотворения А. Дементьева:

*Учителей своих не позабуду.
Учителям своим не изменю.
Они меня напутствуют оттуда,
Где нету смены вечеру и дню...*

2024 г. А.Н. Сарапулов, А.М. Белавин

Библиографический список

1. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и Этнокультурных связях. Пермь : ПГПУ, 2000. 200 с.
2. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск : моногр. / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. 603 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Пермское Предуралье в период развитого средневековья // Очерки археологии Пермского Предуралья : учеб. пособие для студентов и аспирантов / Перм. гос. пед. ун-т ; под ред. А.М. Белавина. Пермь, 2002. С. 163–170.
4. Сарапулов А.Н. А.М. Белавин: личность в науке (к вопросу о научной археологической школе в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. Вып. XIV. С. 4–26
5. Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным : моногр. / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2015. 170 с.
6. Теплоухов Ф.А. Земледельческие орудия Пермской Чуди. Пермь : Типограф. Н-ков Каменского, 1892.

УДК 902, 904

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-112-116

А.В. Вострокнутов
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ КУДЫМКАРА
(В XIX–XX вв.)*

Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, РФ
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

В статье рассматривается история изучения археологического наследия города Кудымкара, центра одноименного муниципального округа Пермского края. В XIX в. здесь стали находить средневековые вещи, в результате чего А.Е. Теплоуховым было обнаружено городище, которое является «визитной карточкой» современного города. Интересно, что А.Е. Теплоухов иногда называл городище селищем. Последующие исследования выявили, помимо городища, еще 3 места с захоронениями, одно из которых, Кудымкарский могильник, находится рядом с городищем, но датируется гораздо более поздним временем. Однако находки с его площадки позволили В.А. Оборину предположить существование ранней средневековой части этого некрополя. Таким образом, в настоящей статье представлена почти 150-летняя история изучения древностей Кудымкара.

Ключевые слова: археология, городище, селище, могильник, Средние века, история.

A.V. Vostroknutov
ARCHAEOLOGICAL STUDY THE ANTIQUITIES OF KUDYMKAR
(IN XIX–XX CENTURIES)

Institute of humanitarian Studies Ural branc of RAS, Perm, Russian Federation
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

The history of study of archaeological heritage of Kudymkar are presented by this article. The medieval artifacts were found here in the 19th century. Them, A.E. Teploukhov was fund hillfort, that has become the brand modern city. The follow-up studies were found 3 sites of burial, including the Kudymkarskiy burial, which is located near to the hillfort, but dated to a later time. However, the finds from this site allowed V.A. Oborin to assume the existence of an early medieval part of this necropolis. Thus, this article presents the almost 150-year history of studying the antiquities of Kudymkar.

Keywords: archaeology, hillfort, settlement, burial, The Middle ages, history.

Памяти А.М. Белавина

Одним из основных направлений в научной деятельности д.и.н., профессора А.М. Белавина было изучение крупных поселенческих и протогородских поселений Пермского Предуралья.

А.М. Белавиным были проведены раскопки городищ Рождественское, Купросское, Лаврятское, селищ Абрамово, Чашкино II, Телячий Брод, Запоселье и других. Результатом полевых исследований, а также работы в музеях, архивах и библиотеках, стали публикации Андрея Михайловича как личные, так и в соавторстве. Имея разносторонние интересы в те-

© Вострокнутов А.В., 2024

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20015 «Коми-пермяки в этнокультурном пространстве Прикамья».

матике археологических исследований, Андрей Михайлович вновь и вновь обращался к вопросам изучения средневековых поселенческих памятников, их анализу и интерпретации материалов, полученных при раскопках. Вопросам урбанизации и спецификации поселений Пермского Предуралья посвящены как его недавние работы, так и более ранние исследования [Белавин, 1986; Белавин, 1987; Белавин 2001; Белавин, 2018; Белавин, 2019; Белавин, 2023].

Среди археологических материалов, которые использовал в своих работах А.М. Белавин, есть и артефакты со средневекового Кудымкарского городища, археологического памятника, важного как для археологии Пермского Предуралья, так и для социокультурного пространства одноименного города на современном этапе истории.

Данная работа призвана актуализировать имеющиеся данные об исследовании древностей Кудымкара, собрав в одной публикации итоги проведенных работ. Мы стремились объективно изложить историю археологического изучения современного Кудымкара. Надеемся, что это только начало.

Об истории выявления этого памятника и других древностей Кудымкара, их изучении пойдет речь в данной работе. Уверены, что Андрей Михайлович был бы рад этой публикации.

Само название города Кудымкар указывает на связь его пространства с укрепленным поселением (коми-перм. «-кар» – город). Тем не менее в первых сведениях о деревне «Кудымкор» (перепись И. Яхонтова в 1579 г.) или одноименном погосте (перепись М. Кайсарова в 1623/24 г.) [Дмитриев, 1891, с. 44, 10–104] не содержится информации о наличии здесь городища. В то же время, городище в современном пос. Майкор было известно еще в XVI в., что отражено в переписи И. Яхонтова 1579 г., где Майкор фигурирует как Туманское городище [Дмитриев, 1891, с. 106]. Тем не менее, как мы уже отмечали, наличие форманта «-кар» указывает на признаки укрепленного поселения, о котором местным жителям могло быть известно.

Официально Кудымкарское городище стало известно в XIX в. Точнее, в 1879 г., когда сюда прибыл А.Е. Теплоухов, главноуправляющий нераздельного Пермского имения графов Строгановых, известный коллекционер, один из пионеров пермской археологии. В знаменитой коллекции Теплоуховых находится много предметов с этого археологического памятника. Это предметы быта, фрагменты керамической посуды, изделия из кости, железа и украшения.

Предметы из села Кудымкарского доставляла А.Е. Теплоухову в том числе его дочь, Екатерина Александровна [Спицын, 1902, с. 7]. Наличие интересных находок, в особенности украшений, побудило А.Е. Теплоухова во время посещения Кудымкара в 1879 г. осмотреть окрестности села. Как он сам отмечает, им было найдено удобное место с признаками городища, т.е. со следами укреплений, площадь была оценена в полдесятины (примерно в 0,5 га). Городище тогда не было застроено и распахивалось. А.Е. Теплоухов отмечает широкую ровную полосу, огибающую мыс, на котором располагается городище, постепенно поднимаясь к его площадке. Исследователь посчитал эту полосу древней дорогой [Теплоухов, 1880, с. 40–41]. Интересно, что В.А. Оборин, исследовавший Кудымкарское городище во второй половине XX в. (речь об этом ниже) на графической реконструкции этого памятника, которая хранится в фондах Пермского краеведческого музея (в госкаталоге № 37203330), также отметил этот объект.

А.Е. Теплоуховым был применен своеобразный способ поиска и сбора подъемного материала: по его просьбе дети местных жителей, а также ученики школы занялись сбором с поверхности пахоты и склонов городища подъемного материала. Поскольку за эту работу он платил, не обошлось без курьезов – дети стали тащить ему домашние старые вещи под видом «чуждских». Тем не менее подобная методика принесла результат и у Александра Ефимовича набралась определенная коллекция глиняных черепков [Теплоухов, 1880, с. 41].

Первые небольшие раскопки на городище были проведены А.Е. Теплоуховым уже в августе 1879 г. Им была разбита траншея по ширине одной полосы пашни. В результате было выявлено, что культурный слой достигает мощности до 2 аршин (т.е. около 1,4 м) и содержит, помимо керамики и костей животных, орудия труда, костяные предметы, медные

и бронзовые украшения, каменные литейные формы и обрезки меди, что указывало на ювелирное производство. Также А.Е. Теплоуховым отмечены обугленные «хлебные зерна», которые были встречены в культурном слое. Подводя итог своим небольшим исследованиям, Александр Ефимович сделал вывод о высоком уровне культуры населения, проживавшего здесь в древности, а также о торговых связях и хозяйстве, отраженном в артефактах [Теплоухов, 1880, с. 41–42]. Интересно отметить еще один факт в работе А.Е. Теплоухова – в тексте публикации он называет место исследований то городищем, то селищем. В коллекции Теплоуховых, хранящейся в Пермском краеведческом музее, есть большое количество предметов, найденных как на «Кудымкарском городище», так и на одноименном селище. В современном Кудымкаре не известно средневекового селища. Очевидно, что под Кудымкарским селищем мы должны понимать Кудымкарское городище.

Летом 1886 г. Иньвенский край посетил прозектор анатомии (помощник профессора) Казанского университета Н.М. Малиев. Целью его поездки было изучение антропологического типа пермяков. Помимо ее выполнения Н.М. Малиевым был обнаружен и частично раскопан могильник, расположенный на площади возле Никольского храма. Следов могил практически не сохранилось – они уже сравнялись с землей. Исследователь отметил наличие в одном из захоронений наполовину истлевшего кушака, а в другом – медного крестика и копейки 1799 г. В женских захоронениях частично сохранились волосы, заплетенные в косы, а также головные уборы – шамшуры. [Малиев, 1887, с. 14–15].

Помимо инвентаря, Н.М. Малиевым отмечены довольно глубокие могильные ямы (до 160 см), наличие гробов, положение костяков (конечности либо вдоль тела, либо согнуты в локтях и помещены на грудной клетке). К сожалению, как он сам указывает, никакой документации, фиксирующей вскрытые захоронения, не велось, ввиду их однотипности. Всего было изучено 29 захоронений, исходя из сведений Н.М. Малиева о том, что им «добыто 29 черепов» [Малиев, 1887, с. 15–16].

В целом можно констатировать, что изученный Н.М. Малиевым могильник – это кладбище конца XVIII – начала XX в., которое не имеет отношения к средневековому городищу, но тем не менее является частью наследия современного Кудымкара. Это подтверждается еще и тем, что жители города знают о существовании захоронений на территории Никольского собора. Об этом автор данной работы слышал не раз лично.

Известный краевед и картограф И.Я. Кривошеков в своей работе «Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии» подводит некоторый итог археологическому изучению кудымкарских древностей, отмечая, что на выставке древностей, которую устроили наследники А.Е. Теплоухова в Перми в июне 1894 г., было представлено 564 предмета с городища [Кривошеков, 1897, с. 86]. В «Летописи села Кудымнора», которая хранится в Коми-пермяцком окружном государственном архиве (КПОГА), Иван Яковлевич приводит сведения о том, что среди местного населения городище фигурирует как «Кудымово» или «Чудское» [КПОГА. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 6. Л. 25].

Следующий этап изучения кудымкарских древностей приходится уже на советский период. В 1938 г. во время своей экспедиции по р. Иньва небольшие работы на городище провел М.В. Талицкий. В обнажении культурного слоя им были отмечены остатки жилища, которое Михаил Васильевич интерпретировал как идентичное изученному им объекту на Родановом городище. Вообще, стоит отметить, что на основании анализа своих наблюдений, а также исследования музейных материалов, М.В. Талицкий пришел к выводу о синхронности Кудымкарского городища Роданову, датировав его IX–XIII вв. Также М.В. Талицкий приводит местное наименование городища: «Красная горка» [Талицкий, 1938, с. 14].

Позднее городище обследовали участники Областного музейного совещания (1951 г.) и Камская археологическая экспедиция ПГУ (1969 г.) под руководством В.А. Оборина. В отчете В.А. Оборин отметил, что еще в 1951 г. осуществлялся поиск некрополя, когда, помимо остатков жилища на городище, в северной части памятника были вскрыты захоронения, датированные XVII в. В 1968 г. был выявлен Кудымкарский могильник, который располагался севернее городища, в усадьбе Лесотехникума [Оборин, 1969, с. 12]. Таким образом, это уже третье место на территории современного Кудымкара, где присутствуют древние захоронения.

В ходе раскопок 1969 г. на площадке могильника был разбит раскоп площадью 108 м², где изучено 25 погребений. По характеру погребального обряда и сопутствующему инвентарю, в том числе, по монетам XVI в., Владимир Антонович, учитывая сборы прошлых лет, единичные находки с которых поступали в Кудымкарский музей, пришел к выводу, что изученная часть могильника может быть датирована XIV–XVI вв. [Оборин, 1969, с. 15–28].

Однако В.А. Оборин проанализировал и имеющуюся информацию о той площадке, где был выявлен поздний могильник. Дело в том, что на протяжении долгого времени здесь находили различные предметы, как поздние, так и средневековые, например, костяную подвеску-уточку, колоколовидную пронизку, основу арочной подвески, височные кольца и т.д. Это привело В.А. Оборина к выводу, что могильник, расположенный к северу от Кудымкарского городища на усадьбе Лесотехникума, необходимо датировать довольно широко, в пределах VIII–XVI вв. Средневековый могильник, судя по локализации находок, располагался в южной части мыса [Оборин, 1969, с. 14], в то время как изученный в 1969 г. – в северной.

Раскопки Кудымкарского городища проводились в 1969 г. В.А. Обориным, а через 2 года, в 1971 г., продолжились под руководством В.П. Бочкаревой.

В раскопе 1969 г. площадью 121 м² были изучены остатки глинобитных очагов, хозяйственная яма и остатки плетневого укрепления, проходившего по склону. В процессе раскопок обнаружены наконечники стрел, лепная и гончарная (булгарская) посуда, украшения. Анализируя вещевой комплекс предметов, В.А. Оборин датировал городище VII–XII вв., предположив, что его застройка началась в южной части, постепенно распространяясь к северу. Русские вещи XVI–XVII вв. также были соотнесены им с данным памятником [Оборин, 1969, с. 30–37], таким образом, прослеживалась преемственность средневекового городища и деревни Кудымкар, отмеченной в переписи И. Яхонтова 1579 г.

В 1971 г. на городище было исследовано раскопками еще 60 м². Материалы этого полевого сезона дали как аналогичный предыдущим исследованиям материал, так и некоторые новые предметы, такие как костяные кочедыки с тамгами, костяная ложка с пышным резным орнаментом, костяная пряжка, обломок ложки-ляльки, фрагмент тигля, пряслица, бусы. Из объектов на раскопе были изучены хозяйственные ямы и очаги [Бочкарева, 1971, с. 16–18, 21–22]. В.П. Бочкарева, подводя итоги исследований 1971 г., выразила надежду, что стационарные работы продолжатся в дальнейшем. Однако на сегодняшний день это были последние раскопки на Кудымкарском городище. Оно становилось объектом разведок и осмотров в рамках мониторинга объектов археологического наследия Пермского края.

Началу исследований древностей г. Кудымкара уже почти 150 лет. За это время существенно изменились как взгляды на материальную культуру Пермского Предуралья в эпоху Средневековья (например, были выделены, датированы, получили периодизацию ломоватовская и родановская археологические культуры), так и методика полевых исследований. Если Н.М. Малин не документировал раскопанные им захоронения, ссылаясь на их «однотипность», то спустя чуть больше полувека о раскопках без скрупулезного ведения полевых документов уже не могло быть и речи.

Соответственно, с момента открытия городища, первых сборов с него и до систематических раскопок происходило накопление материала – очень важный этап, давший огромное количество артефактов, которые, к сожалению, не были нанесены на планы. Первый план городища был снят только М.В. Талицким в 1938 г. Его работы и труд археологов КАЭ ПГУ позволили изучать древности Кудымкара (его городище и могильник) в соответствии с археологической методикой и, таким образом, сохранить историю этих памятников через их материальную культуру для потомков.

В результате, сегодня Кудымкарское городище является значимой точкой в культурном пространстве города, несмотря на то, что оно почти полностью застроено.

Современный Кудымкар прекрасный город, один из центров истории и культуры не только Коми-Пермяцкого округа, но и всего Пермского края. Ежегодно многочисленные группы туристов и одиночных путешественников приезжают в столицу Пармы для того, чтобы в живую увидеть и почувствовать неповторимость коми-пермяцкой культуры.

Кудымкар – самодостаточный город со своим театром, парком им. И.Я. Кривошекова, Свято-Никольским собором, Коми-Пермяцким краеведческим музеем им. П.И. Субботина-Пермяка, Этноцентром, с пешеходной улицей (часть улицы 50 лет Октября от Городской площади до КДЦ). Улица 50 лет Октября – одна из центральных в городе. И достаточно символично, что начало свое эта улица берет перед древним Кудымкарским городищем.

Библиографический список

Источники:

1. *Бочкарева В.П.* Отчет о раскопках Кудымкарского городища в Коми-пермяцком национальном округе Пермской области в 1971 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р-1. Кн. 9. Д. 4561.
2. *Кривошеков И.Я.* Летопись села Кудымкара. Хронологические записи до 1897 г. Копия // КПОГА. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 6.
3. *Оборин В.А.* Отчет о раскопках в Пермской области в 1969 г. // Архив Научно-исследовательского центра «Камская археологическая экспедиция».
4. *Талицкий М.В.* Научный отчет о командировке (07–28.08. 1938 г.). Археологические памятники бассейна Иньвы (правого притока Камы). 1938 // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка. Ф. 926. Оп. 1. Д. 1.

Литература:

1. *Белавин А.М.* Вопросы ранней урбанизации в средневековом финно-угорском мире по данным археологии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2019. Вып. XV. С. 117–127.
2. *Белавин А.М.* Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века. Устинов. 1986. С. 130–142
3. *Белавин А.М.* О социально-экономических критериях выделения протогородов у коренных народов Урало-Поволжья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2001. Вып. I–II. С. 108–111.
4. *Белавин А.М.* Поселения средневековых металлургов в Яйвинско-Березниковском археологическом микрорайоне // Нутряные жилы земли: металл в российской культурной традиции : материалы всерос. науч.-практ. конф. «Строгановские чтения» – XV, 21–22 сент. 2018 г. Усолье, 2018. С. 5–9
5. *Белавин А.М.* Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н. э. (по материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья) // Этнонические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) : межвуз. сб. Йошкар-Ола, 1987. С. 117–130.
6. *Белавин А.М.* Раннегородские центры Предуралья // Региональные столицы России-точки опоры и роста. Екатеринбург – Пермь, 20–22 сент. 2023 г. Екатеринбург, 2023. С. 1–13.
7. *Дмитриев А.А.* Пермская старина : сб. ст. и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. III. Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI–XVII вв. Пермь, 1891.
8. *Кривошеков И.Я.* Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии. Екатеринбург : Типогр. В.Н. Алексеева и П.Н. Галина, 1897.
9. *Малиев Н.М.* Антропологический очерк племени пермяков // Труды Общества естествознания Казанского университета. Казань, 1887. Т. XVI. 78 с.
10. *Спицын А.А.* Древности пермской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб., 1902.
11. *Теплоухов А.Е.* Известия о чудском селище близ села Кудымкарского // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1880. Т. VI, вып. 1. С. 40–42

УДК 902, 303.446.4

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-117-121

В.Е. Кузнецов
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТОРГОВО-ВЕСОВОГО
ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ

В статье анализируется история изучения торгового-весового инструментария, которым пользовалось средневековое население Пермского Предуралья. Выделено четыре этапа исследований: дореволюционный, советский, позднесоветский и постсоветский, современный. Первый этап связан с первоначальным накоплением археологического материала. Анализу подвергались только наиболее выразительные артефакты, предметом исследования становилась торговля в целом. Второй этап характеризуется первыми попытками дать систематическую характеристику общекультурным явлениям в средневековой истории Верхнего Прикамья. На третьем этапе фиксируется комплексный анализ торгового-весового инструментария с применением классических археологических методов. Современный этап связан с появлением новых методов в изучении археологического наследия, были дополнены и подтверждены высказанные ранее позиции, но в то же время появились новые взгляды на привычные ранее предметы. В статье озвучены перспективные направления в изучении данной темы.

Ключевые слова: Средние века, Пермское Предуралье, торгового-весовой инструментарий, гирьки, слитки.

V.E. Kuznetsov
THE HISTORY OF STUDYING THE MEDIEVAL TRADE AND WEIGHING
TOOLS OF THE PERMIAN URALS

Perm State University, Perm, Russian Federation

The article analyzes the history of the study of trade and weighing tools used by the medieval population of the Permian Urals. We have identified four stages of research: pre-revolutionary, Soviet, late Soviet and post-Soviet, modern. The first stage is associated with the initial accumulation of archaeological material. Only the most expressive artifacts were analyzed, and trade as a whole became the subject of research. The second stage is characterized by the first attempts to give a systematic characterization of general cultural phenomena in the medieval history of the Upper Kama region. At the third stage, a comprehensive analysis of trade and weight tools is recorded using classical archaeological methods. The modern stage is associated with the emergence of new methods in the study of archaeological heritage, the positions expressed earlier were supplemented and confirmed, but at the same time new views on previously familiar subjects appeared. At the end of the article, promising directions in the study of this topic are announced.

Keywords: Middle Ages, Permian Urals, trade and weighing tools, weights, ingots.

Под *торгово-весовым инструментарием* понимаются предметы, посредством которых осуществлялся торговый обмен. В эту категорию попадают не только товарно-денежные единицы, но и предметы, фиксирующие весовую характеристику обмениваемых товаров, а также сопроводительный инвентарь, регламентирующий торговые операции.

Всего удалось выделить четыре этапа в изучении торгово-весового инструментария:

- дореволюционный,
- советский,
- позднесоветский и постсоветский,
- современный.

Первый этап – дореволюционный. Традиционно становление пермской археологии связывают с деятельностью А.Е. и Ф.А. Теплоуховых, организовавших сбор находимых крестьянами древностей и проводивших их первичную систематизацию. Федор Александрович, изучая предметы из золота и серебра, в основном, из кладов с территории Пермской губернии, обращает внимание на серебряные кольца / *гривны* из Калгановского клада (Соликамский район). Основываясь на почти идентичном весе всех 7 предметов, невозможности использования изделий как украшений и наличие следов кратности (?), со ссылкой на Александра Ефимовича, автор пишет, что данные предметы могли быть торговыми единицами для обмена товарами у чуждских племен, и имели значение денег [Теплоухов, 1895, с. 13].

Что касается *восточных монет*, обнаруженных в кладах, то исследователь не рассматривает их как средство обмена. По мнению Федора Александровича, серебряные монеты приобретались чуждью изначально в качестве подвесок, так как большинство из них имеет отверстие для подвешивания, а некоторые экземпляры расплющены, чтобы сделать их больше и улучшить блеск. Со ссылкой на Й.Р. Аспелина, автор указывает, что монеты могли использоваться еще и как материал для серебряных изделий, поэтому находки целых монет столь немногочисленны [Теплоухов, 1895, с. 23–26, 29].

Работу по изучению средневекового археологического материала Верхнего Прикамья продолжил А.А. Спицын – сделал первую попытку датирования предметов, собранных Теплоуховыми, изучил артефакты, полученные в ходе раскопок прикамских памятников [Спицын, 1893; 1901; 1902], но торговый инструментарий не стал предметом его исследований.

Таким образом, основными предметами исследования в дореволюционный период были наиболее выразительные древние вещи, что связано как с источником поступления этих материалов – случайные находки крестьянами красивых артефактов в земле, так и с уровнем развития методологической и источниковедческой базы. В основном авторы изучали различные украшения, оружие, восточные монеты и посуду, а объектом исследования являлись этнокультурные процессы. Поэтому «невзрачные» железные гирьки или палочковидные слитки не привлекали особого внимания ученых.

Второй этап – советский. Дальнейшее развитие представлений о периоде Средневековья и развитии торговли в это время связано с деятельностью М.В. Талицкого в 1930-е гг. В работе «Верхнее Прикамье в X–XIV вв.» он дал характеристику ремеслам, сельскому хозяйству, охоте и рыболовству, а также, в контексте металлургического производства, рассмотрел средневековую торговлю. Обнаруженные на памятниках Пермского Предуралья стандартизированные по размерам медные и бронзовые *слитки* автор атрибутирует не только как инструментарий для ювелирного производства, но и как единицы для продажи и обмена товарами. При торговле металлом кузнецы-литейщики использовали *чашечные весы* для взвешивания чушек, и, вероятно, также и для проверки веса монетной единицы. По мнению М.В. Талицкого, каждый торговец имел при себе такие весы. Они были распространены в болгарских и славянских древностях, на Верхней Каме весы найдены на Больше-Кочевском городище, а также при раскопках литейной мастерской на Родановом городище вместе с разновесами [Талицкий, 1951, с. 50–52].

В середине XX в. О.Н. Бадер и В.А. Оборин в контексте марксистского подхода обобщили и проанализировали археологическую историю Прикамья от эпохи палеолита до позднего Средневековья и проникновения русского населения. Исследователями критикуется буржуазный подход дореволюционных археологов, а средневековая история рассматривается в рамках развития производственных сил и экономического базиса. Хотя авторами выде-

ляется отдельная глава, посвященная торговле прикамского населения с соседними племенами, в которой рассматривается, в том числе, и монетный импорт, процесс и специфика обмена товарами исследователями не был изучен [Бадер, Оборин, 1958, с. 165–168].

Таким образом, археологи большей части советского периода не рассматривали торгово-весовой инструментарий как отдельный предмет изучения, либо упуская его из контекста товарно-денежных отношений, либо эпизодически высказывая некоторые положения.

Третий этап – позднесоветский и постсоветский. Только к концу советской эпохи вопрос товарно-денежных единиц вновь поднял археолог и нумизмат А.Г. Мухамадиев. Ученый связывал формирование *весовой системы* в Поволжье и Приуралье с импортом сасанидских *монет*, которые чеканились по двум весовым нормам: более ранние – 3.55–3.88 г и сравнительно поздние – 4.19–4.30 г. На поволжскую весовую систему могла повлиять только весовая система второго периода, поскольку ко времени появления собственных металлических денег относятся монеты именно этого времени [Мухамадиев, 1990, с. 73].

Весовая драхма в 4.26 г, как и сасанидские монеты второго периода, имеют прямую связь с весом *бронзовых слитков*, рассчитанных в 25 весовых драхм ($4.25 \cdot 25 = 106$ г), или как одна четвертая более крупного стандартного веса в 426 г. Весовая норма изготовления слитков, выраженная в драхмах, и их широкая распространенность, являются, по мнению А.Г. Мухамадиева, убедительными аргументами в пользу тезиса о том, что бронзовые слитки действительно служили металлическими деньгами [Мухамадиев, 1990, с. 73].

С 1980-х гг. изучением торговли активно начал заниматься А.М. Белавин, итогом его работы стала обобщающая монография «Камский торговый путь» [Белавин, 2000], где автор выделил параграф, посвященный инструментарию ювелира и торговому инструментарию. А.М. Белавин поддержал высказанную М.В. Талицким идею о широком распространении у купцов *чашечных весов*, и добавил датировку их распространения по аналогиям с материалов Биляра – X–XIII вв. Автор отметил, что подобные небольшие весы использовались для монетных взвешиваний, что было особенно важно при использовании монет разных чеканов и при торговле серебром, не расчеканенном в монеты. То, что подобного типа весы встречены в Предуралье, указывает на именно такой способ торговли [Белавин, 2000, с. 125].

Автором впервые были классифицированы *весовые гирьки*, которые поделены на четыре типа [Белавин, 2000, с. 125]:

- полусферические, железные или свинцовые, обтянутые оболочкой, аналогии обнаружены на Руси и в Волжской Булгарии;
- кубические, железные, распространены в Волжской Булгарии;
- прямоугольные, бронзовые, типичные для Волжской Булгарии;
- кружковые с отверстием из железа, меди и свинца.

К торговому инструментарию А.М. Белавин относил и *грузики-пломбы* из свинца, поддерживая позицию Р.М. Валеева о том, что подобные использовались в Волжской Булгарии для опечатывания тюков пушного товара, а находки таких предметов в Предуралье свидетельствует о распространенности мехов как средства обращения при торговле с болгарями на этой территории [Белавин, 2000, с. 126].

По мнению А.М. Белавина, *слитки из бронзы и серебра* также использовались как средство обращения в болгарской торговле, особенно в так называемый безмонетный период. В Предуралье серебряные «монетные» слитки найдены в составе кладов, они представлены серебряными гривнами киевского и новгородского типа, китайским ямбом. Наряду со слитками металлов и мехами роль торгового эквивалента могли играть бусы и иные предметы [Белавин, 2000, с. 126–127]. Автор описывает и *монетный оборот*, указывая на клад болгарских монет, найденных вместе с весами на Больше-Кочевском городище. Им рассмотрены объемы и пути проникновения восточных монет в Предуралье [Белавин, 2000, с. 127, 182–187].

Со ссылкой на Н.Б. Крыласову, он пишет о серебряной трапецевидной подвеске из погр. 37 Рождественского могильника, несущей на лицевой стороне тамгу Владимира Первого, а на обороте – тамгу в виде молота Тора, насаженного на меч. Подвеска является *вери-*

тельным знаком купца – овеественным результатом торгового договора Руси и Волжской Булгарии 1006 г., когда всем болгарским купцам были выданы особые удостоверительные знаки, дающие право на торговлю на Руси [Белавин, 2000, с. 151–152].

Таким образом, в этот период впервые была проведена попытка комплексной систематизации и осмысления роли торгового инструментария в экономической жизни средневекового Пермского Предуралья. Поставлен вопрос об использовании товарно-денежных единиц и инструментах для осуществления торгового обмена. В дальнейшем А.М. Белавин продолжал активное изучение торговли в Пермском Предуралье, рассматривая импорт и экспорт, этнокультурные контакты и процессы урбанизации, но новых аспектов в области изучения торгово-весового инструментария разработано не было [Белавин, 2023].

Четвертый этап – современность. На современном этапе продолжается развитие концепций А.М. Белавина, но уже с использованием РФА-анализа металлов и дополненной источниковой базой.

В частности, Н.Б. Крыласовой при помощи РФА анализа были изучены *слитки* и *формы-изложницы* для их изготовления. По итогам работ удалось выяснить, что легирование меди происходило в мастерских Пермского Предуралья и на рынки поставляли готовые сплавы в виде слитков. При этом автор поддерживает концепцию использования их в качестве денежных единиц для мелких товарно-денежных операций. Также исследователем выдвигается идея об использовании *дротовых браслетов* в качестве более дорогого эквивалента палочковидным слиткам [Крыласова, 2018, с. 63–65].

В дальнейшем Н.Б. Крыласовой была изучена часть обнаруженных в Пермском Предуралье слитков медных сплавов и разновесов. В итоге автор предложила новую *классификацию гирек*: сферические, граненые и шайбовидные. Последние исследовательница относит к классическому для Пермского Предуралья типу.

По мнению автора, описанные категории предметов, связанные с цветной металлообработкой, можно рассматривать как полноценный источник для изучения средневековых весовых норм. Продукция мастерских Пермского Предуралья, сырье для ювелирного производства, местные разновесы, применявшиеся в производственном процессе, обнаруживают устойчивую связь с древнейшей весовой единицей в 4,26 г (и производными от нее единицами в 106 и в 29,8 г), заимствованной еще в период активных торгово-экономических контактов с сасанидским Ираном. Это может объясняться тем, что местные жители, в целом не чуждые инновациям, в определенных вещах проявляли консерватизм, возможно, зафиксированный на уровне мифологического сознания, долгое время сохраняя устойчивые традиции [Крыласова, 2019, с. 68–79].

Помимо этого, Н.Б. Крыласова проанализировала глиняную *форму-изложницу* с городища Анюшкар, на которой фиксируются гнезда различного размера. Рассматриваемая форма, по мнению автора, демонстрирует, что параллельно существовали и слитки определенного размера и веса, которые, вероятно, могли приниматься на рынке не на вес, а на счет, и служили элементами денежной системы. Наличие на форме литейных гнезд разной длины позволяет предполагать существование своеобразной системы «номиналов» металлических слитков. Причем анюшкарская форма не единственная, фрагменты аналогичных форм-изложниц известны на городище Иднакар, что свидетельствует о широком распространении подобных слитков [Крыласова, 2023, с. 118].

Н.Б. Крыласова и Ю.А. Подосёнова с применением РФА-анализа изучили предметы, которые ранее упоминались как свинцово-оловянистые грузики-пломбы, но, по мнению авторов, представляют собой слитки олова, применявшегося для легирования меди и создания палочковидных слитков. Авторы подняли вопрос об импорте данных предметов в Пермское Предуралье через Волжскую Болгарию, и показали актуальность поиска первоисточника лигатуры [Крыласова, Подосёнова, 2019, с. 62–70].

Таким образом, на современном этапе исследователям удалось конкретизировать выделенные ранее особенности прикамской весовой системы и дополнить классификацию гирек. При помощи РФА-анализа слитков из сплавов на основе меди и реконструкции их литья, авторам удалось развить концепцию использования их как денежных единиц и углубить представления о металлургическом производстве в Пермском Предуралье.

Подводя итоги, можно дать следующую характеристику выделенным этапам:

1. *Дореволюционный этап.* Связан с первоначальным накоплением археологического материала. Анализ подвергались только наиболее выразительные артефакты, предметом исследования становилась торговля в целом.

2. *Советский этап.* Связан с первыми попытками дать характеристику общекультурным явлениям в средневековой истории Верхнего Прикамья. Торговля рассматривалась авторами на более серьезном систематическом уровне, фиксируются попытки дать характеристику торговым отношениям местного населения с соседними племенами.

3. *Позднесоветский и постсоветский.* Впервые комплексно проанализирован торговый весовой инструментарий, применялись классические археологические методы, появилось четкое представление о роли гирек, весов и денежных единиц в торговле, была дана хронология и картография материала.

4. *Современный этап.* Связан с появлением новых методов в изучении археологического наследия – РФА анализ, реконструкция. Дополнены и подтверждены высказанные ранее позиции, например, распространенная в Прикамье весовая система, но в то же время появились новые взгляды на привычные ранее предметы, например, использование дротовых браслетов или оловянных слитков. При этом надо отметить, что актуализация в развитии данного направления связана в первую очередь с изучением аспектов цветной металлургии, а не торговли.

Следовательно, перспективным в изучении торгового-весового инструментария является исследование контекста находок, использование методов математического анализа, ГИС-технологий и картографирования, полная систематизация и датировка имеющегося материала и изучение технологии его производства.

Библиографический список

1. *Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь : Перм. кн. из-во, 1958. 244 с.
2. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Изд-во ПГГПУ, 2000. 200 с.
3. *Белавин А.М.* Реки как транспортная основа Камского торгового пути // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2023. Вып. XII. С. 3–14.
4. *Крыласова Н.Б.* К развитию концепции А.М. Белавина о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в средневековом Пермском Предуралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. Вып. XIV. С. 54–69.
5. *Крыласова Н.Б.* Литейная форма-изложница с городища Анюшкар (к вопросу о системе «номиналов» металлургических слитков) // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 114–123.
6. *Крыласова Н.Б.* Слитки и разновесы Пермского Предуралья как источник для изучения средневековых мер веса // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 68–80.
7. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А.* Легирующие металлы в цветной металлургии Пермского Предуралья: товарная форма и источники поступления // Российская Археология. 2019. № 3. С. 62–71.
8. *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань : Татар. кн. изд-во, 1990. 157 с.
9. *Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы / в обраб. чл. Археол. комис. А.А. Спицына. СПб. : Т-во худ. печати, 1901. Вып. 1. 119 с.
10. *Спицын А.А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб. : Типогр. Безобразова и Ко, 1902. 112 с.
11. *Спицын А.А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М. : Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1893. 221 с.
12. *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М. : Академия наук СССР, 1951. С. 33–96.
13. *Теплоухов Ф.А.* Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути. Пермь : Типогр. П.Ф. Каменского, 1895. 44 с.

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-122-136

Э.А. Савельева¹, Ю.А. Подосёнова^{2,3}
ОЧЕЛЬЕ ИЗ ЫДЖЫДЬЁЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА ВЫМСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ*

¹Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, РФ

²Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, РФ

³Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Ыджыдъёльский могильник является одним из самых исследованных погребальных памятников вымской культуры перми вычегодской. В одном из погребений была обнаружена уникальная находка – очелье, собранное из серебряных зерно-филигранных ювелирных изделий, соединенных нитями медных спиралевидных пронизок со стеклянными бусинами. В публикации представлены итоги изучения данного комплекта. Прямых аналогий всему комплекту не обнаружено. Однако поиск аналогий для составляющих его украшений позволил датировать комплект второй половиной XII – началом XIII в. По результатам химико-технологического исследования было выявлено, что изделия изготовлены из высокопробного серебра и их декорирование производилось с помощью разных ювелирных техник: зерни, филиграни, нанесения позолоты, тиснения, инкрустации и т.д. Выделенные стилистические и технологические особенности изготовления изделий позволили выдвинуть предположение о прикамском происхождении очелья.

Ключевые слова: вымская культура перми вычегодской, очелье, ювелирные изделия, зернь, филигрань, Средневековье, серебро.

E.A. Savelyeva¹, Yu.A. Podosenova^{2,3}
HEAD DECORATION FROM THE YDZHIDYOL BURIAL GROUND OF THE
VYMSKAYA CULTURE OF THE PERM VYCHEGODSKAYA

¹Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktывkar, Russian Federation

²Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

³Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Currently, the Ydzhid'yol burial ground is one of the most studied burial sites of the Vym culture of the Permian-Vycheгда. In one of the burials, a unique find was discovered - a head ornament assembled from silver jewelry connected by threads of copper spiral beads with glass beads. The publication presents the results of the study of this set. No direct analogies were found for the entire set. However, the search for analogies for the jewelry components made it possible to date the set to the second half of the 12th – early 13th centuries. According to the results of a chemical-technological study of the products of the set, it was revealed that the products were made of high-

© Савельева Э.А., Подосёнова Ю.А., 2024

* Аналитическая часть исследования выполнена в рамках плановой темы Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра УрО РАН «Особенности формирования населения севера Европейской части России в эпоху камня, раннего металла и Средневековья по данным археологии» № ГР 121042600199–5 и в рамках государственного задания, номер регистрации темы 124021500047-2 «Этнокультурные процессы в Евразии: археология и этнография Урала». Химико-технологические исследования изделий выполнены при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и в Средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека».

grade silver and their decoration was carried out using various jewelry techniques: granulation, filigree, gilding, embossing, inlay, etc. The identified stylistic and technological features of the manufacture of the products made it possible to put forward an assumption about the Kama origin of the headdress.

Keywords: *Vym culture of the Permian Vychegda, headband, jewelry, grain, filigree, Middle Ages, silver.*

Отдавая дань памяти А.М. Белавину, мы выбрали для анализа уникальный образец средневекового ювелирного искусства – комплект из погребения 74 Ыджыдъельского могильника. Андрей Михайлович в своих исследованиях много внимания уделял ювелирным украшениям Пермского Предуралья, которые он, вслед за предшественниками, относил к болгарскому импорту. Он первым обобщил сведения о большинстве находок ювелирных изделий, систематизировал их. Главной его заслугой является выделение характерных особенностей прикамских ювелирных украшений [Белавин, 1992; 1999]. На эти его выводы, в том числе, в дальнейшем опирался К.А. Руденко, который, основываясь на анализе ювелирных изделий с территории Волжской Булгарии, отметил их отличие, и выдвинул идею о существовании отдельного прикамского ювелирного центра. Это подтверждают исследования Ю.А. Подосёновой. Андрей Михайлович горячо поддержал новую точку зрения, и неоднократно выражал ее в своих последующих публикациях.

Ыджыдъельский могильник, датируемый XII – первой половиной XIV в., является одним из самых исследованных погребальных памятников вымской культуры перми вычегодской. Памятник находится на левом берегу р. Вымь, правого притока р. Вычегда, в Княжпогостском районе Республики Коми. Он был открыт А.С. Сидоровым в 20-е гг. прошлого столетия, в 1924 и 1928 гг. им были проведены здесь первые раскопки, в результате которых изучено 10 погребений. Позже раскопки могильника проводились Вымским археологическим отрядом под руководством Э.А. Савельевой, в 1961, 1967, 1977, 1978 гг. было изучено 210 погребений [Савельева, 2014, с. 3]. В материалах памятника есть довольно много уникальных предметов, которые представляют большую редкость или вообще не имеют аналогов на других территориях¹⁶.

К таким уникальным находкам может быть отнесен комплект, собранный из стилистически схожих ювелирных изделий, введенный в научный оборот как «очелье» (рис. 1: 1).

Комплект обнаружен в составе инвентаря погребения 74 в северной части памятника [Савельева, 2014, рис. 3]. Захоронение было совершено в могильной яме прямоугольной с закругленными углами формы с ровным дном, ориентированной по линии ВСВ-ЗЮЗ (размеры 2,60 × 1,10 м, глубина фиксации – 0,45). В засыпи было выявлено углистое пятно, соответствующее в разрезе углистой прослойке (до 15 см), ниже фиксировался углисто-золевый слой (20 см), подстилаемый вдоль стенок и на дне желтым смешанным песком. Погребальный инвентарь располагался на дне ямы, и был распределен следующим образом: в восточной части захоронения находился бронзовый грушевидный бубенчик, к западу от него – *расматриваемый комплект* (рис. 1: 1); в центральной части могильной ямы располагалась пластинчатая деталь с двумя обломанными ушками (рис. 1: 2); у западной продольной стенки – обломок железного кольца и серебряная зерно-филигранная привеска (рис. 1: 3), фрагмент цепочки от шумящей подвески с бубенчиком (рис. 1: 5); в западном углу – ещё одна серебряная зерно-филигранная привеска (рис. 1: 3) и фрагмент бронзовой щиткововидной цепочки от шумящей подвески (рис. 1: 4). Способ погребения – трупоположение.

¹⁶ Полные материалы многолетних раскопок памятника опубликованы в монографии Э.А. Савельева «Ыджыдъельский могильник» [Савельева, 2014].

Во многом благодаря «аккуратности» укладки и сохранившимся фрагментам веревочек из органического материала, уникальную находку удалось извлечь в той комплектности, в какой она была помещена в погребение¹⁷ (рис. 2). Очелье было собрано на шнурок, имеющий в основе три веревочки (рис. 3: 4). По центру шнура размещается серебряная зерно-филигранная инкрустированная подвеска со стеклянными бусами по бокам (голубая и синяя с каждой стороны). Далее с каждой стороны – три спиралевидные пронизки, нанизанные на разъединенный на три части шнурок. Вслед за ними по обеим сторонам – серебряные зерно-филигранные бляшки со стеклянными темно-синими бусинами, нанизанные на вновь соединенный шнурок. Затем с каждой стороны – вновь по три спиралевидные пронизки, нанизанные на разъединенный на три части шнурок. После этого низка на одной из боковых сторон заканчивается, шнур завязан на кольце-дужке трехбусинного зерно-филигранного височного украшения. С другой стороны низка продлена еще на один уровень нанизанных на шнурок пары стеклянных бусин и спиралевидных пронизок, за которыми концы шнура завязаны на кольце-дужке второго трехбусинного височного украшения¹⁸.

Таким образом, основными составляющими очелья являлись серебряные ювелирные изделия: трехбусинные височные украшения, бляшки и подвеска.

Бусинные височные украшения (рис. 4: 1–2) по внешним характеристикам и технике изготовления идентичны. Их основные конструктивные элементы – проволочное кольцо-дужка округлой формы и нанизанные на неё три полые бусины бочонковидной овальной формы с зерно-филигранным декором. *Кольца-дужки* выполнены из проволоки, полученной с помощью волочения. Их концы (очевидно, уже на готовом изделии) раскованы, в них просверлены небольшие отверстия (рис. 6: 3в). *Бусины* собраны из двух частей – тисненых из тонкого листа металла полусфер, место соединения которых (стык) прикрывает поясок, вырезанный из тонкого листа металла, с соединенными впритык концами (рис. 6: 3в). Центральные (нижние) и боковые бусины отличаются зерно-филигранным декором. У центральных бусин вдоль краев пояса, опоясывающего среднюю часть бусины, припаяна филигранная проволочка в один ряд, к которой примыкают основаниями треугольники из зерни, выложенные на тулове бусины (рис. 6: 3в). У боковых бусин вдоль краев пояса, опоясывающего среднюю часть бусины, припаяна филигранная проволочка в два ряда с витками, направленными в разные стороны («косичкой»), тулово не декорировано. Места примыкания краев отверстий, через которые бусины нанизаны на проволочное кольцо-дужку, прикрыты филигранными рядами в один ряд. Свободная от бусин нижняя часть кольца-дужки декорирована филигранной проволочкой, которая в 2–3 ряда обматывает кольцо, тянется в два разъединенных ряда вдоль него и снова обматывает его в 2–3 ряда. Дополнительно бусины декорированы позолотой, наложенной на центральные пояски бусин и свободную от зерно-филигранного декора часть. Возможно, позолота была наложена и на нижнюю половину кольцевой основы, свободную от филигранного декора.

Бляшки (рис. 4: 3–4) по внешним характеристикам и технике изготовления также идентичны. Их основа округлой формы выполнена путем вырезания из тонкого листа металла. С лицевой стороны по краю изделий припаяна филигранная проволочка в два ряда с витками, направленными в разные стороны («косичкой»). С небольшим отступом от них по средней части окружности выложен ещё один ряд филигранной проволочки (рис. 6: 2а), к которому с внутренней стороны примыкают 4 небольших треугольника из мелкой зерни (по 3 шарика), равноудаленных друг от друга (рис. 6: 2б). Между ними, а также в центре, – ша-

¹⁷ В настоящее время очелье представлено в экспозиции Музея археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар). Важно отметить, что при реставрации изделия с целью последующего экспонирования, отдельные оригинальные спиралевидные пронизки были заменены на современные.

¹⁸ Возможно, на другой стороне спиралевидные пронизки и стеклянные бусы были утеряны еще при использовании очелья.

рики крупной зерни на подложках из филигранной проволоочки (рис. 6: 2а). Фон изделий, свободный от зерно-филигранного декора, покрыт позолотой. Изнаночная сторона не декорирована, к ней припаяна петля для крепления, изготовленная из медной полоски.

Подвеска (рис. 4: 5) имеет овальную форму со срезанной верхней частью. Её основа вырезана из листа металла. По краю подвески в один ряд уложена филигранная проволочка, которая «закольцована» в верхней части подвески, изгибаясь на углах. С внутренней стороны к этому ряду примыкает еще один ряд филигранной проволочки, проложенный только по овальной стороне. Вместе филигранные ряды, уложенные витками в разные стороны, создают эффект «косички». С небольшим отступом от них по периметру изделия выложен ещё один ряд филигранной проволочки и прилегающий к нему с внутренней стороны ряд небольших пирамидок из зерни мелкого размера (4 шарика) (рис. 6: 1з). Между филигранными рядами проложены тонкие полоски металла – в верхней части слегка изогнутая, в нижней части – повторяющая нижний контур изделия (рис. 6: 1б). В углах в верхней части изделия – шарики крупной зерни на подложках из филигранной проволочки, маскирующие концы филигранного ряда. Между ними – три шарика крупной зерни на подложках из филигранной проволочки (рис. 6: 1в). С отступом к низу от угловых шариков зерни на подложках – пирамидки, выложенные из мелкой зерни (4 штуки), прикрывающие места стыка тонких полосок, проложенных между филигранными рядами. В центре украшения – каст округлой формы со вставкой в виде битрапециевидной сердоликовой бусины. В основании каст окаймлен двумя рядами мелкой зерни (рис. 6: 1а). Каст выполнен из согнутой тонкой полоски металла, припаянной к основе под прямым углом, вставка в касте закреплена путем заваливания его краёв. Для более аккуратного и эстетичного закрепления вставки в верхней кромке каста сделаны фигурные вырезы, создающие визуальное впечатление лепестков, обжимающих грани бусины (рис. 6: 1а). На фон центральной части подвески, свободный от зерно-филигранного декора, и на полоску металла между филигранными рядами нанесена позолота. Изнаночная сторона не декорирована, к ней припаяна медная полоска металла, вырезанная из пластины, согнутая сверху в петлю. Под петлей в центральной части подвески фиксируется небольшое углубление округлой формы, выполненное перед нанесением зерно-филигранного декора на лицевой стороне для более удобного изготовления изделия.

Следует отметить, что во всех изделиях зернь и филигрань объёмные (не уплощенные), зернь визуально калиброванная, в качестве филигрании используется торсированная проволочка¹⁹, фиксируется слой позолоты, густо нанесенный способом амальгамирования (рис. 6).

Для более детальной характеристики было проведено исследование химического состава металлических изделий²⁰. Все изделия выполнены из сплава с повышенным содержанием серебра (Ag более 90 %), легированного медью (Fe: 0,46–1,18 %; Cu: 1,05–5,90 %; Ag: 91,48–96,40 %; Au: 0,68–0,91 %, Pb: 0,38–0,96 %, As: 0–0,52 %). Таким образом, каждое украшение в наборе отвечает не только общей «зерно-филигранной» стилистике комплекта, но и общей химико-технологической характеристике. Такие совпадения, а также наличие идентичных парных предметов (трехбусинных височных украшений и бляшек) наталкивает на мысль

¹⁹ Торсированная проволочка – проволочка с эффектом витья, который достигался путем кручения проволочки прямоугольного или квадратного сечения вокруг своей оси.

²⁰ Исследование химического состава металла изделий проводилось с помощью портативного рентгенофлюоресцентного анализатора Bruker S1. По возможности на изделиях проводилось от 1 до 3 замеров. Так как вещи экспозиционные и музейного хранения, предварительной зачистки места проб не производилось. Обработка полученных данных проведена на основе принятой классификации металлов и их сплавов [Енисова и др. 2008, с. 125–132]. Химический состав металла анализировался для следующих кольца-дужки височных украшений, изнаночной стороны бляшек, изнаночной и лицевой стороны подвески.

о целенаправленном изготовлении всего комплекта²¹, возможно, одним мастером. В настоящее время известно только об одном комплекте, собранном только по похожему принципу, – ожерелье, обнаруженном на территории Пермского края [Подосёнова, 2023, рис. 4–3].

Остается вопрос: где, когда и кем был выполнен комплект или его составляющие.

Аналогий *бусинным височным украшениям*²² немало. Они известны и на территории вымской культуры, и на прилегающих территориях.

На памятниках *вымской культуры* трехбусинные, однобусинные украшения или их фрагменты обнаружены в погребениях XII–XIII вв. Ёджыдъельского [Савельева, 2014, рис. 36: 16–17, 20], погребениях XII в. Кичилькосьского I [Савельева, 2019, рис. 18: 3–6], погребениях второй половины XII в. Жигановского [Савельева, 2010, рис. 97: 2, 192: 7, 266: 3], погребениях XII–XIII вв. Кокпомьягского²³ могильников, а также в материалах XII–XIII вв. Ветьюсского, Шойнаты II могильников и на Пожегском городище [Археология Коми ... , 1997, с. 639, 641, 677, рис. 6: 25, 28; 19: 29–30, 32–33; 21: 13, 18; Королев, 1979, рис. 7: 1].

На территории *родановской культуры* аналогичные изделия происходят из погребений могильников Телячий Брод (поздней части памятника, датированной XII–XIV вв.), Антыбарского (западной части могильника, датированной XI–XIII вв.), Плотниковского (из погребений, датированных XIII в.), а также Анюшкар (X–XIV вв.), Роданова (из материалов рубежа XI–XII вв.) и Рачевского (из слоя XII–XIII вв.) городищ [Подосёнова, 2020, с. 117–121]. Известны такие изделия с этой территории (однобусинные – 2 экз., трехбусинные – 7 экз., многобусинные – 2 экз.) и по дореволюционным сборам в Пермской губернии [Подосёнова, 2020, с. 117–121].

В немалом количестве похожие изделия представлены в материалах XII–XIII вв. *зауральских и западносибирских памятников*: Сайгатинском I, III, IV, Кинтусовском, Эсском, Ликинском, Ленк-Понк, Усть-Балык, Ивановском 10 могильниках, курганах у д. Кип и Аксеновских, а также на Барсовом городке и т.д. [Федорова 1990, с. 132, рис. 2; Викторова 1973, с. 57, табл. XI; Угорское наследие ... , 1994, с. 107; Семенова 2001, с. 81–82; Адамов, 2017, рис. 1: 7; Гордиенко 2009, табл. 14: 17–24].

В материалах XII–XIII вв. *чепецкой культуры* аналогии представлены в погребениях Чиргинского, Кузьминского, Качкашурского могильников [Иванов 1998, с. 131, рис. 62: 12–14; Иванова 1992, с. 38–39; Белавин 2000, с. 77, рис. 29: 12–18] и в могильниках *чияликской культуры* – Кишертском и Селянино Озеро, датированных XII – началом XIII в. [Пастушенко 2005–2006, с. 53–54].

Отметим, что трехбусинные височные украшения рассматриваемого комплекта отличаются от большинства приведенных аналогий такой деталью, как наличие раскованных концов с отверстием в них. В вымской культуре бусинные кольца с такой деталью характерны, в основном, для Ёджыдъельского могильника. Изделия с раскованными концами с отверстиями известны и в памятниках чепецкой культуры. Возможно, этот признак носит хронологический характер или отличает изделия отдельных мастеров, расковка концов была возможна и самими носителями.

Много аналогий можно привести и *бляшкам*. Важно отметить, что чаще всего встречаются бляшки без креплений. Судя по материалам полевых археологических изысканий, они могли выступать как бляшки-пуговицы (аналогично рассматриваемому комплекту), поясные накладки и щитки перстней.

²¹ По крайней мере, мы с полной уверенностью можем сказать о том, что трехбусинные височные украшения и бляшки выполнены одним мастером. Даже в современном производстве при ручном изготовлении, как показывает практика, ювелирные изделия, выполненные по одному образцу и техническому заданию, но разными мастерами, имеют заметные визуальные отличия.

²² В аналогии включены бусинные височные украшения с разным количеством бус. Поиск аналогий производился не только по формальным, но и по технологическим признакам.

²³ Публикация материалов многолетних раскопок Кокпомьягского могильника в подготовке.

На территории *вымской культуры* подобные бляшки обнаружены в материалах погребения 99 конца XII в. Кичилькосьского [Савельева, 2019, рис. 55–15], погребения второй половины XII – первой половины XIII в. Кокпомьягского [Минералого-геохимический анализ ... , 2024, с. 3] и погребений XII – начала XIII в. Чежтыягского [Истомина, № 2562, 1174, п. 76, 134] могильников.

Аналогичные изделия массово встречаются на памятниках *родановской культуры* XII – начала XIII в.: на могильнике Телячий Брод [Белавин, 1986], в Терикановском комплексе [Макаров и др., 2011, рис. 5: 1], на Саламатовском [Абдулова, 2016, рис. 4: 77], Рождественском [Крыласова, 2020, рис. 360: 17] городищах и т.д. Такие находки из серебра с территории Пермской губернии упомянуты и в источниках второй половины XIX – начала XX в., например: [Теплоуховы, тетр. I, с. 8; Спицын, 1902, табл. XII: 3].

Похожие изделия обнаружены и на территории *Зауралья и Западной Сибири*: в материалах Абалакского 1 могильника, датированного XII–XIV вв. и в частных коллекциях [Адамов, 2022, рис. 9: 105, рис. 25: 316; рис. 24: 307–309].

Судя по опубликованным материалам, такие бляшки известны и в материалах *чепецкой археологической культуры*, они происходят из дореволюционной коллекции Н.Г. Первухина [Иванов, 1997, рис. 63: 4].

Аналогий *зерно-филигранной подвеске* из комплекта не известно. Но её декоративные и технологические характеристики обнаруживают поразительное сходство с исполнением окончаний зерно-филигранных пластинчатых браслетов с округло-расширенными концами²⁴ (рис. 5: А). Не исключено, что подвеска была выполнена из окончания браслета, о чем, кроме сходства, могут свидетельствовать явно «срезанная» верхняя часть подвески с отсутствием оконтуривающих верхний край филигранных рядов, и отсутствие позолоты фона в этой части изделия. Этот факт предполагает поиск аналогий в данной категории изделий (рис. 5).

Находки таких браслетов немногочисленны. Каждое изделие имеет индивидуальные особенности (в укладке филигранных рядов, оформлении кастов, материале вставок, форме окончаний), но их объединяет общая технология изготовления, техники декорирования, схожая общая форма и схожее оформление средней части браслета, которая имеет бордюры с разным орнаментом (кружковым, в виде плетенки или зооморфным), образованные продольными углублениями.

Несколько таких браслетов обнаружено на территории *родановской культуры* в составе кладов или случайных находок. Один из них (рис. 5: 5) входил в состав Чупинского клада, сокрытого не ранее XII в., содержавшего еще две гривны глазовского типа и Хорезмийский сосуд [фонды Березниковского историко-художественного музея им. И.Ф. Коновалова, ГК 5827736; Белавин, 2000, с. 98, рис. 42: 1]. Один браслет входил в состав Пыскарского дореволюционного клада, где вместе с ним были две арочных шумящих зерно-филигранных подвески и четыре зерно-филигранных перстня в виде колпачка [Белавин, 2000, с. 98, рис. 42: 3; Теплоухов, 1895, с. 23]. Подобный зерно-филигранный серебряный браслет был найден в 1888 г. в Соликамском уезде вместе с «подобной же работы серебряной подвеской с цепочками и круглым выпуклым украшением с яшмою» [ОАК, за 1888 г. с. СССXXXIII; Белавин, 2000, с. 98, рис. 42: 2].

Похожий браслет происходит из *чияликского* Кишертского могильника (рис. 5: 6), датируемого рубежом XI–XII – первой третью XIII в. [Пастушенко, 2007, рис. 8: 16].

Фрагмент подобного браслета найден в числе предметов, извлеченных из-под обрыва и поднятых с поверхности до начала раскопок Ликинского могильника X–XIII вв. *юдинской археологической культуры* [Викторова, 2008, с. 142, рис. 132: 9].

²⁴ Важно отметить, что на сходство подвески с окончаниями зерно-филигранных пластинчатых браслетов обращает внимание и К.А. Руденко в исследованиях, посвященных болгарскому ювелирному наследию [Руденко, 2015, с. 188].

Четыре браслета, точное место обнаружения которых неизвестно, происходят с территории Нижнего Приобья (рис. 5: 1–3, 7) [фонды Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, номер по ГК 8249830, 4615090; фонды Тазовского районного краеведческого музея, номер по ГК12775123, 12775134; Сокровища ... , 1996, с. 105, рис. 46, Руденко, 2015, с. 187–188, ил. 303–309].

Известно об обнаружении похожего браслета в составе Большого Кремлевского клада 1988 г.²⁵, сокрытого до начала второй трети XIII в. (рис. 5: 8) [Панова, 1996, с. 43].

Рассматриваемая подвеска более всего схожа с окончаниями браслетов из Большого Кремлёвского клада 1988 г. (рис. 5: 8) и с территории Нижнего Приобья (рис. 5: 2–3) (фонды Тазовского районного краеведческого музея, номера по ГК12775123, ГК 12775134). Кроме технологических и стилистических сходств их объединяет наличие одной, кажущейся незначительной, детали – фигурных вырезов на кромке кастов для закрепления вставки в виде битрапещиевидной бусины (рис. 5: Б). Вероятнее всего, описанные браслеты являются изделиями ограниченного круга мастеров, знакомых с традициями друг друга (возможно, мастер-ученик)²⁶.

Датировка браслетов вызывает определенные трудности, связанные с их ограниченным количеством и нахождением вне археологического контекста. Основываясь на времени сокрытия Большого Кремлевского клада и периодизации погребения Кишертского могильника, К.А. Руденко датирует браслеты этого круга первой третью XIII в. [Руденко, 2015, с. 191]. Но пока однозначно можно говорить о периоде второй половины XII – начала XIII в.

Что касается спиралевидных пронизок, голубых и синих стеклянных бусин, являющихся составляющими комплекта, аналогии им массово встречаются как в вымских памятниках, так и в материалах сопредельных территорий в X–XIII вв. (например, Рождественского городища в Пермском Предуралье).

Таким образом, комплект включает одновременные изделия, наиболее вероятный период его создания вторая половина XII – первая треть XIII в.

Не противоречит этому и датировка остальных предметов погребального инвентаря. Обнаруженные в погребении серебряные *привески с зерно-филигранным декором* (рис. 1: 2) являлись элементами шумящих украшений (подвешивались на цепочках) или выступали в одежде в качестве застежек. Похожие изделия есть в материалах XII–XIII вв. *вымской культуры* (Жигановский, Чезтыгский, Кокпомьягский могильники) [Савельева, 2010, рис. 38-2, 8-6; Савельева, 1987, рис. 33]. В немалом количестве они представлены в материалах *родановской культуры* (Плотниковский и Телячий Брод могильники, городища Рождественское и Анюшкар, коллекция Теплоуховых и др.) [Отчет Брюхова, п. 154; Крыласова, 2019; Белавин, 1986; Белавин, 2000, рис. 34: 6–10] и на территории *Зауралья и Западной Сибири* (Сайгатинский III, Сайгатинский IV могильники и др.) [Комова, Приступа, 2012, с. 44, 54, ил. 15, 19]. Все эти привески имеют стилистическое и химико-технологическое сходство с серебряными составляющими комплекта.

Пластинчатая деталь с обломанными ушками являлась сегментом сложного по конструкции шумящего украшения (рис. 1: 3). Такие сегменты, имеющие с обоих концов петли, соединялись между собой с помощью проволочных колец. На петли-ушки с боковых сторон подвешивались цепочки с привесками. Точное функциональное назначение этих изделий до сих пор не установлено [Макаров и др., 2011, с. 104–113, Вострокнутов, 2020, с. 104–105], но многие исследователи интерпретируют их как поясные привески (см. статью В.Н. Кузнецовой в настоящем сборнике, ред.). Скорее всего, обнаруженные в погребении фрагмент брон-

²⁵ В настоящее время состав Кремлёвского клада 1988 г. опубликован частично. Изделия клада экспонируются в Московском Кремле. В материалах клада два зерно-филигранные инкрустированные браслета с округло-расширенными концами, выполненных в одинаковом стиле. Возможно, один из них был подвергнут ремонту в средней части обруча.

²⁶ Публикация: Подосёнова Ю.А. Зерно-филигранные инкрустированные круглоконечные браслеты с территории Предуралья и Зауралья (родановская, вымская культура и Приобье) в подготовке.

зовой цепочки с щитковыми звеньями (рис. 1: 4) и бронзовый грушевидный бубенчик являлись фрагментами боковой привески этого украшения. Аналогичные изделия обнаружены в материалах Чепецкого могильника *вымской культуры* [Истомина, запись № 80]. На сопредельных территориях такие находки имеются в материалах *родановской* (Агафоновский и Мало-Аниковский могильники, Терикановский комплекс, Вакинское селище, находка из с. Большая Коча и находки из дореволюционных коллекций) [Голдина, Ютина, 2012, рис. 7: 137; Макаров и др., 2011, рис. 5: 2; Вострокнутов, 2020, рис. 75–77] и *чепецкой* (Гурдошурское поселение) [Иванов, 1998, рис. 57: 10] культур, где они датируются в основном XII в. [Голдина, Ютина, 2012, с. 455–456; Вострокнутов, 2020, рис. 104–105]. Исследователи отмечают, что эти предметы не типичны для Приуралья, а более характерны для территорий западных финнов (Юго-Восточное Приладожье, Костромское Поволжье, бассейн Северной Двины) [Макаров и др., 2011, с. 104–113; Вострокнутов, 2020, с. 104–105].

Другой фрагмент цепочки с бубенчиком (рис. 1: 5) отличается от аналогичных изделий, встречаемых на сопредельных территориях, небрежной формой, грубым исполнением цельнолитой цепочки со звеньями с имитацией виття, массивностью. Возможно, он также являлся деталью вышеописанного изделия, но выполнен местным мастером для замены утерянного элемента. Похожее изделие обнаружено в одном из погребений Жигановского могильника [Савельева, 2010, рис. 154: 5]. В целом находки как фрагментов аналогичных цепочек, так и отдельных бубенчиков в вымских материалах не редки (Жигановский, Чепецкий, Кокпомьягский и др. могильники).

Ранее большинство серебряных зерно-филигранных изделий²⁷, обнаруженных в материалах вымской, родановской, чепецкой археологических культур, а также на территории Зауралья и Западной Сибири, исследователи относили к болгарскому импорту [напр.: Белавин, 2000, с. 77, 98; Савельева, Королев 2011, с. 89–97; Федорова, 1990, с. 131–141]. Но исследования К.А. Руденко показали, что на территории самой Волжской Булгарии такие изделия практически не встречаются, а некоторые ювелирные техники, используемые при их изготовлении, не характерны для болгарского серебрения (например, прокладка тонких полос между филигранными рядами, филигрань в виде торсированной проволоки, золочение на некоторых изделиях и т.д.). В последнее время на основе изучения новых источников из материалов полевых археологических изысканий и исследований на новом уровне прежних материалов определено, что изготовление большинства «болгарских» изделий производилось на территории родановской культуры местными мастерами-ювелирами. Выделяются основные отличительные особенности изделий, характерные для прикамских ювелирных центрах конца XI–XIII вв.: изготовление изделий из высокопробного серебра; золочение фона; применение фоновой зерни и филиграни; частое использование филиграни в виде торсированной проволоки, уложенными «косичкой» и отдельными рядами; расположение крупной зерни на филигранных «подложках»; прокладка между филигранными рядами тонкой полоски металла и т.д. Эти особенности фиксируются и в элементах рассматриваемого комплекта – бляшках, трёхбусинных височных украшениях и подвеске.

Пожалуй, из всех категорий этих изделий не до конца решенным остается вопрос о происхождении браслетов (соответственно, и вопрос о подвеске из комплекта).

Признавая и доказывая, что большинство изделий, ранее считавшимися «болгарскими», являются изделиями прикамских ювелирных центров, К.А. Руденко, рассматривая браслеты, полагает, что они были изготовлены при участии болгарских ювелиров в княжеских мастерских Владимира в 1230-х гг. [Руденко, 2015, с. 192]. Пока не исключая предложенного им периода распространения браслетов данного круга, все же трудно согласиться с местом их изготовления. Т.Д. Панова, описывая клад, отмечает: «до сих пор ни разу в кладах домонгольского времени на Руси не встречались широкие пластинчатые браслеты с расширяющимися концами полукруглой формы. Находки из кремлевского клада украшены крупной

²⁷ В том числе и серебряные зерно-филигранные изделия описываемого комплекта.

зернью и вставками на концах. Причем, в качестве вставок послужили бусины из сердолика и янтаря с хорошо видимыми просверленными каналами в них. Поиски прямых аналогий этим изделиям пока результатов не дали, но их восточное происхождение сомнений не вызывает» [Панова, 1996, с. 43]. Отдельно выделяют группу изделий этого клада, идентичных по стилистическим и химико-технологическим характеристикам, и исследователи-реставраторы П.Н. Котельников и В.А. Понсов [Котельников, Понсов, 2001, с. 19–27]. В эту группу серебряных изделий, кроме указанного браслета, включены зерно-филигранные бусины, зерно-филигранная подвеска-лунница и зерно-филигранный самоварчик – изделие редкое, но характерное только для материалов родановской археологической культуры. Полное совпадение стиля и большинства технологических характеристик с изделиями прикамских центров, позволяет говорить об их прикамском происхождении. С другой стороны, наличие во Владимире мастерских по изготовлению изделий в определенной манере, предполагает больший объем находок таких изделий в древнерусских материалах XII–XIII вв., чего в настоящий момент не выявлено.

Рассматриваемый комплект первоначально был интерпретирован как металлическая часть головного убора, охватывающая лоб (очелье) и включающая височные украшения. Однако находки последних лет с территорий соседних археологических культур, а также анализ самого комплекта, позволяют сделать и другое предположение о способе его ношения. На дужке одного из височных украшений сохранился фрагмент завязанного (пришитого?) узкого кожаного ремешка, который указывает на то, что эти украшения подвешивались к головному убору или его основе с помощью ремешков, тесьмы (аналогично подвешиванию бусинных височных украшений в древнерусских материалах). Другая металлическая часть комплекта с нанизанными на шнурок элементами, могла соединять между собой височные украшения и проходить под подбородком, обрамляя лицо. Аналогичный способ ношения височных украшений, соединенных между собой цепочкой, ремешком или низкой бус неоднократно отмечался исследователями для материалов памятников Волго-Камья IX–XI вв. [Руденко, 2011, с. 162; Крыласова, Подосёнова, 2023, с. 59; Подосёнова, 2020, с. 166–168]. В отдельных случаях на цепочку или шнурок по центру и/или по бокам подвешивались дополнительные украшения – привески-лапки, монетовидные подвески и т.д., например: [Данич, 2024]. Зафиксированы «височно-шейные» украшения и по данным этнографии разных народов, в том числе, финно-угорских [Руденко, 2011, с. 162; Нечвалода, 2019, с. 123; Подосёнова, 2020, с. 169–170]. Несомненно, рассматриваемое очелье являлось частью женского костюма [Савельева, 2014, с. 47], о чем свидетельствуют как украшения, входящие в него, так и другие категории погребального инвентаря в захоронении (бусинные височные украшения, шумящие украшения и сам факт обнаружения богатого головного украшения или «височно-шейного»).

Пока точно ответить на вопрос о том, в результате каких процессов (торговых, миграционных и т.д.) очелье или его составляющие (если оно собиралось в местной среде) попали к населению, оставившему Ыджыдъельский могильник, невозможно. Но находки серебряных зерно-филигранных изделий прикамского происхождения в материалах памятников вымской культуры перми [Савельева, 2011, с. 89–97] и рассматриваемое очелье в очередной раз свидетельствуют об интенсивных связях между населением вымской и родановской культур.

Библиографический список

1. *Абдулова С.И.* Противоаварийные исследования Саламатовского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2016. Вып. XI. С. 10–35.
2. *Адамов А.А.* Серебряные украшения из Тобольского Прииртышья (по материалам могильника Ивановский 10) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 314–319.

3. *Археологический* дневник А.Е. и Ф.А. Теплоуховых // Рукописный отдел Архива ИИМК РАН. Ф. 48. Д. 1, 2.
4. *Археология* Республики Коми / Л.И. Ашихмина, И.О. Васкул, А.В. Волокитин и др. М. : ДиК, 1997. 758 с.
5. *Белавин А.М.* Височные кольца, подвески и серьги болгарской работы в Приуралье // Музей XXI в.: взгляд в прошлое и будущее. Пермь : ПОКМ, 1999. С. 127–134.
6. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
7. *Белавин А.М.* О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии в X–XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Материалы XI Уральского археологического совещания. Сыктывкар : КНЦ РАН, 1992. С. 64–73.
8. *Белавин А.М.* Отчет об исследованиях в Чусовском районе Пермской области в 1986 г. Пермь, 1986 // Архив МАЭ ПГГПУ.
9. *Брюхова Н.Г.* Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в 2018 г. Пермь, 2018 // Архив МАЭ ПГГПУ.
10. *Викторова В.Д.* Древние угры в лесах Урала. Страницы ранней истории манси. Екатеринбург : Квадрат, 2008. 208 с.
11. *Викторова В.Д.* Ликийский могильник X–XIII вв. // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 137–174.
12. *Вострокнутов А.В.* Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв. нашей эры: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. СПб. : Маматов, 2020. 328 с.
13. *Голдина Р.Д., Ютина Т.К.* Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Ижевск : Удмуртский университет, 2012. С. 447–472.
14. *Гордиенко А.В.* Культурные связи Сургутского Приобья в эпоху раннего средневековья : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2009. 428 с.
15. *Данич А.В.* Отчет о раскопках Баяновского I могильника в Добрянском городском округе Пермского края в 2024 г. Пермь, 2024 // Архив МАЭ ПГГПУ.
16. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 309 с.
17. *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск : УДИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
18. *Истомина Т.В.* Описание предметов из погребений Чежтыягского могильника // Архив Музея археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Д. 31.
19. *Комова Н.Г., Приступа О.И.* Серебро древней Югры : каталог. Ханты-Мансийск ; Екатеринбург : Баско, 2012. 140 с.
20. *Королёв К.С.* Новый район обитания вычеготских пермян. Сыктывкар : КНЦ АН СССР, 1979. 50 с.
21. *Котельников П.Н., Понсов В.А.* Исследования и реставрация ювелирных украшений из клада Московского Кремля 1988 г. // Художественный металл России : материалы конф. памяти Г.Н. Бочарова (22–24 апреля 1998 г.). М., 2001. С. 19–27.
22. *Крыласова Н.Б.* Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2018 г. Пермь, 2019 // Архив МАЭ ПГГПУ.
23. *Крыласова Н.Б.* Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2019 г. Пермь, 2020 // Архив МАЭ ПГГПУ.
24. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А.* Ассортимент ювелирных изделий в средневековом прикамском костюме // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2023. Вып. XXII. С. 57–72.

25. Макаров Э.Ю., Мельничук А.Ф., Третьяков Д.В. Новые средневековые археологические древности близ города Чермоза Пермского края // Вестник Пермского университета. Вып 1 (15). История. 2011. С. 104–113.
26. Минералого-геохимический анализ металлических украшений погребения № 59 Кокпомьягского могильника вымской культуры перми вычегодской XI–XIV вв. / В.И. Силаев, Э.А. Савельева, В.Н. Филиппов, А.Ф. Хазов // Вестник геонаук. 2024. Вып 4 (352). С. 3–20.
27. Наследие народов Прикамья: Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета / Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская, Е.М. Черных, В.А. Бернц. Ижевск, 2012. 196 с.
28. Нечвалода Е.Е. Изображения удмуртского женского костюма XVIII в. в книге И.П. Фалька: опыт этнографической интерпретации и атрибуции // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 47, № 1. 2019. С. 119–126.
29. Отчет императорской археологической комиссии за 1882–1888 г. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1891. 463 с.
30. Панова Т.Д. Клады Кремля. М. : Московский Кремль, 1996. 136 с.
31. Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне р. Сылвы // Уфимский археологический вестник. 2007. № 6-7. С. 162–184.
32. Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне р. Сылвы // Finno-Ugrika. Казань: ИИ АН РТ, 2005–2006. № 9. С. 40–71.
33. Подосёнова Ю.А. Бусинные височные украшения из Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Камский торговый путь : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Набережные Челны, 23 нояб. 2018 г. Набережные Челны : Набережночелнин. гос. пед. ун-т, 2018. С. 86–93.
34. Подосёнова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь : ПГГПУ. 2020. 210 с.
35. Подосёнова Ю.А. Зерно-филигранные крестовидные подвески Пермского Предуралья // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2023. № 1(59). С. 19–25.
36. Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т. 1. Казань : Заман, 2011. 256 с.
37. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань : Заман, 2015. 528 с.
38. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 200 с.
39. Савельева Э.А. Жигановский могильник. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2010. 456 с.
40. Савельева Э.А. Кичилькоський I могильник XI–XIII вв. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2019. 232 с.
41. Савельева Э.А. Ыджидьельский могильник. Сыктывкар, 2014. 120 с.
42. Савельева Э.А., Королёв К.С. Торгово-экономические связи Перми вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. Вып. 3. С. 89–97.
43. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
44. Сокровища Приобья. Каталог выставки изделий из фондов Государственного Эрмитажа и Ямала-Ненецкого окружного музея. СПб. : Формика, 1996. 228 с.
45. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб., 1902.
46. Теплоухов Ф.А. Древности пермской чуди из серебра и золота и ея торговые пути. Пермь : Типогр. наследников П.Ф. Каменского. 1895. 47 с.
47. Угорское наследие / А. Зыков, С. Кокшаров, Л. Терехова. М. : Внешторгиздат, 1994. 160 с.
48. Федорова Н.В. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе : сб. материалов конф. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР, 1990. С. 131–141.
49. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья / А.А. Коновалов, Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева. М. : Восточная литература, 2008. 191 с.

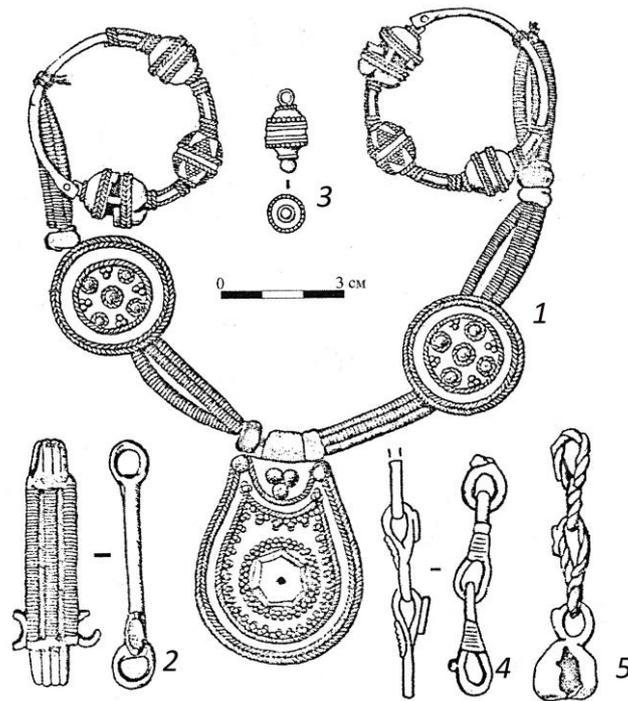

Рис. 1. Ыджыдъёльский могильник. Погребальный инвентарь погребения 74: 1 – очелье; 2 – пластинчатая подвеска; 3 – зерно-филигранная привеска; 4 – фрагмент щитковидной цепочки; 5 – фрагмент цепочки с бубенчиком. 1 – серебро, позолота, сердолик, цветной металл, стекло; 2, 4, 5 – цветной металл; 3 – серебро, позолота

Рис. 2. Ыджыдъёльский могильник. Очелье из погребения 74. Лицевая сторона

Рис. 3. Ыджыдъёльский могильник. Очелье из погребения 74. Изнаночная сторона

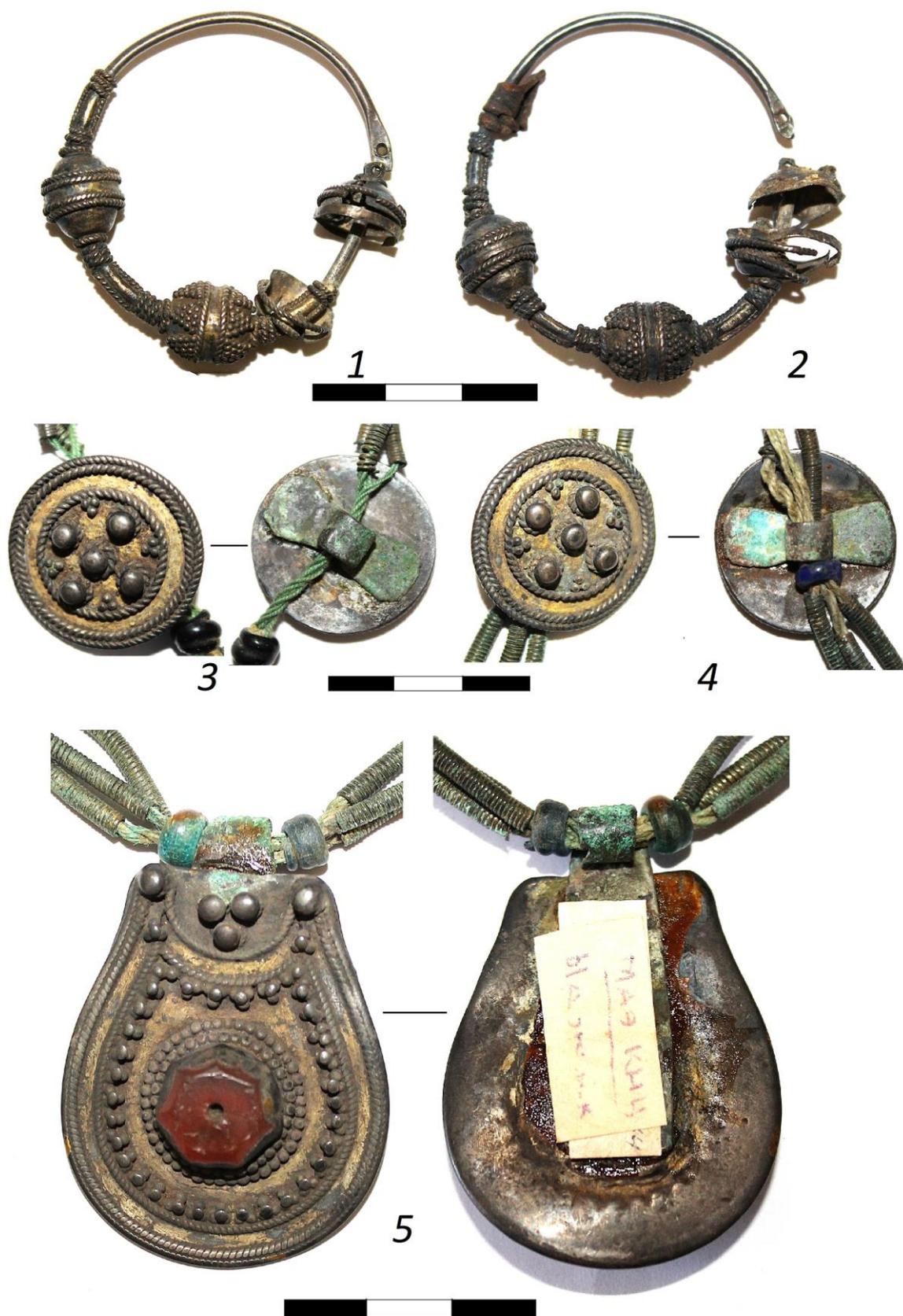

Рис. 4. Ыджыдъельский могильник. Основные составляющие ювелирного комплекта:
1–2 – бусинные височные украшения; 3–4 – бляшки; 5 – подвеска

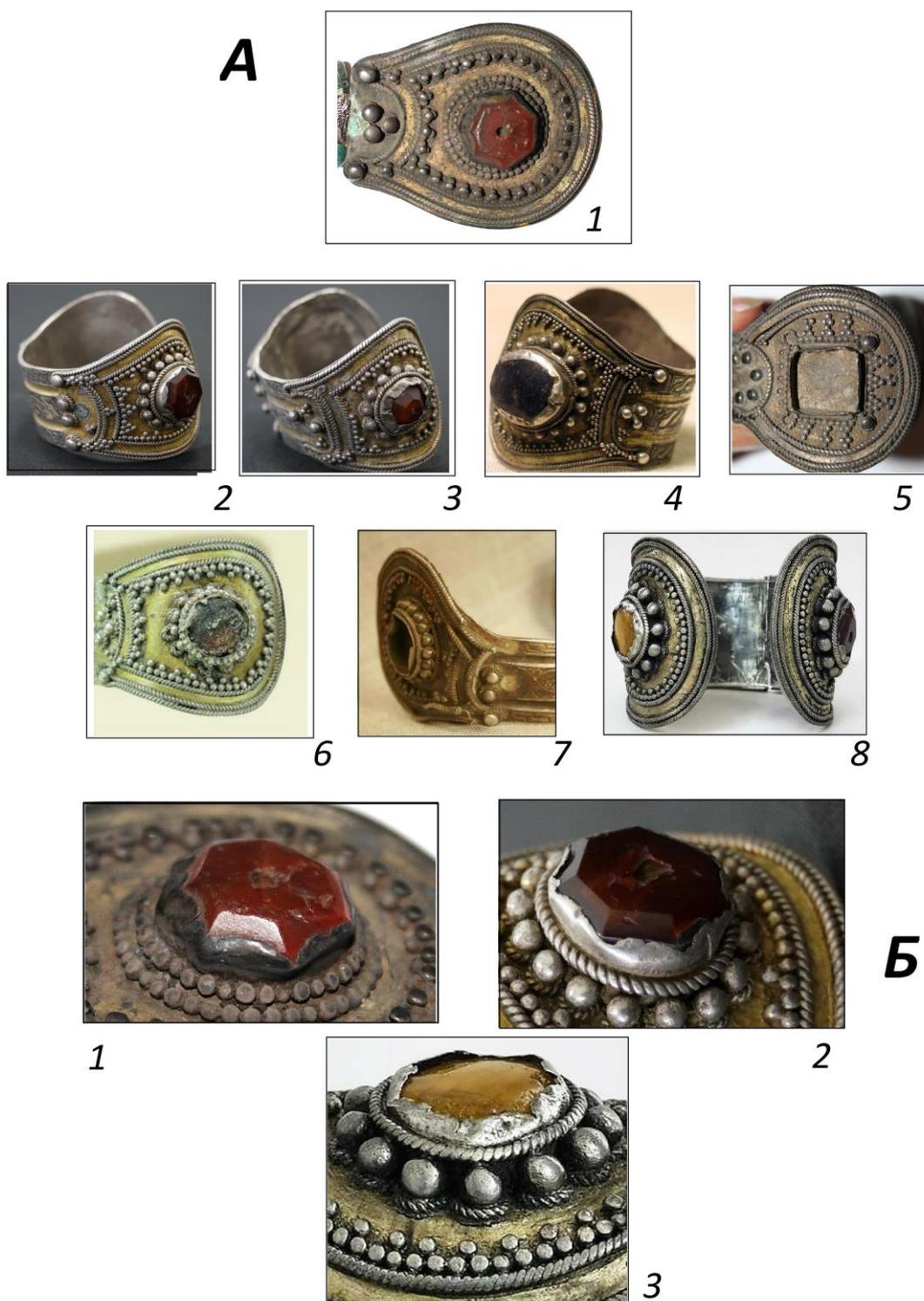

Рис. 5. Подвеска и аналогии (А). Фигурные вырезы на кромке каста для вставки (Б).

А: 1 – подвеска из очелья Ыджыдъельского могильника; 2–4, 7 – браслеты Нижнего Приобья (фото по Госкаталогу Музейного фонда России: фонды Тазовского районного краеведческого музея, номер по ГК12775123, 12775134, фонды Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, номер по ГК 8249830, 4615090); 5 – Чупинский клад (фото: Ю.А. Подосёнова); 6 – Кишертский могильник (фото по: [Голдина и др., 2012, рис. 121]); 8 – Большой Кремлёвский клад 1988 г. (фото с экспозиции ФГБУК «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”»); Б: 1 – подвеска из очелья Ыджыдъельского могильника; 2 – браслет из Нижнего Приобья; 3 – браслет из Большого Кремлёвского клада 1988 г.

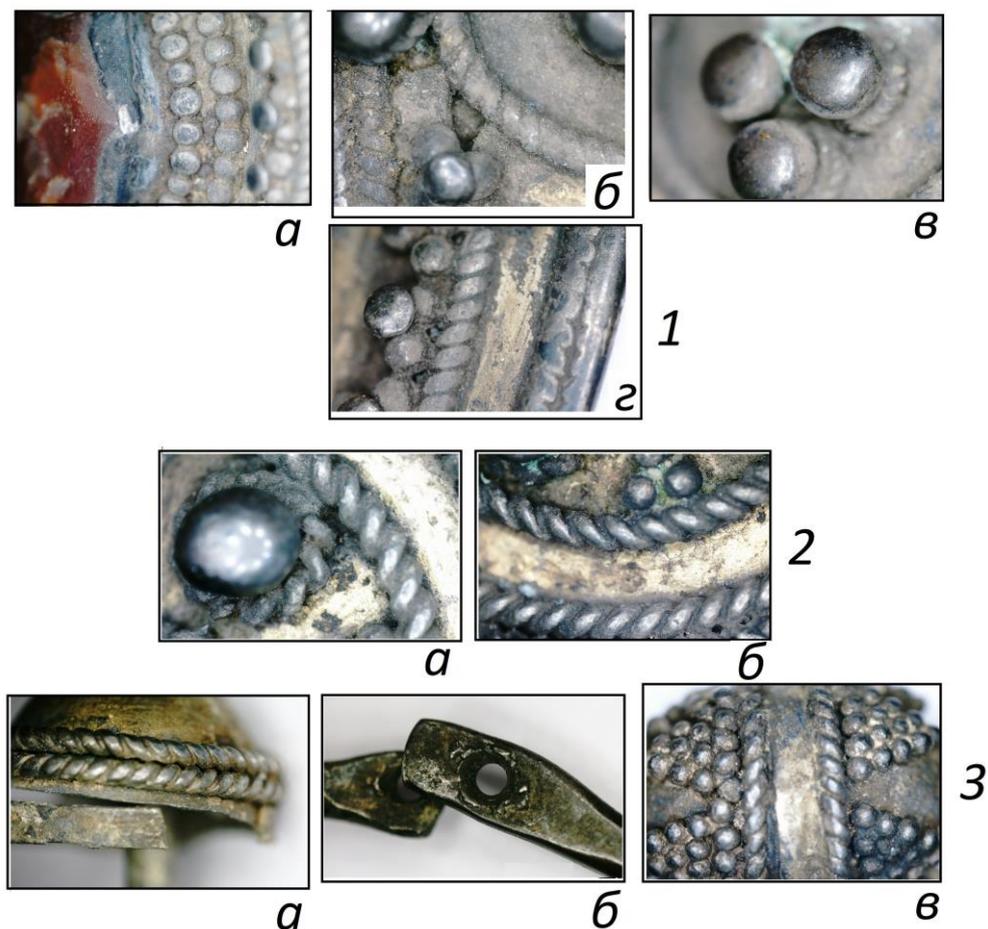

Рис. 6. Отдельные технологические особенности изделий.

Подвеска (1). Бляшка (2). Височное украшение (3):

- 1: а – ряды зерни в основании каста, вырезы на касте; б – фиксация полосок между филигранными рядами; в – зернь на подложках из филигранной проволоочки; г – зернь и филигрань в виде торсированной проволоочки;
- 2: а – крупная зернь на подложке из филигранной (торсированной) проволоочки, позолота; б – ряды филигранной (торсированной проволоочки) и треугольник из зерни;
- 3: а – филигранный ряд (торсированная проволоочка); б – отверстия в прокованных концах височного украшения; в – зернь, полоска металла, филигрань на полой бусине

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-137-156

А. Тюрк, А. Фьюреди, Ж. Шанта
НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ
ПОЯСНЫХ СУМОЧЕК, УКРАШЕННЫХ ПЛАСТИНАМИ
ДРЕВНЕВЕНГЕРСКОГО СТИЛЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Католический университет им. Петера Пазманя, Венгрия
Институт археологических наук И-1088, Будапешт, Венгрия

Сложная научная проблема происхождения археологического наследия эпохи обретения родины венграми (X в.) не может считаться окончательно закрытым и решенным вопросом. В материальной культуре Карпатского бассейна в X–XI вв. решающую роль играла культура ранних венгерских племен, пришедших с востока. В свете последних исследований мы знаем, что они сохраняли свои восточные контакты в новой среде, по-видимому, до середины X в. Их материальная культура и археологическое наследие, а также места захоронений явно указывают на восточное происхождение и/или связь. Корпус археологических находок раннего Средневековья в регионе от Урала до Карпат быстро растёт год от года. Очевидно, что наиболее характерным типом предметов раннего венгерского наследия является сумочка с пластинчатой крышкой, которая также изготавливалась в местных восточноевропейских мастерских в первой половине X в. Помимо многочисленных разрозненных находок из неизвестных мест, они стали известны в археологическом контексте в основном в Волго-Камском регионе, лучшие из которых представлены в данной статье. Особое значение в изучении находок венгерских поясных сумочек в Прикамье имел превосходный пермский археолог Андрей Михайлович Белавин, памяти которого и посвящена наша работа.

Ключевые слова: поясные сумочки, Карпатский бассейн, Восточная Европа, ранние венгры, X в., Волго-Камский регион.

Attila Türk, Ágnes Füredi, Zsombor Sánta
NEW ARCHAEOLOGICAL DATA ON THE DISTRIBUTION
OF SABRETACHES OF ANCIENT HUNGARIAN STYLE IN EASTERN EUROPE

Pázmány Péter Catholic University, Hungary
Institute of Archaeological Sciences H-1088, Budapest, Hungary

The complex scientific problem of the origin of the archaeological heritage of the era of the Hungarians finding their homeland (10th century) cannot be considered a definitively closed and solved issue. In the material culture of the Carpathian Basin in the 10th–11th centuries, the culture of the early Hungarian tribes that came from the east played a decisive role. In the light of recent research, we know that they maintained their eastern contacts in their new environment apparently until the middle of the 10th century. Their material culture and archaeological heritage, as well as their burial sites, clearly point to an eastern origin and/or connection. The corpus of early medieval archaeological finds in the region from the Urals to the Carpathians is rapidly growing year by year. Obviously, the most characteristic type of objects of early Hungarian heritage is the sabretache plates, which was also produced in local Eastern European workshops in the first half of the 10th century. Apart from numerous scattered finds from unknown sites, they have become known in an archaeological context mainly in the Volga-Kama region, the best of which are presented in this article. Of particular importance in the study of finds of Hungarian sabretaches in the Kama region

was the excellent archaeologist Andrei Mikhailovich Belavin in Perm, to whose memory our work is dedicated.

Keywords: *sabretache, Carpathian Basin, Eastern Europe, early Hungarians, 10th century, Volga-Kama region.*

Введение. Сложная научная проблема происхождения археологического наследия эпохи обретения родины венграми (X в.) не может считаться окончательно закрытым и решенным вопросом. В материальной культуре Карпатского бассейна в X–XI вв. решающую роль играла культура ранних венгерских племен, пришедших с востока. В свете последних исследований мы знаем, что они сохраняли свои восточные контакты в новой среде, по-видимому, до середины X в. Их материальная культура и археологическое наследие, а также места захоронений явно указывают на восточное происхождение и/или связь. Поэтому исследование и постоянная переоценка восточного происхождения находок периода обретения родины [Белавин и др., 2009; Белавин и др., 2015; Erdélyi, 2008; Фодор, 2015; Казаков, 1992; Комар, 2018; Руденко, 2016; Третьяков, Тюрк, 2023, с. 40–44; Türk, 2012; Türk, 2023, с. 16–20; Türk, 2023a] необходимы на основе материалов новых раскопок в Восточной Европе [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014; Комплексное изучение ... , 2023; Révész, 1994, с. 350–360; Türk, 2023a]. Корпус археологических находок раннего Средневековья в регионе от Урала до Карпат быстро растёт год от года. Эта сравнительная и аналитическая работа часто приводит к таким результатам, как установление назначения предметов эпохи обретения, у которых оно ранее было неизвестным, например, держателя трута или сумки с трубчатой конструкцией [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014].

Однако очевидно, что наиболее характерным типом предметов раннего венгерского наследия является сумочка с пластинчатой крышкой (*рис. 1*), которая также изготавливалась в местных восточноевропейских мастерских в первой половине X в. с использованием узора и техники гравировки, характерных для этого региона, но явно под влиянием венгерских образцов [Gáll, Lezsák, 2018; Комплексное изучение ... , 2023; Руденко, 2016]. В последние годы их количество резко возросло и в Карпатском бассейне, но еще больше – в Восточной Европе. Помимо многочисленных разрозненных находок из неизвестных мест, они стали известны в археологическом контексте в основном в Волго-Камском регионе, лучшие из которых представлены в данной статье. Особое значение в изучении находок венгерских поясных сумочек в Прикамье (*рис. 3*) имел превосходный пермский археолог Андрей Михайлович Белавин [Белавин и др., 2009; Belavin, Krilaszoza, 2011; Белавин и др., 2015; Krylaszova, Belavin, Türk, 2014], памяти которого и посвящена наша работа.

Историография и вопрос. Наиболее часто упоминаемыми артефактами археологического наследия X в. в Карпатском бассейне являются остатки сумочек, которые носили на поясе. Они были часто покрыты декоративными пластинами или накладками (*рис. 1–3*) спереди и использовались в основном для хранения мелких предметов, применявшихся в повседневной жизни, особенно небольших инструментов для разжигания огня. Эта группа находок также часто встречается в археологическом наследии раннесредневековой Восточной Европы (*рис. 2–4*). Хотя исследования часто фокусируются на этом типе артефактов, их связь с венгерскими материалами периода обретения родины все еще не до конца понятна. В прошлом венгерские исследования считали восточные орнаментированные пластины поясных сумочек более ранними, т.е. предшественниками сумочек времён обретения, а в последнее время в основном указывали на их более позднее происхождение [Dienes, 1964; Dienes, 1973; Erdélyi, 1961; Erdélyi, 2008; Fettich, 1937; Fodor, 2010; Fodor, 2013; Fodor, 2017; Füredi, 2012; Füredi, 2016; Sabretache plates ... , 2022; Gáll, Lezsák, 2018; Комар, 2018; Krylaszova, Belavin, Türk, 2014; Комплексное изучение ... , 2023, с. 350–360].

Пластины поясных сумочек эпохи обретения родины венграми представляют собой впечатляющую часть наследия X в. в Карпатском бассейне, насчитывающую в общей сложности 28 находок (до 2024 г.; *рис. 9: 2*). Поясные сумочки подробно изучены [Dienes, 1964; Erdélyi, 1961; Fettich, 1937; Fodor, 2010; Fodor, 2013; Fodor, 2017; Füredi, 2012; Füredi,

2016; Gáll, 2023; Krylaszova, Belavin, Türk, 2014; Révész, 1994], и с точки зрения классификации на основе формы образца выделено несколько основных групп [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014; рис. 1], а также более специфические варианты [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014; рис. 2].

Среди народов Евразии обычай носить сумку на поясе известен с железного века и далее, особенно среди кочевников. Особенно характерны для наследия обретения родины в Карпатском бассейне кошельки-сумочки, украшенные бляшками или пластинами, которые в основном были найдены к востоку от Дуная (рис. 9: 2). Обычай прикреплять пластины, покрывающие всю крышку сумочек, уже сложился в поселениях венгров, переселившихся на новую родину, благодаря драгоценному металлу, полученному во время набегов в Западную Европу в первой половине X в. Однако в последние годы археологические исследования привели к тому, что в раннесредневековом археологическом наследии Восточной Европы к востоку от Карпат обнаруживается все больше предметов этого типа [Fodor, 2017; Füredi, 2016; Sabretache plates ... , 2022; Gáll, Lezsák, 2018; Gáll, 2023]. В наследии эпохи обретения Карпатского бассейна появилась новая восточная черта, связанная с сумочками: особый тип (рис. 8), явно камско-волжского происхождения, с устьем, затянутым или закрытым бронзовой, или железной трубкой [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014]. Таким образом, появляется все больше доказательств того, что венгры-завоеватели не прервали свои ранние восточноевропейские контакты после 895 г., а поддерживали их до середины X в., вплоть до Урала [Комар, 2018; Türk, 2012; Türk, 2023; Türk, 2023a].

Евгений Петрович Казаков является родоначальником бытующего в российской литературе мнения, что сумочки, появившиеся в конце IX в., характерны для территории между Волгой и Уралом. Их принесли с собой в Паннонию предки венгров, но булгаро-волжская торговля, расцветшая в X–XI вв. и охватившая весь Волго-Уральский регион, распространилась и на финно-угорские народы Поволжья, хотя и в иной форме даже вплоть до Скандинавии [Казаков, 1992, с. 144]. Новые раннесредневековые находки, полученные в лесостепи Волжско-Камского региона, подтверждают эту точку зрения [Fodor, 2017; Krylaszova, Belavin, Türk, 2014; Комплексное изучение ... , 2023; Türk, 2023a].

Восточные аналоги пластинчато-декорированных сумочек давно известны венгерским исследователям, и в 2010 г. к числу таких находок добавилась еще одна – к сожалению, лишённая контекста – из Пермского края [Belavin, Krilaszoza, 2011; Krylaszova, Belavin, Türk, 2014, рис. 3–4). Предмет был украшен характерным узорчатым навершием, которое можно интерпретировать в соответствии с раннесредневековыми верованиями народов Прикамья и был захоронен после превращения в погребальную «маску», вероятно, во второй половине IX в.

Как уже говорилось выше, в венгерских исследованиях наблюдается значительное изменение хронологии восточных аналогов украшенных пластинами сумочек. Совсем недавно Иштван Фодор обнаружил такую одновременную уже параллель в жертвенном комплексе 19 могильника древних марийцев, недалеко от хутора Веселово (сейчас это место находится в Нижегородской области). Пластины сумочки из погребения 19 Веселовского могильника он датировал уже не как восточную предшественницу артефактов эпохи обретения, а как параллельную, исходя из хронологии раскопанных в окрестностях погребений [Fodor, 2010; Fodor, 2013]. На наш взгляд, ответить на этот вопрос помогли бы археометрические исследования состава материала и техники изготовления, но сумочная пластина считалась пропавшей 30 лет назад, и, к сожалению, ее разрозненные фрагменты были найдены в Йошкар-Оле в 2020 г. Очень важно изучить этот предмет, поскольку в оригинальной публикации он был изображен в очень плохом качестве [Erdélyi, 1961; Комплексное изучение ... , 2023]. Если внимательно посмотреть на черно-белое изображение в оригинальной документации раскопок, становится очевидно, что наиболее часто публикуемые и цитируемые рисунки, а также реконструкции предметов, содержат ошибки: в частности, точное положение углублений под подбородками львов было ранее неверно перерисовано (рис. 2: 1).

Не отвлекаясь от восточноевропейских пластинок, стоит подробнее рассмотреть одну из них из 2-го погребения древнемордовского могильника Паново, которая является наиболее распространенной реконструкцией, в основном, выполненной Нандором Феттихом (Fettich Nándor) [Fettich, 1937]. Реконструкция была основана на фотографии 1969 г. и записях Иштвана Эрдели (Erdélyi István) в Моршанске, опубликованных в 1977 г., но рисунок Иштвана Эрдели является более точным [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014]. Сам мотив грифона мог быть широко распространен в могильниках древних марийцев. Пановская находка в этом отношении не уникальна, так как совершенно аналогичная по форме, но при этом литая пластина, также была оценена как часть поясной сумочки [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014]. Поскольку поясная сумочка имеет необычную форму, возможно, что кроме пановской находки существуют и другие местные изделия с декором грифона. Однако находка из погребения 8 Красногорского могильника (рис. 2: 2) подтверждает эту идею как никакая другая [Комплексное изучение ... , 2023].

Что касается датировки пановской пластинки, то сопроводительный инвентарь погребения позволяет предположить, что, как и жертвенный комплекс 19 в Веселово, эта группа находок не может быть датирована ранее конца – второй половины X в. К сожалению, такой же хорошей сохранностью не обладает *in situ* хорошо сохранившаяся сумочка с пластиной, раскопанная в погребении 472 Крюково-Кужновского могильника. Иштван Эрдели в 1967 г. в Моршанске смог зарисовать всю пластину [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014, рис. 9: 1], но до наших дней дошла лишь горстка её мелких серебряных фрагментов, что означает, что чеканные пластины с узорами эпохи обретения родины [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014, рис. 10: 3–3а] и чашки [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014, рис. 10: 2–2а] имеют яркие восточные параллели в Среднем Поволжье и Прикамье.

Новые восточноевропейские находки поясных сумочек из археологического контекста

Долгое время единственной известной к востоку от Карпат серебряной пластиной поясной сумочки был экземпляр, найденный в 1957 г. *веселовском могильнике*, в жертвенном комплексе 19 (рис. 2: 1). С тех пор наибольшее количество предметов этого типа за пределами Карпат было найдено в Среднем Поволжье, в бассейне Ветлуги-Вятки [Erdélyi, 2008; Gáll, 2023; Комплексное изучение ... , 2023]. Известны сумочки с серебряными пластинами разного облика и разной степени сохранности на Веселовском могильнике из погребения 5 и жертвенного комплекса 19, а также из погребения 7 Анаткасинского могильника и из жертвенного комплекса 8 могильника Русениха [Fodor, 2017], к этому же региону относится и новейшая находка из погребения 8 Красногорского могильника (рис. 2: 2), сделанная в 2019 г. [Комплексное изучение ... , 2023]. Долгое время для могильника, раскопанного у реки Ветлуги и идентифицированного российскими исследователями как "древнемарийский", имелась только черно-белая фотография пластины из документации раскопок. Однако ее перерисовка и реконструкция по более ранним описаниям содержали ряд мелких ошибок. Предмет был украшен листовым орнаментом из усиков, распадающихся в верхней части, и «охранялся» двумя львами на ветвях – композиция, имеющая некоторое сходство с пластиной из Тисабездеда (Tiszabездéd) (рис. 1: 2). Иштван Фодор сначала считал ее восточной более ранней вещью, изготовленной венгерским мастером ещё в Этелькёзе, а в 2009 г. он изменил свою точку зрения, и признал эту находку продуктом венгерского экспорта X в. [Fodor, 2013; Fodor, 2017].

Новейшая находка поясной сумочки из Марий Эл была обнаружена в 2019 г. в лучшем состоянии, чем когда-либо. Кожаная часть и содержимое сумочки сохранились, о них мы расскажем чуть подробнее. *Красногорский могильник* (Марий Эл, Звениговский район) расположен на правом берегу реки Илеть [Комплексное изучение ... , 2023]. Раскопки могильника, на котором в настоящее время насчитывается 13 погребений, начались в 2018 г. В северо-западном углу ямы кремационного погребения № 8 были найдены женские украшения и целая кожаная сумочка, украшенная серебряной пластиной с позолоченным фоном и набивным орнаментом (рис. 2: 2). Кожаная сумочка полностью сохранилась, хотя и сильно деформировалась от высыхания. Кожаная часть стала меньше пластины примерно на

25 %: её высота составляет 8,3 см, ширина – 6,5–7,5 см, а пластина – 10,8 см в высоту и 9–10,3 см в ширину. Облик пластины с полусферическими серебряными заклепками очень прост, как с точки зрения рисунка, так и с точки зрения его нанесения. В пределах контурных линий, окружающих образы растений и животных, мастер использовал лишь несколько линий, точек и косых штриховок, но не применял никаких пластических решений (углубление фона выбиванием, возможно, выделение отдельных образов тиснением), вместо этого фигуры животных получили оптический акцент за счет огневого золочения пустого фона.

На первый взгляд, декор пластины явно напоминает средневековые шелковые медальоны с изображениями животных. Не исключено, что отправной точкой для его создания послужила конкретная шелковая ткань, имевшаяся в распоряжении художника, или, возможно, сумочка с украшенной таким образом шелковой крышкой. Пластина украшена композицией из четырех медальонов, обрамленных усиками, несколько неуклюже прикрепленными к ограждающей форме, и фигур птицедракона (сенмурва), которые они содержат. Фигуры животных обращены друг к другу, пустое пространство между медальонами не позолочено. Это еще больше усиливает сходство с упомянутыми выше шелками, поскольку визуальное наиболее отчетливо выделяются именно медальоны и промежутки между ними. Проработка форм животных, как и других элементов пластины, несколько неуклюжа и схематична. Интересной особенностью является проходящая по верхнему краю горловины штрихованная полоса, окаймленная внутренней контурной линией и находящаяся параллели лапам животных с наконечниками из погребения II/47 в Кароше [Révész, 1996, с. 362]. На более проработанных ногах пальцы, заканчивающиеся когтями, изображены одинарными линиями, запястья – двойными, и художник даже позаботился о том, чтобы обозначить шерсть на нижней стороне ног с помощью линейного рисунка. Большие полусферические заклепки, вбитые в кайму, как и на многих венгерских кошельках, служили как конструктивной, так и эстетической цели крепления пластины к сумочке.

В верховьях Камы наши российские коллеги под руководством пермского археолога Андрея Васильевича Данича ведут раскопки *Баяновского могильника IX–XI вв.*, выдающегося раннесредневекового памятника в регионе. Российские исследователи относят это место к южному варианту ломоватовской культуры, в которой прослеживается раннесредневековый угорский этнический компонент западной части Урала. К настоящему времени остатки сумочек, украшенных бронзовыми и серебряными бляшками, найдены в 15 погребениях [Белавин и др., 2015]. В двух погребениях X в. найдены остатки серебряных пластин, наиболее выдающимся из которых является пластина из погребения 279 (рис. 3). Диск из сплава на основе серебра был подготовлен к дальнейшему декорированию путем длительной обработки молотком, с многократным нагревом и охлаждением, с использованием двух техник мастера-ювелира того времени. Пластичный узор, напоминающий нитку жемчуга, был нанесен на тыльную сторону почти не украшенной полосы, идущей по краю пластины и вдоль ее продольной оси. Однако края этих полос, а также линии облицовочных пальметт, заполняющих поверхность за ними, образованы формой гравировки, известной как батутная гравировка. Эта техника совершенно неизвестна на наших украшенных пластинах Карпатского бассейна, которые очень редко украшались процарапыванием, но чаще всего – чеканкой, техникой, не предполагающей потерь материала. Пальметты, по-видимому, являются упрощенной, стилизованной версией пальметт Карпатского бассейна. Имитация ремешка, идущего вдоль оси баяновской пальметты, как и у пластины из Русенихи, имеет параллели с пальметтовой пластиной из погребения 2 в Эперьешке (Eperjeske) [Sabretache plates ... , 2022]. Содержание серебра в основном материале пластины очень высокое – 96 %.

Новые восточноевропейские находки поясных сумочек без контекста

Три пластины восточного происхождения, хранящиеся в фонде «*Марджани*» в Москве, можно считать предметами неопределенного происхождения [Руденко, 2016]. Находки были представлены частной коллекцией на совместной выставке с Эрмитажем в Казани летом

2016 г. О месте их находки мы знаем не так много, как о пластине из Пермского края. Все три предмета сделаны из серебра с железной спинкой. По облику и размеру они очень похожи на отечественные находки, но на этих пластинах выделены различные фигуры и орнаменты (а не фон) очень тонкой позолотой с нечеткими краями.

Одна пластина (*рис. 4: 2*) разделена на две части по продольной оси полосой с зазубренной поверхностью, изображающей сосновую ветвь, у ремешка и обрамлена узкой полосой с рядом полусферических заклепок. На левой стороне пластины – гипертрофированное изображение лысого всадника, а под ним – двух хищников с ошейниками, похожих на больших кошек, с пятнистым мехом. На другой стороне пластины – антропоморфная фигура со штрихованным краем, «держашая» в поднятой руке трехлиственный букет, а под её шагающими ногами – трудно идентифицируемая фигура животного, похожего на лошадь или волка. Некоторые из гипертрофированных линий орнамента могли быть процарапаны ножом или зубилом, но более вероятно, что они были сформированы путем вбивания молотком с прямым концом. Фигуры животных были сработаны инструментом с круглым острием. В центре пластины было вырезано прямоугольное отверстие для ремешка, в каждый угол которого был вбит один гвоздь.

На другой пластине (*рис. 7: 1*) мы снова находим украшение, приспособленное к ремню. Ремень, проходящий по центру, заметно изнашивает продольную ось пластины. Здесь также видно отверстие для ремешка посередине, но позолоченная часть обоймы для ремешка, украшенная четырьмя лепестками, на этой пластине сохранилась. Верхний край пластины кажется более изношенным, так что клепаная рамная лента, которая также расположена здесь, не видна сверху. Поверхность имеет зеркальный тонко позолоченный декор из двух или двух круглых форм, разделенных штрихованными линиями, с маленьким кругом в центре, между которыми находится четырехлепестковый цветочный мотив.

В первой половине 2024 г. в Интернете появились две пластины из коллекции музея «Куликово поле» в городе Тула, которые по своей конструкции, особенно из-за отверстий у них в середине, сильно напоминают пластины, известные из коллекции Марджани. Оба предмета неизвестного происхождения, один из них совершенно не декорирован (ГМЗ-КП-2005/196 Э-5790), но характерной его особенностью является линия заклепок с круглой головкой вокруг обода. Другая пластина (*рис. 4: 1*), напротив, представляет собой очень тонкий образец мастерства и декора (ГМЗ-КП-2005/195 Э-5789). Ее цветочный орнамент напоминает венгерские материалы этого времени, а другие изображения – находки из коллекции Марджани и пластины поясных сумочек Среднего Поволжья, известные из погребений. Верхняя часть поврежденного предмета из сплава на основе серебра, с позолоченными мотивами сколота и неполная. В центральной части пластины имеется прямоугольное отверстие для крепления ремешка, которое окружено заклепками с круглой головкой вдоль центральной части боковых сторон. Тыльная сторона пластины, украшенная стилизованными фигурами животных и мотивами пальметты, гладкая, узоры нанесены только на лицевую сторону. Фон заменен густо расположенными стилизованными животными и растительными мотивами, а край ремешка-держателя позолочен. Тематика и форма изображений указывают на связь с торовиткой Волжской Болгарии, а двухрядное расположение скачущих львов и основных узоров можно увидеть на нескольких восточноевропейских поясных кошельках. На пластине ряда «заклепок», идущих вдоль обода. К ней также прилагался ремешок с бляшками из серебряного сплава, украшенными плетеной пальметтой, первоначально крепившимися к передней части подсумка с помощью заклепок (4 заклепки).

Как и находки из коллекции Марджани, две новые находки в музее «Куликово поле» по своим характеристикам могут считаться подлинными археологическими предметами. Более того, новые находки подтверждают подлинность находок из ранее опубликованной коллекции Марджани [Gáll, Lezsák, 2018; Gáll, 2023; Руденко, 2016]. Однако очевидно, что происхождение разрозненных находок сумочных пластин из обеих коллекций весьма сомнительно, и поэтому при любом анализе их можно рассматривать только с большими ого-

ворками и отдельно от находок из подлинных археологических контекстов. Опись коллекции Марджани предполагает, что предметы происходят из предгорий Северного Кавказа, и у нас есть аналогичная информация о пластинах поясных сумочек в коллекции «Khazar Art Collection» (принадлежащей Михаилу Годельману). Можно выделить две отдельные группы известных восточноевропейских сумочек. В Поволжье и Южном Приуралье ремешковая конструкция с отверстием посередине не распространена, в то же время она характерна для предметов, предположительно связанных с предгорьями Северного Кавказа. Для ответа на этот вопрос в будущем потребуются находки сумочек в археологическом контексте из Юго-Восточной Европы.

К.А. Руденко традиционно интерпретирует вышеупомянутые артефакты в контексте хазаро-венгерских художественных связей [Руденко, 2016]. Однако заслуживает внимания аргумент Иштвана Фодора, согласно которому у хазар низовьев Дона не сформировался стиль артефактов, сходный с восточноевропейским. В салтовский период нам известны сумочки с бляшками только у северокавказских алан [Gáll, Lezsák, 2018], но не в бассейнах рек Сал и Маныч, которые связаны с ареалом расселения хазарского этноса [Fodor, 2017, с. 726–730]. В заключение следует отметить, что маловероятно, чтобы эти предметы имели хазарское происхождение [Sabretache plates ... , 2022]. В стилистическом отношении [Казаков, 1992] более убедительны их аналоги в Волго-Камском регионе (рис. 5–7).

Кроме того, в наследии эпохи обретения были найдены параллели с раннесредневековыми могильниками Волго-Камья, а именно новый, отличный от них тип сумочек. В нашей научной литературе металлические трубки, в основном из железа, иногда бронзы, разрезанные вдоль с одной стороны, сохранившиеся в целости вместе с кожаной частью в положении ношения в погребениях 228 и 400 могильника Крюково-Кужное, в прошлом часто определялись как скобы. Исследование раннесредневековых могильников Урало-Поволжья (рис. 8: 3–4) показывает, что этот тип каркасных/закрывающих трубок, преимущественно из бронзы, также является распространенной находкой в Прикамье [Белавин и др., 2009, с. 255]: хорошо наблюдаемые и документированные примеры известны из могильника Баяново. В археологическом наследии Карпатского бассейна в последние годы были найдены еще две аналогичные бронзовые трубки, причем в положении ношения (рис. 8: 1–2). В свете этих результатов мы считаем этот тип сумочек в материалах периода обретения наследием восточного, уральского происхождения [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014], поскольку его раннесредневековое распространение может быть зафиксировано только здесь, причем в гораздо большем количестве и более широком распространении, чем в Карпатском бассейне X в.

Обсуждение. Хотя в археологической литературе часто рассматривались декорированные сумки, их точное происхождение, т.е. система восточных контактов [Dienes, 1964; Fodor, 2017; Sabretache plates ... , 2022; Gáll, Lezsák, 2018; Gáll, 2023; Казаков, 1992; Комар, 2018; Krylaszova, Belavin, Türk, 2014; Révész, 1994; Руденко, 2016; Третьяков, Тюрк, 2023; Türk, 2023; Türk, 2023a], отражаемая этими находками, заслуживает нового пересмотра в свете новых данных. Долгое время исследователи в Восточной Европе считали их предшественниками пластин эпохи обретения, но в последнее время появляется все больше доказательств того, что некоторые из них относятся к тому же времени. Новые находки свидетельствуют о существовании местных восточноевропейских мастерских, которые изготавливали подобные декорированные предметы костюма на основе местных традиций по венгерским образцам и моделям. В последние годы большинство из этих находок появились в виде разрозненных находок в различных коллекциях. Среди них – коллекция Марджани и частная «Khazar Art Collection», а также государственная коллекция музея «Куликово поле».

К сожалению, нет никакой дополнительной информации о местах и условиях, в которых они были найдены, но, предположительно, эти предметы происходят из региона Северного Кавказа. Однако чрезвычайно интересно, что при рассмотрении мотивов и их детальной

проработки наиболее тесную связь обнаруживается с волжско-болгарской торевтикой (рис. 5–7). Это особенно интересно в свете того, что венгры, занимавшие Карпатский бассейн, несомненно, имели связи с волжскими булгарами, о чем свидетельствует распространение волжских монет и подражательных дирхемов в Карпатском бассейне, число находок которых резко возросло в последние годы. Помимо новых находок, еще одним недавним событием в этой связи стало новое открытие старого объекта – пластины из могильника Веселово, которая считалась утраченной в течение десятилетий, к сожалению, в очень фрагментарном и неполном виде. Материальный анализ остатков показал, что, несмотря на оригинальное описание и ссылки, она не имеет позолоченного фона, как и ее близкий аналог на Русенихе [Fodor, 2017; Комплексное изучение ... , 2023]. Это наблюдение хорошо согласуется с характеристиками большинства известных сумочных пластин из Среднего Поволжья, и новая реплика, сделанная благодаря знанию деталей техники изготовления, уже хорошо отражает новое представление об этой находке (рис. 2: 1).

Заключение. В заключение отметим, что датировка и оценка раннесредневековых сумочек, украшенных пластинами восточноевропейского облика, как находок до венгерского обретения, остается проблематичной. Значительная часть находок восточноевропейских сумочных пластин, безусловно, параллельна по времени наследию Карпатского бассейна. Таким образом, их происхождение требует дальнейшего изучения. Если они происходят непосредственно из Карпатского бассейна, то должно быть дано объяснение, очевидно, несколько иным путем их происхождения. С другой стороны, необходимо также объяснить, почему они появляются только в этом регионе (Урало-Поволжье) к востоку от Карпат. По аналогии с результатами анализа состава материала мордовских аналогов венгерских поясных блях из Каранчлапуйте [Türk, 2023a], можно предположить, что наиболее вероятным объяснением происхождения местных восточных поясных блях является волжско-болгарская металлообработка, продукты которой могли поступать в соседние регионы.

С одной стороны, известно, что волжские булгары с первой половины X в. изготавливали свои собственные серебряные кубки, а также серебряные пояса для соседних народов, занимавшихся торговлей пушниной. С другой стороны, мы также знаем, что в X–XII вв. волжские торговцы регулярно посещали Карпатский бассейн, о чем свидетельствуют монеты волжских булгар. С исторической точки зрения утверждает, что именно волжские булгары знали о родстве венгров, которые остались на Востоке, и тех, кто мигрировали на Запад. Таким образом, несколько аспектов могут логически обосновать, что параллельные по времени предметы эпохи обретения и восточные предметы, отраженные в археологическом материале (рис. 7: 3), также связаны с их посреднической ролью [Türk, 2023a]. Венгры могли привозить и увозить с собой из Карпатского бассейна целые пояса, сумочки и другие декоративные предметы, которые затем могли имитировать сами, благодаря своим развитым навыкам обработки металла [Руденко, 2016]. Хронология, географическое распространение, путь передачи и мотивация такого объяснения кажутся на сегодняшний день наиболее полными.

В Волго-Камском регионе еще раньше возникла мода на позолоченные серебряные предметы, особенно на серебряные пояса, изготовленные таким способом. Не исключено, что это было связано с религиозными мотивами, проявлявшимися в отношении так называемых восточных серебряных (рис. 5–7) изделий [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014]. Таким образом, начиная с X в., мы, возможно, ожидаем обнаружить следы волжско-болгарской культуры в Поволжье, Прикамье и бассейне реки Белой, а также, возможно, в Зауралье в том же виде, как и в случае с серебряными чашами и поясными пряжками. Мотивы восточного серебра регулярно встречаются на поясных чашах, почти во всем их спектре (рис. 7), причем мотивы часто идентичны, и дизайн сумочных пластин, возможно, был навеян ими. Они аналогичны тем, что найдены в памятниках субботцевского горизонта (вторая половина IX в.), которые известны на территории современной Украины и могут быть

связаны с районом расселения ранних венгров [Комар, 2018; Révész, 1994; Révész, 1996; Руденко, 2016; Третьяков, Тюрк, 2023; Türk, 2023a]. Это косвенно указывает на то, что материалы Карпатского бассейна и восточные контексты, отмеченные для сумочных пластин, могут иметь предшественников IX в. Однако теперь можно с уверенностью утверждать, что ранние венгры, поселившиеся в Карпатском бассейне в 895 г., сохранили восточные контакты до середины X в. [Комар, 2018; Türk, 2023a].

Библиографический список

1. Белавин А.М., Данич А.В., Иванов В.А. Древние мадьяры в Предуралье (Ancient Magyars in the Urals) / Фодор И. Венгры: древняя история и обретение Родины. Пермь : ЗЭБРА, 2015. С. 101–128.
2. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры в Предуралья в древности и средние века. Уфа : Изд-во Башкир. гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы, 2009. 285 с.
3. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М. : Наука 1992. 171 с.
4. Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции – A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. Eds.: Türk, A. – Budai, D. *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 11. Magyar Östörténeti Témacsoport Kiadványok 5. Budapest: Martin Opitz, 2018. 424 с.
5. Комплексное изучение естественно-научными методами и реставрация сусочки из красногорского могильника (A comprehensive study of natural science methods and conservation of a handbag from Krasgoroskiy burial mound) / Т.Б. Никитина, А. Тюрк, С.Г. Буршнева и др. // Поволжская археология. 2023. № 2. Вып. 44. С. 22–37. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.22.37>
6. Руденко К.А. Редкие находки эпохи Хазарского каганата (заметки о хазарско-венгерском искусстве) // Теория и практика археологических исследований / Изд-во Алт. ун-та. 2016. № 3 (15). С. 126–149.
7. Третьяков Е.А., Тюрк А. Вещи «Мадьярского круга» из памятников Зауралья: Артефакты и контекст (Products of „Hungarian style” from archaeological sites of the Trans-Ural: Artifacts and context) // Поволжская археология. 2023. № 2, вып. 44. С. 38–50. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.38.50>
8. Фодор И. Венгры: древняя история и обретение Родины. Пермь : Зэбра. 2015. 132 с.
9. Belavin A.M., Krilasova N.B. Tarsolyelemz Perm környékéről (A pouch plate from the Perm area) // *Folia Archaeologica*. 2011. Вып. 54. С. 243–256.
10. Dienes I. Honfoglalás kori tarsolyainkról (Les aumonieres hongroises de l'époque de la conquête) // *Folia Archaeologica*. 1964. Вып. 16. С. 79–112.
11. Dienes I. Honfoglalás kori veretes tarsoly Budapest-Farkasrétről (Beschlagverzierte landnahmezeitliche Tasche von Budapest-Farkasrét) // *Folia Archaeologica*. 1973. Вып. 24. С. 177–217.
12. Erdélyi I. Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei. Budapest : Mundus, 2008. 243 с.
13. Erdélyi I. Újabb adatok a tarsolyelemz elterjedéséhez Kelet-Európában (Neuere Angaben zur Verbreitung des Taschenblechstils in Osteuropa) // *Archaeologiai Értesítő*. 1961. Вып. 88. С. 95–100.
14. Fettich N. A honfoglaló magyarság fémművészete (Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn). *Archaeologica Hungarica* 21. Budapest : Magyar Nemzeti Múzeum, 1937. 303 с.
15. Fodor I. A veszelovoi tarsolyelemz (Das Taschenblech von Veselovo) / L. Révész, M. Wolf (ред.). A honfoglalás kor kutatásának legújabb eredményei. Tanulmányok Kovács László 70. születésnapjára. Monográfiák a szegedi tudományegyetem régészeti tanszékéről 3. Szeged: Szegedi Tudományegyetem, 2013. С. 457–470.

16. *Fodor I.* Az őscseremisiz tarsolylemez / Bereczki A., Csepregi M., Klima L. (ред.). Ünnepi írások Bereczki Gábor tiszteletére. Uralisztikai Tanulmányok 19. Budapest : Eötvös Loránd Tudományegyetem, 2010. C. 163–171.
17. *Fodor I.* Honfoglalás kori tarsolylemezeink és keleti párhuzamaik [Электронный ресурс] // Magyar Tudomány 2017. Вып. 178. C. 723–731. URL: <https://doi.org/10.54640/CAH.2017.237>
18. *Füredi Á.* Honfoglalás kori tarsolylemez Pest megyében. A Bugyi-Felsőványi 2. sír (Eine landnahmezeitliche Taschenplatte im Kom. Pest. Das Grab 2 von Bugyi-Felsővány) [Электронный ресурс] // Archaeologiai Értesítő. 2012. Вып. 137. C. 207–234. URL: <https://doi.org/10.1556/ArchErt.137.2012.11>
19. *Füredi Á.* Tarsolyok [Электронный ресурс] // Rubicon. 2016. № 7. C. 66–71. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jctb.2015.05.001>
20. *Gáll E.* A hálózatok működésben: a 10. századi tarsolylemezek elterjedésének kérdésköre (The networks in action: the problem of the spreading of the sabretaches in the 10th century) / Hadak útján. A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. 29th Conference of young scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019, Budapest. Főszerk: Türk A. Szerk.: Sudár B. – Jancsik B. Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok 4.2. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 24.2. Budapest : Martin Opitz, 2023. C. 723–754. DOI 10.55722/Arpad.Kiad.2023.4.2_27
21. *Gáll E., Lezsák G.M.* A view from the West to the East. An analysis of the characteristics, chronology, and distribution of the sabretache plates in the 10th century // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 2018. Вып. 46. C. 85–112.
22. *Krylaszova N.B., Belavin A.M., Türk A.* Újabb adatok a honfoglalás kori tarsolyok és tűzkésztségek klasszifikációjához Volga–Káma-vidéki analógiáik fényében (The classification of Conquest period purses and tinder sets in the light of analogies from the Volga-Kama region) / Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára (Avarum Solitudines. Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday). Ред.: Anders A. Balogh Cs., Türk A. Budapest : Martin Opitz, 2014. C. 457–496.
23. *Révész L.* A karosi honfoglaláskori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza vidék X. századi történetéhez. Magyarország honfoglalás- és kora Árpád-kori sírleletei 1. Miskolc, 1996.
24. *Révész L.* Honfoglalás kori tarsolylemezek Karosról (Landnahmezeitliche Taschendeckplatten von Karos). // Lőrinczy G. (ред.): A kőkortól a középkorig. Tanulmányok Trogmayer Ottó 60. születésnapjára. Szeged: Móra Ferenc Múzeum, 1994. C. 349–368.
25. *Sabretache plates and sabretaches ornamented with side fittings in the early Medieval archaeological heritage of Eastern Europe / Á. Füredi, A. Türk, T.B. Nyiktyina és társai* // Virágos, G. Sabretache plates. Treasures of the hungarian conquerors of the Carpathian Basin. Exhibition Catalogue. Budapest : Magyar Nemzeti Múzeum. 2022. C. 14–23.
26. *Türk A.* Az Uráltól a Kárpátokig. Régészet és korai magyar történelem (From the Urals to the Carpathians. Archaeology and history of early Hungarians). Középkortörténeti Könyvtár 30. Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok 8. Szeged–Budapest: Martin Opitz, 2023a. DOI: 10.55722/Arpad.Kiad.2023.8
27. *Türk A.* History the archaeological background of Hungarian prehistory // Szentpétery, J. (ed.): Psalmus Hungaricus. A Hungarian Cultural History. Volume I: From the Beginnings to 1526. Chapter 1: Hungarian Prehistory and the Foundation of the State (From the Beginnings to 1038). Budapest : HUN-REN, 2023. C. 16–20.
28. *Türk A.* The new archaeological research design for early Hungarian history. Hungarian Archaeology [Электронный ресурс] // E-Journal. 2012 Summer. URL: www.hungarianarchaeology.hu; http://www.hungarianarchaeology.hu/wp-content/uploads/2012/08/eng_turk_12Ny_0827.pdf

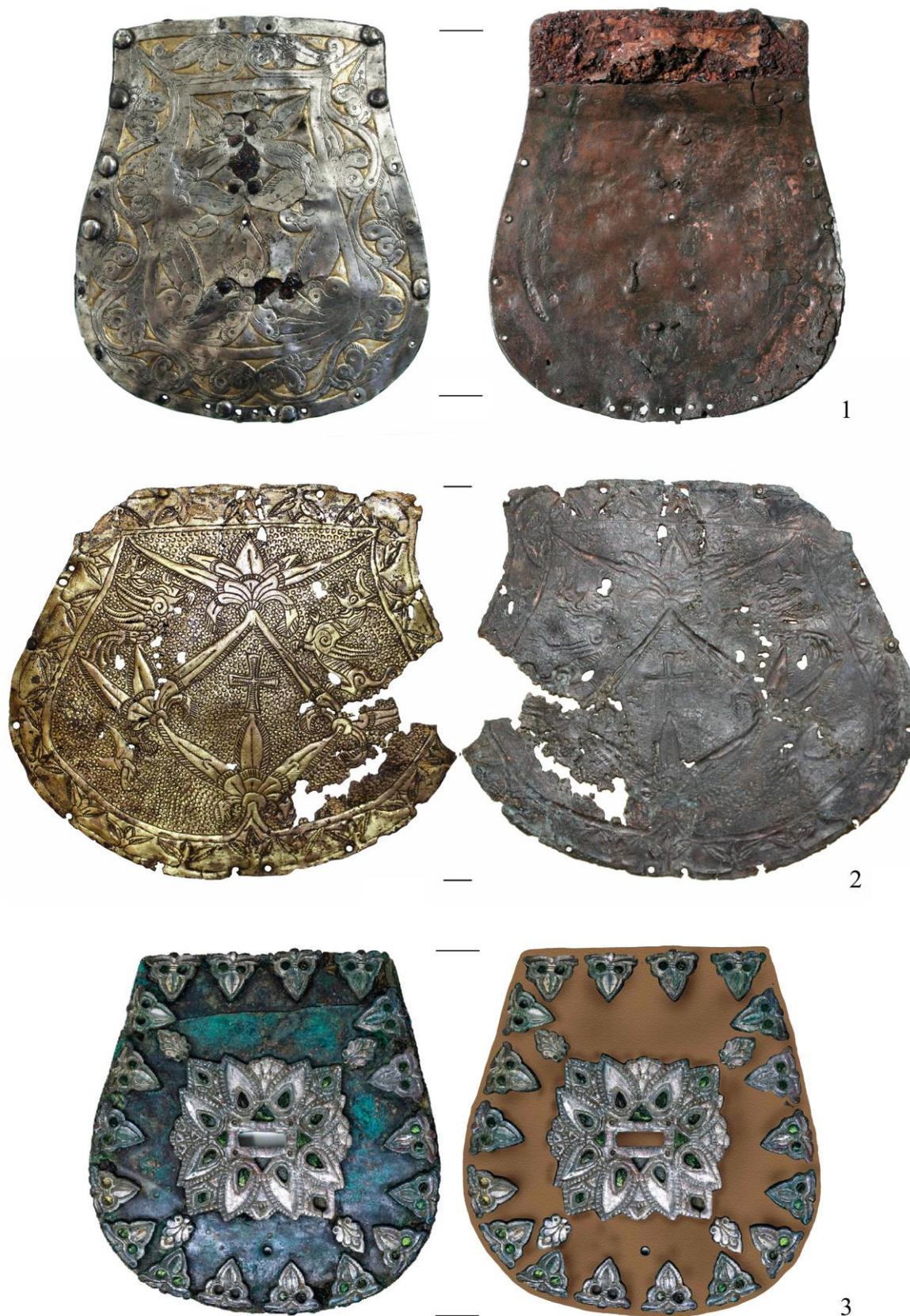

Рис. 1. Типичные венгерские лицевые пластины сумочек X в. из Карпатского бассейна: 1 – Bugyi-Felsővány, погр. 2 [фото: Á. Füredi]; 2 – Tiszabездéd-Harangláb-dűlő, погр. 8 (фото: A. Türk); 3 – Páty-Malomi-dűlő, погр. 170 [фото и реконструкция: A. Türk]

Рис. 2. 1 – новая реконструкция лицевой пластины сумочки из Веселовского могильника, погр. 19. (Реплика основана на анализе состава металла фрагментов оригинального предмета (Никитина Т.Б., 2020 г.), который показал отсутствие позолоты на пластине (фото и реконструкция: Sz. Sipos); 2 – Красногорский могильник, погр. 8 (фото: Т.Б. Никитина)

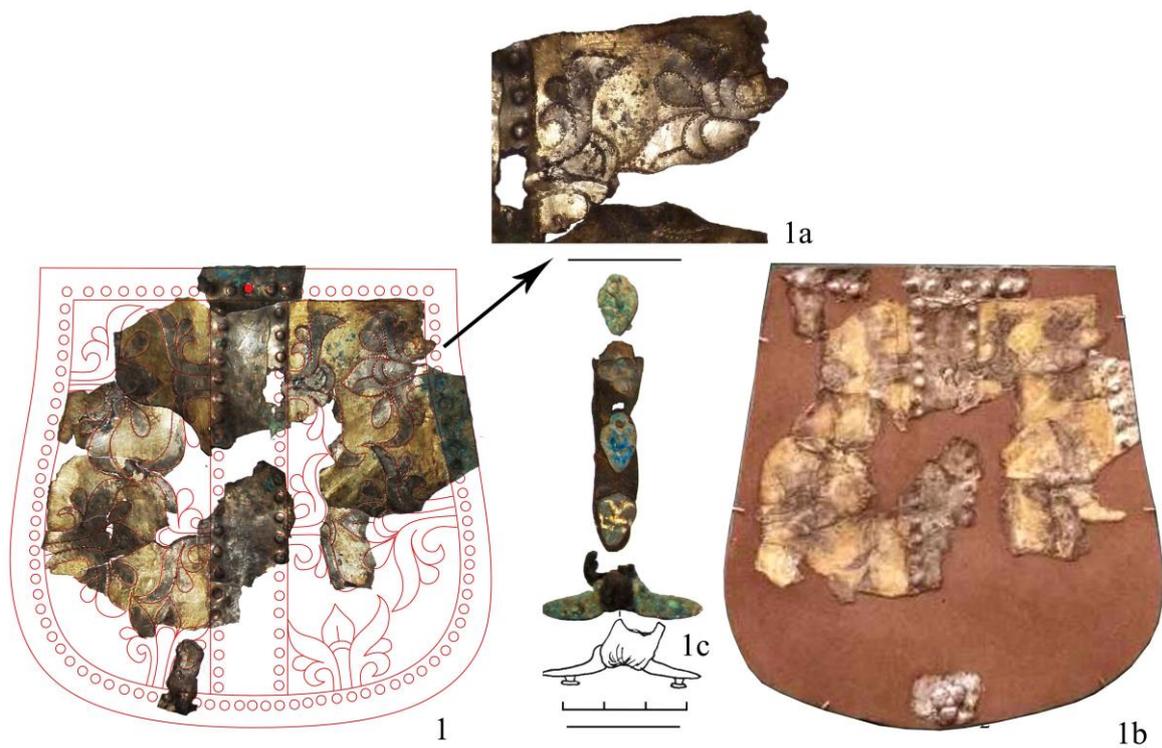

Рис. 3. 1 – реконструкция и фотография лицевой пластины сумочки. Баяновский могильник, погр. 279 (фото и реконструкция: А. Strohmayer – А. Türk); 2 – Андрей Михайлович Белавин и Аттила Тюрк на раскопках Баяновского могильника (2015)

Рис. 4. Пластины поясных сумочек X в. в Восточной Европе.
1 – Россия, местонахождение неизвестно (музей «Куликово поле» [Тула, Ru], фото: А.М. Колоколов и А.М. Воронцов); 2 – Россия, местонахождение неизвестно (Северный Предкавказ?) [коллекция Марджани №: ИМ/М-129; фото 24, рис. 13]

1

2

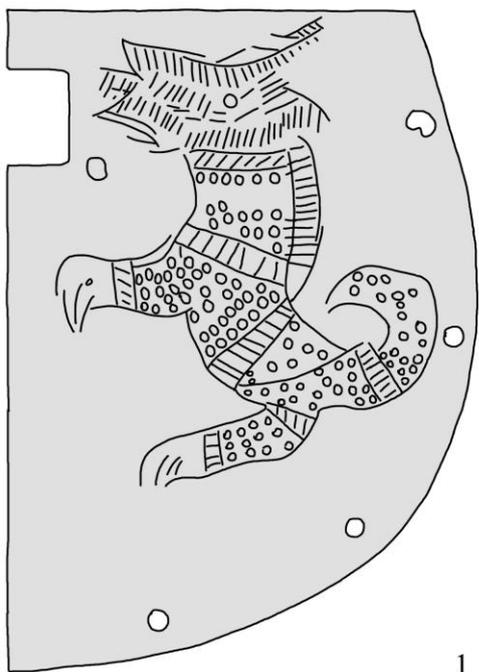

3

4

Рис. 5. Корреляция по стилистике лицевой пластины сумочки (1) из коллекции Марджани [№: ИМ/М-129] с волжскоболгарской и камской средневековой торевтикой (2–4) I (составлено: А. Türk)

2

3

4

5

Рис. 6. Корреляция по стилистике лицевой пластины сумочки (1) из коллекции Марджани [№: ИМ/М-129] с волжскоболгарской и камской средневековой торевтикой (2–4) II [составлено: А. Türk]

Рис. 7. Корреляция по стилистике (геометрические узоры) пластины (1) из коллекции Марджани (№: ИМ/М-191) на чаше круга восточного серебра (2) [Krylaszova, Belavin, Türk, 2014, рис. 39] и на поясной сумочке с накладками (3-3а) из волжскоболгарского поселения Измерск [Казаков, 1992, рис. 50: 4 и рис. 13: 5] [составлено: А. Türk]

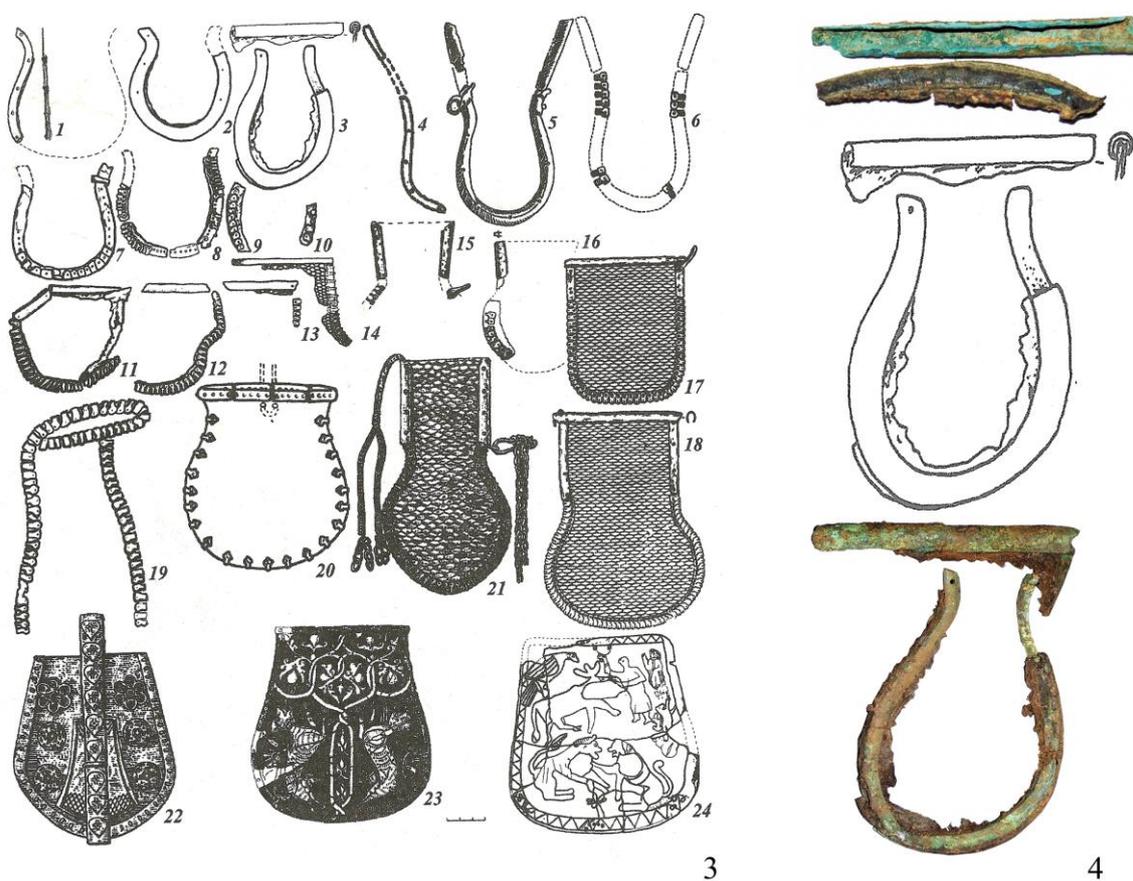
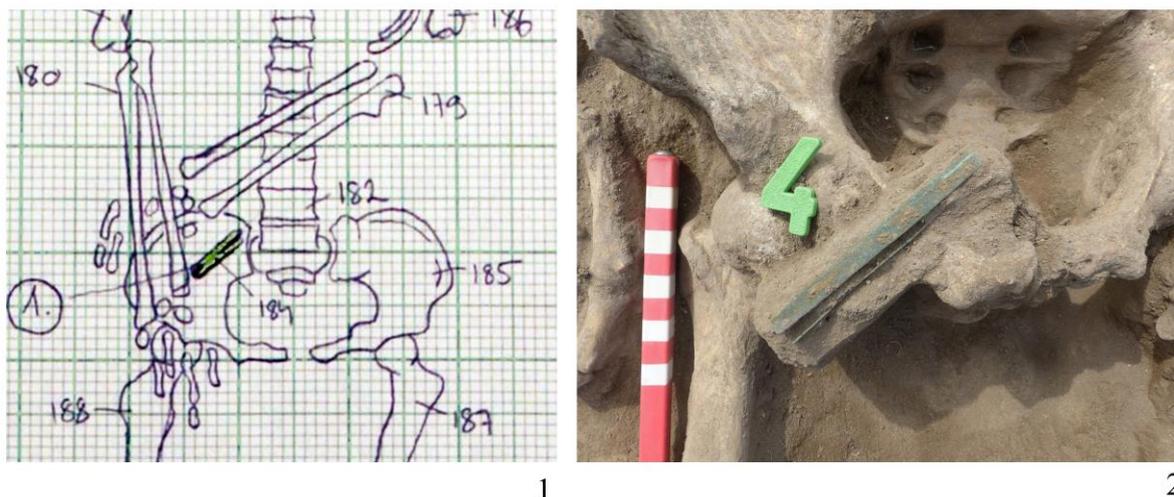

Рис. 8. Открытые бронзовые трубки поясной сумочки. 1 – Tiszakürt-Sziki-Kisföldek, погр. 54 [фото: А. Türk]; 2 – Jászfényszaru-Szeméttelér, погр. 210. [фото: В. Jancsik]; 3 – типы поясной сумочки из Волго-Камского региона [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис. 77]; 4 – бронзовые трубки поясной сумочки в могильнике Баяново, погр. 73 [фото: Н.Б. Крыласова и А.М. Белавин]

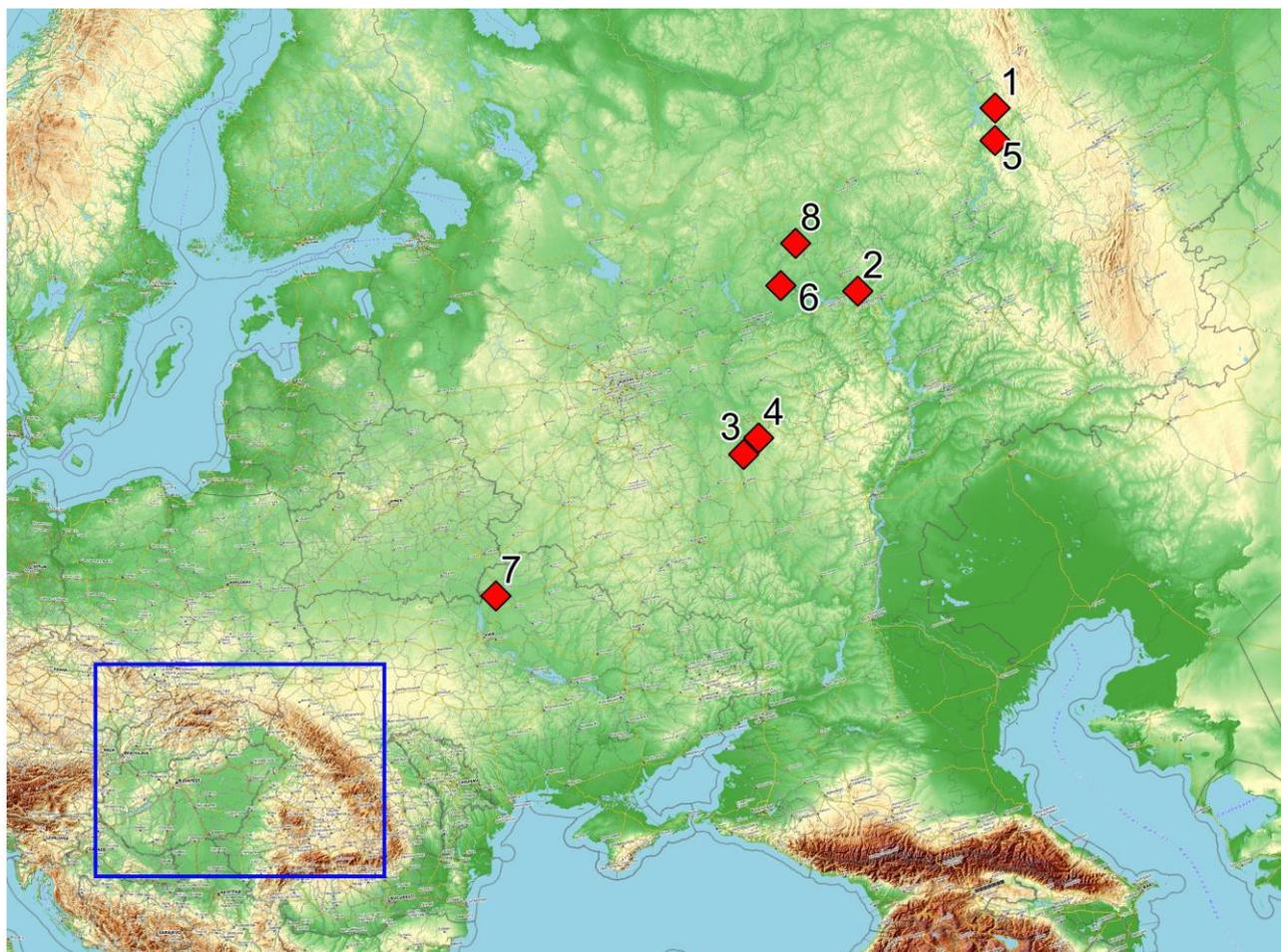

Рис. 9:1. Находки пластин поясных сумочек в Восточной Европе, связанные с наследием древних венгров в Карпатском бассейне (X в.) (с известным местонахождением или суженным регионом):
1 – Баяново, погр. 73 (Россия, Пермский край); 2 – Красногорский, погр. 8 (Россия, Марий Эл);
3 – Крюково-Кужное, погр. 472 (Россия, Тамбовская область); 4 – Паново, погр. 2 (Россия, Пензенская область); 5 – Пермь, местонахождение неизвестно (Россия, Пермский край);
6 – Русениха, погр. 8 (Россия, Нижегородская область); 7 – Шестовиця, погр. 164 (Україна, Чернігівська область); 8 – Веселово, погр. 19 (Россия, Нижегородская область)

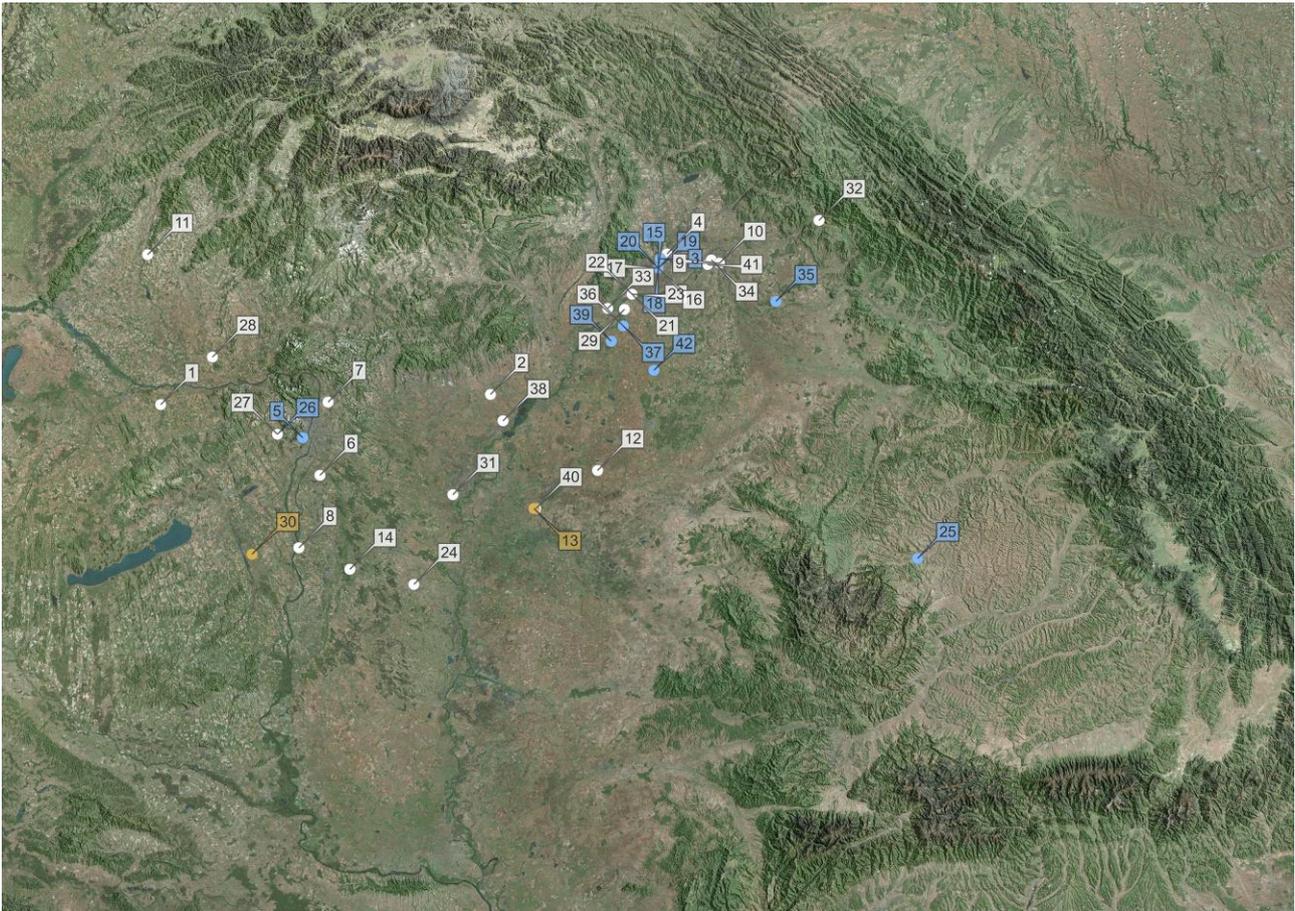

Рис. 9:2. Находки поясных сумочек каждого типа древних венгров в Карпатском бассейне (X в.)
Белый: пластины поясных сумочек; синий: поясные сумочки с накладками; коричневый: кожаные и железные элементы поясных сумочек (составлено: Á. Füredi). Все опубликованные находки пластин поясных сумочек из Карпатского бассейна до 2024 г.

- 1 – Bana, Ördögásta-hegy, погр. 1; 2 – Besenyőtelek, Szórhát; 3 – Bodrogszerdahely, Bálványdomb (Streda nad Bodrogom, Sk), погр. 3; 4 – Bodrogvécs (Več, Sk); 5 – Budapest, Farkasrét; 6 – Bugyi, Felsővány, погр. 2; 7 – Csomád, Szabadosok-dűlője, погр. 1; 8 – Dunavecse, Fehéregyháza; 9 – Eperjeske, погр. 2; 10 – Eperjeske, погр. 3; 11 – Galgóc (Hlohovec, Sk); 12 – Ismeretlen lelőhely ("Báránd Belterület"); 13 – Ismeretlen lelőhely (Túrkeve környéke) (железная спинка); 14 – Izsák (Fülöpháza), Balázspusztá; 15 – Karos, Eperjesszög I., погр. 9; 16 – Karos, Eperjesszög II., погр. 52; 17 – Karos, Eperjesszög II., погр. 29; 18 – Karos, Eperjesszög II., погр. 41. sír; 19 – Karos, Eperjesszög II. погр., 11; 20 – Karos, Eperjesszög II., погр. 61; 21 – Kenézlő, Fazekaszug I., погр. 14; 22 – Kenézlő, Fazekaszug I., погр. 3; 23 – Kenézlő, Fazekaszug II., погр. 28; 24 – Kiskunfélegyháza, Radnóti u., погр. 48; 25 – Kolozsvár, Szántó utca, погр. 25 (Cluj-Napoca, Ro); 26 – Páty, Malomi-dűlő C, погр. 170; 27. Páty, Malomi-dűlő C, погр. 184; 28. Perbete (Pribeta, Sk), погр. 3; 29 – Rakamaz, Strázsadomb, погр. A; 30 – Sárbogárd, Tringer-tanya, погр. 33 (кожаная); 31 – Szolnok, Strázsahalom; 32 – Szolyva (Свалява, Ua); 33 – Tarcal, Rimai-dűlő; 34 – Tiszabездéd, Harangláb-dűlő, погр. 8; 35 – Tiszacsoma (Чома, Ua); 36 – Tiszaeszlár, Bashalom I., погр. 10; 37 – Tiszaeszlár-Bashalom, Fenyvespart II., погр. 13; 38 – Tizanána, Cseh-tanya, погр. 1; 39 – Tiszavasvári, Nagy Gyepáros, погр. 16; 40 – Túrkeve-Ecsegpusztá, Bokros-halom; 41 – Tuzsér, Boszorkányhegy, погр. 6; 42 – Újfehértó-Micskepusztá, Tálás-dűlő

УДК 902, 623.11

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-157-160

А.М. Губайдуллин
ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
РОЖДЕСТВЕНСКОГО КОМПЛЕКСА

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, РФ

Изучение укрепленных поселений Волжской Булгарии имеет длинную историю. Обычно исследовались болгарские городища, расположенные в центральных областях государства, которые входили в основную его территорию. Периферийные же памятники практически не изучались и были малоизвестны. Несмотря на то что имелись исторические сведения и археологические материалы по связям с окружающими регионами, вопросы торговли с ними, и в первую очередь связанные с ней поселения, практически не рассматривались. И только в последние десятилетия благодаря известному ученому-археологу А.М. Белавину данная тема получила свое всеобъемлющее освещение. Это произошло вследствие археологических исследований одного из интересных укрепленных поселений – Рождественского городища, которое входило в круг периферийных торговых факторий Волжской Булгарии. Как сам памятник, так и его оборонительные сооружения являются важным источником для изучения истории и культуры Булгарского государства.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, укрепленные поселения, торговые фактории, оборонительные сооружения.

A.M. Gubaidullin
ON RESEARCH OF THE PROTECTION CONSTRUCTION OF THE
ROZHDESTVENSKIY SETTLEMENT

Institute of Archaeology named A.Kh. Khalikov Tatarstan
Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

The study of the fortified settlements of Volga Bulgaria has a long history. Bulgar settlements were usually explored, States located in central regions, which were in its main territory. Peripheral monuments were practically not studied and were little known. In spite of, that there was historical information and archaeological material on relations with the surrounding regions, trade with them and, first of all, the settlements were hardly considered. And only in recent decades, thanks to the famous scientist-archaeologist A.M. Belavin received a comprehensive coverage of this topic. This was due to archaeological research of one of the interesting fortified settlements – Rozhdestvenskiy settlement, which was part of the circle of peripheral trading stations of Volga Bulgaria. Like the monument itself, and its fortifications are an important source for the study of the history and culture of the Bulgarian state.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, fortified settlements, trading factories, fortifications.

На сегодняшний день достоверно известно о более чем полутора сотнях болгарских городищ, датирующихся X–XIV вв. Среди них есть памятники только домонгольского времени, а также существовавшие два периода истории Волжской Булгарии или возникших только

в середине – 2 пол. XIII в. Все они относятся к так называемым «классическим» укрепленным поселениям, т.е. расположенным на основной территории Булгарского государства, а затем уже Булгарского улуса Золотой Орды.

К общему списку городищ Волжской Булгарии, которые вошли в изданную Р.Г. Фахрутдиновым книгу «Археологические памятники Камско-Волжской Булгарии» и ее карту [Фахрутдинов, 1975], важно добавить существовавшие укрепленные поселения, располагавшиеся на периферийных территориях, в частности, в регионе современного Верхнего Прикамья, где проходил Камский торговый путь [Белавин, 1999]. А.М. Белавиным по этому вопросу были приведены интересные сведения, относящиеся к этим памятникам: «Здесь возникают болгарские торговые фактории, подобные той, что, видимо, была на Городищенском городище на р. Усолка, а также возникают и функционируют вплоть до XIV в. болгарские городки Афкуль, Ыбыр и Чулыман» [Белавин, 2000, с. 7]. Таким образом, это дополнило не только общий список давно известных болгарских городищ, а также разрешило по-новому посмотреть на размещение их в пространственном плане и определить особенности линий обороны.

К одному из таких памятников, свидетельствующих о важности и интенсивности торговли того времени, наряду с другими, относится Рождественское городище. Оно находится на выступах коренного левого берега р. Обва, являющейся правым притоком р. Камы. Возвышение этой террасы над уровнем реки достигает 35 м и состоит из двух частей: самого Рождественского городища, а также Филипповского, которые разделяются глубоким логом (рис. 1). Первый памятник занимает площадь в 3,8 га, а второй около 0,6 га. Каждое из них ограждено с напольной стороны одной линией вала и рва. У Рождественского городища ширина вала к нашему времени составляла от 6 до 12 м и высотой до 3,7 м. Сам оборонительный ров практически не прослеживался. У Филипповского городища вал имел ширину от 8 до 14 м, при высоте до 2,5–3,5 м. Здесь ров прослеживался, он имел ширину в 3–5 м, глубина которого доходила 1,7 м [Белавин, Крыласова, 2008, с. 6–7, 79, 82].

На Рождественском городище во время исследований оборонительного вала Ю.А. Поляковым и А.М. Белавиным была выявлена его внутренняя структура. Его тулово свидетельствовало о двух периодах строительства, относящихся к разному времени. Первоначальная насыпь располагалась на мощной подушке из слоев песка и глины. Сама же она представляла собой плотную утрамбованную глину с углем и золой, а также со слоями прокаленной глины с включениями угля. Как считал А.М. Белавин, «...это остатки какой-либо деревянной конструкции, располагавшейся на гребне вала» [Белавин, Крыласова, 2008, с. 80–81]. Здесь был прослежен и ряд столбовых ямок, которые являлись следами укрепления стенки, составленной из горизонтально положенных бревен, имевших диаметр в 12–18 см. Сама же высота насыпи вала и деревянной конструкции доходила до 4,5 м. Исследователь датировал его возведение X в., а разрушение и перестройку концом XI – началом XII в. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 81].

Во второй строительный период, датирующийся XII в., эта первая насыпь была дополнена снаружи слоем плотной глины. Здесь же А.М. Белавин выявил и «...остатки изгороди типа частокола, который, вероятно, был переплетен жердями и забутован глиной», шедшей по гребню этого вала [Белавин, Крыласова, 2008, с. 81].

В свою очередь, на Филипповском городище Н.Б. Крыласовой во время исследований оборонительного вала был зафиксирован только один строительный период в его возведении. В качестве основы крепостной насыпи памятника выступало сложенное из суглинка тулово. Во время раскопок в его нижней части была выявлена канавка. Ее заполнением являлась рыхлая глина, перемешанная с древесным тленом, который напоминал остатки деревянной конструкции. Снаружи оборонительной насыпи, в его внешней отлогости, находился слой, состоявший из древесного тлена и мелких угольков. По мнению Н.Б. Крыласовой, ско-

рее всего он являлся свидетельством о располагавшихся здесь каких-то «деревянных устройствах» [Белавин, Крыласова, 2008, с. 83–84]. Здесь же было выявлено и множество столбовых ямок диаметром от 10 до 16 см, представлявшими собой следы «укреплений типа частокола или плетня», которые поддерживали отлогости вала от оплыва [Белавин, Крыласова, 2008, с. 84].

Используя опубликованные результаты исследований памятника А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой, можно предположительно определить, как могли выглядеть фортификационные сооружения этого интересного укрепленного поселения (*рис. 2, реконструкция*). Само Рождественское городище обладало серьезной оборонительной преградой с напольной стороны. Скорее всего, это была крепостная стена, которая представляла собой тип двойной столбовой конструкции с внутренней забутовкой, имевшей ширину ок. 6 м. Возможно, что ее нижняя также часть заглублялась в тулово самого оборонительного вала. Об этом могут свидетельствовать опубликованные авторами его профили, свидетельствующие о характере залегания внутренних слоев.

В свою очередь, на Филипповском городище имелись несколько схожие по типу крепостные дерево-земляные сооружения, дополненные с внешней стороны трапециевидным рвом. Возможно, что здесь также находилась оборонительная стена, представлявшая столбовые конструкции. Все же, это только предположение, и по этому поводу уверенно пока сложно утверждать. Не исключено, что она могла представлять собой и тыновую ограду. Имелись здесь и какие-то дополнительные защитные приспособления, использовавшиеся в болгарской военно-инженерной науке, которые устанавливались вдоль внешней отлогости крепостного вала и вдоль эскарпа. Кроме того, само расположение на местности, использование ее рельефа для удобного размещения поселения, служившего и для целей обороны, представляло собой довольно серьезную защиту. Таким образом, сами городища можно отнести к I типу по типологии П.А. Раппопорта (подчиненные рельефу местности) [Раппопорт, 1961, с. 215–220].

Судя по дошедшим до нашего времени остаткам линий обороны обоих памятников, их крепостные стены не представляли собой большой сложности в виде мощных срубных построек – городней. Представляется, что в этом месте они и не были нужны, ввиду их большой удаленности от направлений основных потенциальных угроз, которые могли идти со стороны других государств и территорий с запада и юга. Оборонительные сооружения этого памятника были необходимы только в качестве возможной защиты для местного населения от нападения окружавших народов, во время допустимых локальных конфликтов. Главная же задача состояла в охране этого торгово-ремесленного поселения и необходимого контроля над данным отрезком Камского торгового пути.

Библиографический список

1. Белавин А.М. Камский торговый путь из Болгара в страну Вису и Чулман // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. : материалы междунар. симп. Казань : Мастер Лайн, 1999. С. 161–172.
2. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2000. 200 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск / под. ред. Е.Е. Покровской. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.
4. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА. 1961. № 105. 244 с.
5. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань : Татарское кн. изд-во, 1975. 220 с.

Рис. 1. План Рождественского археологического комплекса.
А – Рождественское городище; Б – Филипповское городище
(по А.М. Белавину и Н.Б. Крыласовой)

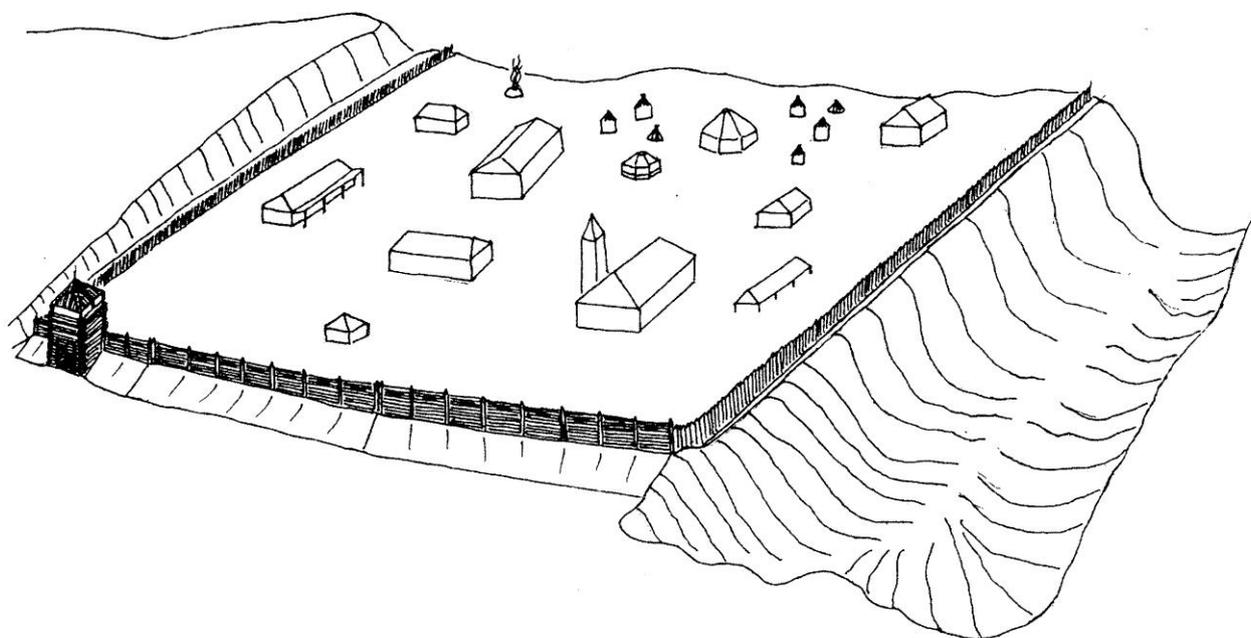

Рис. 2. Вариант реконструкции Рождественского городища

УДК 902/904, 347.517.51

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-161-171

П.В. Хаярова, А.В. Голдобин
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПУТЕЙ МИГРАЦИОННОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ НА СТЫКЕ ЕВРОПЫ
И АЗИИ (КОНЦА I ТЫС. ДО Н. Э. – I ТЫС. Н. Э. ВЕРХНЕГО
И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ)

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

На протяжении полутора тысяч лет на территории Прикамья формировались миграционные торгово-обменные маршруты, соединившие Азию с Европой. Эти дороги были задействованы в процессе Великого переселения народов. Превалировали речные пути. Их можно наблюдать в фольклорных сообщениях, затем и в русской колонизации, вплоть до похода казаков под предводительством Ермака в Сибирь. Такого рода пути постоянно привлекали внимание исследователей и нашли отражение в научных трудах.

В настоящем исследовании представлена версия о вероятном использовании дополнительных путей, возможно, известных ранее, но не востребованных уже длительное время. Выдвинуто предположение о влиянии пути миграции на хронологию развития северных кластеров харинской археологической культуры. Представлено суждение о вероятном противостоянии групп древнего населения, что явилось причиной использования особенного маршрута. Результат сопоставления некоторых сведений прошлого указывает на присутствие угорской составляющей, что свидетельствует о бытовавшем ранее взаимодействии между автохтонным населением современных Гайнского, Косинского и Кочевского МО с жителями Западной Сибири эпохи ВПН. Попытка совмещения кайско-юкеевского пути с указанием юкеевского волока и курганных могильников северных кластеров харинской культуры демонстрирует значительное совпадение. Вероятно, присутствовала коррекция путей под влиянием климатических изменений. Древние путешественники ориентировались по звездам. В частности, направляющими служили звезды созвездия Большой Медведицы, о чем свидетельствуют данные, содержащиеся в мифах древнего населения.

Ключевые слова: миграция, Великое переселение народов (ВПН), харинская культура, пути.

P. V. Khayarova, A. W. Goldobin
SOME ISSUES OF DETERMINING THE WAYS OF MIGRATION
INTERACTION OF THE ANCIENT POPULATION AT THE JUNCTION
OF EUROPE AND ASIA (THE END OF THE I THOUSAND. BC –
I THOUSAND BC OF THE UPPER AND MIDDLE KAMA REGION)

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

For one and a half thousand years, migration trade and exchange routes were formed on the territory of the Kama Region, connecting Asia with Europe. These roads were involved in the process of the Great Migration of Peoples. River routes prevailed. They can be observed in folklore reports, then in Russian colonization, up to the campaign of the Cossacks led by Ermak in Siberia. Such ways have constantly attracted the attention of researchers, and are reflected in scientific works. This study presents a version about the likely use of additional paths that may have been previously known, but have not been in demand for a long time. An assumption has been made about the influence of the migration path on the chronology of the development of the northern

clusters of the Khara archaeological culture. A judgment is presented on the probable confrontation of groups of the ancient population, which was the reason for using a special route. The result of comparing some information from the past indicates the presence of the Ugric component, which indicates the previously existing interaction between the autochthonous population of the modern Gaynsky, Kosinsky and Nomadic MO with the inhabitants of Western Siberia of the era of the VPN. The attempt to combine the Kaisko-Yukseevsky way with the indication of the Yukseevsky portage and the burial mounds of the northern clusters of the Khara culture demonstrates a significant coincidence. There was probably a correction of the paths under the influence of climate change. Ancient travelers were guided by the stars. In particular, the stars of the constellation Ursa Major served as guides, as evidenced by the data contained in the myths of the ancient population.

Keywords: migration, the Great Migration of Peoples (VPN), Harin culture.

Особенность Урала хорошо обозначают географы, называя «бесчисленные реки и водоемы Урала «голубыми дорогами»» [Головко, 1973, с. 12], определяя их активное хозяйственное использование на протяжении тысячелетий.

А.М. Белавин подчеркивает, что «реки служили каркасом сухопутных транспортных путей. В отличие от сухопутных путей, реки как магистрали использовались круглогодично, а не только в летнее время» [Белавин, 2023, с. 3].

С конца I тыс. до н. э. можно наблюдать устоявшиеся пути, связанные с передвижениями древнего населения: это и миграции, и торгово-обменные путешествия, это и перемещения, сопряженные с религиозно-культурной деятельностью. Они активно использовались на протяжении довольно широкого хронологического диапазона.

Однако изучение мало эксплуатируемых или неактуальных ныне трансконтинентальных маршрутов на стыке Европы и Азии, тем не менее, вероятно, активно практикуемых ранее, востребовано для объяснения специфики археологических культур, учитывая коммуникацию древнего населения посредством путей сообщения.

То есть фиксация расположения речных маршрутов Урала, применявшихся ранее, требуется при решении проблемы миграций и установления взаимосвязей между «соседями». Зная варианты вероятных путей, видится, что «при наиболее продуктивном подходе необходимо, анализируя взаимодействие Предуралья с соседними народами и государствами, пытаться выделить определенные этапы в развитии этих связей, оценить роль той или иной территории в этом взаимодействии в определенный исторический период, не отрывая это направление взаимодействия от всех иных» [Белавин, 2000, с. 182].

На территорию ср. Прикамья прибывало несколько волн миграций в разные периоды истории края. На смену существовавшей здесь «гляденовской археологической культуре приходят памятники харинского типа, затем – ломоватовской археологической культуры и, наконец, родановской» [Вострокнутов, 2017, с. 79].

А.В. Вострокнутов указывает, что «Харинское время (V–VII вв.) ознаменовалось не только появлением нового курганного обряда захоронений, но и расширением территории обитания прикамского населения от центральной артерии, р. Кама, по периферии, начавшееся еще на позднем этапе гляденовской культуры» [Вострокнутов, 2017, с. 79].

Известно, что такие передвижения обуславливали создание новых культур. Например, «существенная экспансия угорского населения из Нижнего Приобья в юго-западном направлении привела к сложению на западе новой этнокультурной среды – юдинской (предков манси)» [Матвеева, 2024, с. 51].

Одним из главных нерешенных вопросов остается используемые «мигрантами» эпохи ВПН пути, по которым они приходили в Прикамье.

А.Ф. Мельничук и М.Л. Перескоков утверждают, что «в Сев. Прикамье в период раннего Средневековья проникали небольшие группы средневекового карымского и зеленогорского населения Нижнего Приобья, которые взаимодействовали с охотниками ванвиздинского и

печорского кругов» [Мельничук, Перескоков, 2013, с. 253]. Впрочем, данный вариант перемещения не объясняет появление именно Харинской, а не, например, (гипотетически) Чердынской культуры.

А.М. Белавин, основываясь на предполагаемом пути проникновения сасанидской драхмы, допускает относительно «южный» путь прихода кочевников в харино: «Конечным пунктом долгого пути монеты (сасанидской драхмы) Морозов считает отрезок Камы между устьями Обвы и Чусовой. Вероятно, в этот район следует включать нижнее течение Обвы и Чусовой и бассейн р. Сылва... Интересно и то, что бассейн рек, примыкающих к Каме на указанном отрезке, является основным районом размещения харинских курганов IV–VI вв.» [Белавин, 2000, с. 184]. Он полагает, что *«ананьинская общность, возможно, была основана не на этническом и языковом единстве, а на экономической базе»* [Очерки, 2022, с. 105–106], и в период «ВПН (Великого переселения народов) стали восстанавливаться торговые связи жителей Прикамья, разрушенные при распаде ананьинской общности» [Белавин, 2000, с. 6].

Исследователь определяет, что *«Камский торговый путь эпохи средневековья формировался... по частям. Первоначально была отлажена его «верхняя» часть... Судя по письменным и археологическим источникам, нижняя и средняя часть Камского торгового пути оформляется окончательно к началу X столетия»* [Белавин, 2023, с. 6–7]. То есть при восстановлении ананьинских торговых и миграционных путей предположительно была охвачена территория бассейна Камы, ранее занимаемая ананьинцами.

Р.Д. Голдина при составлении карты Ананьинской общности не указывает наличие ананьинских селищ на территории, где позже появляются Митинский и др. северные кластеры Харинской культуры (рис. 1 [Голдина, 2004, с. 166, рис. 77], рис. 2 [Генинг, 1973, с. 60, рис. 1]).

Вероятно, что при вторжении кочевых племен *«в эпоху ВПН коренные жители в качестве «своих» восприняли лишь часть прибывших на территории Среднего Поволжья и Прикамья, представляется возможным проникновение на данные территории Волго-Камья групп пришельцев с разным составом»* [Хаярова, Голдобин, 2024а, с. 12]. Данная гипотеза позволяет утверждать о бытовавших вариативных маршрутах проникновения кочевников в Прикамье. В частности, на территорию, где определяются курганные могильники харинского кластера, вероятно, вошли группы кочевников с разнородным составом, отличавшимся от состава тех, кто мигрировал в район современной деревни Мокино. Данный вывод разъясняет, почему ананьинцами не использовалась река до истоков, и контролировалась, вероятно, до широты современной Чердыни, а позже теми, кто пришел в финале гляденово. Нет возможности утверждать, что населения в районе истоков Камы и бассейне р. Коса на тот момент не было.

Важно, что материальные археологические источники свидетельствуют об оригинальности культур в данной местности.

Несколько позже бытования харинской культуры на этой территории появляются памятники ломоватовского времени, выделенного Р.Д. Голдиной урьинского этапа (на этой стадии *«наступает расцвет верхнекамских шумящих подвесок, которые появляются не только в большом количестве, но и в разнообразии стилистического решения»* [Голдина, 1985, с. 131]). Располагались именно здесь и памятники самого финала родановской культуры: «к XIV в. функционировали только 49, а к XV в. – лишь 20 памятников родановской культуры. Наиболее заселенными в XIV–XV вв. были Гаинско-Косинская и Камско-Колвинская территории» [Брюхова, Смертин, 2018, с. 251].

Развитие оригинальной культуры во многом стимулирует экономика, зависящая от взаимодействия с соседями, т.е. от логистики. Возможно, что был задействован некий дополнительный путь от современного Соликамска, который проходил не по реке Кама.

Путешественник И.И. Лепехин пишет, что *«от села Юкеева начинается волок, Юкеевским прозываемый. В трех верстах от села была речка Лолог, впадающая в Урлак (Вурлам). Кай городок (когда, кем, для чего был построен городок, мне не ведомо) а думать*

надобно, что заведен по открытию пути в Сибирь через Соль Камскую. Но как был удобнейший проезд в Сибирь проложен через Кунгур и Екатеринбург, то и кайгородская дорога запустела» [Лепехин, 1780, с. 201, 202, 207].

Бабиновская дорога (путь в Сибирь сквозь Уральский хребет от Соликамска) была открыта после того, как крестьянин проследил за вогулами, проводившими обряды в священных для них пещерах, находящихся в Уральских горах: «1595 г. ...Проведал прямую дорогу верхусолец крестьянин Артюшка Бабинов, и стало от Соликамска до Верхотурья только 250 верст. За сию службу пожаловал царь Федор Иоаннович Бабинова грамотою безданною и беспошлинною» [Берх, 1921, с. 206].

Чаньвинские пещеры по материальным источникам датируются как археологический памятник IX–XI вв.: «Пещеры по р. Чаньве, некоторые с археологическими находками, известны уже давно. В 1893 г. обследование их произвел С.И. Сергеев» [Галицкая, 1952, с. 152]].

И.И. Лепехин в июне 1771 г., что отразил в «Дневных записках», не посетил пещеры лично, однако записал от местных жителей интересную информацию: «по сказкам жителей пещера сия была достойна внимания для Вогульской древности. Говорят, что она служила общим капищем всего Вогульского народа, куда они около маслиницы сбирывались со всех сторон. Хотя от самих Вогуличей ничего о старом их богомолн спроведать я не мог; но жители сказывают, что и до днесь в сей пещере можно видеть утхлые деревянные болваны, составляющие старинное Вогульское божество. Пещера почти вся завалена оленьими и сохатых костями, из чего вероятно заключать можно, что древние Вогульские обряды были идолопоклоннические, и что они оленей и лосей богам своим приносили на жертву...» [Лепехин, 1870, с. 122]. По данным путешественника путь к пещерам был известен вогулам «со всех сторон».

Интересно, что курганные могильники митинского кластера харинской культуры определяются вдоль прохождения Соликамско-юксеевского маршрута (рис. 3) [Вострокнутов, Шмуратко, 2021, с. 165–166; Вострокнутов, 2017, с. 78–87; Генинг, 1973, с. 60, рис. 1; Старые, 2024, с. 1].

Стоит отметить, что появившиеся в V в. лологский (междуречье р. Лолог и р. Кычдез) и имаский кластеры харинской культуры, с которых началось «освоение территории» [Вострокнутов, 2017, с. 80–81], фиксируются при прохождении маршрута первыми. Маршрут И.И. Лепехин описывает так: «В осьми верстах от Телениной была самая река Уролка, на которой построено село большая Уролка... От Уролки в 10 верстах текла речка Пучес, соединяющаяся с Уролкою, при которой стояла деревня Косанская; от сей в равном же расстоянии была деревня Логинская, и стояла при ключе; а в 20 верстном расстоянии находилась деревня Сечица... Деревня Селица была для нас первая, где мы увидели тот род людей, которых Пермьяками называют... до села Косинского, прозванного по реке Косе, над которою оно заведено... Тащась верст с 15 между топями приехали на речку Шудью... В одной версте от сей была деревня Подъячева, в двух верстах текла речка Яйва, соединяющаяся с Кичисом, от которой в 12 верстах был погост Юксеев... От села Юксеевского начинается волок, по селу Юксеевским прозываемый. Он из всех волоков нами проезжаемых был скучнее, потому что чрез 90 верст простирался; в 8 верстах от села была речка Лолог, впадающая в Урлак (Вурлам). Урлак (Вурлам) соединяется с Косою, а Коса с Камою» [Лепехин, 1780, с. 194–202].

Гайнский кластер датируется веком позже: «VI в. Население начинает осваивать территории на север: в это время мы фиксируем группу памятников, состоящую из 4 могильников и 1 городища, которая расположена в районе современного с. Гайны на северной оконечности Верхнекамской возвышенности» [Вострокнутов, 2017, с. 80–81].

При путешествии по р. Кама с юга на север на берегу данной реки находится территория современного поселка Гайны. Для того чтобы проплыть до междуречья р. Лолог и р. Кычдез, нужно преодолеть более длинный маршрут по менее полноводным речкам.

О кайском волоке, как о связующем пути между европейской частью, Предуральем и Сибирью, жители коми-пермяцкого округа знали, и активно его использовали. В преданиях о Пере-богатыре указания на кайский волок далеко не единичны: «жил лешак со своим семейством у Кайского волока, на высокой горе» [Заветный, 2007, с. 220]; «хорошо, отпущу, ваись куль, – согласился Пера, – если навсегда покинешь Каму и уйдешь в озеро, что у Кайского волока» [Заветный, 2007, с. 225].

Тем не менее данные факты не доказывают, что о Чаньвинских пещерах были осведомлены пришельцы в Харино, если Кайско-Соликамский путь был известен более поздним жителям – вогулам, потомкам юдинцев.

Однако знание о пути из Сибири до Юкеево (Митино, Борино) можно допустить, основываясь на гипотезе о местных жителях, принявших пришедшие группы периода ВПН за «своих». Поскольку если предположить, что кочевники шли через Сибирь, то к ним присоединились представители местного населения (предки юдинцев и, соответственно, обских угров), с которыми аборигенное население современных Гайнского, Косинского и Кочевского МО имело постоянное взаимодействие [Хаярова, Голдобин, 2024а, с. 11].

Данную версию подкрепляет наличие на их территориях угорской топонимики, в которой отражено общее мировоззрение (как единый для них компонент), в отличие от мокинского могильника (финала гляденово), где несколько позже фиксировались обезвреживания захоронений пришельцев и сожжения их селищ, тем самым обозначив их как «чужих» [Хаярова, Голдобин, 2024а, с. 11].

Предания также содержат элементы общего угорского мировоззрения, к современному этапу несколько утраченного. Например, у Перы богатыря, уроженца Лупьи, «на чурашинской дороге большая сосна была. Он полезет на сосну и там прячется. Тут он и сохранился» [Ожегова, 1971, с. 94–95]. Е.И. Ромбандеева указывает на связь угорских богатырей с определенным деревом: «В харакане обские угры для украшения и поклонения выбирают следующие деревья: ... сосну – дерево отыра (богатыря), всенародного главного покровителя» [Ромбандеева, 1993, с. 66].

Стоит отметить, что наименование «чурашинская» используется только иньвенскими пермяками. Она объединяла северные и южные реки современного коми-пермяцкого края.

Село Чураки, через которое проходит Чурашинская дорога, находится восточнее кайского волока у юкеевского пути, ведущего путешественников к Уральским горам через Соль Камскую (в списке населенных пунктов за 1928 г. это село также называлось Верх-Лолым [Список, 1928, с. 10], где лолым в переводе «души у устья реки»).

Район славится своими вековыми соснами и кедрами [Заповедные, 2015, с. 1]. Село стоит на водоразделе, не находится рядом с известными р. Лолог и р. Лолым. Данный факт дает дополнительные указания на вероятную сакральную составляющую местности для древнего населения, на которой находится топоним или гидроним с основой «лол» [Хаярова, Голдобин, 2024а, с. 10].

А.С. Кривошекова-Гантман (на нее ссылается А.К. Матвеев), переводит лола как «лось» [Матвеев, 2008, с. 158–159], однако в «коми языке лось обозначается двумя словами: йёра и лола. Оба названия сопоставимы с коми-пермяцкими йёра «лось» и лола «лось». Очевидно, эти примеры являются словами общекоми происхождения, для которых можно реконструировать соответствующие праформы. Отсутствие генетических соответствий в удмуртском языке не позволяет считать их более древними, т. е. прапермскими, образованиями» [Ракин, 2022, с. 175]. Интересно, что на удмуртском лось «койык», а душа «лул (лол)».

На территории республики Коми определяется Лолашор – «лосиный ручей» у урочища Последняя тоня, где «тоня» (место на реке, пригодное для ловли рыбы неводом). В данном гидрониме лось «лола» был внесен в качестве основы без сокращения уже после разделения прапермян на удмуртов и коми.

Учитывая, что «дезинтеграция общепермского континуума началась в булгарскую эпоху (VIII–XIV вв.)» [Белых, 2009, с. 50], можно предположить, что до этого периода наименование

местности звучало по-иному, если интерпретацию р. Лолог и Лолым как лосиных рек брать за основную. Но тогда невозможно объяснить «ым», так как устье на коми «вом».

Поэтому версия с основой «лол» – душа является более обоснованной.

Также присутствует мифологическая связь между лола – лось с обозначением души лулы-лол, которая по млечному пути (дорогой птиц) улетала в иной мир [Волдина, 2016, с. 96].

Это объясняет билингвизм наименований [Хаярова, Голдобин, 2024б, с. 19]. Поскольку путь за лосем – это путь лулы-лол. Манси, по легенде, на текущее местожительство пришли с южного Урала и шли вдоль Урала в том направлении, как тянется Млечный Путь с юга на север [Ромбандеева, 1993, с. 39–41].

Мосьхум ёсац лех (Лыжня героя Мосьхума) – это Млечный путь, Мос – звезда большой медведицы. Мосьхум-отыр, потомок Мосьнэ (прародительница фратрии мось). Мосьхум проложил эту лыжню в то время, когда он гнался за священным лосем с южного конца до северного конца ее. Необходимо отметить, для обских угров звезды служат ориентиром во времени и пространстве [Ромбандеева, 1993, с. 22]. Вероятно, по звездам древние путешественники определяли путь, создавали на территориях, где проживали, свой микрокосм посредством топонимов и священных мест.

Известно, что по вопросу миграций и не только в Прикамье наблюдается недостаток даже отсутствие письменных источников со стороны исполнителей – пришельцев, и более поздние источники (русские, например) описывают только то, что они знают либо предполагают. Поэтому топонимика, лингвистика, археологические данные и этнография являются основными историческими источниками. Свидетельства в письменных русских источниках в основном косвенные. Известно, что нулевым километром Бабиновской дороги считается Соборная колокольня в г. Соликамске.

Примечательна в качестве примера более поздняя история, отраженная в письменных источниках времени похода Ермака. В летописи утверждается, что Хан Кихек прошел через Тюменский волок близ Сылвы с выходом на строгановские городки: «Лета 7089 (1581) пришедшу сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановых пограбил. Того же лета пельинский князь Кихек пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогуличи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцы пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [Вычегодско-Вымская, 1958, с. 60].

В.Ф. Богуславский пишет о передвижениях нападавших: «Когда в 1581 вместе с казаками Ермака покорять Сибирь ушли и многие жители Кайгорода, этим немедленно воспользовался пельмский князь Кихек, который «...разгромил всю Пермь Великую от Чердыни и Кайгорода до берегов Чусовой...Такого страшного погрома Пермь Великая не испытывала никогда в течение всей ее истории... Начав с Чердыни, которой он не взял, Кихек пошел на Кайгородок, опустошая все на своем пути, оттуда на Соликамск, который разграбил и предал пламени»» [Богуславский, 2004, с. 537].

Прямой путь из Кайгорода на Соликамско-кайский путь (кайско-юкеевский путь). Вогулы были знакомы с этим маршрутом. Идти тем же путем через пожженные ранее «вымские повосты» сложно.

В работе А.А. Введенского собраны письменные свидетельства (грамоты), указывающие на еще один путь через Уральские горы: «того же 1581 г., пройдя через Камень старой сибирской дорогой по Лозьве и Вишере, в Приуралье вторгся вассал сибирского царя пельмский князь Аблегириг, а с ним 700 человек» [Введенский, 1924, с. 62]. Через 4 года после данных событий Мартюшка Бабинов прослеживает новый путь от Соликамска до Верхотурья за вогулами. Вероятность того, что Пельмские вогулы его маршрут не знали, минимальна. Однако его использование не отражено в письменных источниках.

Выявление путей сообщения при отсутствии или недостатке письменных источников возможно посредством археологических данных, этнографии, топонимики и т.д. Использование рек как основных способов перемещения и взаимодействия с соседями в Прикамье

осуществимо и по широтной ориентировке с помощью волоков. Данные маршруты были известны на протяжении длительного времени, в том числе и в Средневековье, но некоторым образом менялись, поскольку топография местности зависела от изменений климата.

Путешественники ориентировались по звездам, присваивая местности наименования, связанные с традиционными мифологическими воззрениями, являющимися основой для объяснения направлений маршрутов, путей. На этой основе складывались схожие представления, которые находили отражения в лексике.

В эпоху ВПН на территорию будущих Косинского, Гайнского и Кочевского МО пришли группы кочевников, вероятно, конкурирующие с группами, пришедшими в районы Прикамья финала Гляденовской культуры, находящиеся южнее. Возможное некоторое противостояние групп древнего населения прослеживается и в вероятном использовании пришельцами в районе расположения Харинской археологической культуры обходных путей, неконтролируемых «южанами».

Библиографический список

1. *Белавин А.М.* Камский торговый путь : Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. 195 с.
2. *Белавин А.М.* Реки как транспортная основа Камского торгового пути // Труды КАЭЭ ПГГПУ. 2023. Вып. XXII. С. 3–14.
3. *Белых С.К.* Проблема распада прапермской этноязыковой общности : моногр. Ижевск : Удмуртский университет, 2009. 150 с.
4. *Берх В.Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб. : Военная тип. главного штаба, 1821. 234 с.
5. *Богуславский В.Ф.* Славянская энциклопедия. XVII в. Т. I. М. : Олма-Пресс, 2004. 792 с.
6. *Брюхова Н.Г., Смертин А.Р.* Историографический обзор и описание могильников Родановской культуры Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ ПГГПУ. 2018. № 14. С. 250–256
7. *Введенский А.А.* Торговый дом XVI–XVII вв. Серия: Памятники социально-экономической истории России / под ред. А.И. Заозерского и В.Н. Кашина. Л. : Путь к знанию : Воен. типогр. Упр. Р.К.К.А, 1924. 182 с.
8. *Волдина Т.В.* Основные принципы реинкарнации у обских угров // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 96–110.
9. *Вострокнутов А.В.* Историческая динамика населения междуречья Камы и Иньвы в V–XV вв. н. э. по данным картографии // VII Халиковские чтения. Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала... : материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Биляр. археолог. экспедиции. Казань: Казанская недвижимость, 2017. С. 78–86.
10. *Вострокнутов А.В., Шмуратко Д.В.* Пермское Предуралье в V–VII вв.: реконструкция системы расселения с использованием ГИС // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 165–166.
11. *Вычегодско-Вымская летопись* // Ист.-филол. сборник. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 241–271.
12. *Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. 1973. № 12. С. 58–121.
13. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа / Ин-т истории и культуры народов Приуралья при Удмурт. гос. ун-те. 2-е изд., перераб. Ижевск : Издат. дом Удмурт. ун-та, 2004 (ГП Ижев. респ. тип.). 420 с.
14. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

15. *Головки В.К.* По рекам Урала. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 171 с.
16. *Заветный клад.* Избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия / пер. на рус. яз. и сост. – В.В. Климов. Кудымкар : Коми-Пермяц. кн. изд-во, 1997. 392 с.
17. *Заповедные места коми-пермяков* [Электронный ресурс]. – URL: <https://комиокруг.рф/priroda/prirodne-pamyatniki/zapovedne-mesta-komi.html> (дата обращения: 04.05.2024).
18. *Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1771 г. Ч. 3. СПб., 1780. 430 с.
19. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала : топонимический словарь. Екатеринбург : Сократ, 2008. 351 с.
20. *Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Третьяков Е.А.* Роль миграций в культурогенезе средневекового населения лесостепи и подтаежной зоны Западной Сибири // Вестник пермского университета. 2024. № 64 (1). С. 39–58.
21. *Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Средневековая керамика нижнеобского облика на памятниках Северного Прикамья // Вестн. ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 249–253.
22. *Ожегова М.Н.* Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре / Перм. гос. пед. ин-т, Кудымкар. типогр. управления по печати Перм. обл. исполкома. Пермь, 1971. 132 с.
23. *Очерки археологии Пермского Предуралья* : учеб. пособие для студентов и аспирантов / А.М. Белавин, А.В. Голдобин, О.В. Игнатьева и др. ; под ред. А.М. Белавина. Пермь : ПГГПУ: ОЦНТ ПГТУ, 2002. 253 с.
24. *Ракин А.Н.* Номинация объекта охотничьего промысла в коми языке // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 171–183
25. *Ромбандеева Е.И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут : Северный дом : Сев.-Сибир. регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.
26. *Список населенных пунктов Уральской области*: [в 16 т. : табл.]. Т. 5: Коми-Пермяцкий округ. Свердловск : Издание орготдела Уралобл. исполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. XVIII, 86 с.
27. *Старые кайские тракты.* Старый Сибирский тракт: Шестаково – поч. Высоковский – с. Березовка – д. Карасево – с. Гидаево – Кайгородок... [Электронный ресурс]. URL: <https://rodnaaya-vyatka.ru/blog/2444/84416> (дата обращения: 05.05.2024).
28. *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким). Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Вып. IV. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 228 с.
29. *Хаярова П.В., Голдобин А.В.* Угорский компонент в аборигенных социумах Волго-Камья эпохи ВПН. Формирование дихотомических представлений и их отражение в погребальной обрядности археолого-этнических типов (ч. 1) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024а. № 14. С. 11.
30. *Хаярова П.В., Голдобин А.В.* Угорский компонент в аборигенных социумах Волго-Камья эпохи ВПН. Формирование дихотомических представлений и их отражение в погребальной обрядности археолого-этнических типов (ч. 2) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024б. № 14. С. 16–26.

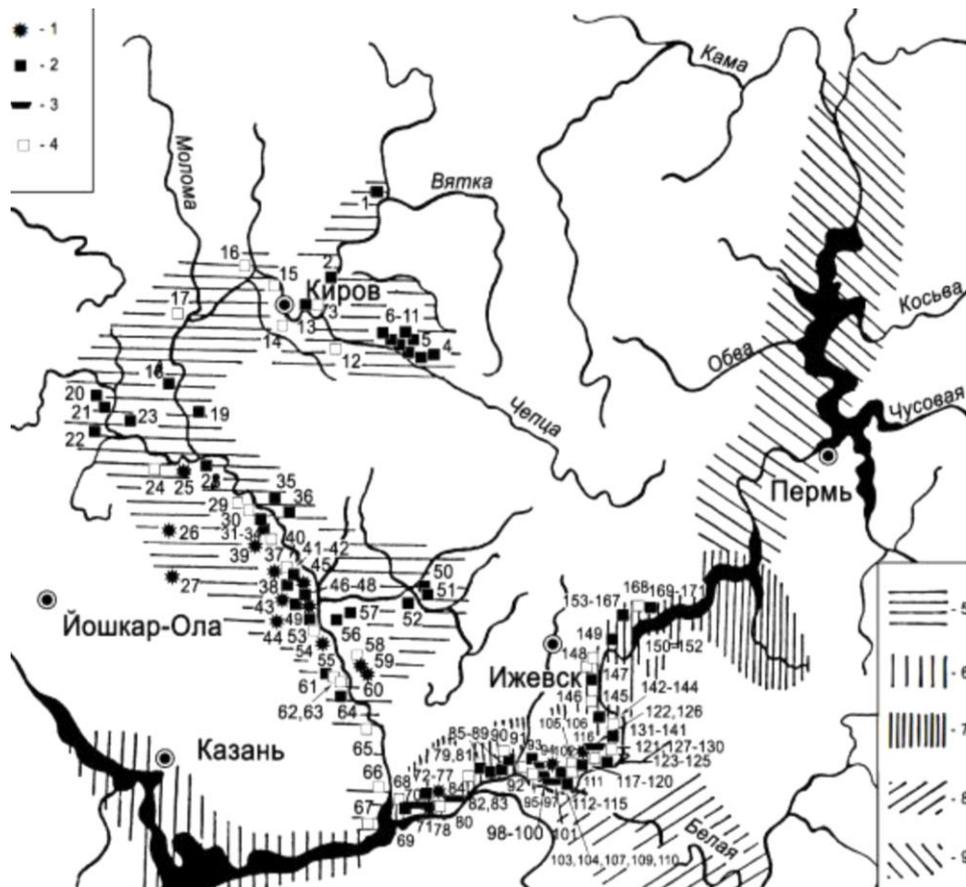

Рис. 1. Карта основных памятников ананьинской культурной общности Камско-Вятского междуречья (по [Голдина, 2004, с. 166, рис. 77]).

1 – находки; 2 – поселение; 3 – могильник; 4 – городище.

Локальные варианты ананьинской культурной общности: 5 – вятский; 6 – нижекамский; 7 – среднекамский; 8 – бельский; 9 – верхнекамский:

1. Грехневское I; 2. Первомайское; 3. Никульчинское гор-ще; 4. Дереганцы II;
5. Яговкипцы; 6. Лютоус I; 7–10. Градобоево I–IV; 11. Махны; 12. Кривоборское (Городниковское) гор-ще; 13. Концовское селище; 14. Чижевское (Марьин кокошник) гор-ще;
15. Наговицынское (Червяковское) гор-ще; 16. Подрельское (Вересенковское) гор-ще;
17. Скорняковское гор-ще; 18. Боровка I; 19. Нижнее Коропово; 20. Этанцы II; 21. Покста II;
22. Худяковское; 23. Арбажский льнозавод; 24. Горское гор-ще; 25. Обуховская находка;
26. Юронгинские (Юринские) находки; 27. Якасурская находка; 28. Пижемское гор-ще;
29. Лебязское гор-ще; 30. Белоглазовское гор-ще; 31. Малиновское I; 32–34. Мысы III–V;
35. Ботлы IV; 36. Буй I; 37. Буйское гор-ще; 38. Федорищевская находка; 39. Марушинские находки;
40. Мальковское гор-ще; 41, 42. Цепочкинское I, II; 43. Петряевская находка; 44. Лопьяльская находка; 45. Варининская находка; 46. Черепановский Лог; 47, 48. Тюм-Тюмское III, IV;
49. Тюм-Тюмская находка; 50. Муки-Какси II; 51. Муки-Какси I; 52. Моторки II;
53. Шишкинское; 54. Ройское («Ройский Шихан») гор-ще; 55. Киньерская находка;
56. Усть-Курьинское; 57. Проходная Лоза I; 58. Аргыжское гор-ще; 59. Наживинская находка;
60. Дубровинская находка; 61. Нуринерская находка; 62, 63. Чутайское I, II гор-ща;
64. Старо-Бурецкое; 65. Каракулинское гор-ще; 66. Мамадышское гор-ще; 67. Грохань гор-ще;
68. Свиногорское гор-ще; 69. Свиногорское I; 70. Котловский (Дмитриевский) мог-к;
71. Покровское местонахождение; 72. Котловское II; 73–77. Танайские I–V; 78. Танайское гор-ще;
79. Гремячий Ключ, местонахождение; 80. Елабужское (Чертово) гор-ще; 81. Елабужские находки;
82. Ананьинский мог-к; 83. Луговой мог-к I; 84. Тихогорское гор-ще; 85. Себяковское;
86. Бизякинское; 87. Икское III; 88. Икское V; 89. Икское I; 90. Благодатское III гор-ще;
91. Благодатское; 92. Верхне-Малиновское гор-ще; 93. Муновское;

Продолжение. 94. Муновский мог-к «Релка»; 95. Муновское гор-ще I; 97. Зуево-Ключевское I гор-ще; 98. Зуевоключевское IV; 99. Зуевоключевская II; 100. Зуевоключевское II; 101. Зуевоключевской (Зуевский) I мог-к; 102. Зуевоключевская II находка; 103. Дубровское I; 104. Нырғындынское IV гор-ще; 105. Нырғындынское I (Ильнешское) гор-ще; 106. Нырғындынское II гор-ще; 107. Снятица; 108. Быргышдинские I находки; 109. Быргындынское I; 110. Быргындынское VI; 111. Быргындынское II (Каменный Лог) гор-ще; 112. Усть-Бельское II; 113. Барановское II; 114. Барановское VII; 115. Барановское III; 116. Коростинская находка; 117. Коростинское IV; 118–120. Юньгинские I–II; 121. Юльгинское I гор-ще; 122. Каракулинский (Первомайский, Вятский Клест) мог-к; 123–125. Партизанские I, II, V; 126. Вятский (Мошкарровский) мог-к; 127. Вятское (Мошкарвовское Верхнее) гор-ще; 128. Вятское (Мошкарвовское Нижнее) гор-ще; 129. Кухтинское гор-ще; 130. Сухаревское гор-ще; 131. Галановское гор-ще; 132, 133. Галановские I, II; 134. Галановская II находка; 135. Заборьевское; 136–141. Тарасовские I–V, VII; 142. Момылевское гор-ще; 143. Мазунинское гор-ще; 144. Межновское II гор-ще; 145. Усть-Сарапульское; 146. Юшковское гор-ще; 147. Усть-Нечкинское; 148, 149. Усть-Нечкинские I–II гор-ща; 150. Сидоровогорское; 151. Паздеровское; 152. Кремлевское; 153. Гавриловское; 154–167. Степановские I–XIV; 168. Степановское гор-ще; 169–171. Пламя I–III

Рис. 2. Схема размещения курганных могильников и случайных находок харинского типа в Верхнем Прикамье (по [Генинг, 1973, с. 60, рис. 1])
 Курганные могильники: 1 – Бурковский; 2 – Полуденский; 3 – Беклемишевский; 4 – Б.-Висимский; 5 – Чазевский I; 6 – Чазевский II; 7 – Пеклаебский I; 8 – Пеклаебский II; 9 – Митинский; 10 – Бельковский; 11 – Агафоновский; 12 – Харинский; 13 – Пыштаинский; 14 – Бурдаковский.
 Случайные находки: 15 – Зобачевские; 16 – Егвинская; 17 – Саргинская; 18 – Юксеевская; 19 – Кочевские

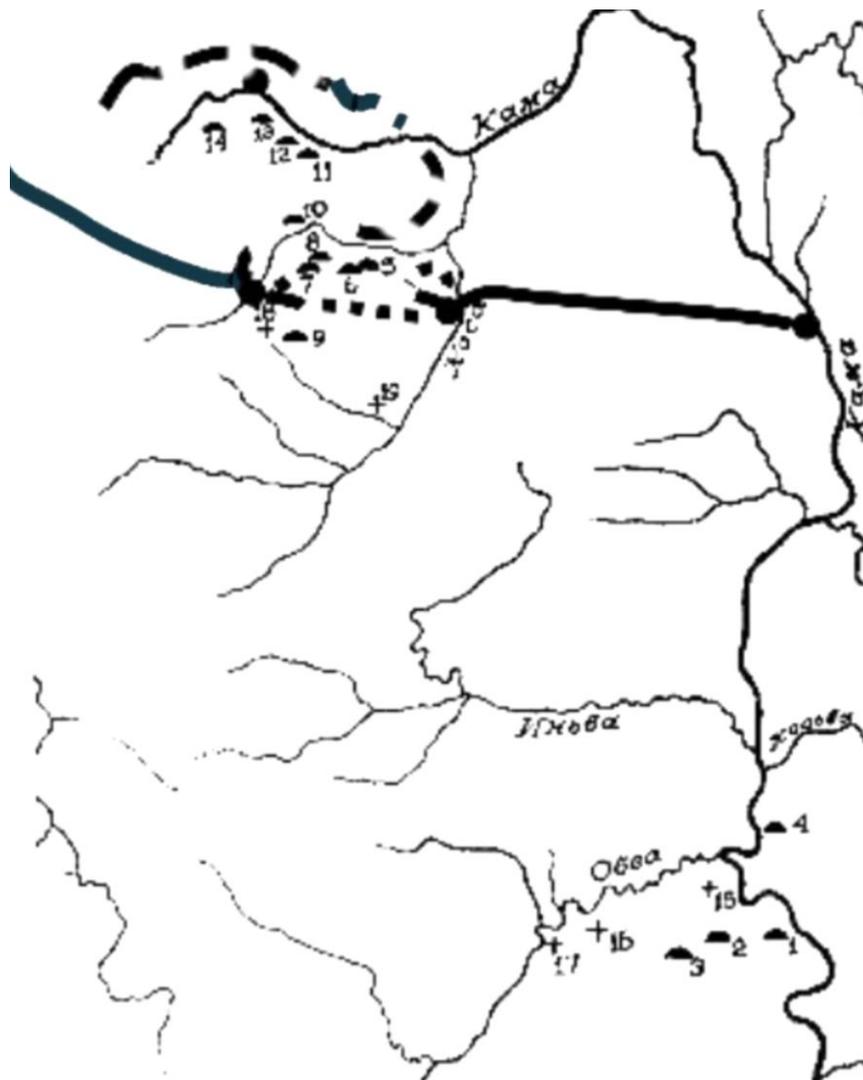

Рис. 3. Карта размещения курганных могильников северных кластеров харинской культуры на кайско-юксеевском маршруте (юксеевской тропе)

Пунктирная линия – волок (юксеевский); штрихпунктирная линия – путь от р. Лолог до местности вокруг пос. Харино; сплошная линия – кайско-юксеевский путь (юксеевская тропа от Соли Камской до Кая)

Прямая линия между современными населенными пунктами условна (в частности, между Соликамском и Юксеево), путь проходил по рекам и волокам; точки – Современные населенные пункты (Соликамск, Коса, Юксеево, Гайны)

УДК 902.2

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-172-179

А.В. Данич
**ДВА ИНТЕРЕСНЫХ МОМЕНТА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА,
ЗАФИКСИРОВАННЫХ В ПОГРЕБЕНИИ № 23 ПИТЕР
(СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА IX–XI вв.**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

В ходе исследований Питер (Степаново Плотбище) могильника в 2018 г. в погребении № 23 были зафиксированы два интересных момента погребального обряда, которые, как правило, не сохраняются ввиду того, что органические материалы в наших почвах сохраняются крайне редко. Под серебряной лицевой маской была зафиксирована подушечка из травы, которая располагалась под головой покойного. Также у западной стенки погребения зафиксирован фрагмент тонкого ремешка из лыка, которым был перетянут гроб снаружи.

Ключевые слова: подушечка, ремень, гроб, Питер (Степаново Плотбище) могильник, погребальный обряд.

A.V. Danich
**TWO INTERESTING MOMENTS OF THE FUNERAL RITE RECORDED
IN BURIAL NO. 23 PETER (STEPANOVO PLOT) BURIAL GROUND
OF THE IX–XI centuries**

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

During the research of the Peter (Stepanovo Plot) burial ground in 2018, two interesting moments of the funeral rite were recorded in burial No. 23, which, as a rule, are not preserved since organic materials in our soils are extremely rare. A cushion made of grass was fixed under the silver face mask, which was located under the head of the deceased. Also, at the western wall of the burial, a fragment of a thin leather strap was fixed with which the coffin was tied from the outside.

Keywords: pillow, belt, coffin, Peter (Stepanovo Plot) burial ground, funeral rite.

Вот уже семь месяцев, как нет с нами дорогого учителя, моего научного руководителя и наставника по жизни Андрея Михайловича Белавина. Иногда очень горько осознавать, что уже нельзя обратиться к Андрею Михайловичу, позвонить, встретиться с ним, поделиться своими успехами или неудачами, сомнениями, посоветоваться, услышать его мудрые советы, напутствия, замечания, да просто дружеский голос и его шутки.

Андрей Михайлович навсегда останется в сердцах всех своих многочисленных друзей, коллег и учеников. С любовью и благодарностью буду помнить прекрасного человека, доброго учителя, с печалью осознавая, одновременно, уход и прекрасного человека, и целой эпохи в пермской археологии. Его мудрость, личное обаяние и беззаветная преданность науке навсегда останутся в наших сердцах. Посвящаю эту статью его памяти.

Обнаружение артефактов из органических материалов – дерева, разнообразного текстиля, кожи – при проведении археологических раскопок является уникальным событием в силу недолговечности существования этих материалов в погребенном состоянии. Сохранность таких изделий обеспечивается геохимическими условиями почвы, в которых

они найдены, климатическими факторами. Для территории России практически идеальным консервантом является вода в различных своих проявлениях и фазах. Также в некоторых случаях изделия из органических материалов хорошо консервируют изделия из серебра и бронзы.

Питер (Степаново Плотбище) могильник находится у деревни Городище Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Данный могильник по праву можно отнести к одному из интереснейших памятников эпохи Средневековья Пермского Предуралья, который на протяжении ряда лет исследовался Камской археолого-этнографической экспедицией ПГГПУ под руководством А.В. Данича и Е.О. Святовой (Бочаровой) [Данич, 2021, с. 181–188].

Памятник расположен на правом берегу Камского водохранилища и занимает часть бывшей первой надпойменной террасы р. Камы, подвергшейся затоплению. Площадка, на которой он расположен, представляет собой подквадратный в плане полуостров, отделённый от основной материковой земли перешейком, затопляемым во время половодья. В 300 м к западу от полуострова проходит линия правого коренного берега р. Камы высотой до 40 м.

В результате шести экспедиций площадь вскрытой поверхности составила 763 м². Было исследовано 32 погребения, удалось проследить детали погребального обряда – формы и размеры могильных ям, устройство погребений, положение костяка, инвентаря и другие детали. Практически все черты обрядности находят полные аналогии в погребальных памятниках Пермского Предуралья.

Во время работ было выяснено, что все памятники археологического комплекса находятся в аварийном состоянии. Ежегодные разливы Камского водохранилища подмывают берега полуострова, на котором находится могильник. Из-за этого множество находок было обнаружено на пляже водохранилища. Часть из них лежала на поверхности, другие под небольшим (до 15 см) слоем песка. Вещи постоянно вымывались на поверхность прибоем и дождём. Состояние памятника способствовало расхищению предметов древности.

В 2018 г. на квадратах LXXXVI–LXXXVII/73–74 Раскопа V на материковом слое было зафиксировано погребение № 23 в виде пятна неправильной овальной формы. Погребение ориентировано по линии ЮЗ–СВ, зафиксировано на глубине -0,46 – -0,47 м от условного нуля раскопа. Его размеры 1,98 × 0,97 м, максимальная глубина -0,83 м от условного нуля раскопа. Дно ровное, стенки вертикальные.

Основная масса находок была сосредоточена в южной четверти погребения.

В южном углу погребения обнаружена:

1) бронзовая тонкая *монетовидная подвеска* на фрагменте кожи в виде неорнаментированной круглой пластины (рис. 1/1).

Подобные подвески широко встречаются на территории Пермского Предуралья и на р. Чепце в материалах X–XI вв. [Семёнов, 1980, табл. VI/15], в Больше-Тарханском могильнике [Генинг, Халиков, 1964, табл. XIV/15].

В юго-западной части погребения, в районе продольного профиля обнаружены:

2) *серебряная маска*, состоящая из двух частей – наглазника и наротника (рис. 1/2). Маска выполнена из тонкой серебряной фольги. По этой причине не удалось снять её с фрагмента доски, которая была составляющей крышки гроба. Зафиксирован только её отпечаток на этой доске и шёлке, который находился под ней. Под шёлком удалось проследить остатки «подушечки» из обычной полевой травы, которая располагалась под головой погребённого (рис. 3/1). Фрагменты деревянных досок из лиственницы [Внутримогильные конструкции ... , 2023, с. 146] располагались сверху и снизу маски, и являлись фрагментами дна и крышки гроба.

3) бронзовая *рамчатая пряжка* с дуговидным передним краем и прямоугольным задним. Ремень крепился прямо к кольцу при помощи двух бронзовых скобочек (рис. 1/3).

4) бронзовый *восьмигранный дровяный браслет* с прямо срезанными концами и тремя группами кружкового орнамента, расположенными на трёх верхних гранях (рис. 1/6).

Такие браслеты являются характерными для памятников Пермского Предуралья IX – начала XI в., известны в полемских могильниках IX–X вв. [Генинг, 1962, с. 42, табл. II/9; Иванов, 1998, рис. 19/9; Семёнов, 1980, табл. III/33–34; Семёнов, 1985б, рис. 3/1–2; Семёнов,

1985а, рис. 13/3], раннебулгарских могильниках IX–X вв. [Казаков, 1992, рис. 22/18; 62/1–2; 73/43], в курганах Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 44/8; 56/5]. Браслеты, продолжающие традиционные раннебулгарские изделия ломоватовского происхождения, известны на булгарских памятниках X–XI вв. [Казаков, 1991, с. 122; Хузин, 1999, рис. 7/7–8], в могильниках Марийского Поволжья [Архипов, 1973, с. 144, рис. 31]. Во второй половине XI в. они выходят из употребления.

У восточной стенки погребения располагался не потревоженный грабительскими раскопками кожаный пояс с подвешенным к нему ножом:

5) пояс с бронзовой пряжкой, 2 наконечниками ремня и 25 бронзовыми накладками на фрагментах меха (рис. 2/1).

Накладки представлены в поясе тремя типами:

– 9 квадратных орнаментированных накладок с вытянутым вдоль поперечной оси прямоугольным прорезом. Центральная часть накладки украшена геометрическим узором в виде буквы «V» и бордюром в виде имитации зерни. Накладки располагались на основном ремне;

– 8 бронзовых накладок в виде полумесяца с двумя горошинами по бокам. Располагались на свисающем окончании ремня. На ремне крепились вплотную друг к другу. Подобные накладки получили распространение в Пермском Предуралье с IX в.

В Пермском Предуралье аналогичные накладки известны на Рождественском [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200/34] и Баяновском I, могильниках (раскопки А.В. Данича), Саламатовском городище [Абдулова, 2016, рис. 4/76].

Аналогичные накладки известны в курганах Бекешевского и Бекешевского II могильников Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 15/6, 12; 30/7; 32/1г; 34/38], в погребениях 54 и 144 IX–X вв. Варнинского могильника [Семёнов, 1980, табл. XIII/2, 4], в Омутницком могильнике IX–XII вв. [Семёнов, 1985б, рис. 5/35], в п. 1 Кочергинского могильника [Талицкий, 1940, табл. 1, 1а], на Измерском I селище [Казаков, 1991, с. 138], в погр. 7 Юмского могильника и погр. 3 Черемисского кладбища [Никитина, 2023, с. 132, рис. 90, 52], в погребениях 7 и 47 Больше-Тиганского могильника середины – второй половины IX в. [Халикова, Халиков, 2018, рис. 7, табл. XXXIII/9], в печенежских древностях среднего Днепра [Комар, 2018, рис. 87/2], в погр. 2 комплекса Тортоба в Западном Казахстане [Бисембаев, 2018, рис. 10/6–9, 17, 125/5];

– 7 бронзовых накладок в виде соединенных трёх горошин. Три гладкие полушария образуют фигуру в виде полумесяца, крепление на шпёнках. Располагались на декоративных ремешках, прикрепленных в прорези квадратных накладок, описанных выше.

В Пермском Предуралье аналогичные накладки найдены на Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 200/38], Баяновском I, могильнике (раскопки А.В. Данича).

Подобные накладки известны на Большетиганском могильнике IX–X вв. [Казаков, 1992, рис. 20/53], в курганах Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 18/2к], в материалах IX–X вв. Варнинского могильника [Семёнов, 1980, табл. XIII/3], на Кичилькосьском II могильнике [Савельева, 1987, рис. 36/26];

– 1 небольшая бронзовая накладка в виде лилии. Располагалась на основном ремне недалеко от пряжки.

Маленькие декоративные ремешки с накладками в виде трёх соединенных горошин заканчивались небольшими бронзовыми наконечниками ремня с геометрическим орнаментом, приострѐнным передним краем и прямым задним.

Ремень скреплялся при помощи бронзовой рамчатой пряжки с дуговидным передним краем и прямоугольным задним. Ремень крепился прямо к кольцу при помощи двух бронзовых заклѐпок.

Фрагменты деревянных досок находились как над поясом, так и под ним. Они представляют из себя остатки дна и крышки гроба. Под нижними досками прослежена перевязь гроба лыком (рис. 4).

б) бронзовая привеска с привеской в виде капельки (рис. 1/5).

В Пермском Предуралье аналогичные привески известны на Чашкинском II селище [Археологические памятники ... , 2014, рис. 174/6–7], могильнике Запоселье [Археологические памятники ... , 2014, рис. 230/8], Баяновском I, могильнике (раскопки А.В. Данича).

7) *нож в деревянных ножнах* на подвесе из 4 бронзовые цельнолитые *бусины* с неорнаментированным краем (рис. 2/2).

В западной части погребения, отдельно от всей массы находок располагалась:

8) *обкладка сосуда (?)* в виде свёрнутой в виде буквы «П» бронзовой пластины (рис. 1/4).

Таким образом, по итогу работ в погребении № 23 Питер (Степаново Плотбище) могильника было зафиксировано 2 интересных момента погребального обряда, которые фиксируются в Пермском Предуралье впервые – это травяная подушечка под головой погребённого и крепление гроба стяжками-ремнями из лыка.

Подушка, которую кладут в гроб, – обязательный атрибут любых похорон. На такую подушку возложена не только эстетическая миссия. Она выполняет такую важнейшую функцию, как фиксация головы покойного в одном положении. У человека, уложенного навзничь на ровное плоское основание, затылок опускается, и голова оказывается значительно ниже передней поверхности туловища, так что при поднятом вверх подбородке челюсти размыкаются. У живого человека даже во сне некоторые мышцы остаются в напряжении, а после кончины все мускулы, в том числе и лицевые, расслабляются. В результате рот покойника открывается и смотрится это неприглядно. Иногда важную роль подушечки в гробу объясняют необходимостью расположить голову умершего выше края гроба. В этом случае каждый из присутствующих с разных сторон будет иметь возможность лицезреть почившего. Таким образом, скорбящие смогут зафиксировать свой взгляд на усопшем.

Размер подушечки, которую кладут в гроб, заметно меньше обычной спальной подушки. Материал, из которой сделана подушечка, должен быть настолько мягким и настолько плотным, чтобы голове усопшего можно было придать недвижимое положение. Наполнитель должен быть в меру упругим и мягким. При излишней мягкости голова может осесть в центр изделия. В древние времена в качестве набивки использовали сухие листья, траву, солому, сено, листья от веника. Также популярными были волосы или деревянная стружка.

Часто при археологических работах в погребениях мы фиксируем тот факт, что челюсти погребённых сомкнуты, нижняя челюсть стоит на основании (иногда слегка завалившись набок), это позволяет предполагать наличие подушки под головой. Только данный погребальный артефакт никогда не сохраняется в силу того, что представлял из себя предмет из органических материалов. Данный случай, когда она сохранилась, уникален. Размер сохранившейся части подушечки 14,5 × 13,5 см. В древности размер подушечки был немного больше. Сохранился лишь тот фрагмент подушечки, которую законсервировала серебряная маска. Трава не просто лежала под погребённым в хаотичном порядке, а представляла из себя специально изготовленное изделие с горизонтальным перехватом из такой же травы в верхней части, который фиксировал подушечку от распада. Вероятно, такой же перехват был и в нижней части подушечки. Подушечка сложена из полевой травы в несколько слоёв.

Во время археологических раскопок могильников достаточно часто встречаются деревянные фрагменты гробов. Как показали исследования остатков древесины из 8 хронологически разных могильников Пермского Предуралья, гроб обычно делался: из кедра (погр. 62 Митинского могильника (к. VII–VIII вв.)), кедра (погр. 7) и лиственницы (погр. 3, 6 Запосельского могильника (VIII–XI вв.)), березы – ? (погр. 47 Редикорского могильника (IX–XI вв.)), кедра (погр. 360, 365, 367) и лиственницы (погр. 434 Баяновского I могильника (IX – перв. пол. X в.)), лиственницы (погр. 23 Питер (Степаново Плотбище) могильника (IX–XI вв.)), кедра (Антыбарский могильник (XII–XIV вв.)), липы (погр. 37) и кедра (погр. 165, 178 Плотниковского могильника (XII–XV вв.)), лиственницы (погр. 1) и кедра (погр. 5 кладбища г. Соликамск (XVII–XVIII вв.)) [Внутримогильные конструкции ... , 2023, с. 146–150].

В отличие от деревянных элементов гроба, в погребениях никогда не встречаются элементы крепления крышки гроба к гробу (гвозди и т.п.). В связи с этим стоит предположить, что крышка крепилась к основе при помощи перевязи из органических материалов, например, веревок.

Данный факт и удалось зафиксировать в погребении 23 могильника Питер (Степаново Плотбище), в котором была зафиксирована перевязь из полоски лыка в два оборота. Ширина ремня – 15 мм. Переход от дна к боковой стенке скруглённый, это может отражать то, что это не были доски, скреплённые под прямым углом, а вероятнее всего, конструкция в виде колоды с плоским дном.

Лыко – луб молодой липы и некоторых других лиственных деревьев, например, вяза и ивы. Лыко широко применяется для плетения. Из луба более старых деревьев заготавливают мочало, идущее на изготовление грубых изделий – рогожи, канатов, решёт.

Заготавливали лыко весной – в эту пору в лесу срубались молодые деревья. Обрубив ветви срубленного дерева, начинали драть лыко, имеющее вид полос. Внутреннюю часть коры, снятой с липы, подвергали особой обработке – размачивали в воде для придания материалу необходимой гибкости. Лыко, размоченное в воде, не ломалось и могло сгибаться в любую сторону.

По-видимому, аналогичный вариант обвязки гробовища зафиксирован в погребении № 355 Баяновского I, могильника в Добрянском городском округе Пермского края (раскопки А.В. Данича). В данном погребении зафиксированы 2 железные застёжки для фиксации ремней (рис. 2/3). Они располагались на боковых сторонах гроба. Один ремень скреплял гроб по краю, немного выше головы, второй – в районе пояса. Вероятно, был и третий ремень, который скреплял гроб в области ног, но не имел железной застёжки.

Библиографический список

1. *Абдулова С.И.* Противоаварийные исследования Саламатовского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края. Пермь : ПГГПУ, 2016. С. 10–35.
2. *Археологические памятники Чашкинского озера* / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.М. Белавин, С.В. Скорнякова. Пермь : ПГГПУ, 2014. 565 с.
3. *Архипов Б.А.* Марийцы IX–X вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 1973. 200 с.
4. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : ПГПУ, 2008. 603 с.
5. *Бисембаев А.А.* К вопросу о древневенгерских памятниках в Западном Казахстане (A nyugat-kazahsztáni korai magyar leletek kérdéséről) // III Международный мажарский симпозиум по археологии. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. (3. Nemzetközi Korai Magyar Történelmi és Régészeti Konferencia. Budapest, 2016. június 6–10). Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 12. Magyar Őstörténelmi Témacsoport Kiadványok 6 / ред. : А. Türk, А.С. Зеленков. Budapest, 2018. С. 149–172.
6. *Внутримогильные конструкции в погребальной обрядности средневекового населения Пермского Предуралья (опыт определения древесины методом сканирующей электронной микроскопии)* / А.Р. Смертин, П.А. Иванов, О.Ю. Каменщиков и др. // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 142–155.
7. *Генинг В.Ф.* Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ. Вып. 3. Свердловск : УрГУ, 1962. С. 7–111.
8. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние булгары на Волге. М. : Наука, 1964. 200 с.
9. *Данич А.В.* Некоторые итоги исследований Питер (Степаново Плотбище) могильника IX–XI вв. в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа // Музейное наследие. Диалог времён : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Коми-Пермяц. краевед. музея им. П.И. Субботина-Пермяка и 135-летию П.И. Субботина-Пермяка (г. Кудымкар, 17–19 нояб. 2021 г.). Кудымкар-Пермь : Коми-Пермяц. краевед. музей им. П.И. Субботина-Пермяка, 2021. С. 181–188.
10. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998. 308 с.

11. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань : Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.
12. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М. : Наука, 1992. 335 с.
13. Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции (A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei). *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 11. Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 5. Napkút Kiadó, Ómúltunk Tára 14 / ред.: А. Türk, D. Budai. Budapest, 2018. 424 с.
14. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 164 с.
15. Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. Будапешт, 2023. 228 с.
16. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л. : ЛГУ, 1987. 200 с.
17. Семёнов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. Ижевск : НИИ при СовМинУдАССР, 1980. С. 5–135.
18. Семёнов В.А. Городище Весья-Кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии, 1985а. Устинов.
19. Семёнов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов : НИИ при СовМинУАССР, 1985б. С. 92–118.
20. Талицкий М.В. Кочергинский могильник // Археологические памятники Урала и Прикамья. Материалы и исследования по археологии СССР 1 / ред. П.Н. Третьяков. М. ; Л., 1940. С. 159–168.
21. Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань, 2018. 144 с.
22. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань и проблемы её возникновения // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань, 1999. С. 196–226.

Рис. 1. 1–6 – вещевой материал погребения № 23 Питер (Степаново Плотбище) могильника

Рис. 2. 1–2 – вещевой материал из погребения № 23 Питер (Степаново Плотбище) могильника;
3 – железные застёжки из погребения № 355 Баяновского I, могильника

Рис. 3. 1 – травяная подушечка из погребения № 23 Питер (Степаново Плотбище) могильника

Рис. 4. Обвязка гроба из лыка. Погребение № 23 Питер (Степаново Плотбище) могильник

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-180-186

В.Н. Кузнецова
ОДНОЙ ЦЕПЬЮ: НАХОДКИ ПРЯМОУГОЛЬНЫХ ЗВЕНЬЕВ
НА ТЕРРИТОРИИ РУСИ И ВОЛГО-КАМЬЯ XII–XIII вв.*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

В археологических памятниках XII–XIII вв., а также среди случайных находок периодически встречаются массивные прямоугольные звенья, выполненные из сплавов на основе меди. Были найдены как отдельные находки звеньев, так и цепочки из 2–5 экземпляров, соединенных кольцами. Долгое время эти изделия считались деталями поясов и ассоциировались с культурой мери. В рамках данной статьи было учтено более 30 находок, происходящих с территории Северо-Запада и Северо-Востока Древней Руси, Пермского и Удмуртского Предуралья, земель Перми Вычегодской, Волжской Болгарии и Западной Сибири. На сегодняшний день нет оснований связывать находки звеньев или составленных из них цепей с деталями поясов. Вероятно, они служили для крепления как украшений, так и функциональных предметов. Изделия выполнены в синкретичном стиле: северо-западная форма сочетается с волго-уральским декоративным решением.

Ключевые слова: звенья, цепи, подвески, костюм, убор, Пермское Предуралье, Древняя Русь, синкретичный стиль.

V.N. Kuznetsova
ONE CHAIN: FINDS OF RECTANGULAR LINKS IN THE TERRITORY
OF RUS AND VOLGA-KAMYE IN THE 12th–13th CENTURIES

Institute of the History of Material Culture, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Massive rectangular segments made of copper-based alloys are periodically found in archaeological sites of the XII–XIII centuries, as well as among random finds. Both singular segments and chains of two to five segments connected by rings were found. For a long time, these items were considered details of belts and were associated with the Merya culture. Within the framework of this article, more than 30 finds from the territory of the North-West and North-East of Ancient Russia, the Perm and Udmurt Urals, the Vychehad lands, Volga Bulgaria and Western Siberia were taken into account. There is no reason to associate rectangular segments or chains made up of them with belt details, they probably served to attach both jewelry and functional items. The products were made in a syncretic style: The northwestern shape was combined with the Volga-Ural decorative solution.

Keywords: segments, chains, pendants, Perm Ural region, Ancient Rus, syncretic style.

Вместо предисловия... От берегов Ладоги до Пермских лесов две тысячи километров... Мы можем лишь гадать, какие отношения были у средневекового населения Северо-Запада и Северо-Востока: торговцев, ювелиров, безымянных авторов Пермского звериного стиля, северных красавиц Прибалтики и Предуралья... Но точно знаем, что значит Пермь для петербургских археологов...

© Кузнецова В.Н., 2024

* Исследование проводилось в рамках программы «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний»)» (FMZF-2025-0011).

Благодаря силе, энергии, харизме Андрея Михайловича что-то произошло с законами физики, и две тысячи километров между Петербургом и Пермью сократились, а мы обрели гораздо большее, чем просто сотрудничество ИИМК РАН и ПГГПУ и совместное воспитание научных кадров. Когда дружба и теплые отношения сопровождают научные проекты, происходит настоящее волшебство.

Каждый приезд Андрея Михайловича в Петербург, с семьей и учениками, становился научным событием: обсуждением новой концепции или совместного проекта, и большим праздником. Кажется, в огромном сердце серьезного профессора находилось место для всех.

Говоря о культурных связях, изучение и создание которых было так важно в жизни Андрея Михайловича, кажется, весьма символично писать о находках, которые маркируют контакты населения лесной зоны Восточной Европы.

В эпоху Средневековья схожие, а подчас однотипные украшения порой встречались на территории от Приладожья до Приобья. Появление некоторых из них можно связать с распространением импортов. Однако отнюдь не все разновидности находок получили однозначную интерпретацию с точки зрения культурной принадлежности. В этой связи обращает на себя внимание такая категория находок, как *массивные прямоугольные звенья*. Они происходят из археологических памятников XII–XIII вв. Северо-Запада и Северо-Востока Древней Руси, Волго-Камья и Западной Сибири (*рис. 1, 2*). Известны как отдельные находки звеньев, так и цепочки из двух-пяти экземпляров, соединенных кольцами.

Изделия выполнены из сплавов на основе меди. Состав металла известен для единичных находок, но, судя по серебристому цвету, некоторые отличаются высоким содержанием олова. Примечательно оформление звеньев: они представляют собой рельефную пластину с крупными петлями на концах, отверстия которых обычно расположены перпендикулярно плоскости (реже в одной плоскости). Центральная часть украшения оформлена рельефными и гладкими жгутами, часто встречается имитация «косичек». Края изделий иногда выпуклые – в форме валиков с насечками. Некоторые экземпляры дополнены по бокам петлями для шумящих привесок.

На сегодняшний день автору известно более 20 единичных находок звеньев:

случайная находка из Старой Ладogi²⁸ (*рис. 1: 1*), по одному экземпляру с городищ Пасо в Карелии [Кочкуркина, 2017, рис. 33: 8] (*рис. 1: 2*) и Унжа в Костромской области [Щербаков, 2017, рис. 4: 14] (*рис. 1: 18*). Ряд звеньев происходит из северорусских земель: Белоозера (6 экз.) [Захаров, 2004, с. 191, рис. 102: 1–6], могильников Нефедьево (погр. 68) [Макаров, 1997, табл. 148, 6], Кузомень I, Юмижского [Ясински, Овсянников, 1998, рис. 4, 1–2, рис. 37, 7] (*рис. 1: 3–8, 10–13*); земель Волжской Болгарии: 4 экземпляра представлены в подъемном материале Мурзихинского селища в Татарстане [Руденко, 2015, рис. 104: 23–25; рис. 105: 37] (*рис. 1: 25–28*). Они также выявлены в бассейне р. Чепцы (бывшего Глазовского уезда, Гурдошурского поселения) [Иванов, 1998, рис. 57: 9–10] (*рис. 1: 23–24*), в Пермском Предуралье (2 из 5 происходят с Мало-Аниковского могильника и Вакинского селища) [Вострокнутов, 2020, рис. 76: 1–2, рис. 77: 1–2] (*рис. 1: 29–33*). Известны находки из Ыджыдзельского [Савельева, Истомина, Королев, 1997, рис. 20, 29] и Кичилькосьского I [Савельева, 2019, с. 107, рис. 22: 48] могильников в республике Коми (*рис. 1: 20, 22*).

Цепи из нескольких деталей происходят из костромских курганов (*рис. 1: 14–17*), из погр. 6 могильника Нефедьево 1А на р. Иткла XII в. [Макаров, 1990, с. 167] (*рис. 1: 9*), из могильника Шойнаты II XI–XII вв. на р. Вычегде [Королев, 2013, рис. 28, 13] (*рис. 1: 19*), из Пермского Предуралья (2 экз., один из села Большая Коча, второй без адреса) [Вострокнут-

²⁸ СЛМЗ КП-96068 А-18477. Случайная находка, обнаружена на левом берегу р. Волхов к югу от Успенского монастыря в Старой Ладогe.

тов, 2020, рис. 75, 76: 3] (*рис. 1: 34*) из городища Шеркалы 1/2 в Нижнем Приобье [Морозов, Пархимович, с. 27, рис. 2: 3] (*рис. 1: 35*). Находка из Ыджедъельского могильника в республике Коми, состоящая из двух звеньев с петлями для привесок, несколько отличается от прочих (*рис. 1: 21*), орнамент имеет горизонтальную ориентацию, а сама продолговатая форма, слегка сужающаяся к концам, схожа с находкой с городища Паасо (*рис. 1: 2*).

Цепи из Костромского Поволжья были найдены в к. XIX в. и, соответственно, введены в научный оборот в числе первых. Но контекст известен только для одного изделия из раскопок В.Д. Нефедова (ГЭ 1043/203), оно происходит из кургана 2 Пустоши Мостицево (Костромская губ., Кинешемский у.). Звенья с гладкими краями составляли цепочку, к которой крепился арочный игольник: «на груди цепочка бронзовая, по концам ее колокольчики и бляшка» [Нефедов, 1899, с. 216] (*рис. 1: 17*). Две другие цепи были отмечены в публикации дневников Н.М. Бекаревича и материалах, поступивших в Императорскую археологическую комиссию [Бекаревич, 1901, с. 380–382, 413; РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 60об]. Одно изделие происходит из курганов у д. Гоменка, которые «были разрыты крестьянином <...> Василием Петровым» [Бекаревич, 1901, с. 380], Другое из кургана 8 у с. Покров, раскопанного одним из местных жителей [Бекаревич, 1901, с. 413]. Соответственно «разрытые» комплексы не позволяют составить полноценное представление о контексте находки и размещении ее на костяке. Тем не менее, по всей вероятности, именно эти находки повлияли на восприятие этой разновидности металлопластики.

Н.М. Бекаревичем находки из курганов у д. Гоменка и с. Покров были интерпретированы как «бронзовые части от пояса», «часть массивного поясного набора» [Бекаревич, 1901, с. 382, 413]. В дальнейшем в интерпретации цепей произошла своего рода «цепная реакция». Вслед за Н.М. Бекаревичем, Е.И. Горюнова рассматривала данные находки как пояса, она писала «в могилах, принадлежавших, видимо, особо почитаемым лицам, можно встретить богато украшенные поясные наборы <...> и даже целиком серебряные *пояса, сделанные из соединенных кольцами отдельных звеньев, подражающих проволочной технике* (курсив – В.К.)» [Горюнова, 1961, с. 243]. В дальнейшем, со ссылкой на данное исследование, уже находки с территории республики Коми интерпретировались в качестве поясов и их деталей Э.А. Савельевой, Т.В. Истоминой и К.С. Королевым [Савельева, Истомина, Королев, 1997, с. 640, рис. 20, 28–29; Королев, 2013, с. 9]. В свою очередь, вымские материалы послужили основанием для интерпретации в качестве поясной гарнитуры находок с Мурзихинского селища [Руденко, 2015, с. 139] и городища Шеркалы [Морозов, Пархимович, с. 27, рис. 2: 3].

Е.А. Рябинин сомневался в принадлежности изделий из костромских курганов к поясной гарнитуре, указывая на депаспортизованность находок, а также на наличие петель с шумящими привесками, «*их расположение могло быть целесообразным только при вертикальном, а не горизонтальном, как для пояса, ношении самого набора*» [Рябинин, 1986, с. 72]. В могильнике Нефедьево 1А цепочка из звеньев с выпуклыми краями зафиксирована *in situ* в погребении 6, принадлежавшем зрелой женщине. Изделие находилась в области живота погребенной справа [Макаров, 1990, с. 167]. Н.А. Макаров писал о том, что назначение цепочки не вполне понятно и относил его к «*кругу восточнофинских древностей*» [Макаров, с. 78]. С.Д. Захаров, говоря о белозерских находках, полагал, что «*одиночные и сдвоенные звенья могли употребляться для ношения поясных и нагрудных подвесок*» [Захаров, 2004, с. 191]. А.В. Вострокнутов обозначил изделия из Пермского Предуралья как «*пластинчатые сегменты сборных украшений*» и отмечал, что «*эти изделия должны были располагаться вертикально*» [Вострокнутов, 2020, с. 107].

Автор данной статьи поддерживает мнение Е.А. Рябининой, С.Д. Захарова и А.В. Вострокнутова: на сегодня нет оснований считать находки отдельных звеньев/сегментов или составленных из них цепей деталями поясов (элементами составных поясных украшений – возможно). Экземпляры из Нефедьево 1А и Гоменки дополнены колечками с одного конца, которые вряд ли можно связать с конструктивными особенностями пояса, очевидно, они исполняли роль петель для шумящих привесок. Возможность использования

звеньев для крепления как украшений, так и функциональных предметов, иллюстрирует находка из кургана 2 пустоши Мостищево (Костромская губ., Кинешемский у.) в Костромском Поволжье [Рябинин, 1986, с. 72], о которой речь шла выше.

А.В. Вострокнутов отмечает, что «такие украшения не свойственны верхнекамскому костюму, как, впрочем, и вымскому, из памятников которого происходят ближайшие аналогии» [Вострокнутов, 2020, с. 107]. На мой взгляд, не только данная разновидность украшений, а в целом сама форма – металлической цепи для подвешивания – не характерна для убора населения Волго-Камья. Напротив, разнообразные цепи: как с проволочными, так и с литыми звеньями, часто встречались в средневековом костюме населения Северо-Запада Руси и Прибалтики [Рябинин, 1997, рис. 27, 9; Рябинин, 2001, табл. XLI, 16; Спицын, 1896, табл. VI, 4–7, 24; VII, 21–22; Latvijas PSR Arheoloģija, 1974, tab. 56].

В то же время, декор изделий вызывает устойчивые ассоциации со стилистикой изделий, типичных для Волго-Уральского региона. Центральная часть звеньев, украшенная косоплетками и витыми жгутами, напоминает оформление разнообразных волжско-финских изделий, и, вероятно, является подражанием наборной технике. Массивные валики, встречающиеся по краям и (реже) в центральной части ряда изделий, характерны для различных изделий родановской культуры, например, биякорьковых подвесок.

А.М. Белавин выделял круг изделий из Пермского Предуралья, принадлежащий «к древностям мери, муромы, мещеры, мари <...> выполненные с использованием гладкой проволоки и «косоплетки» [Белавин, 2000, с. 145]. В фундаментальной монографии «Камский торговый путь» на таблицах с рисунками соседствуют и оригинальные волжско-финские импорты, и украшения, возникшие в результате взаимодействия культур [Белавин, 2000, рис. 76–79]: «Следует отметить, что приток вещей из косоплетки в Предуралье начался в IX в. Вероятно, появление в XI–XIII вв. предуральских изделий с косоплеткой и ее литой имитацией связаны с этим этнокультурным влиянием и миграцией финского населения [Белавин, 2000, с. 145].

И в поволжских, и в прикамских украшениях встречается схожий набор декоративных элементов – волюты, косоплетки, рельефные жгуты и пр. Подчас археологам для того, чтобы разграничить местные и импортные изделия, приходится обращаться к таким определениям как более/менее массивный. Впрочем, в XII–XIII вв. взаимопроникновение ремесленных и изобразительных традиций (как минимум, в рамках литейного ремесла) оказывается гораздо шире – оно охватывает также земли Древней Руси. В XII–XIII вв., с одной стороны, увеличивается количество находок, маркирующих контакты с Волго-Уральским регионом, с другой, многие из них – конические, треугольные подвески и пр. – уже не выглядят как инокультурный элемент в древнерусском уборе. Изначально импортные изделия в какой-то момент становятся основой для появления синкретичных украшений.

К таковым относятся и прямоугольные звенья, рассматриваемые в этой статье: северо-западная форма сочетается с волго-уральским декоративным решением. На сегодняшний день едва ли возможно говорить о едином центре производства. Изделия весьма вариативны, а число находок сравнительно невелико (вероятно, эти предметы не имели массового распространения). Помимо косоплеток и рельефных жгутов следует обратить внимание на оформление петли для подвешивания/соединения – двумя – четырьмя валиками. Аналогичный прием (наряду с косоплетками, жгутами, волютами и пр.) представлен в игольниках с арочной ажурной спинкой, на многих треугольных подвесках и других изделиях [Кузнецова, Стасюк, 2021, рис. 7: 2–4, 8–11, рис. 8: 3, 4. 9], которые ранее рассматривались автором в рамках синкретичного «чудского» стиля [Кузнецова, 2019, 2020].

Некоторые украшения XII–XIII вв., встречающиеся на территории от Северо-Запада Древней Руси до Предуралья и Западной Сибири, представляют собой интересный феномен – в одном изделии соединяются формы и декоративные приемы различных культур. Таким образом, эти находки выступают материальным свидетельством контактов между далекими землями и различными народами.

Библиографический список

1. *Бекаревич Н.М.* Дневники раскопок курганов, произведенных Членами Комиссии в 1895–1899 гг., под руководством Непременного Члена Комиссии Н.М. Бекаревича // Костромская старина : сборник, издаваемый Костромскою губернской архивной комиссией. Вып. 5. / под ред. Чл. КГУАК В.А. Соколова. Кострома : Типо-литография А. Азерского. Русина ул., д. Жукова, 1901. С. 303–462.
2. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
3. *Вострокнутов А.В.* Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв. н. э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. СПб. : Маматов, 2020. 328 с.
4. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М. : Индрик, 2004. 592 с.
5. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 309 с.
6. *Королев К.С.* Предки коми-зырян на Средней Вычегде (XI–XIV вв.). Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2013. 92 с.
7. *Кочуркина С.И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2017. 280 с.
8. *Кузнецова В.Н.* Древнерусские игольники с арочной ажурной спинкой // Археологические вести. 2020. Вып. 28. С. 334–345.
9. *Кузнецова В.Н.* Ювелирные изделия XII–XIII вв. в синкретичном «чудском» стиле // Археология и история Пскова и Псковской земли : материалы 64 заседания семинара им. акад. В.В. Седова. Псков, 2019. С. 300–313.
10. *Кузнецова В.Н., Стасюк И.В.* Средневековые ювелирные изделия Волго-Камья на территории Восточно-Балтийского региона // Археологические вести. 2021. Вып. 31. С. 227–251.
11. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. : по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М. : Скрипторий, 1997. 368 с.
12. *Макаров Н.А.* Население русского севера в XI–XIII вв. : по материалам могильников восточного Прионежья. М. : Наука, 1990. 216 с.
13. *Морозов В.М., Пархимович С.Г.* Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 1997. Вып. 1, № 7. С. 17–34.
14. *Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // МАВГР. 1899. Т. III. С. 161–236.
15. *Руденко К.А.* Исследования IV Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 г. Казань : Казанская недвижимость, 2015. 400 с.
16. *Рябинин Е.А.* Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 260 с.
17. *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л. : Наука, Ленингр. отд., 1986. 160 с.
18. *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей : историко-археологические очерки. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 260 с.
19. *Савельева Э.А.* Кичилькосьский I могильник XI–XIII вв. Сыктывкар : Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2019. 232 с.
20. *Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С.,* 1997. Пермь вычегодская (XI–XIV вв.) // Археология Республики Коми. М., [Б. г.]. С. 561–650.

21. *Спицын А.А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского. СПб. : Типогр. Главного управления уделов, 1896 (МАР. № 20). 124 с.

22. *Щербаков В.Л.*, Археологические исследования летописной Унжи 2014–2015 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара. Вып. 7. М. : ИА РАН, 2017. С. 110–122.

23. *Latvijas PSR Arheoloģija.* Rīga : Zinātne, 1974. 290 p.

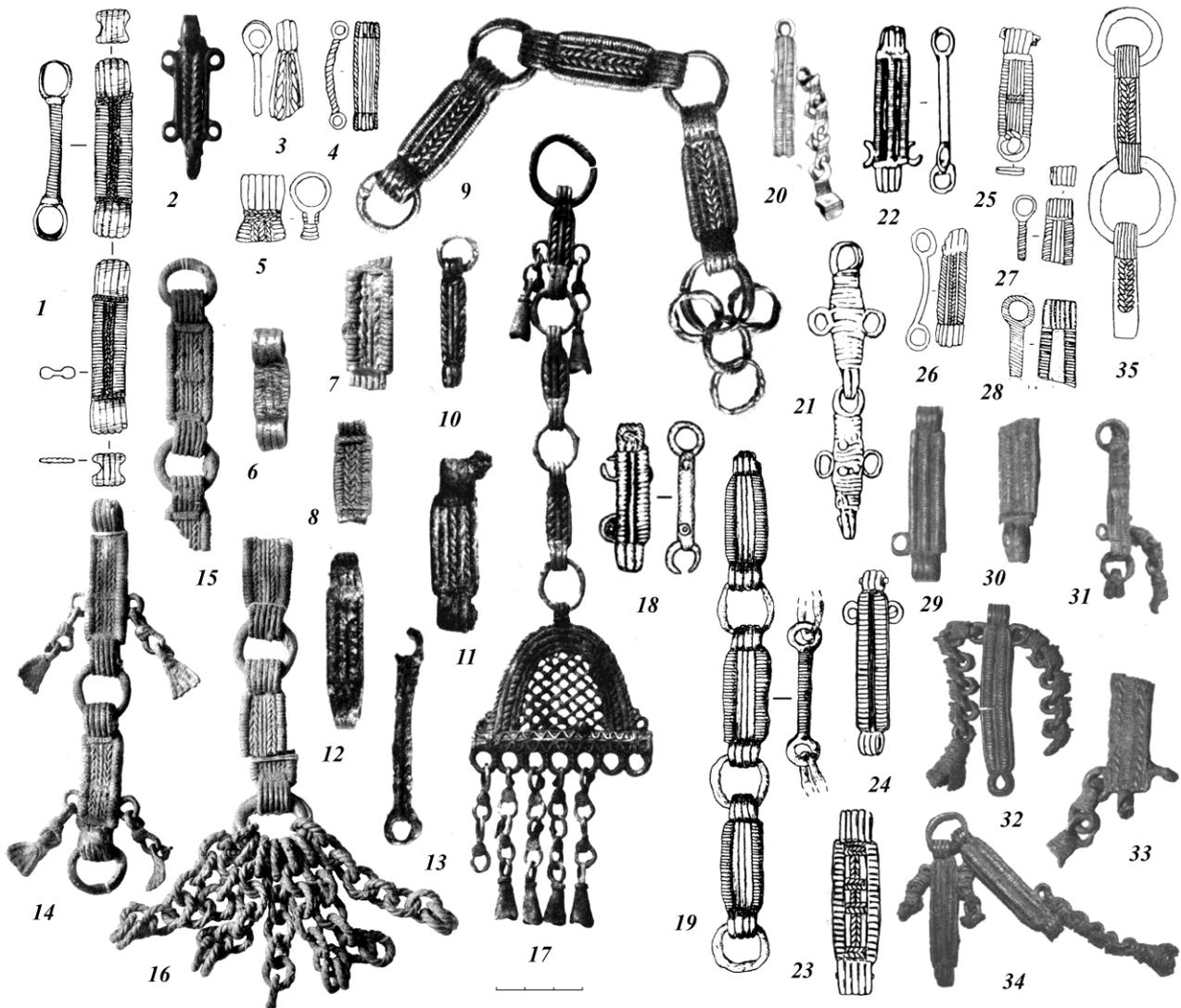

Рис. 1. Прямоугольные звенья:

1 – Старая Ладога (СЛМЗ КП-96068 А-18477); 2 – Паасо, по: [Кочкуркина, 2017, рис. 33: 8]; 3–8 – Белоозеро, по: [Захаров, 2004, рис. 102, 1–6]; 9 – Нефедьево 1А погр. 6, по: [Макаров, 1990, табл. XXII, 7]; 10 – Нефедьево, погр. 68, по: [Макаров, 1997, табл. 148, 6]; 11 – Юмижский мог., по: [Ясински, Овсянников, 1998, рис. 37, 7]; 12–13 – Кузомень I [Ясински, Овсянников, 1998, рис. 4: 1–2, рис. 37: 7]; 14–16 – Гоменка, по: [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 60об]; 17 – Пустошь Мостищево, по: [Нефедов, 1899, табл. 2: 1]; 18 – Унжа, по: [Щербаков, 2017, рис. 4: 14]; 19 – Шойнаты II, по: [Королев, 2013, рис. 28: 13]; 20 – Кичилькосьский I мог., по: [Савельева, 2019, рис. 22: 48]; 21–22 – Ыджыдзьельский мог., по: [Савельева, Истомина, Королев, 1997, рис. 20: 28–29]; 23 – Глазовский уезд, по: [Иванов, 1998, рис. 57, 9]; 24 – Гурдошурское поселение, по: [Иванов, 1998, рис. 57, 9–10]; 25–28 Мурзихинское селище, по: Руденко, 2015, рис. 104: 23–25; рис. 105: 37]; 29–34 – Пермское Предуралье, по: [Вострокнутов, 2020, рис. 76–77]; 35 – Шеркалы [Морозов, Пархимович, с. 27, рис. 2: 3]

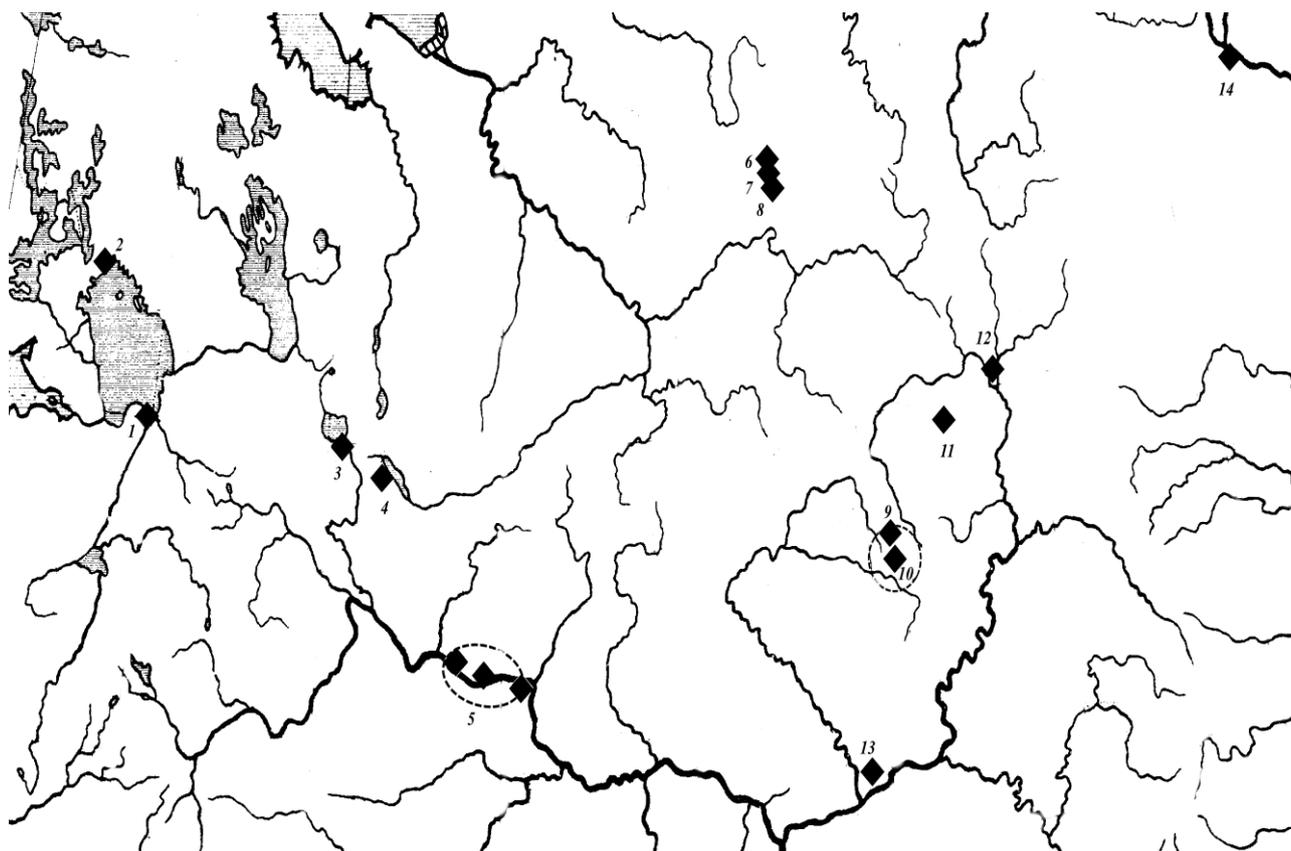

Рис. 2. Карта находок прямоугольных звеньев:

1 – Старая Ладога; 2 – городище Паасо; 3 – Белоозеро; 4 – Нефедьево; 5 – Костромские курганы; 6 – Кичилькосьский мог.; 7 – Ыджыдзельский мог.; 8 – Шойнаты; 9 – Глазовский уезд; 10 – Гурдошур; 11 – Большая Коча; 12 – Мало-Аниково; 13 – Мурзихинское селище; 14 – Шеркалы

УДК 902, 001.814

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-187-195

Ю.А. Подосёнова^{1,3}, Е.Л. Лычагина^{1,2}, Н.Б. Брюхова^{1,3}, Н.С. Смертина¹
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА
ТЕПЛОУХОВЫХ: ЗАПИСИ АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА ТЕПЛОУХОВА
(по материалам архива ИИМК РАН)*

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

²Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ

³Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, РФ

В статье оценивается информационный потенциал дневника Теплоуховых с точки зрения возможности его использования современными исследователями. Дневник являлся неотъемлемой частью знаменитой археологической коллекции А.Е. и Ф.А. Теплоуховых и велся с 1867 по 1904 г. отцом и сыном Теплоуховыми. Дневник хранится в Архиве ИИМК РАН и состоит из 22 тетрадей (общим объемом более 700 страниц).

Всего в ходе работ в 2023–24 гг. авторами было проанализировано 13 тетрадей дневника. Это та часть дневника, которая велась Александром Ефимовичем Теплоуховым. Вся полученная информация была поделена на несколько разделов: сведения о местах находок и причинах разрушения культурного слоя, описание наиболее значимых и редких вещей, описание массового материала, информация о существующих у местного населения легендах и предрассудках. Отдельного внимания заслуживают попытки научного исследования археологических источников путем поиска им широких аналогий, а также проведения естественно-научных анализов.

Проведенный анализ показал, что значительная часть информации, которая содержится в дневнике, сохраняет свою актуальность в наши дни.

Ключевые слова: Пермская губерния, XIX в., археологические памятники, коллекция Теплоуховых, археологический дневник.

Yu.A. Podosenova^{1,3}, E.L. Lychagina^{1,2}, N.G. Bryukhova^{1,3}, N.S. Smertina¹
INFORMATION CAPABILITIES OF THE ARCHAEOLOGICAL DIARY
OF THE TEPLOUKHOVS: NOTES OF ALEXANDER EFIMOVICH TEPLOUKHOV
(based on materials from the archive of the Institute of Material Cultures
of the Russian Academy of Sciences)

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

²Perm State University, Perm, Russian Federation

³Institute of Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

The article evaluates the information potential of the Teploukhovs' diary from the point of view of its use by modern researchers. The diary was an integral part of the famous archaeological collection of A.E. and F.A. Teploukhovs and was kept from 1867 to 1904 by father and son Teploukhovs. The diary is stored in the Archives of the Institute of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and consists of 22 notebooks (with a total volume of over 700 pages).

© Подосёнова Ю.А., Лычагина Е.Л., Брюхова Н.Б., Смертина Н.С., 2024

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023 (<https://rscf.ru/project/23-68-10023/>).

During the work in 2023–24, the authors analyzed 13 diary notebooks. This is the part of the diary that was kept by Alexander Efimovich Teploukhov. All the information received was divided into several sections: information about the places of finds and the reasons for the destruction of the cultural layer, a description of the most significant and rare things, a description of mass material, information about legends and prejudices existing among the local population. Special attention should be paid to attempts at scientific research of archaeological sources by searching for broad analogies, as well as conducting natural science analyses. The analysis showed that a significant part of the information contained in the diary remains relevant today.

Keywords: Perm province, 19th century, archaeological sites, Teploukhov collection, archaeological diary.

Ваша коллекция – двери, ведущие к пониманию древностей огромного района.

А.А. Спицын

Введение. Как мы знаем, археология, это наука, базирующаяся на анализе в первую очередь вещественных источников. Однако для объективной реконструкции прошлого необходимо использование широкого круга материалов, которые дают различные дисциплины. И здесь важную роль играют исторические источники, свидетельствующие об открытии тех или иных археологических памятников, раскопках, случайных находках и др. Одним из таких источников является дневник отца и сына Теплоуховых, хранящийся в архиве ИИМК РАН.

Цель данной статьи – оценить информационные возможности дневника Теплоуховых, выявить актуальную информацию, которая будет полезна для современных исследователей.

Археологический дневник Теплоуховых представляет из себя две папки с тетрадами. Первая папка содержит тетради (I–XIII) с дневниковыми записями Александра Ефимовича Теплоухова, период заполнения – 1867–1885 гг. (с. 1–475). Вторая папка содержит тетради (XIV–XX) с дневниковыми записями Федора Александровича Теплоухова, период заполнения – 1885–1904 гг. (с. 476–714). Тетради имеют картонную обложку и состоят из разного количества листов писчей бумаги, текст расположен на обеих сторонах листов, с небольшими полями, на которых имеются пометки, иногда зарисовки; основной текст написан черными и синими чернилами. В отдельных тетрадах имеются вклейки листов из картона с планами, сургуча с оттисками печатей или небольших бумажек с прорисовкой рельефа монет. В тетрадах присутствует сквозная нумерация.

История Археологического дневника Теплоуховых неразрывно связана с жизнью и деятельностью его авторов – отца Александра Ефимовича и сына Федора Александровича Теплоуховых.

Александр Ефимович Теплоухов родился 21 августа (по ст. стилю) 1811 г. в с. Карагай Оханского уезда Пермской губернии в семье крепостных графов Строгановых. Благодаря своей одаренности, желанию учиться, а также помощи графини Софьи Владимировны Строгановой, он получил образование сначала в школе, открытой графиней в Санкт-Петербурге, а затем в Тарандтской лесной академии. В 1843 г. после получения вольной от Строгановых с условием продолжения им служения, А.Е. Теплоухов женится на Р.К. Крутч (дочери немецкого лесоведа, профессора химии Тарандтской академии Карла Крутча) и перевозит молодую жену в Санкт-Петербург. Здесь его назначают начальником лесного отделения Главной конторы и преподавателем школы, которую он сам и окончил [Килунин, 2023, с. 64–67].

После смерти С.В. Строгановой в 1845 г. её наследники решают закрыть школу, но А.Е. Теплоухов уговаривает их оставить её лесное отделение. Школа была оставлена до июня 1847 г., А.Е. Теплоухова назначили её управляющим с условием после закрытия ехать со своими последними учениками на Урал [Килунин, 2023, с. 64–67].

В 1847 г. А.Е. Теплоухов с семьей переезжает из Санкт-Петербурга в село Ильинское – столицу Пермского имения Строгановых. Глава семьи становится членом Главного управ-

ления имения Строгановых в селе Ильинском и главным лесничим их большого лесного хозяйства [Килунин, 2023, с. 64–67].

Главным управляющим пермского имения Строгановых был Василий Алексеевич Волегов. Одной из его обязанностей являлся сбор археологических находок и уведомление о них графа С.Г. Строганова. Самые интересные находки отправлялись в Петербург, но часть из них оставалась у В.А. Волегова в собственной коллекции [Спицын, 1902, с. 3–4]. После смерти В.А. Волегова (в 1864 г.) обязанности Главного управляющего Пермского имения Строгановых вместе с обязанностью извещения графа Строганова о находках и передачи наиболее ценных, переходят к А.Е. Теплоухову [Спицын, 1902, с. 5].

Александр Ефимовичу удалось выкупить часть коллекции у вдовы В.А. Волегова. Вместе с частью предметов коллекции новому владельцу переходят и археологические записи В.А. Волегова с рисунками предметов. С этого момента начинает формироваться личная археологическая коллекция Теплоуховых. К 1867 г. А.Е. Теплоухов осваивается в новом для себя занятии. По примеру «Лесохозяйственных путевых заметок» для «специально-археологических заметок» он заводит «специально сшитую особую тетрадь в пол-листа» куда и заносит сведения об археологических находках и кладах, о приобретении древностей в свою коллекцию, а также разную информацию, касающуюся древностей. С этого же времени он начинает посылать графу Строганову новые интересные находки, ведет с ним переписку по этому поводу [Спицын, 1902, с. 17].

В 1875 г. он уходит на пенсию и посвящает себя практически полностью археологической деятельности. Умер Александр Ефимович Теплоухов в апреле 1885 г.

Таким образом, археологический дневник ведется Александром Ефимовичем на протяжении 18 лет. Судя по записям, дневник у него был всегда с собой. В его коллекции насчитывалось 2702 предмета и 1069 черепков, сведения обо всех предметах занесены в дневник [Спицын, 1902, с. 8].

После смерти Александра Ефимовича работу в области археологии и соответственно ведение дневника продолжает его сын – Федор Александрович Теплоухов.

В настоящее время, как уже упоминалось, Археологический дневник хранится в рукописном отделе Архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (РА ИИМК РАН). Судя по учетной карточке, исследователей, работавших с документом, не так много. Среди них профессор, доктор исторических наук Андрей Михайлович Белавин. Являясь исследователем материальной культуры Предуралья эпохи Средневековья, А.М. Белавин неоднократно обращался к этому источнику. Из его трудов можно привести много примеров скрупулёзной работы с дневником. Являясь руководителем и участником раскопок крупных средневековых памятников Предуралья, таких городищ как Купресс, Кыласово и Лаврята, Андрей Михайлович неоднократно обращался к Археологическому дневнику, отыскивая в нем информацию об истории исследования памятников, предметах, обнаруженных на их территории. Конечно, археологический дневник Теплоуховых не остался без внимания и при поиске информации о Рождественском городище – «касаба Афкула» [Белавин, Крыласова, 2008, с. 17–21].

Важные сведения в дневнике были выявлены А.М. Белавиным не только по крупным поселенческим памятникам, но и по другим темам. Например, следуя дневнику, исследователь приводит факт о том, что во второй половине XIX в.: «... находимые в Пермской губернии серебряные вещи привозили в Вятку, где как сказал И. Кривощек, братья Агафоновы в иной год перерабатывали до 30 пудов серебра и 20 пудов золота на разные образки и прочие вещи. По их словам, серебряные вещи, находимые в земле, из хорошего серебра, лучше, чем наше, оно лучше плавится и меньше чернеет на воздухе. Поэтому находчики серебряных вещей и перекупщики везут его на Вятку» [Белавин, Крыласова, 2008, с. 18].

Также ярким примером является история Волгинского клада, опубликованного в 1861 г. профессором Московского университета С.В. Ешевским [Ешевский, 1860, с. 35–40; Белавин, Крыласова, 2008, с. 494]. Этот клад был обнаружен весной 1851 г. крестьянином Ипполитом Ужegovым из села Рождественского Пермской губернии при обработке поля.

«Серебряный» клад, состоящий из блюда, гривен, слитков, ювелирного комплекта и подвесок-лунниц, поступил в Лазаревский институт восточных языков в Москве и был проанализирован С.В. Ешевским. В 1860-х гг. вещи клада исчезают из института «во время какой-то перестройки».

Работая с археологическим дневником в 2000-х гг., А.М. Белавин выясняет, что Федор Александрович Теплоухов в апреле 1889 г. просит своего брата – Александра Александровича Теплоухова, уточнить информацию о кладе при поездке его в Рождественскую волость. А.А. Теплоухов находит первоначодчика и спрашивает точное место обнаружения клада и точный его состав. Кроме описанных С.В. Ешевским вещей в состав клада входили: «... серебряный чудской образок, согнутый вдвое величиной в 1/3 листа, а внутри вставлена береста; треугольные серебряные пластины и небольшие кусочки серебра» [Белавин, Крыласова, 2008, с. 494].

Изучая историю археологической коллекции Теплоуховых, в одном из писем А.А. Спицына к Ф.А. Теплоухову, Андрей Михайлович замечает фразу «*Ваша коллекция – двери, ведущие к пониманию древностей огромного района*» (ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 807). Спустя более чем столетие эта фраза не утратила актуальности, и, как говорил А.М. Белавин: «*Дневник еще может открыть многое неизвестное нам..., как жаль, что его нельзя опубликовать, но с ним надо работать*» (личное сообщение).

Результаты исследования. Всего в ходе работ в архиве ИИМК РАН в 2023–24 гг. авторами было проанализировано 13 тетрадей из дневника А.Е. и Ф.А. Теплоуховых. По сути, это та часть дневника, которая велась Александром Ефимовичем Теплоуховым (в тетради XIII сообщается о смерти А.Е. Теплоухова).

Всю полученную в дневнике информацию условно можно поделить на несколько разделов. Наиболее обширными и актуальными являются сведения о местах находок тех или иных предметов на территории Пермской губернии, нередко речь идет об открытии мест расположения археологических памятников – городищ, селищ, могильников, которые известны и в настоящее время. Важной является информация о самих находках, особенно если речь идет о редких предметах – ювелирных украшениях, культовых вещах, не все из которых сохранились до наших дней. Дневник также содержит сведения о находках массовых предметов (орудиях труда, «глиняных черепках» и др.), способах их изготовления, орнаментации древней посуды, информацию о существующих у местного населения легендах и предрассудках (как пишут сами авторы дневника). Часть предметов, входящих в коллекцию Теплоуховых, была куплена вне пределов Пермской губернии, в том числе, и за границей Российской империи (в дневнике присутствуют описания, где и какие вещи были куплены). Отдельного внимания заслуживают попытки научного исследования археологических источников путем поиска им широких аналогий, а также проведения естественно-научных анализов.

Сведения о местах находок и причинах разрушения культурного слоя

При исследовании дневниковых записей, открывается картина появления огромного количества вещей, извлеченных из культурных слоёв на памятниках археологии. По количеству упоминаний объекта археологии в дневниках и сведениях о предметах, полученных с его территории, можно представить себе масштабы вмешательства в недра площадок древних стоянок, поселений и могильников. Так, большая часть тетради X посвящена вещам, происходящим с Кудымкарского городища, обилие этих вещей говорит о том, насколько территория памятника перерыта. На тридцати страницах тетради IX следуют описания «черепков» и предметов с Лаврятского городища. Часто упоминаются в источнике Рождественское и Вакинское городища, Ильинское и Гаревское костыща. Каменные орудия поступают в коллекцию со стоянки у д. Новосёлово. На страницах дневников упоминаются известные археологам памятники, а также места находок вещей, требующие пристального внимания исследователей. Анализ расположения этих мест может помочь в обнаружении ещё не известных объектов археологического наследия.

Имеются в тетрадях и конкретные упоминания активного поиска древностей местным населением: «*Бывшие приказчики Купросского ведомства в разных местах городища делали попытки рыть ямы, в надежде сыскать какие-либо вещи чудские*» (тетр. III, с. 98), далее

следует такой же рассказ о Вакинском городище: «*Яма, которую разрыли жители пограничных деревень с незапамятных времен, отыскивая будто бы сложное имущество чудачков*» (тетр. III, с. 98).

Все эти сведения об археологических памятниках дают исследователям дневников информацию о степени разрушения целостности исторических слоёв известных на сегодняшний день археологических объектов.

Кроме подробного описания поступивших вещей, авторы дневников стараются указывать обстоятельства, сопутствующие нахождению предметов. Мы видим, что часто находки происходят при освоении и распашке полей: «... с *Сепычевской дачи крестьянин выпахал (4 гривны)*» (тетр. IV, с. 111), «... там давно под пашней находят вещи при распашке, это еще отмечал бывший помощник лесничего *Мальцев в 1870 г.*» (тетр. VIII, с. 280), «*Торговец Вазин привез из с. Михалева Чердынского уезда бронзовые вещи, железные вещи – выпаханы при создании крестьянами новой пашни*» (тетр. XIII, с. 470). Могли находить древности и при осуществлении хозяйственной деятельности: «*У дер. Куликовой крестьянин Яков Семенович Куликов рыл яму при строительстве ... на глубине 8 вершков нашел железные клещи*» (тетр. IX, с. 337) или «*мальчик, копавший глину с пруда моего сада нашел ножичек странной формы*» (тетр. VI, с. 185).

Из сведений об обмене и сбыте найденного можно узнать, что не всегда древности менялись на деньги, но иногда на продукты: «*Парни собирались по несколько человек вместе, чтобы было не страшно и редко приходили без находок металлических вещей, которые меняли на лакомства*» (тетр. I, с. 19), «*Мальчик принес 4 вещи, которые выменял на рыбу и 25 копеек серебром*» (тетр. VIII, с. 286). Скупка вещей могла осуществляться кузнецами, как заинтересованными в приобретении металла людьми: «*Ильинский кузнец П.А. Степанов, скупающий вещи, достал две хорошие вещи*» (тетр. III, с. 103). Археологические предметы выставлялись на продажу на ярмарках: «*Ильинский торгующий крестьянин... Торгует товаром и чудскими вещами на ярмарках Нижегородской и др.*» (тетр. VII, с. 234).

Существующий спрос на древности рождает интерес к местам обнаружения вещей, как это видно из двух записей: «*на р. Туй Плюснин выпал в 1840 г. серебряную чашу, а позже выкопал шлем*» и тут же: «*Местные на пашне планируют розыски с надеждой, что будет много серебра*» (тетр. VIII, с. 282).

Таким образом, дневниковая информация позволяет нам получить сведения не только о местах происхождения вещей, но и позволяет понять степень разрушения культурного слоя памятника. Находки вещей могли быть совершены случайно при освоении участков земли или в результате другой хозяйственной деятельности. Но зачастую поиски древностей осуществлялись намеренно со знанием путей их дальнейшей продажи. Все эти данные важны не только для оценки сохранности археологического наследия края, но и для исторической реконструкции «биографии» памятника.

Сведения о наиболее значимых и редких вещах

По сложившейся традиции, еще с формирования археологической коллекции В.А. Волеговым, наиболее интересные и значимые находки отсылались графу С.Г. Строганову [Спицын, 1902, с. 6]. На отдельных листах рукописи на полях напротив описания или зарисовок отдельных предметов имеются указания, написанные карандашом «У ГРАФА» (например, тетр. I с. 8).

А.А. Спицын в предисловии к альбому «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых» отмечал: «*А.Е. посылает гр. Строганову ряд монет, лучшие вещи из числа оставшихся от Волегова и новые интересные находки... Через год другой он совершенно эмансипируется от своего патрона, а через десяток лет с. Ильинское будет обладать более ценное в научном отношении коллекцией мелких пермских древностей, чем Петербург. Зато А.Е. доставит графу Строганову в короткое время несколько ценных кладов, каких не получалось в Петербурге после известной находки 1780 г.*» [Спицын, 1902, с. 6].

В тетрадах до подробностей описаны находки кладов или единичных предметов восточной торевики из серебра. В качестве примера можно привести описание находки Калгановского клада (Мальцевского) на берегу ручья Калгановка близ деревни Мальцевой. Клад

в июне 1878 г. нашел крестьянин Иван Васильевич Плотников по прозвищу Пичкин, житель деревни Мальцевой. В состав клада входили: кувшин с изображением крылатого верблюда, блюдо с изображением царской охоты на тигров, блюдо с изображением Силена и менады, блюдо с изображением креста в венке и фрагменты от такого же блюда, блюдо с изображением орла, когтящего травоядное животное и десять гривен (тетр. VII, с. 253; тетр. VIII, 277–278). В настоящее время предметы этого клада являются одними из самых значимых экспонатов Государственного Эрмитажа.

Интересна информация о серебряных кольцах (в настоящее время в научной литературе «гривны») в дневниковых записях Александра Ефимовича. Перечисляя места их находок в разных тетрадах и описывая их, он обращает внимание на то, что это были не украшения, а изделия, имеющие денежно-весовое значение, и крестьяне уже в XIX в. могли от них отрубать части на переплавку (тетр. VI, с. 217, тетр. I, с. 13, тетр. IV, с. 111, 123).

Конечно, основная масса редких находок представляла изделия, выполненные из серебра в виде ювелирных украшений и их фрагментов, которые описываются на протяжении всей части дневника А.Е. Теплоухова.

В некоторых случаях обращается внимание на отдельные детали костюма, которые вызвали у исследователя интерес (копоушки, пояс и ношение на нем вещей, разного рода подвески). На одной из страниц описывается серебряная бляха с изображением всадника и птицы (в современной литературе – бляха с сокольниковым), поступившая с д. Сечище (Верх-Нердвинское), где предполагается, что это вырезанное дно чарки (тетр. I, с. 31). В одной из тетрадей много внимания уделено описанию и своду металлических коробочек, декорированных узорами или изображением лося с птицей (в настоящее время в литературе «шумящие коробочки-амулетницы»), где предполагается их принадлежность древним языческим врачам (тетр. XII, с. 462).

В целом, несмотря на то, что в дневнике информация о редких вещах и находках не была такой объёмной как, например, о массовых предметах и археологических памятниках, в нем можно найти массу деталей, которые не фигурируют в научной литературе, но влияют на правильную атрибуцию изделий (например, про Калгановский клад, Вереинский клад и т.д.).

Сведения о массовом материале (керамике)

Помимо подробного описания отдельных уникальных предметов, дневник содержит сведения о массовых находках – изделиях из железа, кости, фрагментах посуды. Сведения о древней керамике присутствуют практически во всех тетрадах, которые велись А.Е. Теплоуховым. Информация дается по многим аспектам от описания как изучаются черепки до подробного анализа орнаментации. Например, в тетради II описывается орнамент древней посуды по некой книге «ORNAMENTIKA» [*ORNAMENTIKA – Marsyas – Radierung, 1800 ?*].

Нередко упоминаются составы «глиняных черепков». Так, при описании фрагментов керамики с Обвы, близ Ильинского, описывается их тесто с примесью раковины. При описании керамики с Ильинского городища отмечается, что черепок имел выгнутый край и избыток раковины *в тесте*, при этом делает важный вывод о том, что черепки эти «похожи на лаврятские черепки» (на керамику Лаврятского городища) (тетр. VIII, с. 284).

Для нас представляет интерес подробное описание поверхности керамики с Кудымкарского городища: «*черепки из красной глины с лоснящейся поверхностью*», а также выделение разных видов элементов орнамента: «*черепки с дырочками, ... с вдавлениями – с отпечатками, знаками ногтя, края черепков с надрезами и отпечатками, кружки на стенках сосудов, ямочки и дыры, черепки с шнуровыми украшениями, черепки с петлями*». Рассуждения о шнуровом орнаменте и о типах украшений сосудов: двойные, тройные, четверные, пятерные, шестерные, 7/8/9-зубчатые, чешуйчатые (береговой, волнообразный орнамент), чеканные украшения, перистые и полуперистые узоры, прямые полосы с полуперистым узором (тетр. X, с. 354–368).

Кроме этого, отмечалась толщина черепка с соотношением узора: мелкие узорчатые черепки, тонкие; средние простые черепки без узоров; большие разные черепки.

Часть информации посвящена гончарному делу. Например, в марте 1876 г. фиксируется запись о том, что узоры с древней посуды были показаны гончарному мастеру, а ниже о том, как оборачивали глиняные сосуды лентами березовой коры. Интересным являются и записи в январе 1877 г. загадок о горшках (тетр. VI, с. 174).

Стоит отметить, что в дневнике часто фигурируют подробные описания керамики, например, Кудымкарского городища. О посуде, обнаруженной в Ильинском, говорится, что она «не чудская, но древняя» (тетр. XII, с. 459).

В 1883 г. А.Е. Теплоуховым были получены глиняные черепки, собранные из разных мест, от Уральского общества любителей естествознания Екатеринбургского уезда. В тетради XII дано подробное их описание (при описании фигурируют названия Исетского и Аятского озер, где расположены известные археологические памятники Свердловской области периода неолита – железного века).

Таким образом, в дневнике можно найти характеристику керамических комплексов отдельных археологических памятников, часть из которых изучается и в настоящее время.

Легенды, мифы и предрассудки

Стоит упомянуть, о том, что дневниковые записи содержат информацию о легендах или предрассудках. Например, в тетрадях описывается мифология пермян и их обычаи – обычай покрывать гроб листьями березовой коры (тетр. V, с. 161). Или легенда о том, что «... когда пришли славяне, местные рыли ямы и захоранивали себя заживо» (тетр. I, с. 2–4). Интересным является случай с обнаружением чудских древностей крестьянами Богоявленской волости: «Крестьяне Богоявленской волости близ д. Погибаловой и д. Загибаловой нашли в лесу чудские древние вещи, но побоялись дотронуться до вещей, принадлежащих некрещёным, чтобы не сделаться самим Чудаками» (тетр. V, с. 167). А один из лесных смотрителей – Исаков, живущий в деревне Чажегово не позволял раскапывать места с могилами людей и отобрал у них найденное блюдо (тетр. XIII, с. 470).

Описанные случаи свидетельствуют о том, что наряду с желанием обогатиться за счет находок древних вещей и их продажи, у многих крестьян существовал страх перед древними могильниками.

Сведения о покупке предметов вне пределов Пермской губернии

Основную часть коллекции Теплоуховых составляли вещи местного происхождения, купленные у крестьян, купцов, кузнецов, приказчиков и др. Однако коллекционеры не чурались покупок античных и разных понравившихся древних предметов из других мест.

Например, в июне 1874 г. А.Е. Теплоуховым описываются доставленные ему предметы, найденные близ г. Керчь (тетр. IV, с. 105). Часть старинных предметов была куплена во время поездки по Европе в январе – августе 1875 г. (тетр. IV, с. 125, 138–139). В ходе этой поездки А.Е. Теплоуховым были осмотрены музеи в Берлине, Киле, Шверине, Цюрихе, Турине, Флоренции, Болонье, Риме, Вероне и др. местах. В июне-июле 1876 г. коллекционеру были привезены находки из Ташкента (тетр. VI, с. 181). Последние по времени поступления в коллекцию итальянских (римских) вещей относятся к 1882 г. (тетр. XI, с. 409–412). Таким образом, основную часть «неместной» коллекции Теплоуховых составляли античные предметы, попадание других вещей носило случайный характер. Это в целом характерно для коллекционеров древностей в XIX в., когда была популярна «классическая» история, культура и те предметы, с которыми они ассоциировались.

Информация о научном анализе предметов из коллекции Теплоуховых

А.Е. Теплоухов был не только собирателем древностей, но и настоящим исследователем, о чем свидетельствуют его научные труды, напр: [Теплоухов А.Е., 1880, с. 1–31]. Часть этой научной деятельности отражена в дневнике. В частности, в нем приводятся замечания А.Е. Теплоухова об устройстве древних городищ (тетр. I, с. 12–13), рассуждения про костыща (тетр. I, с. 34–35), время происхождения курганов, происхождение русичей, славянский и угорский вопросы (тетр. I, с. 44), размышления к истории вотяков, к истории новгородцев, про города чудские, про костыща в Вятской губернии, про разные народы и др. (тетр. I, с. 51–

52), рассуждения о двух сасанидских монетах, переданных графу Строганову – «*О монетах азиатских*» (тетр. XII, с. 450). Часть этой информации позднее была опубликована в научных трудах автора.

А.Е. Теплоухов одним из первых задался вопросом о необходимости изучения древних предметов с помощью естественно-научных методов. Уже в первой тетради упоминается о химическом анализе изделий из Слудки и исследовании земли с территории костищ на органику (с. 48). Во время поездки в Европу в 1875 г., Александр Ефимович в Бёрне отдал бронзовую «чудскую» трубочку на химический анализ Эдмунду фон Фелленбергу (швейцарскому геологу, археологу и альпинисту). Анализ показал, что трубочка состояла из меди – 75 %, олова – 13,45 %, свинца – 7 %, цинка – 4 % (тетр. V, с. 165).

Автор дневника уделял особое внимание поискам аналогий тем предметам, которые ему приносили. Некоторые из них не прошли проверку временем. В частности, аналогии косяным предметам с Кудымкарского городища (селища) А.Е. Теплоухов находил в предметах, найденных под Иркутском И.Д. Черским и А.Л. Чекановским (тетр. XI, с. 435). Позднее было доказано, что предметы, найденные в Сибири, относятся к периоду верхнего палеолита, в то время как материалы Кудымкарского городища (селища) датируются периодом Средневековья.

Стоит отметить, что А.Е. Теплоухов активно сотрудничал с другими местными исследователями. В дневнике упоминается известный краевед, картограф и географ И.Я. Кривошеков, который покупал для Теплоуховых «чудские вещи» во время своих поездок по региону (тетр. XIV, с. 488). В августе 1880 г. А.Е. Теплоухова посетил действительный член УОЛЕ и хранитель музея УОЛЕ М.В. Малахов, который привез интересные находки из с. Кыласова в устье Иньвы, а также рассказывал об остяках, чердынцах и др. (тетр. IX, с. 331).

Теплоуховы поддерживали связь с известным финским археологом Й.Р. Аспелиным. Так, в 1872 г. А.Е. Теплоухов подарил финскому исследователю несколько предметов из своей коллекции, так как у Й.Р. Аспелина преобладали «чудские предметы» с территории Вятской губернии (тетр. II, с. 62–63).

Таким образом, научная деятельность А.Е. Теплоухова была весьма разнообразна. Она включала в себя всесторонний анализ предметов материальной культуры, выдвижение собственных гипотез касательно прошлого региона на основе знакомства с научной литературой, местными преданиями и анализа древних вещей, контакты с другими исследователями прошлого Прикамья и Приуралья.

Заключение. Первая часть дневника, написанная А.Е. Теплоуховым, содержит значительный объем информации, востребованной современными археологами, историками, краеведами. В ней дана информация по таким известным городищам, как: Кудымкарское, Купросское, Лаврятское, Вакинское, Кыласово, Полюдово, Юксеевское, Рождественское и др. А также и по таким известным костищам как Гаревское, Ильинское, Останинское, Косьвинское и др. В отдельных дневниковых записях можно найти сравнение материала памятников (например, черепков) или их устройства.

В дневниковых записях периода 1871–1882 гг. имеются сведения о собственных полевых изысканиях на Гаревском, Ильинском костищах и остатках Останинского костища.

Для отдельных важнейших городищ (например, Купросское) в дневник в виде вклеек приложены планы. Некоторые из них выполнены В.Г. Филимоновым (планы подписаны), для других мы не знаем имя составителей. А.А. Спицын, скорее всего со слов Ф.А. Теплоухова, в предисловии к альбому «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых» отмечал, что Александр Ефимович имел в своем распоряжении практикантов-съемщиков и иногда пользовался ими для снятия планов с городищ и разных местонахождений, эти планы неудачны, но они лучше, чем выполненные на глаз [Спицын, 1902, с. 8].

Также имеется информация и о людях, без участия которых коллекция Теплоуховых не была бы такой объёмной. Это лесные смотрители и их помощники: Чернов, Максимов, Костарев, Кривошековы Яков и Иван, И. Сюзев, Г. Климменов и др.; находчики и крестьяне,

приносившие вещи: И. Зобачев, П.А. Семенов, С.Г. Калинин, Г.Т. Демидов, Т. Кыласов, Е.В. Турбачев, Я.С. Куликов, С.А. Иванцев, В. Сюзев, А.Е. Тудвасев, И.В. Плотников по прозвищу Пичкин, Т. Елтышев, В. Никитина, А. Коркодинов, Ф. Вакин и его брат по прозвищу Сыскины и др.; прасолы (археологи-перекупщики и простые перекупщики): Истомин, Пospelов, Важин; мастера: П.А. Степанов и А.А. Сурнин и др.

Судя по записям, в процесс собирания коллекции включены были не только родные уже взрослые дети Александра Ефимовича (например, Федор Александрович и Александр Александрович выкупали отдельные вещи в коллекцию, Александр Александрович по просьбе отца в 1879 г. исследовал Лаврятское городище, Екатерина Александровна привозит вещи с Кудмкарского городища и Кувы(?)), но и даже незнакомые дети (мальчик Костя приносил разные вещи с Ильинского костыща, другой мальчик принес вещи и рассказал, что есть у соседа) (тетр. VI, с. 207, 212).

Таким образом, археологический дневник Теплоуховых, являлся одной из главных составляющих известной не только в России, но и за её пределами, знаменитой коллекции Теплоуховых. Он предоставляет исследователю массу интереснейшего материала – от особенностей расположения и материала археологических памятников до особенностей процесса формирования частных коллекций второй половины XIX – начала XX в. В настоящий момент, как было отмечено, исследована только одна часть дневника – записи Александра Ефимовича Теплоухова, работа с дневниковыми записями Федора Александровича еще впереди.

Библиографический список

Источники:

1. *Археологический* дневник А.Е. и Ф.А. Теплоуховых // Рукописный отдел Архива ИИМК РАН. Ф. 48. Д. 1, 2.
2. *Письмо* А.А. Спицына Ф.А. Теплоухову // ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 807.

Литература:

1. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Аффула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : ПГПУ. 2008. 603 с.
2. *Ешевский С.* Пермские древности, хранящиеся в Москве в Лазаревском институте восточных языков // Пермский сборник. 1860. Вып. 2. С. 35–40.
3. *Килунин М.* Александр Ефимович Теплоухов: личность, семья, работа // Знание – сила. 2023. № 11. С. 63–67
4. *Спицын А.А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб., 1902.
5. *Теплоухов А.Е.* О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки УОЛЕ. 1880. Т. 6, вып. 1. С. 1–31.

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-196-202

А.С. Проценко
ГОРОДИЩЕ УФА-II. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ*

Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа, РФ
Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, РФ

В работе вводятся в научный оборот материалы археологических раскопок 2022 г. с городища Уфа-II, которое в настоящий момент является наиболее изученным поселенческим памятником эпохи раннего Средневековья Уфимско-Бельского междуречья. На протяжении последнего десятилетия не утихают споры о его статусе и роли в системе древностей региона. А.М. Белавин не остался в стороне в ходе многолетних дискуссий и также высказал свою точку зрения по данному вопросу. В статье проведено общее описание материала (керамической, остеологической коллекции и индивидуальных находок), определен хронологический отрезок освоения локального участка территории городища. По нашему мнению, объективную точку зрения по целому ряду вопросов, связанных с городищем Уфа-II, можно будет высказать только после источниковедческого анализа всего многотысячного пласта находок, полученных в ходе исследований.

Ключевые слова: Южный Урал, раннее Средневековье, культурный слой, антропогенное воздействие.

A.S. Protsenko
UFA-II SETTLEMENT. NEW MATERIAL

Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa", Ufa, Russian Federation
Orders Badge of Honor Institute of History, Language and Literature
UFITs RAS, Ufa, Russian Federation

The paper introduces into scientific circulation the material of the 2022 archaeological excavations from the Ufa-II settlement, which is currently the most studied settlement monument of the early Middle Ages in the Ufa-Belsk interfluve. Over the past decade, disputes about its status and role in the system of regional antiquities have not subsided. A.M. Belavin did not stand aside during the long-term discussions and also expressed his point of view on this issue. The article provides a general description of the material (ceramic, osteological collection and individual findings), determines the chronological period of development of the local section of the settlement territory. In our opinion, an objective point of view on a number of issues related to the Ufa-II settlement can only be expressed after a source study analysis of the entire multi-thousand layer of findings obtained during the research.

Keywords: Southern Urals, early Middle Ages, cultural layer, anthropogenic impact.

В 2023 г. исполнилось 70 лет, как уфимским краеведом П.Ф. Ищериковым было выявлено городище Уфа-II и проведены первые научные исследования. История изучения памятника археологии уже неоднократно публиковалась исследователями, в связи с этим на данном аспекте останавливаться не будем. Отметим только, что начатые полномасштабные ис-

© Проценко А.С., 2024

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

следования городища в 2006 г. продолжают с разной степенью интенсивности по настоящее время. Археологические раскопки с 2012 г. проводит коллектив отдела археологии музея-заповедника «Древняя Уфа».

Памятник расположен в историческом центре г. Уфы на мысу, образованном двумя глубокими оврагами, по дну которых протекали ручьи, впадающие в р. Белую. Исследованиями 2006–2017, 2021, 2022 гг. изучено более 3000 м² культурного слоя цитадели городища. Общая площадь памятника археологии составляет 5,6 га [Проценко, Сафуанов, 2024, с. 100].

Активная дискуссия по статусу городища Уфа-II («город Башкорт», протогородской центр, рядовое поселение) на сегодняшний день достаточно подробно описана в многочисленных трудах исследователей. В рамках нашего исследования мы хотели бы обратить внимание на два аспекта, описанных в работах А.М. Белавина.

В 2013 г. Лаборатория археологического источниковедения и историографии БГПУ им. М. Акмуллы выпускает сборник, посвященный проблемам поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях [2013]²⁹. В своей статье в данном сборнике А.М. Белавин анализирует существующие подходы к изучению процессов урбанизации в Прикамье, и представляет свою точку зрения³⁰. По мнению исследователя, одним из результатов ускорявшегося общественного и экономического прогресса стало складывания условий, необходимых для появления на землях Прикамья принципиально иного типа поселений – поселений предгородского или раннегородского типа (так называемых протогородов), резко отличающихся по укладу жизни от остальной массы населенных пунктов, и связанных с развитием международной транзитной торговли. Ключевую роль в данных событиях играет Волжская Булгария, благодаря которой появляются торговые фактории (для обеспечения транзитной торговли) болгарских купцов на уже существующих финно-угорских поселениях, так и строительство новых укрепленных городков в финно-угорских землях. Автором рассмотрены ряд археологических комплексов, которые могли являться градообразующими центрами на рассматриваемой территории (в первую очередь Рождественский археологический комплекс). В результате А.М. Белавиным определены признаки данных групп поселений, выделяющие эти пункты из числа прочих: сложная трехчленная структура, относительно крупный размер заселенной части и выразительность укреплений, существование ряда сложных ремесленных производств, полиэтничность и поликультурность населения, имеющего более высокий уровень жизни, чем основная масса жителей иных поселений, и явные признаки включения в систему международной транзитной торговли [Белавин, 2013].

В 2018 г. опубликована коллективная монография, обобщающая результаты исследования материалов, найденных во время раскопок 2006–2011 гг. на городище Уфа-II [К проблеме городов ... , 2018], в 2024 г. вышло обновленное издание данного труда [К проблеме городов ... , 2024]. Несмотря на то, что издание 2018 г. явилось первой работой, в которой давался анализ всего корпуса находок, В.А. Иванов и А.М. Белавин выступили с резкой критикой отдельных положений (глав), написанных в первую очередь главным редактором издания Ф.А. Сунгатовым [Иванов, 2020; Иванов, Белавин, 2021]. В качестве недостатков данной работы исследователи отмечают отсутствие внешней и внутренней критики источников, игнорирование методики работы с массовым археологическим материалом (керамикой), а также отсутствие крупноформатных планов (разрезов) жилищ и фортификационной системы.

Мы уже отмечали, что такое «пёстрое» разнообразие концепций обусловлено с разными, зачастую противоположными друг другу научными подходами исследователей по интерпретации полученных археологических материалов и анализу средневековых письменных

²⁹ Здесь стоит отметить, что на протяжении долгого времени Андрей Михайлович активно сотрудничал с археологами БГПУ им. М. Акмуллы (В.А. Ивановым и Г.Т. Обыденновой), что вылилось в десятки реализованных совместных проектов.

³⁰ Историография работ А.М. Белавина по данному вопросу изложена в статьях А.Н. Сарапулова [2018, с. 13] и В.А. Иванова [2018, с. 49–52].

источников [Белявская, Проценко, Курманов, 2022, с. 26]. В настоящее время сотрудники отдела археологии музея-заповедника «Древняя Уфа» продолжают планомерную работу по анализу и вводу в научный оборот полученного материала ([Сафуанов, Проценко, 2021; Проценко, Сафуанов, 2024; Проценко, Камалеев, Грабарь, 2024] и др.).

В настоящей статье представлено общее описание материалов, полученных в ходе археологических исследований, проведенных автором в 2022 г.

Раскоп был заложен в юго-западной части памятника (площадь составила $\approx 62,23 \text{ м}^2$), с целью установления мощности культурного слоя и оценки антропогенного воздействия на культурный слой памятника. Исследования проводились в рамках подготовки земельного участка для предполагаемого строительства, по объекту: «Строительство специализированного хранилища археологических материалов на территории объекта культурного наследия федерального значения "Уфа II – городище"».

Необходимо отметить, что раскоп 2022 г. был значительно удален от основной исследованной части (2006–2017, 2021 гг.) строительным котлованом, на котором в начале 2000-х гг. был уничтожен значительный культурный слой памятника (свыше 2000 м^2). Таким образом, в юго-западной части городища Уфа-II (вдоль ул. Воровского, длиной 50 м и шириной 4–9 м) на сегодняшний день осталась незначительная часть культурного слоя, которую удалось спасти от разрушения в ходе раскопок 2022–2023 гг.

Всего из раскопа 2022 г. происходит 655 ед. находок. Основная масса – фрагменты лепной и гончарной керамики и остеологического материала (1 674 ед.), также найдены индивидуальные находки (36 ед.). Часть обнаруженного подъемного материала (нательных крестов), найденного в юго-западной части городища, была частично опубликована [Семавина, Султанова, 2023].

Распределение керамики по выделенным условным горизонтам

Местонахождение	Осыпь	Гор. 1	Гор. 2	Гор. 3	Гор. 4	Гор. 5
Кв. А1	97	–	–	–	–	–
Кв. А2		39	69	79	43	19
Кв. Б1	–	33	72	23	26	–
Кв. Б2	–	55	23	29	–	–

Весь выделенный массив керамики был рассмотрен по единой схеме и объединен в культурные группы, основываясь на результатах предшествующих исследований [Белявская, Проценко, 2018; Белявская, Проценко, Курманов, 2022, с. 85–90]. Каждая из культурных групп (далее – КГ) представляет собой совокупность сосудов, составляющих керамический комплекс одной археологической культуры либо одного археологического типа. Более 70 % керамической коллекции относится к бахмутинской и турбаслинской КГ.

Бахмутинская КГ состоит из грубо обработанных сосудов горшковидной формы, с примесью дресвы и гальки, с округлым дном, край венчика обычно округлый с небольшим наплывом во внешнюю сторону. Сосуды орнаментированы округлыми ямочными вдавлениями, беспорядочно расположенными по всему тулову, а внешний край венчика украшен наклонным продавленным орнаментом, оттисками клиновидной формы или резными насечками. Цвет сосудов ввиду неравномерного обжига варьируется от красно-коричневого до темно-серого.

Турбаслинская КГ представлена сосудами как с высоким горлом, так и средней высоты, с тщательно выровненной и зачастую залощенной поверхностью. Дно у сосудов чаще круглое, реже – уплощенное, в тесте – примесь мелкого песка и шамота. Отличительной особенностью некоторых сосудов этой группы является наличие уступчика при переходе от горла к тулову. Большинство сосудов поселенческой турбаслинской посуды являются неорнаментированными.

С эпохой раннего Средневековья также связаны немногочисленные находки романовско-именьковской и имендьяшевской КГ. Гончарная керамика представлена во всех квадратах и на всех стратиграфических горизонтах. Основная масса керамики соотносится с XIX в., из-

готовлена кустарями-ремесленниками с помощью гончарного круга, иногда с применением поливы (глазурь с медной окалиной, дающей зеленый цвет).

Коллекция индивидуальных находок из раскопа (36 ед.), обнаруженных в результате исследования городища Уфа-II в 2022 г., представлена изделиями из глины, камня, кости, металла, стекла.

Изделия из глины (1 экз.) представлено фрагментом пряслица биконической формы (2,0 × 1,8 × 0,7 см) в кв. Б1, гор. 3 (рис. 1, 3).

Изделия из кости (7 экз.): костяная проколка (?) (5,5 × 2,6 см) в кв. А2, гор. 1 (рис. 2, 4); фрагменты костяных наконечников стрел (4,0 × 1,1 × 0,5 см) в А2, гор. 1 и 6,9 × 1,3 × 0,9 в кв. А2, гор. 4 (рис. 2, 5, 9); альчик (3,6 × 2,4 × 2,3 см) в А2, гор. 1 (рис. 2, 7); фрагмент пряжки (4,1 × 3,6 × 0,9 см) в кв. А2, гор. 3 (рис. 2, 8); фрагмент изделия (ручка от бритвы) (5,5 × 1,2 × 0,5 см) в кв. А2, гор. 4 (рис. 2, 10); рукоять костяная с отверстием в центре (7,6 × 4,8 × 3,0 см) в кв. Б2, гор. 2

Изделия из камня (3 экз.): фрагмент каменного изделия со сквозным отверстием (5,0 × 2,0 × 0,5 см) в кв. А2, гор. 4 (рис. 2, 11); изделие каменное со сквозным отверстием (амулет?) (3,0 × 1,8 × 1,3 см) в кв. Б1, гор. 2; каменный оселок прямоугольной формы (10,8 × 6,0 × 1,2 см) в кв. А2, гор. 2.

Изделия из металла (16 экз.): пуговица KRIEGSMARINE 1940 г. ($d = 2,5$ см) в кв. А2, гор. 1; неорнаментированная нашивка ($d = 1,2$ см) в кв. Б2, гор. 4 (рис. 1, 4–6); гвоздь кованый четырехгранный с круглой шляпкой (10,6 × 3,9 см) в кв. А2, гор. 2 и кресало (6,6 × 3,0 × 0,4 см) в кв. А2, гор. 3 (рис. 2, 1, 2).

Нумизматическая коллекция: Имперские монеты XIX в. (рис. 1, 7–9): монета Полушка. 1851 г. ($d = 1,4$ см) в кв. А2, гор. 4; монета Полушка. 1853 г. ($d = 1,4$ см) в кв. Б1, гор. 2; монета ¼ коп. 1877 г. ($d = 1,3$ см) в кв. Б2, гор. 1. Советские монеты (рис. 1, 10–16): монета 1 коп. 1933 г. ($d = 1,5$ см) в кв. Б2, гор. 2; монета 5 коп. 1955 г. ($d = 2,5$ см) в кв. Б1, гор. 2; монета 10 коп. 1955 г. ($d = 1,7$ см) в кв. Б2, гор. 3; монета 15 коп. 1936 г. ($d = 2,0$ см) в кв. Б1, гор. 3; монета 2 коп. 1929 г. ($d = 1,8$ см) в кв. А2, гор. 2; монета 1 коп. 1989 г. ($d = 1,5$ см) в кв. Б2, гор. 1.

Предметы вооружения: наконечник копья (?) фрагмент (14,0 × 4,2 × 2,5 см) в кв. Б2, гор. 2 (рис. 2, 3); боевой топор (11,2 × 2,5 × 1,8 см) в кв. Б2, гор. 3, также местным жителем был передан второй боевой топор (со слов находчика также найденный в пределах границ городища Уфа-II)³¹.

Изделия из стекла (9 экз.): бусина (0,9 × 0,4 см) в кв. Б1, гор. 2 и бусина шаровидной формы синего цвета (0,8 × 0,6 см) в кв. А2, гор. 2 (рис. 1, 1, 2). Клеймо от бутылки «ТЗГЕЖУК 1/100». 1853 г. (2,2 × 2,2 × 0,5 см) в кв. А2, гор. 2. Клеймо «ТЗГЕЖУК 1/20». 1853 г. (2,6 × 2,2 × 0,4 см) в кв. А2, гор. 4. Клеймо «ТЗГЕЖУК 1/20». 1853 г. (2,9 × 2,6 × 0,7 см) в кв. А2, гор. 4. В кв. Б2, гор. 3 было обнаружено 2 экз. клейма «ТЗГЕЖУК 1/20». 1853 г. (2,3 × 2,2 × 0,5 см и 3,5 × 3,0 × 0,5 см). Парфюмерный флакон Товарищества Брокеръ и Ко (9,3 × 3,9 × 2,7 см) в кв. Б1, гор. 1 и стеклянный флакон с клеймом «КСЗ» (9,6 × 5,2 × 4,6 см) в кв. А2, гор. 1.

Как уже было отмечено выше, в ходе исследований получена представительная коллекция остеологического (1674 ед.) материала. Анализ таксономической принадлежности костных остатков показал следующее. В состав стада входили четыре вида – крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. В первых четырех условных горизонтах доминантами являются крупный и мелкий рогатый скот, их доля приблизительно равна (34–41 % от всех домашних копытных). Лошадь занимает третье место по численности, кости свиньи единичны. В 5 горизонте резко увеличивается доля костей мелкого рогатого скота (57 %), лошадь

³¹ В настоящее время полное описание предметов вооружения, найденных в ходе раскопок городища Уфа-II в 2022–2023 гг., готовится к публикации. Весь комплекс полученных археологических находок 2022–2023 гг. будет опубликован в коллективной монографии, которая также готовится к печати.

занимает второе место по численности костных остатков (29 %). Костей свиньи в 5 горизонте не найдено. Охота и рыболовство составляли незначительную часть в хозяйстве населения (доля костей диких видов – до 4 % от всех остатков). Вероятно, первые горизонты отражают хозяйство позднего периода города (середина XIX–XX в.). Это косвенно подтверждает наличие в них костей курицы. Здесь еще раз отметим, что для изученного нами участка культурного слоя характерно мощное антропогенное воздействие, повлекшее за собой уничтожение/смещение стерильных слоев эпохи Средневековья и Нового времени. В связи с данным обстоятельством результаты проведенных исследований в полной мере нельзя коррелировать с результатами предыдущих лет [Кисагулов, Проценко, 2023, с. 260–266].

В результате работ 2022 г. установлено, что культурный слой памятника на данном локальном участке, значительно поврежден (переотложен) хозяйственной деятельностью второй половины XX в. (на территории были расположены хозяйственные постройки жилых домов по четной ул. Пушкина) и строительными работами в начале 2000-х гг. Данное обстоятельство подтверждается планиграфической и стратиграфической ситуацией, зафиксированной на раскопе. Полученный материал датируется IV/V–VIII вв. Отдельным блоком выступают находки предметов вооружения (боевые топоры), которые датируются IX–XIII вв. Также получена представительная коллекция Нового времени, представленная как фрагментами гончарной посуды, так и индивидуальные находками (имперскими монетами, стеклянной тарой и др.). Небольшой пласт находок связан с советским периодом (нумизматический материал).

Библиографический список

1. *Белавин А.М.* Ранний этап урбанизации в Прикамье: проблема и решения // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях / отв. ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа : Изд-во БГПУ, 2013. С. 50–58.
2. *Белявская О.С., Проценко А.С.* Керамический комплекс Городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху средневековья (по материалам раскопок 2017 г.) // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур / под общ. ред. А.И. Уразовой. Уфа : Мир печати, 2018. С. 204–224.
3. *Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г.* Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 г. Уфа : Первая типография, 2022. 293 с.
4. *Иванов В.А.* Как конструировался некрополь города «Башкорт» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI. Пермь : ПГГПУ, 2020. С. 76–89.
5. *Иванов В.А.* Концепция урбанизации Прикамья А.М. Белавина в свете контент- и дискурс-анализа // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат : сб. науч. тр. к 60-летнему юбилею А.М. Белавина / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2018. С. 47–53.
6. *Иванов В.А., Белавин А.М.* Город «Башкорт» – а был ли мальчик? Рецензия на монографию: К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья / Ф.А. Сунгатов, А.Н. Султанова, А.К. Бахшиева и др. ; сост. и науч. ред. Ф.А. Сунгатов // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 85–99.
7. *К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья* / Ф.А. Сунгатов, А.Н. Султанова, А.К. Бахшиева и др. Уфа : Самрау, 2018. 335 с.
8. *К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья* / Ф.А. Сунгатов, А.Н. Султанова, З.Г. Аминев и др. Уфа : Самрау-Медиа, 2024. 386 с.
9. *Кисагулов А.В., Проценко А.С.* Археозоологические материалы из раскопок 2022 г. на городище Уфа-II // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 259–267.
10. *Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях* / отв. ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа : Изд-во БГПУ, 2013. 104 с.

11. *Проценко А.С., Сафуанов Ф.Ф.* К вопросу о поселе городища Уфа-II: к 70-летию научного изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3. С. 98–110.

12. *Проценко А.С., Камалеев Э.В., Грабарь П.Ю.* Исследования культурного слоя городов Уфа и Бирск (на примере работы археологической экспедиции музея-заповедника «Древняя Уфа») // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, № 3. С. 495–503.

13. *Сарапулов А.Н.* А.М. Белавин: личность в науке (к вопросу о научной археологической школе в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат : сб. науч. тр. к 60-летию юбилею А.М. Белавина / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2018. С. 4–26.

14. *Сафуанов Ф.Ф., Проценко А.С.* Глиняные пряслица с городища Уфа-II // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 41, № 4 (104). С. 89–99.

15. *Семавина Е.А., Султанова В.М.* Нателные кресты из городища Уфа-II // XII Башкирская археологическая студенческая конференция БЗЗ (XII БАСК) : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Е.В. Русланов. Уфа : Первая типография, 2023. С. 59–63.

Рис. 1. Индивидуальные находки из раскопок городища Уфа-II (2022 г.):
1, 2 – бусы; 3 – пряслице; 4 – пуговица *kriegsmarine*; 5 – неорнаментированная
нашивка; 6 – металлическое изделие; 7–9 – монеты Российской империи;
10–16 – монеты советского периода

Рис. 2. Индивидуальные находки из раскопок городища Уфа-II (2022 г.):
 1 – кованый гвоздь; 2 – кресало; 3 – наконечник копья (?) фрагмент; 4, 6 – проколки;
 5, 9 – фрагменты костяных наконечников стрел; 7 – альчик; 8 – фрагмент пряжки;
 10 – фрагмент изделия (ручка от бритвы); 11 – фрагмент каменного изделия
 со сквозным отверстием

УДК 902, 339.1-051

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-203-229

К.А. Руденко
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БУЛГАРСКОЙ ТОРГОВЛЕ
В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Казанский государственный институт культуры, Казань, РФ

В статье рассматриваются новые находки предметов, связанных с торговлей, с болгарских археологических памятников домонгольского периода. Проанализировано 9 деталей весов и медных чашечек для них; 59 гирек, из которых 5 (8,5 %) биметаллических, 3 из них в виде бочонка; 14 (22 %) из свинца или меди и 41 из железа (69,5 %). Учтены также слитки серебра (12 экз.), свинца и олова (3 экз.), обрезки серебряных восточных дирхемов (6 экз.), монетовидная подвеска из бронзы, а также серебряные монеты Бувейгидов (5 экз.), найденные на Остолоповском селище. По находкам в стратифицированных слоях Остолоповского селища уточнено время бытования гирек малого и среднего веса и соответствующих весов для взвешивания. Это XI в. Отмечено совпадение типов железных гирек на городище Кашан I и нескольких селищах, что обозначило их связь по средневековым торговым путям внутри Волжской Болгарии. Совпали знаки-маркировки на некоторых гирьках как железных, так и бронзовых. Определен стандарт в наборе гирек, в параметрах самих весов с селищ и городищ нижнего течения Камы для первой половины XI в. Это весы с железным коромыслом и с чашечками диаметром от 5 до 6,5 см, которым сопутствовали гирьки, в основном призматической формы малого и среднего размера весом от 1 и до 12–15 г.

Ключевые слова: Волжская Болгария, торговля, арабские дирхемы, кусочки серебра, подвески в виде монеты, весы и гири, сухопутные пути, Остолоповское селище.

К.А. Rudenko
NEW MATERIALS ON BULGAR TRADE IN THE PRE-MONGOL PERIOD

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russian Federation

The article examines new finds of items related to trade at archaeological sites of the Volga Bulgars in the pre-Mongol period. A total of 9 scale parts and copper cups for them were analyzed; 59 weights, of which 5 (8.5 %) were bimetallic, 3 of them in the form of a barrel; 14 (22 %) made of lead or copper and 41 made of iron (69.5 %). In addition, silver ingots (12 items), lead and tin ingots (3 items), as well as clippings of silver eastern dirhams (6 items), a coin-shaped bronze pendant, and silver coins of the Buveygids (5 items) found at the Ostolopovo settlement were taken into account. The finds in the stratified layers of the Ostolopovo settlement made it possible to specify the time of existence of small and medium weight weights and the corresponding scales for weighing. This is the 11th century. It was noted that the types of iron weights at the Kashan I settlement and several settlements coincided, which indicated their connection along the medieval trade routes within Volga Bulgaria. The markings on some weights, both iron and bronze, also coincided. A standard was also determined in the set of weights and in the parameters of the scales themselves from the settlements and hillforts of the lower reaches of the Kama for the first half of the 11th century. These are scales with an iron beam and with cups with a diameter of 5 to 6.5 cm, which were accompanied by weights, mainly of a prismatic shape, small and medium in size, weighing from 1 to 12–15 g.

Keywords: Volga Bulgaria, trade, Arab dirhams, pieces of silver, coin-shaped pendants, scales and weights, land routes, Ostolopovo settlement.

Введение. Средневековая торговля в Поволжье и Предуралье, как в историческом, так и в археологическом отношении, давно привлекала ученых. В XIX в. в Казанском Поволжье особо многочисленны были исследования по восточной нумизматике, источником для которых служил обширный монетный материал из Казанской губернии, где некогда располагались средневековые государства – Волжская Булгария и Булгарская область Золотой Орды, лидеры международной и региональной торговли X–XIV вв. Основу этих изысканий заложил в первой трети XIX в. профессор Казанского Императорского университета, знаток восточных монет Х.Д. Френ [Френ, 1832].

Не менее информативным источником в изучении средневековой торговли были археологические материалы, накопленные с XIX в. в частных собраниях Поволжья и Предуралья. В к. XIX в. многочисленные археологические находки стали пополнять фонды археологического музея Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, созданного в 1878 г., и Казанского городского музея (с 1895 г.).

Особенно активно накопление археологических данных шло во второй половине XX в. в результате масштабных научных раскопок и разведок в Волго-Камье профессиональными археологами. Большое внимание вопросам торговли и торговых связей в это время уделяли казанские археологи-медиевисты. Объектами их исследований в данном контексте были памятники волжских булгар, так как в истории Волжской Болгарии именно торговля была краеугольным камнем. Значительная часть материалов с болгарских поселений в низовьях Камы, являвшихся важнейшими торгово-ремесленными пунктами Волжской Болгарии, обобщена в начале 1990-х гг. Е.П. Казаковым, а в середине этого десятилетия Р.М. Валеевым, включившим в свое исследование материалы как с пойменных камских селищ, так и Билярского городища [Казаков, 1991; Казаков, 2000; Культура, 1985, с. 104–113; Валеев, 1995].

Проблема средневековой торговли интересовала и археологов соседних регионов. Одним из первых к ней обратился А.М. Белавин по материалам памятников IX–XIV вв. Пермского Предуралья. Этой теме посвящена его кандидатская диссертация. Средневековая торговля рассматривалась и в докторском исследовании ученого, а также в его монографии [Белавин, 1991; Белавин, 2000б; Белавин, 2000а]. Особое внимание Андрей Михайлович уделял связям Пермского Предуралья с Волжской Булгарией [Сарапулов, 2018, с. 12]. В начале 1990-х гг. публикуются статьи о торговле Волжской Болгарии с Пермью вычегодской, а в 1997 г. увидела свет монография А.Г. Иванова, где рассматриваются торговые связи населения бассейна Чепцы в конце V – первой половине XIII в. [Савельева, 1991; Иванов, 1997].

В XXI в. тема торговли по археологическим данным не теряет актуальности. Для примера можно привести монографию В.А. Винничека и К.М. Киреевой о торговле в Верхнем Посурье и Примокшанье [Винничек, Киреева, 2012]. О роли торговли в возникновении и развитии болгарских городов много говорилось в научном пространстве Татарстана в начале 2000-х гг. в связи с празднованием 1000-летия Казани (2005) и Елабуги (2007). Важную информацию по теме дают новые раскопки на памятниках Волжской Болгарии и Золотой Орды. Например, в 2011–2019 гг. исследован центральный базар XIV в. г. Болгара, где найден многочисленный и разнообразный торговый инвентарь [Коваль, 2022]. До этого при обследовании территории Болгарского городища с помощью металлодетектора в 1999 г. найдены чашечки от весов и множество железных гирек для взвешивания [Мухаметшин, 2001, с. 69].

Интересная коллекция предметов торговли получена в результате исследований болгарских селищ, преимущественно, домонгольского времени, в конце XX – первых десятилетиях XXI в. После исследования Е.П. Казакова 1991 г. и серии его статей 2000-х гг., где опубликован накопленный к началу 1990-х гг. материал с болгарских поселений низовий Камы [Казаков, 1991; Казаков, 2000], эта тема рассматривалась в 2000-х гг. К.А. Руденко по материалам Остолоповского селища [Руденко, 2002]. Анализу новых находок с поселений нижнего течения Камы, связанных с болгарской торговлей, в основном, из исследований автора, посвящена настоящая статья.

Материалы. Мы рассматриваем торговый инструментарий и некоторые предметы торговли с селищ и городищ Волжской Булгарии, в основном Западного, Центрального Закамья и Предкамья, как из подъемного материала, так и из раскопок. Это Остолоповское I, Мурзинское I, Лаишевское, Алексеевское VI, Малополянское I, Рождественское VI, Билярское II селища, а также городища Кашан I, Елховское, Горкинское II, Билярское (*рис. 1*). Обратимся к обстоятельствам находок этих артефактов на памятниках, давших наиболее выразительный материал.

Остолоповское I селище (рис. 1, № 8) – одно из наиболее полно изученных домонгольских не городских поселений Волжской Булгарии. После создания в 1955 г. Куйбышевского водохранилища памятник катастрофически разрушается. Размыв культурного слоя селища дал большой подъемный материал. Стационарные раскопки здесь начала Т.А. Хлебникова в 1969 г. [Археологические, 1988, с. 47, № 295], продолжил в 1997 г. К.А. Руденко, в итоге изучено свыше 1000 м² площади. Охранно-спасательные раскопки велось сплошной площадью, что позволило получить общую картину развития культурного слоя и функционирования жилищно-хозяйственных комплексов. Культурные отложения селища составляют, в среднем, 60 см, с четким делением на IV стратиграфических слоя, что отличает его от большинства других булгарских селищ этого периода. В 1970-х – 1980-х гг. селище периодически осматривалось Е.П. Казаковым, Е.А. Беговатовым, Р.С. Габяшевым, М.М. Кавеевым. С 1997 г. обследования, проводившиеся К.А. Руденко, стали ежегодными.

Согласно полученным результатам, жители Остолоповского селища участвовали в локальной и региональной торговле, о чем свидетельствуют редкие и дорогие изделия, найденные в раскопах и в подъемном материале, например, стеклянные восточные артефакты: флакон для благовоний, фрагмент лампы, бусы, а также поливная керамика. Сюда стоит добавить браслет и перстень византийского производства, выполненные из цветного стекла. Отметим найденные на селище бувейгидские монеты [Столярова, 2005, с. 54–59; Столярова, Руденко, 2023; Столярова, Руденко, 2024; Руденко, 2002, с. 52, рис. 7: 5, 28–29; Руденко, 2017, с. 303–305, рис. 8; Руденко, 2024].

В к. 1980-х гг. в подъемном материале Е.П. Казаковым обнаружены медные чашечки от весов для мелких взвешиваний (*рис. 2: 3-4*) (МАРТ, № I Ос-87/73,74). В 2008 г. К.А. Руденко на западной стороне останца найден железный держатель коромысла весов для мелких взвешиваний (*рис. 2: 1*) [Руденко, 2002, с. 52, рис. 7/2]. В 1997 г. на Остолоповском селище в подъемном материале обнаружены две железные гири. Первая – кубической формы (1,4 × 1,4 × 1,2 см) (НМ РТ, КП 24658, А-30/96, полевой шифр ОС-97/4259) [Руденко, 2002, с. 52, рис. 7: 44]. Вторая – тоже кубическая, но большего размера (2,1 × 2,1 × 1,8 см) (*рис. 3: 1*), на гранях – чеканенные точки, а на одной из верхних поверхностей – изображение ромба (КП 24658, А-30/97, полевой шифр ОС-97/4260) [Руденко, 2002, с. 52, рис. 7: 42]. В 1999 г. в подъемном материале найдена еще одна железная гиря кубической формы (2 × 2 × 2 см). В начале 2000-х гг. на западном побережье останца обнаружены две биметаллические гири (*рис. 3: 13-14; табл. 1, № 12, 13*).

При раскопках, начатых в 1997 г., железные гири обнаружены в восточной части останца, где располагалась усадьба с ремесленной мастерской (раск. XVII, XX, XXI (*табл. 1, № 4–7*)). Находки относятся к III и IV стратиграфическим слоям, датируются XI – рубежом XI–XII в. [Руденко, 2017, с. 302–307]. В 2017 г. у края котлована жилища, расположенного на западном побережье останца, зафиксированы кусочки весового серебра (*рис. 5: 10–12*) [Руденко, 2019, с. 97, рис. 5: 1–2].

Рождественское VI селище (рис. 1, № 2). Открыто в начале 1970-х гг. [Археологическая, 1981, с. 90, № 372]. Не раскапывалось из-за подтопления водохранилищем, сейчас почти полностью смыто. При спаде воды К.А. Руденко в 1996 г. проведена шурфовка памятника. По находкам [Руденко, 2003, с. 231, табл. 53] селище датируется первой половиной домонгольского периода. Возникло оно во второй половине – конце X в. Из подъемного материала происходит гиря с чеканенным изображением ромба (*рис. 3: 29*).

Лаишевское селище (Чакма) (рис.1, № 3). После создания Куйбышевского водохранилища интенсивно разрушалось. Открыто в 1961 г. [Археологическая, 1981, с. 111, 112, № 525], регулярно обследовалось казанскими археологами (н. 1960–2000 гг.). В 1960-х – 1980-х гг. во время спада воды на отмели проведено вскрытие котлованов размытых построек и производственных сооружений. В подъемном материале было много фрагментов керамики, предметов из цветного металла и железа; среди последних – металлические гирьки [Археологическая, 1981, табл. XVII/22; Руденко, 1999б, с. 74]. С 1989 и до 2005 г. на селище К.А. Руденко проводились ежегодные обследования и небольшие раскопки. Среди находок есть медные и железные гирьки, целые экземпляры и обломки медных чашечек для весов [Руденко, 1999б, с. 75; Руденко, 2003, с. 172, 175, табл.7: 39–40; 8: 1]. Селище возникло как торгово-ремесленное поселение во второй половине X в. Наивысшего расцвета, благодаря специализации в металлургии железа и кузнечном деле, достигло в XI–XII вв. Просуществовало до начала XV в., погибло в результате пандемии чумы второй половины XIV – начала XV в. В настоящее время одна часть поселения размыта, другая – застроена.

Городище Кашан I (рис. 1, № 4). Известно с начала XIX в., с того же времени распаивается. Одно из самых крупных по площади городищ Волжской Булгарии домонгольского времени [Пономарев, 1893, с. 113–116; Археологическая, 1981, с. 119–120, № 569]. В 1879 г. П.А. Пономарев приобрел у крестьян две медные чашечки от весов [Пономарев, 1893, с. 128]. Первые стационарные раскопки проведены К.А. Руденко в южной и юго-восточной частях памятника в 1995–1997 гг., а в 2004 г. – в северной [Руденко, 1999а; Руденко, 2005, с. 26–35]. Из юго-восточной части городища (раскопа III 1997 г. и подъемного материала) происходит несколько железных гирек [Руденко, 1999а, с. 119, рис. 8: 11–14]. Масштабные охранные работы проходили в 2013 г. в северной части памятника. В раскопах найдено большое количество металлических гирек и медные чашечки весов³² [Перескоков, 2014, с. 282]. По находкам памятник датируется XI–XII вв. [Руденко, 2005, 31, 35, рис. 147]. Судя по следам разорения и пожаров, прослеженных во всех раскопах, а также костей человека в постройках и вне их [Руденко, 2005, с. 35], городище прекратило существование в XII в., датировка его временем Золотой Орды [Археологическая, 1981, с. 120; Губайдуллин, 2019, с. 116] ошибочна.

Мурзихинское селище (рис. 1, № 5). С середины 1960-х гг. неоднократно обследовалось, но стационарные раскопки проведены только в 1994–1996 гг. К.А. Руденко [Археологические, 1988, с. 34, № 198; Руденко, 2015, с. 83–188]. Сейчас время памятник полностью размыт. Селище датируется концом X – началом XIII в., расцвет приходится на XI–XII вв.³³ В подъемном материале найдены медные чашечки и фрагмент железного коромысла от весов, а также железные гирьки, в том числе, одна биметаллическая (рис. 3: 21).

Алексеевское VI селище (рис. 1, № 6) после создания водохранилища было затоплено. Обследовалось с 1974 г. Большой подъемный материал собран Е.А. Беговатовым в 1983–1984 гг. при спаде воды в водохранилище [Археологические, 1988, с. 42, № 253]. Охранные раскопки проведены К.А. Руденко в 1993–1994 гг. [Руденко, 2015, с. 12–82]. Селище функционировало со второй половины X до конца XII в. При раскопках и сборах подъемного материала найдены медные чашечки от весов и железные гирьки. В настоящее время поселение находится под насыпью дамбы мостового перехода через Каму.

Билярское II селище (рис.1, № 11) – домонгольский памятник к северу от Билярского городища. На археологической карте оно объединено с III селищем, существовавшим во второй половине XIII–XIV вв. [Археологические, 1990, с. 55, № 433]. По данным раскопок Е.А. Беговатова 1999–2006 гг., установлено, что исследованная часть селища возникла

³² К сожалению, более подробной информации в публикации нет.

³³ В подъемном материале на селище встречаются серебряные и медные монеты от середины XIII в. до первой четверти XV в. [Бугарчев, 2022, с. 62, 63, табл. 1, 2] Они происходят из размытых кладов, а также со II Мурзихинского селища ордынского времени.

в кон. X – нач. XI в. и, по мнению исследователя, оно предшествовало Билярскому городищу [Беговатов, 2006, с. 146]. Из раскопок происходят железные гири кубической и призматической формы весом от 1,57 и до 15,76 г [Беговатов, 2006, с. 143, 145, рис. 1: 10; 2: 44–53].

Горкинское II городище (рис. 1, № 21) к северо-востоку от Билярского городища [Археологические, 1990, с. 76, 77, № 711], распаивается. В 1996 г. К.А. Руденко на пашне собран подъемный материал, в том числе, фрагмент бронзового литого орнаментированного сосуда, изделия из железа и два слитка цветного металла [Руденко, 2003, табл. 80–82] (рис. 5: 14–15).

Малополянское I селище (рис. 1, № 19) расположено с напольной стороны Малополянского городища [Археологические, 1988, с. 65, № 434]. Не раскапывалось. По подъемному материалу датируется домонгольским временем. В 1989–1990 гг. К.А. Руденко снят план городища и селищ, проведена фиксация подъемного материала. В последние годы этот археологический комплекс посещается мародерами-копателями.

Больше-Толкишское селище (рис. 1, № 18) [Археологические, 1988, с. 67, № 151], распаивается. Обследовано К.А. Руденко в 1996 г., по керамике датировано домонгольским временем.

Елховское городище (рис. 1, № 16) распаивано, включая укрепления [Археологические, 1988, с. 77, № 537]. В 1997 г. при обследовании К.А. Руденко на пашне найдены железная гирька (табл. 3, № 45; рис. 4: 16), фрагменты бронзовых украшений и керамика.

Помимо весовых гирек и торгового инструментария на Остолоповском, Мурзихинском, Лаишевском, Рождественском VI селищах и городище Кашан I найдены кусочки серебра и свинцово-оловянных сплавов.

Таблица 1

Детали весов для мелких взвешиваний

№ п/п	Место находки	Наименование	Материал	Размер (см)	Сохранность	Рисунок	Публикация
1	Остолоповское селище, п. м., 2004	П-образный держатель для коромысла	железо	7,5 × 3,5 × 0,3	коррозия	2/1	
2	Городище Кашан-I, п. м., 1996–1997 г.	коромысло весов	железо	5,5 × 1,5 × 0,5	фрагмент, коррозия	2/2	Руденко, 1999а, рис. 8/14
3	Остолоповское селище, п. м., 1997.	коромысло от весов	железо	6 × 1 × 0,4	коррозия	2/3	
4	Алексеевское-VI селище, раскоп III, уч. Б/7 яма 5, гл. -37 см	чашечка от весов	медь	D = 6 H = 1,2	фрагмент, деформация, патина	2/4	Руденко, 2015, рис. 8/3
5	Остолоповское селище, п. м., 1987 г. МАРТ, инв. № I Ос-87/73	чашечка от весов	медь	D = 6,5 H = 1	патина	2/5	
6	Остолоповское селище, п. м., МАРТ, инв. № I Ос-87/74	чашечка от весов	медь	D = 6,5 H = 1,2	деформация, патина	2: 6	
7	Алексеевское - VI селище, п. м. НМ РТ, КП-24226, А-20/88,89	2 чашечки от весов	медь	D = 5,3 H = 1,15	патина	2: 7	Руденко, 2015, рис. 8:4

Окончание табл. 1

№ п/п	Место находки	Наименование	Материал	Размер (см)	Сохранность	Рисунок	Публикация
8	Мурзихинское I селище, п. м., МАРТ, инв. № I Мур. с-67/19	чашечка от весов	медь	$D = 5,5$ $H = 0,5$	утраты, деформация, патина	2: 8	
9	Малополянское I селище, п. м., 1996 г.	чашечка от весов	медь	$D = 5,5$ $H = 0,4$	деформация, разломы по краю	2: 9	

Полученные результаты

Инструменты для взвешивания (табл. 1) представлены деталями весов для мелких взвешиваний: П-образным держателем, коромыслами Т-образной формы со стрелкой и медными чашечками [Жуковский, 2022, с. 54]. На Остолоповском селище найдена железная П-образная рамка-держатель для крепления коромысла (рис. 2: 1), аналогичная известна на городище Хулаш [Каховский, Смирнов, 1972, с. 61, 62, рис. 34]. Держатель этого типа имеет аналогии в Новгороде и датирован первой половиной XI в. [Жуковский, 2022, с. 47, рис. 17].

С других памятников происходят Т-образные железные коромысла длиной от 6,5³⁴ до 16 см (рис. 2: 3). У коромысла с Алексеевского VI селища плечи квадратного сечения. Того же типа коромысло, чуть более крупное – до 10 см, с плечами круглого сечения, найдено на Мурзихинском селище и городище Кашан I (рис. 2: 2). Все эти коромысла меньше по размеру, чем коромысла с Измерского селища, длина которых была 8–12 см [Валеев, 1995, рис. 2]. С последнего памятника происходит фрагмент коромысла общей длиной 16 см, причем окончания плеч раскованы, на образованных маленьких круглых площадках пробиты отверстия диаметром 0,2 см (МАРТ: КЕП 1/363). Весы второй половины XIII–XIV вв. этого типа более крупные: общая длина коромысла 16–18 см [Музей, 2016, с. 253, кат. 11.5.25].

Чашечки весов сделаны давлением из круглой медной пластины толщиной 0,16–0,2 см. По периметру почти у самого края в них пробивалось три сквозных отверстия с интервалом $\approx 3,5$ –4 см (рис. 2: 4–8). Диаметр чашек от 5 до 6,5 см, что, видимо, было стандартным размером для таких изделий в домонгольское время [Казаков, 1991, с. 151; Валеев, 1995, с. 79, тип 1; Каховский, Смирнов, 1972, рис. 34]. Глубина чашечек варьируется: есть уплощенные, глубиной, в среднем, 0,45–0,6 см и чашечки, близкие по форме к полусфере, глубиной 1–1,2 см. Вес изделий 9–10 г. Все они сделаны из меди с небольшим количеством примесей. Содержание меди в сплаве, по данным количественного спектрального анализа, – 63,8 % и выше [Хлебникова, 1996, с. 275, табл. III, № 39; табл. IV, № 39].

Изображений на рассмотренных изделиях нет. Исключение – пара чашечек весов диаметром 6 см из раскопок А.З. Нигамаева на Старо-Ромашкинском городище в 2013 г.³⁵ (рис. 1, № 22). На их внутренней стороне чеканом мелкими наклонными насечками очерчен круглый медальон, в котором выгравированы s-видный орнамент и стилизованный рисунок в центре (ЧГИАиЛМЗ: КП-310/1–2). Городище датируется домонгольским временем [Нигамаев, 2021, с. 62], к этому периоду относятся и чашечки весов. П.А. Пономарев упоминает рисунок на одной из приобретенных им чашечек для весов, найденной на городище Кашан-I [Пономарев, 1893, с. 128].

На Алексеевском VI, Лаишевском и Остолоповском селищах в подъемном материале найдены три пары чашечек (рис. 2: 5–7). Чашечки с Алексеевского VI селища диаметром 5 см (рис. 2: 7) были вложены одна в другую и лежали вверх дном [Руденко, 2015, с. 68]. Такой же комплект из двух чашечек диаметром 5,5 см найден на Лаишевском селище [Казаков,

³⁴ Для столь миниатюрных весов должны быть нестандартные миниатюрные чашечки.

³⁵ URL: <https://chisto-muzei.ru/2014/02/raskopki-na-staro-romashkinskom-gorodishhe-v-2013-g/> (дата обращения: 20.08.2024).

1991, рис. 48: 33–34]. На Алексеевском VI селище кроме упомянутой пары еще одна чашечка (рис. 1: 4) найдена в раскопе III в хозяйственной постройке А-1, датируемой XI в. [Руденко, 2015, рис. 20: 21; 30: 21; 40; 42]. Чашечка диаметром 5,5 см, чуть деформированная, найдена в подъемном материале на Малополянском I селище в Чистопольском районе РТ (рис. 2: 9).

Медные чашечки таких же размеров известны на Измерском селище [Казаков, 1991, с. 150, 151, рис. 48: 32], Билярском городище и Билярском X селище (БГИАМЗ-452; БГИАПМЗ: КП-641/120,121; 687/136; 676/112). Чашечки диаметром 5 см глубиной 0,6 см происходят из раскопа XXII (1973 г.) Билярского городища (БГИАПМЗ, инв. № Б-223/2913, полевой шифр: Б XXII-73/561). На Старо-Куйбышевском городище найдены чашечки диаметром 4,3 и 7 см [Музей, 2016, с. 254, кат. 11.5.31, 11.5.32]. Близкие по размеру чашечки есть на Золотаревском поселении в Пензенской области [Белорыбкин, 2001, с. 63, рис. 36: 5–6].

Чашечки весов диаметром 10 см и более встречаются чаще на болгарских домонгольских городищах [Культура, 1985, с. 106, табл. Р, № 15; Нигамаев, 2005, с. 51, рис. 97: 1]. Находки чашечек весов разного размера известны на средневековых городищах Пермского края [Белавин, 2000а, с. 125, рис. 63: 4]. Крупные медные чашечки диаметром 8 см, при глубине в 3,5 см с 4 четырьмя отверстиями, найдены на Рождественском городище в Пермском крае [Белавин, Крыласова, 2008, с. 491, рис. 214: 17]. Отметим, что на чашечках с древнерусских памятников и кладов X в. отверстий, как правило, четыре [Пушкина, 2010, с. 148], тогда как у болгарских всегда три.

В золотоордынском Болгаре чашечки весов для мелких взвешиваний имели диаметр от 8 см, хотя встречаются и изделия диаметром 6 и 7,5 см. Опубликованные находки из домонгольского VI слоя Болгарского городища имеют диаметр 5,1 см [Музей, 2016, с. 253–255, кат. 11.5.26–1.5.28, 11.5.30, 11.5.33]. Интересно, что чашечки, найденные на городском базаре Болгара ордынского времени (15 экз.), имеют диаметр 7–9 см, при высоте 1,5–2 см [Коваль, 2022, с. 50]. Отметим, что с XIV в. широкое распространение в Золотой Орде и на Руси получают рычажные миниатюрные весы из рога и бронзы, бытовавшие до XV в. включительно [Чернов, 2017, с. 339, рис. 14: 173].

На рассмотренных памятниках весы с цельным железным коромыслом и П-образным держателем, относятся к группе II, по М.О. Жуковскому, появившейся на Руси с середины XI в. [Жуковский, 2022, с. 278]. Судя по материалам селищ, в Волжской Булгарии весы этого типа стали широко использоваться в это же время, хотя появились, скорее всего, еще в конце X в. Прототипы их из бронзы и железа известны в Европе с IX в. [Tentiuc, Bubulici, 2020, p. 263, fig. 5]. Весы с железным цельным коромыслом в Центральной и Северной Европе имели широкое хождение в конце IX – первой половине XI в. [Jagodziński, 2009, p. 187, fig. 6].

Гирьки (табл. 2) делятся по материалу на четыре группы: А – железные; Б – из цветного металла: медные/бронзовые и свинцовые; В – биметаллические (железо и бронза). Отделы выделяются по форме: I – кубические; II – призматические; III – граненые и пирамидальные; IV – цилиндрические; V – боченковидные и усеченно-биконические. По размеру выделяются 3 параметра: *малые* (а) – 1–1,3 × 1,1–1,3, высота от 0,3 до 0,7 см при весе 1,45–3 г; *средние* (б) – 1,3–1,4 × 1,3–1,4 × 1,3–1,4 см при весе в среднем – 5,7 до 14,09 г; максимальный вес гирек в этом весовом диапазоне – 20 г; *гирьки большие* (в) – 2–2,2 × 2,2 × 1,8 см, при весе 50–56,33 г (минимальный вес гирек этой весовой характеристики – от 30 г). Эти параметры позволяют объединить гирьки в вид. К сожалению, в большинстве случаев, особенно для железных гирек, изначальный их вес изменился из-за коррозии и окислов. В ряде случаев классификация дополнена находками с других памятников из музейных фондов и публикаций.

ГРУППА А – ЖЕЛЕЗНЫЕ (41 экз.)

Отдел I – кубические (11 экз.)

Вид – а (5 экз.)

Тип 1 (АIа–1) (5 экз.) все найдены на Остолоповское селище (рис.3: 3, 8; 4: 1, 3, 9; табл.2, № 3, 8, 30, 32, 38); размеры: 1,3–1,4 × 1,3–1,4 × 1,3–1,4 см при весе в 13–14 г. Аналогичные гирьки обнаружены на Алексеевском-VI селище, причем одна из них зафиксирована

в постройке А1, датированной XI в., вместе с чашечкой от весов [Руденко, 2015, рис. 6: 10; 21, № 6; 30: 6]. Встречаются на Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 48: 15].

Вид – б (3 экз.).

Тип 1 (А1б–1) (3 экз.) (рис. 3: 4, 16; 4: 17; табл. 2, № 4, 16, 46) размеры: 1,5–1,6 × 1,5–1,6 × 1,7 см при весе в 29 г. Встречены гирьки этого типа на Измерском селище [Казаков, 1991, рис. 48: 15]. Одна гирька встречена в подъемном материале с Суварского археологического комплекса [Хайдаров, Садриева, 2012, с. 51]. Кубическая гирька весом 32,7 г найдена на Рождественском городище в Пермском крае. Железные гирьки этого типа в весовом диапазоне в среднем 20 г найдены на Родановом городище того же региона [Белавин, 2000а, с. 123, рис. 63: 17, 18; Белавин, Крыласова, 2008, с. 490, табл. 13].

Вид – в (3 экз.).

Тип 1 (А1в–1) (3 экз.) (рис. 3: 16, 25; 4: 10; табл. 2, № 16, 25, 39) размеры: 2–2,6 × 2–2,6 × 2–2,6 см, при весе от 50 до 56 г. Этот вид гирек встречен на Алексеевском–VI селище [Руденко, 2015, рис. 6/12]. Аналогичная гирька (1,9 × 2,8 × 2,4 см) обнаружена на Болгарском городище (НМ РТ, инв. № 5363/110, АА-26-9) и на городище Хулаш [Каховский, Смирнов, 1972, с. 61–62, рис. 34]. Гирька этого типа найдена на Суварском археологическом комплексе. Вес их от 60 до 116 г [Хайдаров, Садриева, 2012, с. 40, 49]. Крупные кубические гирьки выявлены на Городищенском городище в Пермском крае [Белавин, 2000а, с. 124, рис. 63: 15].

Отдел II – призматические (26 экз.)

Вид – а (6 экз.)

Тип 1 (А1а–1) (6 экз.) (рис. 3: 5, 7, 26; 4: 5, 14–15; табл. 2, № 5, 7, 26, 34, 43–44) гирьки малые размером 1–1,3 × 1,1–1,3, высота от 0,3 до 0,7 при весе 1,45–3 г найдены на Остолоповском, Измерском, Лаишевском, Семеновском I, Билярском II селищах, Билярском и Кашан I городищах [Беговатов, 2006, рис. 1/10; Валеев, 1995, табл. 2, № 61]. На Билярском II селище они встречены в сооружениях раскопа III, исследованного в 2001 г.: ямы 1, 20, 24 (БГИАПМЗ, КП 356/56, 58–59), а также в культурном слое (уч. 51–61, 79). Одна гирька найдена на раскопе V на уч. 33 на том же памятнике (БГИАПМЗ, КП 356/57, 60–63). Гирьки с Билярского II селища отличает малый размер и вес. Например, с того же III раскопа происходят две гирьки размером 0,8 × 0,8 × 0,5 см и весом 0,88 и 0,895 г (БГИАПМЗ, КП 356/56, 62). Встречаются малые гирьки и на Семеновском острове, правда, самый нижний порог веса здесь 1,1 г (МАРТ: КЕП-4/195). Другие гирьки этого типа с Семеновского острова имеют интервал веса от 1,5 до 3,26 г (МАРТ: КЕП-4/96, 187–188, 192–194). На Измерском селище их зафиксировано 28 экз., причем 4 гирьки весом от 0,75 до 1,14 г [Валеев, 1995, табл. 3, № 43–70], а на Билярском городище – только одна. Гирьки этого типа коррелируются по размеру и весу с бронзовой гирькой из Лаишевского селища (рис. 4: 2).

Вид – б (11 экз.)

Тип 1 (А1б–1) (11 экз.) (рис. 3: 6, 9–10, 15, 17–19; 4: 13, 18–20; табл. 2, № 6, 9–10, 15, 17–19, 42, 47–49) размер: 1,3–1,4 × 1,3–1,4 × 0,5–0,9 см; вес от 5,7 до 14,09 г. При почти равных параметрах с видом «а» данные гирьки отличаются большей высотой и, соответственно, большим весом. Три гирьки (табл. 2, № 5–7) найдены в раскопах на восточном побережье Остолоповского селища в слое III, начало накопления которого приходится на конец X в., и продолжалось все XI столетие. Одна гирька в подъемном материале с этого же памятника на западном побережье. Такие гирьки преобладают на Измерском селище [Валеев, 1995, табл. 3, № 24–39]. Встречены они и на Семеновском острове, все весом от 5,54 до 5,94 г (МАРТ: КЕП-4/189–191). На Билярском городище таковых гирек две, причем одна из них обнаружена в постройке 8 раскопа XXIII 1980 г. [Валеев, 1995, табл. 2, № 59–60].

Вид – в (9 экз.).

Тип 1 (А1в–1) (рис. 3: 2; 4: 4; табл. 2, № 2, 33) (2 экз.) гирьки по форме близкие к кубической, с одной уплощенной стороной, прямоугольные в сечении. Размер: 2–2,2 × 2,2 × 1,8 см при весе 55,65–56,33 г. Разница в 1 г между этими двумя гирьками образовалась, скорее всего, из-за коррозии.

Тип 2 (АПв–2) (1 экз.) Без маркировки, по форме близка к кубической Стороны по 2 см, ассиметричная (рис. 3: 22). Размеры аналогичные типу 1.

Тип 3 (АПв–3) (3 экз.). С изображением ромба и точек внутри на одной или всех сторонах (рис. 3: 1, 29; 4: 11; табл. 2, № 1, 29, 40). Размеры почти совпадают с типами 1 и 2; вес в интервале 51,79–57,5 г. Найдены на Измерском, Рождественском VI, Остолоповском селищах. Такие гирьки найдены на Кирменском городище [Нигамаев, 2005, рис. 97: 3]. Известны они в Посурье [Винничек, Киреева, 2012, с. 18, 19, рис. 1: 13, 23].

Тип 4 (АПв–4) (1 экз.) (рис. 3: 27; табл. 2, № 27) гирька со скругленными краями верхней площадки, посередине краев которой имеются одинарные и двойные риски. Вес – 54 г. Найдена в подъемном материале в юго-восточной части городища Кашан I у раскопа III. На Билярском городище обнаружена бронзовая гирька того же типа (НМ РТ, инв. № 5427/71-3, Бил. 5) – тип II в-2.

Тип 5 (АПв–5) (2 экз.) (рис. 4: 6, 12; табл. 2, № 35, 41), в форме прямоугольного параллелепипеда (2,3–2,5 × 2,5–3 × 1,2–1,5 см). Найдены на Лаишевском и Измерском селищах. Вес их фиксируется в очень узком весовом диапазоне – от 52,38 и до 53,44 г. С учетом утраты массы от времени, гирьки имели, практически, одинаковую массу, около 53 г.

Отдел III граненые (1 экз.), в данном отделе гирек виды «а» и «б» не зафиксированы.

Вид – в (1 экз.)

Тип 1 (АПв–1) (1 экз.) (рис. 3: 28; табл. 2, № 28), гирька восьмигранная, параметры верхней и нижней площадок 2 × 2,1 см, высота 1,7 см, ширина 2 см, вес 43,15 г. Найдена на городище Кашан I в раскопе III на глубине – 22 см от поверхности. По материалу раскопа датируется XI–XII вв. Известен вариант такой гирьки из бронзы [Музей, 2016, с. 255, кат. 11.5.35].

Отдел IV – цилиндрические с закругленным верхом (1 экз.).

Вид – в – (1 экз.)

Тип 1 (AIVв–1) (1 экз.) (рис. 3: 20; табл. 2, № 20) гирька цилиндрическая с закругленным верхом. **Размер:** диаметр 2,2, высота 1,7 см. Найдена на Мурзихинском селище. Имеется аналог из цветного металла с Измерского селища (рис. 4: 8).

Отдел V – боченковидные (2 экз.)

Вид – в (2 экз.)

Тип 1 (AVв–1) (2 экз.) (рис. 4: 21–22; табл. 2, № 50–51) с памятников в зоне Куйбышевского водохранилища. Диаметр 2–2,2 см, при весе от 22 до 31 г. На Руси железные боченковидные гирьки бытовали в X в. [Жуковский, 2022, с. 105, табл. 5].

ГРУППА Б: ГИРЬКИ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА (14 экз.)

Отдел I – Кубическая (1 экз.)

Вид – а (1 экз.)

Тип 1 (BIIa–1) (1 экз.) (рис. 4: 28; табл. 2, № 57) гирька кубической формы; края с фасками. Размер 1,4 × 1,4 × 1,2 см, вес 13,3 г. На верхней площадке имеется маркировка в виде четырех точек, размещенных в углах. Найдена на Болгарском городище.

Отдел II Призматические (7 экз.)

Вид – а (4 экз.)

Тип 1 (BIIa–1) (1 экз.) (рис. 4: 2; табл. 2, № 31) гирька отлита из бронзы, уплощенная без маркировки. Размер: 0,8 × 0,9 см, высота 0,5 см, при весе 2,77 г. Найдена в подъемном материале на Лаишевском селище.

Тип 2 (BIIa–2) (1 экз.) (рис. 4: 23; табл. 2, № 52) гирька отлита из свинца (1,2 × 1,18 × 0,4 см), вес – 5,76 г. Находка на Измерском селище. На этом же памятнике найдена аналогичная гирька (1,28 × 1,3 × 0,3 см), только из бронзы, весом 2,19 г.

Тип 3 (BIIa–3) (1 экз.) (рис. 4: 7; табл. 2, № 36) гирька миниатюрная бронзовая, уплощенная, с маркировкой на обеих сторонах в виде чеканенных 5 кружочков, скомпонованных в крестовидную фигуру. Размер изделия: 0,7 × 0,7 см, высота 0,4 см при весе 1,81 г. Найдена в подъемном материале на Лаишевском селище. Бронзовая гирька этого типа (1,1 × 1,1 см) с

такой же маркировкой весом 7 г найдена на Суварском археологическом комплексе [Хайдаров, Садриева, 2012, с. 20]. Аналогичная маркировка на бронзовых гирьках этого типа, встречена на городище Анюшкар в Пермском крае [Белавин, 2000а, с. 125, рис. 63: 12].

Тип 4 (БПа–4) (1 экз.) (рис. 3: 24; табл. 2, № 24) гирька из свернутой и прокованной полоски меди шириной 1,3 см, весом 5,1 г. Похожие артефакты встречены на Старо-Куйбышевском комплексе [Казаков, 1991, рис. 48: 19–20]. Одна такая гирька найдена на Семеновском острове (МАРТ: КЕП-4/186). Она почти такого же размера ($1,4 \times 1,2 \times 0,58$ см) и веса (5,19 г). С Измерского селища происходит гирька, сделанная из свернутой пополам полоски меди шириной 1,2 см, весом 2,71 г [Казаков, 1991, рис. 48/19]. Известен и другой вид гирек, встречающихся на городищах в Пермском крае – из свернутого в спираль бронзового дрота – тип IV, по: [Белавин, 2000а, с. 125, рис. 63: 6–7].

Вид – б (2 экз.)

Тип 1 (БШб–1) (1 экз.) (рис. 3: 23; табл. 2, № 23) гирька бронзовая, по форме близкая кубической, с маркировкой на верхней и нижней сторонах. На боковой грани маленьким зубильцем поставлен знак, представляющий из себя хаотичные насечки, сходящихся к центру. На верхней и нижней сторонах тем же инструментом намечен ромб, в центре которого обозначены три точки, скомпонованные в треугольник. Размер $1,4 \times 1,2 \times 1$ см, вес 13,47 г. Рисунок повторяет изображение на железных, но более крупных по размеру гирьках (рис. 3: 1, 29; 4: 11). Найдена на Мурзихинском селище. Близкий знак нанесен на гирьку, найденную на IV Старо-Куйбышевском селище [Казаков, 1991, рис. 48/31]. Аналогичная по форме и весу (13,54 г) бронзовая гирька найдена на Золотаревском поселении в Пензенской области [Белорыбкин, 2001, с. 63, рис. 36/12, табл. 4, № 6].

Тип 2 (БШб–2) (1 экз.) бронзовая гирька призматическая с фигурными краями и небольшими фасками (рис. 4: 24; табл. 2, № 53). На верхней стороне ее имеется узкий желобок шириной 0,3 см, а на боковых гранях по одной риску, переходящих в углубление на боковых гранях. Сбоку желобок продолжается, завершаясь на нижней грани. Размеры $2,2 \times 2,2 \times 1,6$ см, вес – 56,8 г. Найдена на Билярском городище (НМ РТ, инв. № 5427/71-3, Бил. 5).

Отдел III – пирамидальные или граненые (3 экз.)

Встречены гирьки двух видов – малые («а») и средние («б»).

Вид – а (3 экз.).

Тип 1 (БШб–1) (1 экз.) (рис. 4: 25; табл. 2, № 54) гирька, отлитая из свинца или из свинцово-оловянного сплава в виде усеченной пирамидки с основанием $1,56 \times 1,4$ см, высота изделия – 0,9 см, размер верхней площадки $0,6 \times 0,6$ см. Вес = 12,36 г. Найдена на Измерском селище (коллекция МАРТ).

Вид – б (2 экз.)

Тип 1 (БШб–1) (1 экз.) гирька, отлитая из бронзы, 8-гранная со знаками ($2,6 \times 1,9$ см). Обнаружена в раскопе XXXV на Болгарском городище, исследователь Н.Д. Аксенова. Датирована X–XIV вв. [Музей, 2016, с. 255, кат. 11.5.35].

Тип 2 (БШб–2) (рис. 4: 29; табл. 2, № 58) (1 экз.) гирька бронзовая со скругленными восьмью гранями, уплощенная. На верхней и нижней площадках имеется маркировка в виде миниатюрного полумесяца, выбитого чеканом, внутри которого имеется точка. Таких элементов с одной стороны 6; здесь имеется и аналогичная фигура, только без точки по центру. С оборотной стороны тоже 6 элементов, только один без точки. На одной из граней – три глубокие насечки. Размер $2,3 \times 2,25 \times 1,3$ см, вес – 39 г. Найдена в подъемном материале на Билярском городище, опубликована [Валеев, 1995, рис. 4а/7].

Отдел IV (3 экз.) – цилиндрические. Встречены гирьки двух видов – малые («а») и большие («в»).

Вид – а (3 экз.)

Тип 1 (БIVа–1) (1 экз.) гирька малая, цилиндрическая с округлым верхом, свинцовая (рис. 3: 12; табл. 2, № 12) диаметром 1,1 см и высотой 1 см, при весе 11,82 г; в верхней части имеется небольшое углубление. Подъемный материал с Остолоповского селища. Свинцовые

гирьки цилиндрической формы, довольно широкого весового диапазона встречены в Гнёздово, в культурном слое (11 экз.). Датированы X–XI вв. Высказано предположение, что они могли использоваться в ювелирном деле [Пушкина, 2010, с. 148].

Тип 2 (BIVa–2) (*рис. 4: 27; табл. 2, № 56*) (1 экз.) гирька бронзовая, цилиндрическая, диаметром 1,3 см и высотой 0,8 см, вес 8,6 г. На верхней плоскости чеканенные изображения двух точек, разделенных бороздкой.

Вид – в (1 экз.)

Тип 1 (BIVb–1) (1 экз.) гирька большая, цилиндрическая с округлым верхом (*рис. 4: 8; табл. 2, № 37*), диаметром 2,27 см и высотой 2 см при весе 53,66 г. Подъемный материал с Измерского селища.

Отдел V: усеченно-конической формы (1 экз.)

Представлена видом «а»

Вид – а (1 экз.)

Тип 1 (BVa–1) (1 экз.) (*рис. 3: 11; табл. 2, № 11*) гирька из свинцово-оловянистого сплава, усеченно-конической формы. Размер изделия: высота 11 см, диаметр верхней площадки 1,37 см и нижней – 1,39, вес = 16,14 г. Происходит из раскопа XIX Остолоповского селища, по стратиграфической шкале поселения – из III слоя, датированного XI – началом XII в. Гирьки из цветного металла конической формы разного размера встречены на средневековых городищах Пермского края [Белавин, 2000а, рис. 63: 10–11].

ГРУППА В: ГИРЬКИ БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ (6 экз.),

представлены одним отделом (II) с двумя видами изделий – «б» и «в»

Отдел II (2 экз.) включает гирьки видов «б» и «в».

Вид – б (2 экз.)

Тип 1 (ВПб–1) (1 экз.) (*рис. 4: 26; табл. 2, № 55*) призматической формы, квадратного сечения. Железная основа гирьки покрыта сверху бронзовой оболочкой. Края железной призмы выступают по углам и ребрам изделия. Размер: 1,6 × 1,5 × 1,2 см, вес = 21,25 г. Найдена на Билярском городище (НМ РТ, инв. № 5427/44-4, *Бил. 410*). Гирьки этого типа встречаются на древнерусских памятниках [Янин, 1956, с. 173].

Вид – в (1 экз.)

Тип 1 (ВПв–1) (1 экз.) (*рис. 4: 30; табл. 2, № 59*) гирька призматической формы, близкой к кубической, прямоугольного сечения. Железная основа гирьки покрыта сверху бронзовой оболочкой. На верхней и нижней площадках имеются насечки, образующие ромбовидную фигуру. На верхней площадке в центре изображен четырехконечный крест, два сектора которого заштрихованы. Размер 2,2 × 2,2 × 1,6 см, вес 56,8 г. Найдена на Билярском городище (НМ РТ, инв. № 5427/71-3, *Бил. 5*).

Отдел V боченковидные и боченковидные с ребром (3 экз.)

Малых и средних по размеру биметаллических гирек не встречено, поэтому выделяется один **вид** больших по размеру изделий – «в».

Вид – в (3 экз.)

Тип 1 (BVv–1) (1 экз.) (*рис. 3: 14; табл. 2, № 14*) гирька боченковидной формы со знаками, отличающиеся соединительными линиями в маркировке. Размер: диаметр 2,26 см, высота 1,7 см при весе 39,29 г. По древнерусским материалам гирьки такого типа датируются последней четвертью IX – серединой XI в. Е.П. Казаков, со ссылкой на материалы Ярославского Поволжья, датирует их второй половиной X в. [Казаков, 1991, с. 151].

Аналогичные изделия обнаружены на Семеновском острове: на Семеновском I селище и Семеновском VII могильнике в количестве 6 экземпляров³⁶. Еще одна гирька такого типа найдена на Старо-Рытвинских I–III селищах [Казаков, 1991, с. 151, рис. 48: 23–28; Музей, 2016, с. 256, кат. 11.5.41]. Одна из этих гирек с Семеновского I селища имеет на верхней плоскости стилизованную надпись арабскими буквами и дополнительные знаки на тулове в

³⁶ Данные на начало 1990-х гг.

виде маленьких треугольников и насечек [Казаков, 1991, рис. 48/28]. Еще одна нечитаемая арабографичная надпись имеется на гирьке этого типа со Старо-Нохратского городища [Музей, 2016, с. 256, кат. 11.5.39]. Исследование таких гирек с территории Древней Руси было проведено М.О. Жуковским [Жуковский, 2018].

Ареал распространения биметаллических боченковидных гирек этого типа широк – от Скандинавии и до Южной Руси. В Северной Европе наибольшая их концентрация отмечена на торгово-ремесленных поселениях в Германии и Швеции, таких как Хедебю (Hedeby), Бирка (Birka), Уппокра (Uppåkra). На последнем они датируются второй половинной X–XI в., хотя стали использоваться со второй половины IX в. При этом серия таких изделий на Уппокре имеет несколько иные весовые показатели, чем рассматриваемые нами [Hårdh, 2014, p. 288, fig. 26].

Аналогичные по форме гирьки есть в коллекциях с Билярского (4 экз.) и Болгарского (1 экз.) городищ [Музей, 2016, с. 255, кат. 11,5.34; Культура, 1985, с. 107, табл. Т, № 1, 2, 8, 13; XL/2, 6, 9]. Гирьки этого типа встречаются на Русском Севере, Суздальском Ополье, Верхнем Посурье и Пермском крае [Жуковский, 2022, с. 129–136; Винничек, Киреева, 2012, рис. 1/21; Макаров и др., 2016; Белавин, 2000а, рис. 63: 24–25]. В целом на древнерусских материалах, биметаллические боченковидные гирьки датируются в рамках IX–XI вв., а с учетом веса, как хронологического показателя, – второй половиной X – рубежом X–XI в. [Жуковский, 2022, с. 105, 207, табл. 5; 17]. Внося коррективы по датировкам болгарских памятников, на которых были обнаружены такие гирьки, можно предполагать, что в Волжской Булгарии они использовались в конце X – первой половине XI в.

Тип 2 (BVв–2) (2 экз.). Боченковидные с ребром (усеченно-биконические) (рис. 3: 13, 21; табл. 2, № 13, 21). Диаметр 2,1, высота 1,57–1,7 см при весе 39,74 г. На верхней и нижней сторонах есть знаки, нанесенные циркульным резцом: в виде креста (рис.3: 13, 21а), сгруппированные по несколько штук и одиночные. Они относятся к типу биметаллических гирек, маркированных кружками, датированных по древнерусским материалам последней четвертью XI–XIII в. (Жуковский, 2022, с. 110, рис. 56/Г; Макаров и др., 2016, с. 67, рис. 4: 8).

Таким образом, с рассмотренных памятников, включая несколько экземпляров с Измерского селища и Билярского городища, нами было учтено 60 гирек. Из них железных гирек отдела I – 11 экз., отдела II – 26 экз., отдела III – 1 экз., отдела IV – 1 экз., отдела V – 2 экз. Всего 41 экз. (68,4 %). Гирек из цветных металлов меньше: отдел I – 1 экз., отдел II – 6 экз. и отдел III – 3 экз., отдел IV – 3 экз., отдел V – 1 экз. Всего 14 экз. (23,3 %). Биметаллических отдела II – 2 экз. и отдела V – 3 экз. Всего 5 экз. (8,3 %). Больше всего встречено железных гирек призматической формы средних размеров, весом от 5,7 до 14 г.

Таблица 2

Характеристика гирек

№ п/п	Место находки и учетные данные	Тип	Материал	Размер, см	Вес, г	Рисунок	Публикация и примечания
1	Остолоповское селище, п. м., НМ РТ, КП-24658, А-30/97	АПв–3	железо	2,1 × 2,1 × 1,8	?	3: 1	Руденко, 2002, рис. 7: 42
2	Остолоповское селище, п. м., 1999 г. НМ РТ, КП-24658, А-30/96	АПв–1	железо	2,2 × 2 × 1,89	55,65	3: 2	Руденко, 2002, рис. 7: 43
3	Остолоповское селище, п. м.	АIа–1	железо	1,4 × 1,4 × 1,2	?	3: 3	Руденко, 2002, рис. 7: 44

Продолжение табл. 2

№ п/п	Место находки и учетные данные	Тип	Материал	Размер, см	Вес, г	Рисунок	Публикация и примечания
4	Остолоповское селище, раскоп XVII, уч. Г/6, 2 пл. *, № 35	АІб-1	железо	1,6 × 1,7 × 1,5	29,0	3: 4	*пл. – пласт
5	Остолоповское селище, раскоп XVII, уч. А/5, 3 пл., № 61	АIIа-1	железо	1 × 1,1 × 0,6	5,28*	3: 5	* вес с окислами и ржавчиной
6	Остолоповское селище, раскоп XXI, 2 пл., № 17	АIIб-1	железо	1,3 × 1,27 × 0,79	6,04	3: 6	
7	Остолоповское селище, раскоп XX, 4 пл., № 77	АIIа-1	железо	1 × 0,9 × 0,5	1,65	3: 7	
8	Остолоповское селище, п. м.	АIа-1	железо	1,3 × 1,36 × 1,2	13,86	3: 8	
9	Остолоповское селище, п. м. 2000 г.	АIIб-1	железо	1,5 × 1,5 × 0,96	12,43	3: 9	
10	Остолоповское селище, п. м., 1994 г.; Ос-94/63	АIIб-1	железо	1,4 × 1,5 × 1,1	14,09	3: 10	
11	Остолоповское селище, раскоп XIX, уч. 12а, № 10	БVа-1	свинец	1 × 1,3 × 1	16,14	3: 11	
12	Остолоповское селище, п. м.	БIVа-1	свинец	1,1 × 1,1 × 1	11,82	3:12	
13	Остолоповское селище, п. м.	БVв-2	железо и бронза	$Dв = 1,4$ $Dс = 2,1$ $Dн = 1,5$ $H = 1,57$	39,74	3: 13	
14	Остолоповское селище, п. м.	БVв-1	железо и бронза	$Dв = 1,28$ $Dс = 2,26$ $Dн = 1,4$ $H = 1,7$	39,29	3: 14	
15	Остолоповское селище, п. м.; Ос-94/63	АIIб-1	железо	1,5 × 1,5 × 1,2	?	3: 15	
16	Мурзинское селище, п. м.	АIV-1	железо	2,1 × 1,98 × 2	54,5	3:16	
17	Мурзинское селище, п. м.	АIIб-1	железо	1,4 × 1,4 × 0,8	?	3: 17	Руденко, 2015, рис.105: 70
18	Мурзинское селище, п. м.	АIIб-1	железо	1,1 × 1,1 × 0,7	?	3: 18	Руденко, 2015, рис. 105: 68
19	Мурзинское селище, п. м.	АIIб-1	железо	1,3 × 1,1 × 0,6	?	3: 19	Руденко, 2015, рис. 105: 69
20	Мурзинское селище, п. м.	АIVв-1	железо	$H = 1,6$ $Dосн = 2,2$?	3: 20	Руденко, 2015, рис. 105: 67

Продолжение табл. 2

№ п/п	Место находки и учетные данные	Тип	Материал	Размер, см	Вес, г	Рисунок	Публикация и примечания
21	Мурзинское селище, п. м.	ВВв-2	железо и бронза	$Dв = 1,5$ $Dс = 2,2$ $Dн = 1,6$ $H = 1,7$?	3: 21	Руденко, 2015, рис. 105: 66
22	Мурзинское селище, п. м.	АПв-2	железо	$2,3 \times 2,3 \times 1,6$?	3: 22	Руденко, 2015, рис. 105: 71
23	Мурзинское селище, п. м., со знаками	БПб-1	бронза	$1,4 \times 1,2 \times 1$	13,41	3: 23	Руденко, 2015, рис. 105: 65
24	Мурзинское селище, п. м.	БПа-4	медь	$1,3 \times 9,6 \times 0,7$	5,19	3: 24	
25	Кашан-І городище	АІв-1	железо	$1,89 \times 2 \times 2,1$	55,97	3: 25	Руденко, 1999а, рис. 8: 12
26	Кашан-І городище, п. м. 1997 г.	АПа-1	железо	$1 \times 1 \times 0,3$	0,45	3: 26	
27	Кашан-І городище, п. м., 1997 г., полевой шифр К-67	АПв-4	железо	$2,4 \times 2,4 \times 1,6$	54	3: 27	Руденко, 1999а, рис. 8: 13
28	Кашан-І городище, раскоп III, 1997 г.; уч. 1, – 22 см.	АПв-1	железо	восьмигранная: ширина = 2 высота = 1,7 площадки = $2 \times 2,1$	43,15	3:28	Руденко, 1999а, рис. 8: 11
29	Рождественское VI селище, п. м., 1994	АПв-3	железо	$2,2 \times 2,2 \times 1,78$	57,5	3: 29	
30	Лаишевское селище, п. м., АКУ-271/2617	АПа-1	железо	$1,4 \times 1,5 \times 1,2$	14,05	4: 1	
31	Лаишевское селище, п. м., АКУ-271/2664	БПа-1	бронза	$0,8 \times 0,9 \times 0,5$	2,77	4: 2	
32	Лаишевское селище, п. м.	АПа-1	железо	$1,3 \times 1,3 \times 1,3$	14,12	4: 3	
33	Лаишевское селище, п. м., АКУ-271/2663	АПв-1	железо	$2,2 \times 2,2 \times 1,8$	56,33	4:4	
34	Лаишевское селище, п. м., МАРТ, №658	АПа-1	железо	$1,3 \times 1,3 \times 0,3$	5,52	4: 5	
35	Лаишевское селище, п. м., МАРТ, № 657	АПв-5	железо	$2,5 \times 2,3 \times 1,5$	53,44	4: 6	
36	Лаишевское селище, п. м.	БПа-3	бронза	$0,7 \times 0,7 \times 0,4$	1,81	4: 7	
37	Измерское селище, п. м., МАРТ, КЕП-1/1143	БІВв-1	бронза	$H = 2$ $D = 2,27$	53,66	4: 8	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Место находки и учетные данные	Тип	Материал	Размер, см	Вес, г	Рисунок	Публикация и примечания
38	Измерское селище, п. м., МАРТ, инв. № I Из.с.-86/П-323	АIа-1	железо	1,3 × 1,5 × 1,3	14,52	4:9	
39	Измерское селище, п. м., МАРТ, КЕП-1/1121, Из-73/93	АIв-1	железо	2,6 × 2,6 × 2,6	50	4: 10	
40	Измерское селище, п. м., МАРТ, Вр-8/16	АIв-3	железо	2,3 × 2,2 × 2	51,79	4: 11	
41	Измерское селище, п. м., МАРТ, инв. № I Из. с.-86/п-321	АIв-5	железо	2,5 × 3 × 1,2	52,38	4: 12	
42	Измерское селище, п. м., МАРТ, инв. № I Из. с.-86/п-324	АIб-1	железо	1,5 × 1,4 × 0,6	5,75	4: 13	
43	Измерское селище, п. м., МАРТ, инв. № I Из. с.-86/п-325	АIа-1	железо	1 × 1 × 0,7	3,08	4:14	
44	Измерское селище, п. м., МАРТ, инв. № I Из. с.-86/п-326	АIа-1	железо	0,5 × 0,9 × 0,3	1,45	4: 15	
45	Елховское городище, п. м., Р-97/99	АIб-1	железо	1,6 × 1,7 × 1,6	27,81	4: 16	
46	Остолоповское селище, п. м., Полевой шифр: Р-1400	АIб-1	железо	1,5 × 1,7 × 1,6	28,17	4: 17	
47	Остолоповское селище, п. м., Полевой шифр: Р-1408	АIб-1	железо	1,48 × 1,47 × 0,98	11,26	4: 18	
48	Куйбышевское водохр., п. м.	АIб-1	железо	1,2 × 1,3 × 0,6	5,7	4: 19	
49	Куйбышевское водохр., п. м.	АIб-1	железо	1,39 × 1,38 × 0,5	5,9	4: 20	
50	Куйбышевское водохр., п. м.	АVв-1	железо	Дверх = 1,1 Dсредн = 2 H = 1,49	31	4: 21	
51	Куйбышевское водохр., п. м.	АVв-1	железо	Дверх = 1,45 Dсредн = 2,2 H = 1,6	22,9	4: 22	
52	Измерское селище, п. м. МАРТ, б. ш.	БIа-2	свинец	1,2 × 1,18 × 0,4	5,76	4: 23	
53	Биларское городище, п. м., НМ РТ, инв. № 5427/71-3, Бил. 5	БIб-2	бронза	2,2 × 2,2 × 1,6	56,8	4/24	

Окончание табл. 2

№ п/п	Место находки и учетные данные	Тип	Материал	Размер, см	Вес, г	Рисунок	Публикация и примечания
54	Измерское селище, п. м., МАРТ, б. н.*	БШб–1	свинец	1,2 × 1,18 × 0,4	12,36	4: 25	* б. н. – без номера
55	Билирское городище, п. м. НМ РТ, инв. № 5427/44-4, Бил. 110	ВШб–1	бронза, железо	1,6 × 1,5 × 1,2	21,25	4:26	
56	Билирское городище, п. м. НМ РТ, инв. № 5427/71-6.	БIVа–2	бронза	$D = 1,3$ $H = 0,8$	8,6	4/27	
57	Болгарское городище, п. м. НМ РТ, инв. № 5363, ОА-I-44	БIа–1	бронза	1,4 × 1,4 × 1	13,3	4:28	
58	Билирское городище, п. м. НМ РТ, инв. № 5427/71-1, Бил. 109.	БШб–2	бронза	2,3 × 2,25 × 1,3	39	4:29	
59	Билирское городище, п. м. НМ РТ, инв. № 5427/71-2, Бил. 109, АА-26–54	ВШв–1	бронза, железо	2 × 2,65 × 1,65	53,7	4:30	

Еще одна категория находок, непосредственно относящаяся к торговле, – это фрагменты серебряных монет, монетовидные подвески, а также весовое серебро и кусочки сплава цветных металлов в виде фрагментов рубленных слитков. В качестве торговых единиц можно рассматривать свинцовые или свинцово-оловянные слитки разной формы. Слитки свинца или композитного сплава правильной формы, например, цилиндрические, могли использоваться как гири (см. выше).

Отметим, что характеристика слитков как «серебряные» нередко условна. По результатам анализа состава металла, можно констатировать, что эти слитки чаще были сплавом металлов, а не чистым серебром. Так, в одном таком артефакте с Остолоповского селища (рис. 5: 9; табл. 3, № 9) содержится серебра 59,72 %, меди 28,25 % и свинца 11,53 %, а в другом слитке с того же памятника (рис. 5: 8, табл. 3, № 8) – серебра 49,53 %, меди 44,96 %, свинца 4,93 %, но, при этом, отмечено 0,25 % золота.

Как исключение отметим слиток с Лаишевского селища (рис. 5: 8, табл. 3, № 5) почти из чистого серебра – 92,25 % с присутствием небольшой примеси свинца и меди, соответственно, 4,62 и 2,79 %, хотя другие слитки с этого памятника на 70 % состоят из меди (рис. 5: 7, табл. 3, № 7). Фракции слитков-лепешек с высоким содержанием серебра происходят из Болгарского клада 2013 г. [Глазунова, Гайдуков, 2014, с. 261, 262, прил. 3]. Отметим, что в кладах за пределами Волжской Болгарии встречаются слитки как с высоким содержанием серебра, так и с довольно низким – в пределах 48–65 % как, например, на Золотаревском поселении в Пензенской области [Белорыбкин, 2001, с. 65, табл. 6; Винничек, 2007, с. 261].

Слитки цветного металла (16 экз.) (табл.3) достаточно разнообразны. По материалу выделяются две группы: I слитки серебряные или с основой из серебра и II – слитки свинцовые или свинцово-оловянные³⁷. По исходной заготовке для артефактов группы I можно выделить несколько видов. Вид А – из литого стержня (рис. 5: 1, 9), Б – из призматической заготовки (рис. 5: 5, 7–8, 10–11, 13), В – из круглой заготовки, так называемых слитках-лепешках, согнутых в трубочку [Валеев, 1995, с. 104, 105] (рис. 5: 2–4, 6, 12). Слитки делятся на три типа: *малые*, весом 1–3 г (рис. 5: 10–11), *средние* – 4–10 г (рис. 5: 8) и *большие* от 11 до 80 г (рис. 5: 5, 12–13). На Остолоповском селище встречены слитки видов «А» и «Б». На Лаишевском селище больше встречено слитков вида «В». Выборка невелика, поэтому делать какие-либо обобщения по этой категории находок в данном случае преждевременно. Слитки типа «Б» встречаются на археологических памятниках XI–XIII вв. довольно часто, например, на Суварском археологическом комплексе (АМЗ «Сувар»: КП 1119/483/402 Арх.) [Хайдаров, Садриева, 2012, с. 11]. Наиболее поздним комплексом с такими слитками можно считать клад 2013 г. на Болгарском городище, который по стратиграфии отнесен к первой половине XIII в. [Глазунова, Гайдуков, 2014, с. 256]. Рубленное серебро нередко встречается в кладах на территории Волжской Болгарии в XI–XII вв., но это отдельная тема исследования.

Группа II представлена несколькими находками. На Горкинском II городище найдены два слитка подтреугольной в плане формы из свинца или свинцово-оловянистого сплава (рис. 5: 14–15). Свинцовые слитки известны с Билярского городища, расположенного неподалеку от этого памятника. На последнем в целом встречается достаточно много изделий из свинца или свинцово-оловянного сплава: конусы (БГИАПМЗ: КП-610/883, полевой шифр – XXXVIII/26; НМ РТ, № 5427/23, 28, 35), призматические слитки (БГИАПМЗ: КП-627/96,97,127, полевой шифр: Б-77-XXVI/738, 550, Б-XXVIII-84/11212), грузики с втулкой и др. Конусовидные слитки найдены в раскопах на Остолоповском и Лаишевском селищах [Руденко, 2003, с. 171, табл. 6 (Б)/16]. Как показали анализы, изготовлены они из чистого свинца. Очевидно, что это материал привозной, явно результат торговли. Также с большой степенью вероятности можно утверждать, что они были и сырьем для ремесленников, хотя свинец в слитках в XII в. мог выступать и как денежная единица.

Таблица 3

Слитки цветного металла

№ п/п	Место находки и учетные данные	Вид	Материал	Размер, см	Вес, г	Рис.	Публикация
1	Лаишевское селище, п. м., АКУ-271/2699	вид А	свинец/олово	2,6 × 0,9 × 0,47	8,19	5: 1	
2	Лаишевское селище, п. м.	вид В	серебро	3 × 1,1 × 0,3	4,97	5: 2	
3	Кашан I городище, п. м.-1997 г.	вид В	серебро	2,2 × 1,2 × 0,4	?	5: 3	
4	Лаишевское селище, п. м. -94	вид В	серебро	1,55 × 1,5 × 0,36	4,56	5: 4	
5	Лаишевское селище, западная часть, сектор D, п. м.	вид Б	серебро	2,29 × 1,6 × 0,8	18,06	5: 5	
6	Лаишевское селище, п. м., Л. с.-69	вид В	серебро	1,98 × 1,2 × 0,56	5,52	5: 6	

³⁷ Без специального анализа состава металла точно определить состав затруднительно.

Окончание табл. 3

№ п/п	Место находки и учетные данные	Вид	Материал	Размер, см	Вес, г	Рис.	Публикация
7	Лаишевское селище, п. м.	вид Б	серебро	0,9 × 1,2 × 0,6	4,59	5: 7	
8	Остолоповское селище, п. м., Ост-97	вид Б	серебро	1,2 × 1,47 × 0,7	8,66	5: 8	Руденко, 2002, рис.7: 4
9	Остолоповское селище, п. м., О. с. -1999	вид А	серебро, медь и свинец	$D = 0,76$ $H = 2,7$	12,37	5: 9	Руденко, 2002, рис.7: 3
10	Остолоповское селище, раскоп XXIV, уч. 6, № 3,-15 см	вид Б	серебро	0,9 × 0,84 × 0,5	2,31	5: 11	Руденко, 2017, рис. 8: 2
11	Остолоповское селище, раскоп XXIV, уч. 6, 2 пласт, № 4, -23 см	вид В	серебро	2,1 × 1,29 × 1,57	13,5	5: 12	Руденко, 2017, рис. 8: 1
12	Остолоповское селище, раскоп XXIV, уч. 6, № 18, -41 см	вид Б	серебро	0,85 × 0,55 × 0,4	1,21	5: 10	
13	Остолоповское селище, раскопы XVIII–XIX, отвал	Вид Б	серебро(?)	1,5 × 0,9 × 0,48	3,6	–	
14	Толкишское I селище, п. м.	вид Б	серебро	3,9 × 3,39 × 0,7-1,1	84,1	5: 13	
15	Горкинское-II городище, п. м., Р-2362	–	свинец/олово	4 × 2,8 × 1,28	71,58	5: 14	
16	Горкинское-II городище, п. м., Р-2363	–	свинец/олово	5,36 × 3,7 × 1,5	160	5: 15	Руденко, 2003, табл. 82: 1

Монеты. Небольшая серия целых дирхемов и дирхемов с отверстиями Бувейгидского происхождения обнаружена на Остолоповском селище, в том числе, и в раскопе [Руденко, 2017, с. 303, 304, табл. 1; 2, рис. 8: 7–8]. Обломки дирхемов зафиксированы в подъемном материале на Лаишевском, Мурзихинском-I селищах. На Маклашеевском селище обнаружен обломок дирхема X в. [Старостин, Чижевский, 2006, с. 169, рис. 8: 9].

Литые **монетовидные подвески** встречены на Лаишевском, Остолоповском и Мурзихинском-I селищах. Причем на Остолоповском селище, обломок такой подвески был обнаружен на дне одной из хозяйственных ям [Руденко, 2017, рис. 8/5]. Химический анализ этих изделий с Мурзихинского селища показал, что они изготовлены из сплава на медной основе (до 80 %) с добавкой олова и, в одном случае, цинка [Руденко, 2015, цв. рис. XIV/7, 8, табл. 3, 1]. Аналогичный состав металла был у монетовидной подвески с Остолоповского селища [Лебедев, Беговатов, Храмченкова, 2012, табл. 3, № 16]. Отметим, что такие поделки также были найдены, помимо Остолоповского и Мурзихинского селищ, на Измерском, Семеновском, Рождественском VI селищах и Старо-Куйбышевском городище. Причем они относятся к одному типу, и, вполне возможно, производились в одной мастерской [Лебедев, Беговатов, Храмченкова, 2012, с. 170, табл. 1, № 18–19, 21–24; табл. 2, № 1–2, 7, 11, 14, 16]. За пределами Волжской Болгарии такие подвески найдены в Верхнем Посурье и отлиты из сплава из тех же компонентов [Винничек, Лебедев, 2003, с. 382, рис. 4].

Фрагменты арабских дирхемов и монетовидных подвесок

№ п/п	Место находки	Тип	Материал	Размер, см	Вес, г	Рисунок	Публикация
1	Лаишевское I местонахождение, п. м., вероятно от фрагмента № 2		серебро	0,6 × 0,67 × 0,1	0,1	б: 1	
2	Лаишевское I местонахождение, п. м.		серебро	0,59 × 0,37 × 0,1	0,06	б: 2	
3	Лаишевское селище, п. м.		серебро	0,65 × 0,86 × 0,1	0,24	б: 3	
4	Лаишевское селище, п. м.		серебро	1,4 × 0,9 × 0,07	0,43	б: 4	
5	Мурзихинское I селище, п. м.		серебро	1,4 × 2,5 × 0,1	1,4	б: 5	
6	Мурзихинское I селище, п. м.		серебро	1,89 × 1,9 × 0,1	1,16	б: 6	
7	Лаишевское селище, п. м.		сплав цветных металлов	1,7 × 1 × 0,1 D отв = 0,27	0,95	б: 7	Руденко, 1999а, рис. 10: 14

Обсуждение. Рассмотренные материалы позволяют утверждать, что комплексы гирек Остолоповского, Мурзихинского, Лаишевского и VI Алексеевского селищ сопоставимы с набором гирек с Измерского и Семеновского селищ. Им соответствуют определенного типа инструменты для взвешивания – весы. У них было цельное железное Т-образное коромысло со стрелкой, имевшее железный держатель п-образной формы. К коромыслу крепились медные чашечки диаметром от 5 до 6,5 см. с тремя сквозными дырочками по краям.

Подтверждается и тот факт, что наборы таких малоразмерных гирек больше характерны для не городских болгарских поселений второй половины конца X – первой половины XI в. Причем, как уже было отмечено в литературе, на крупных городищах, например, Биллярском, гирьки малого, среднего размера почти не встречаются [Валеев, 1995, с. 83]. Насколько характерно эта тенденция для других городищ, сказать пока трудно, хотя, судя по находкам с Кирменского и Кашан I городищ³⁸, гирьки большого размера на них встречаются чаще, чем малые и средние.

Эти комплекты весов и гирек малого веса, а также биметаллических боченковидных, на рассмотренных памятниках получили распространение в самом конце X в., но в большей мере, в первой половине – середине XI в., хотя их бытование, вероятно, продолжалось и позже – до начала XII в. Сочетание в наборе имевших хождение гирек малого веса и размера, а также больших является характерной чертой болгарских памятников XI – начала XII в.

Еще одной интересной особенностью рассмотренного комплекса находок, является появление железных гирек одного типа, например, крупных с маркировкой ромбом с точками (рис. 3: 1, 29; 4: 11). Они фиксируются на поселениях, стоявших на сухопутных торговых-транспортных путях: Рождественское VI селище – Остолоповское селище – Измерское селище (рис. 1; 3: 1, 29; 4: 11).

Заключение. Рассмотренные материалы позволяют предполагать наличие определенного стандарта в торговом инструментарии домонгольского времени, особенно первой его половины, например, в весах для мелких взвешиваний. За редким исключением, они одинаковы – совпадает диаметр чашечек, размеры коромысел.

³⁸ На городище Кашан I в 1997 г. найдена большая призматическая гирька (3 × 3 × 2,1 см) весом свыше 50 г (НМ РТ, полевой шифр К-117).

Наличие предметов, связанных с торговлей, на рассмотренных памятниках не случайно (*рис. 1*). Городище Кашан I, как и Мурзихинское селище, были пунктами на переправе через Каму. Кстати, в XIX в. здесь был казенный перевоз [Мельников, 1862б, с. 348]. Эти переправы сохранялись до создания Куйбышевского водохранилища в 1955 г. От Мурзихи можно было речным путем на лодке по рекам, старицам и озерам добраться до устья Камы, соответственно, до Старокуйбышевского археологического комплекса и Болгара. Этот путь активизировался во время паводка [Природа, 1947, с. 156].

Также от Мурзихи сухопутная дорога шла по пойме, минуя небольшие поселения на старице Камы и, через Алексеевское VI селище, прямо к Алексеевскому городищу. Этот тракт существовал до середины XX в. (*рис. 1*). Оттуда был сухопутный и речной путь в сторону Джукетау (современный Чистополь) и в центральные области Булгарии, к Билярскому городищу по Большой Бахтэ и Шенталке. На последней находилось Остолоповское селище. Оно играло важную роль в весенней навигации, поскольку при большой воде (уровень Воли и Камы повышался на 10–12 м) [Природа, 1947, с. 156] какое-то время течение Шенталки от устья и до Остолопово менялось, и шло вверх от устья из-за быстроты и напора камских вод [Мельников, 1862а, с. 342; Износков, 1888, с. 3, № 11]. До середины XX в. в с. Остолопово были лоцманы, которых нанимали, чтобы избежать «затаскивания» судов в узкую извилистую речку с многочисленными мелями, и если это случалось, то для вывода судов и подчалков на камский фарватер. Скорее всего, и в болгарское время ситуация была схожей.

Лаишевское селище (Чакма) находилось в приустьевой части Брыссы, но и у озера Туба, около которого и возникло поселение второй половины X в. В домонгольское время это был крупнейший в данной области Волжской Булгарии ремесленный центр и, скорее всего, здесь же было и торжище. Кстати, в XIX – начале XX в. Лаишевская ярмарка была одной из крупнейших в нижнем течении Камы [Мельников, 1862б, с. 348].

Рождественский комплекс, включая VI селище, находился в пойменной части нижнего течения Меши, на пути в северные, периферийные районы Булгарии, возможно, и в Казань (*рис. 1*). Через с. Рождествено до середины XX в. в паводок весной проходил короткий путь через пойму по наполнявшимся водой старицам и затопленным озерам, из Казани через Мурзиху к Спасску (Куйбышеву), а оттуда к Болгару [Шпилевский, 2012, с. 305]. Это, возможно, воспроизводило путь по старому руслу Камы, которая, по мнению ряда исследователей, до XVII в. впадала в Волгу под Тетюшами, ниже современного устья [Мельников, 1862б, с. 349]. В этом случае Кама в болгарское время протекала близ Спасска. На этом пути находились узловые торгово-ремесленные центры у с. Измери (Семеновское и Измерское селища), а также, как промежуточный пункт, Старокуйбышевский археологический комплекс, существовавший на месте г. Спасска.

Остолоповское селище, помимо вышеозначенной причины, имело выход и к Камской магистрали, и к пойменным поселениям приустьевой части Камы – Измерскому и Семеновскому селищам. Кроме того, расположение и особые возможности, о которых уже шла речь, давали возможность жителям Остолоповского поселения контактировать с торговцами из Прикамья через ряд болгарских форпостов, например, на Кирменском городище и Елабуге.

Стоит также добавить, что весы и гири использовались не только в торговле, но и в ремесле, например, в ювелирном деле. Это объясняет достаточно высокую концентрацию гирек на Остолоповском селище, что связано с наличием здесь ремесленной мастерской, вероятно, ювелирной, остатки которой удалось выявить и исследовать. Связь весов и гирек с ремесленной деятельностью отмечалась в литературе [Винничек, 2007, с. 264].

Таким образом, рассмотренные находки позволяют не только более детально говорить о внутренней торговле в рамках болгарского государства, но и утверждать, что такая распространенность этих предметов была связана с расширением их функций в XI–XII вв., когда они стали предметами бытового обихода, без социальных и гендерных акцентов, что было отмечено по древнерусским материалам [Жуковский, 2022, с. 163].

Библиографический список

1. *Археологическая карта ТАССР. Западное Закамье. Часть I* / отв. ред. П.Н. Старостин. Казань : ИЯЛИ КФАН, 1985. 112 с.
2. *Археологическая карта ТАССР. Предкамье* / отв. ред. А.Х. Халиков. М. : Наука, 1981. 212 с.
3. *Археологические памятники бассейна р. Черемшан* / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань : ИЯЛИ КФАН, 1990. 112 с.
4. *Археологические памятники Центрального Закамья* / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань : ИЯЛИ КФАН, 1988. 98 с.
5. *Беговатов Е.А.* Торгово-ремесленные центры Волжской Булгарии на рубеже X–XI вв. (по материалам II Билярского селища) // Производственные центра: источники, «дороги», ареал распространения : материалы тематич. конф., С-Петербург, 18–21 дек. 2006 г. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб. : Истфак СПбГУ, 2006. С. 141–146.
6. *Белавин А.М.* Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X–XIII вв. : к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. 16 с.
7. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь : ПГПУ, 2000а. 200 с.
8. *Белавин А.М.* Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000б. 51 с.
9. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : ПГПУ, 2008. 603 с.
10. *Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб. ; Пенза : Изд-во ПегПУ, 2001. 196 с.
11. *Бугарчев А.И.* Джучидские монеты из находок на селище Мурзиха Алексеевского района Республики Татарстан // Человек и природа в бассейне реки Меша и Пестречинском Заказанье в историческом развитии : материалы Всерос. науч.-практ., ист.-краевед. конф. / ред. А.А. Бурханов. Казань : Отечество, 2022. С. 62–64 (Серия «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии». Вып. 22).
12. *Валеев Р.М.* Волжская Булгария. Торговля и денежное-весовые системы IX – начала XIII в. Казань : Фест, 1995. 159 с.
13. *Винничек В.А.* Ювелирные инструменты и технологии на поселениях Верхнего Посурья домонгольского периода (начало XI – начало XIII вв.) // Пензенский археологический сборник. Вып. 1 / ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза : ГУМНИЦ, 2007. С. 259–287.
14. *Винничек В.А., Киреева К.М.* Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. Пенза : ГАОУ ДПО ПИРО, 2012. 149 с.
15. *Винничек В.А., Лебедев В.П.* Восточные монеты X в. и монетовидные подвески с домонгольских поселений Верхнего Посурья // Археология Восточноевропейской степи : материалы Всерос. науч. конф. / ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза : ПегПУ, 2003. С. 376–391.
16. *Глазунова Е.В., Гайдуков П.Г.* Новый клад волжско-камских слитков («лепешек») из Болгара // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 236. С. 252–263.
17. *Губайдуллин А.М.* Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология Евразийских степей. 2019. № 3. С. 6–323.
18. *Жуковский М.О.* Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси (IX–XIII вв.). М. : Наука, 2022. 381 с.
19. *Жуковский М.О.* Средневековые весовые гирьки с подражаниями арабским надписям // Поволжская археология. 2018. № 4 (26). С. 117–136. DOI: 10.24852/2018.4.26.117.136

20. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск : УдНИИЯЛ УрО РАН, 1997. 309 с.
21. *Износков И.А.* Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд // Казанские губернские ведомости. 1888. № 99. С. 2–3.
22. *Казаков Е.П.* Булгарское село низовий Камы в X–XIII вв. Казань : Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.
23. *Казаков Е.П.* Измери – главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X–XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары / отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб. : ИИМК РАН, 2000. С. 87–99.
24. *Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1972. С. 3–73.
25. *Коваль В.Ю.* Торговый инвентарь с территории базара // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / отв. ред. В.Ю. Коваль. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. С. 50–65 (Серия: МИАБИАК. Т. IV).
26. *Культура Биляра.* Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / отв. ред. А.Х. Халиков. М. : Наука, 1985. 216 с.
27. *Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х.* Монетовидные литые подвески Волжской Болгарии // Нумизматика Золотой Орды. 2012. № 2. С. 163–174.
28. *Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Гомзин А.А.* Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополье // Российская археология, 2016. № 4. С. 48–74.
29. *Мельников С.Е.* От Чистополя до с. Богородского (Тутюшский уезд) // Казанские губернские ведомости. 1862а. № 35. С. 342.
30. *Мельников С.Е.* От Чистополя до с. Богородского (Тутюшский уезд) // Казанские губернские ведомости. 1862б. № 36. С. 346–349.
31. *Музей Болгарской цивилизации.* Т. I. Древний Болгар: жизнь города : каталог. Казань : Главдизайн, 2016. 276 с.
32. *Мухаметшин Р.Г.* Разведочные работы археологической экспедиции Болгарского заповедника // Археологические открытия в Татарстане: 2000 г. / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань : Мастер-Лайн, 2001. С. 68–71.
33. *Нигамаев А.З.* Болгарские города Предкамья. Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во ун-та, 2005. 228 с.
34. *Нигамаев А.З.* Староромашкинский археологический комплекс: некоторые итоги и перспективы исследования // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 55–64.
35. *Перескоков М.Л.* Некоторые итоги исследования городища Кашан I в республике Татарстан в 2013 г. // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований : материалы VII науч.-практ. конф. / ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург : Изд-во Горбуновой, 2014. С. 278–284.
36. *Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Болгарии. III Булгарский город Кашан // Известия ОАИЭ. 1893. Т. XI, вып. 2. Казань : Лито-типограф. ун-та. С. 111–138.
37. *Природа Татари.* Науч.-попул. очерки / ред. Н.И. Воробьев, В.Н. Сементовский. Казань : Татгосиздат : Типогр. Татполиграф 1947. 344 с.
38. *Пушкина Т.А.* Клад ювелира периода викингов с территории Верхнего Поднепровья // Arheoloģija un Etnogrāfija. 2010. № XXIV. С. 147–153.
39. *Руденко К.А.* Волжская Болгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития : материалы Круглого стола / отв. ред. М.А. Усманов. Казань : ИИ АН РТ, 2002. Ч. II. С. 31–52.

40. *Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань : Заман, 2003. 512 с.
41. *Руденко К.А.* Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. Казань : Казанская недвижимость, 2015. 400 с.
42. *Руденко К.А.* Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании болгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья : материалы Междунар. полевого симп. / отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск ; Глазов : УИИЯЛ УрО РАН, 1999а. С. 111–134.
43. *Руденко К.А.* К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья : материалы Междунар. полевого симп. / отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск ; Глазов : УИИЯЛ УрО РАН, 1999б. С. 73–102.
44. *Руденко К.А.* Отчет об исследованиях Сосновских II городища, I селища в Новощешминском районе и городища Кашан I в Лаишевском районе Татарстана в 2004 г. Казань, 2005 // АИА РАН. Ф-1. Р-1. 52 с. : 174 ил.
45. *Руденко К.А.* Поливная керамика Остолоповского селища XI–XII вв. в Татарстане // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 2. С. 7–30. DOI 10.14258/nreur(2024)2–01
46. *Руденко К.А.* Стратиграфия Остолоповского селища XI–XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. 2017. С. 296–319.
47. *Савельева Э.А.* Роль Волжской Болгарии в развитии культуры перми вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 95–110.
48. *Сарапулов А.Н.* А.М. Белавин: личность в науке (к вопросу о научной археологической школе в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. Вып. XIV. С. 4–26.
49. *Старостин П.Н., Чижевский А.А.* Раскопки Маклашеевского V могильника и Маклашеевского селища в 1990 г. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / ред. Ф.Ш. Хузин. Казань : Школа, 2006. С. 162–193.
50. *Столярова Е.К.* Стекланные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха Средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всероссийской конференции / ред. К.А. Руденко. Казань : Школа, 2005. С. 43–66.
51. *Столярова Е.К., Руденко К.А.* Находка восточной стеклянной лампы на Остолоповском селище XI–XII вв. // Археология Евразийских степей. 2024. № 3. С. 147–158. DOI: 10.24852/2587-6112.2024.3.147.158
52. *Столярова Е.К., Руденко К.А.* Стеклянный сосуд с накладным и обкатанным декором из Остолоповского селища в Татарстане: терминология, происхождение, хронология // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 131–159. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.5.131.159
53. *Френ Х.-М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой орды, с монетами разных иных Мухаммеданских династий в прибавлении; из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Университету: С крат. объясн. и указ. Х.М. Френа / пер. с нем. Михаил Волков, адъюнкт-проф. араб. яз. при С.-Петербур. ун-те. Пб. : Типогр. Акад. наук, 1832. XVI + 80 с.
54. *Хайдаров А.А., Садриева Н.М.* Древний Сувар: каталог археологических находок. Казань : Познание ИЭУП, 2012. 154 с.
55. *Хлебникова Т.А.* Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Казань : ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 269–292.

56. Чернов С.З. Двор с монетными весами в деревне Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV в. // Археология Подмосквья : материалы науч. семинара. Вып. 13 / ред. А.В. Энговатова. М. : Ин-т археологии РАН, 2017. С. 309–345.

57. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Репринт. Казань : ИСБ, 2012. 704 с. (Серия: Из коллекций казанских библиофилов).

58. Янин В.Л. Денежно-весовые системы Русского средневековья. Домонгольский период. М. : Изд-во Моск. ун-та. 1956. 208 с.

59. Jagodziński M.F. The settlement of Truso // Wulfstan's Voyage. The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard / Anton Englert & Athena Trakadas (eds.). Roskilde : the Viking Ship Museum, Denmark, 2009. P. 182–197 (Series: Maritime Culture of the North. Vol. 2).

60. Hårdh Birgitta Viking Age Uppåkra // Archaeological Review. 2014. № 20. P. 247–316.

61. Tentiuc Ion, Bubulici Valeriu Early medieval hoard of forging and jewelry tools found at Voloave, Soroca district // Tyragetia. serie nouă. 2020. vol. XIV [XXIX]. № 1. С. 255–280.

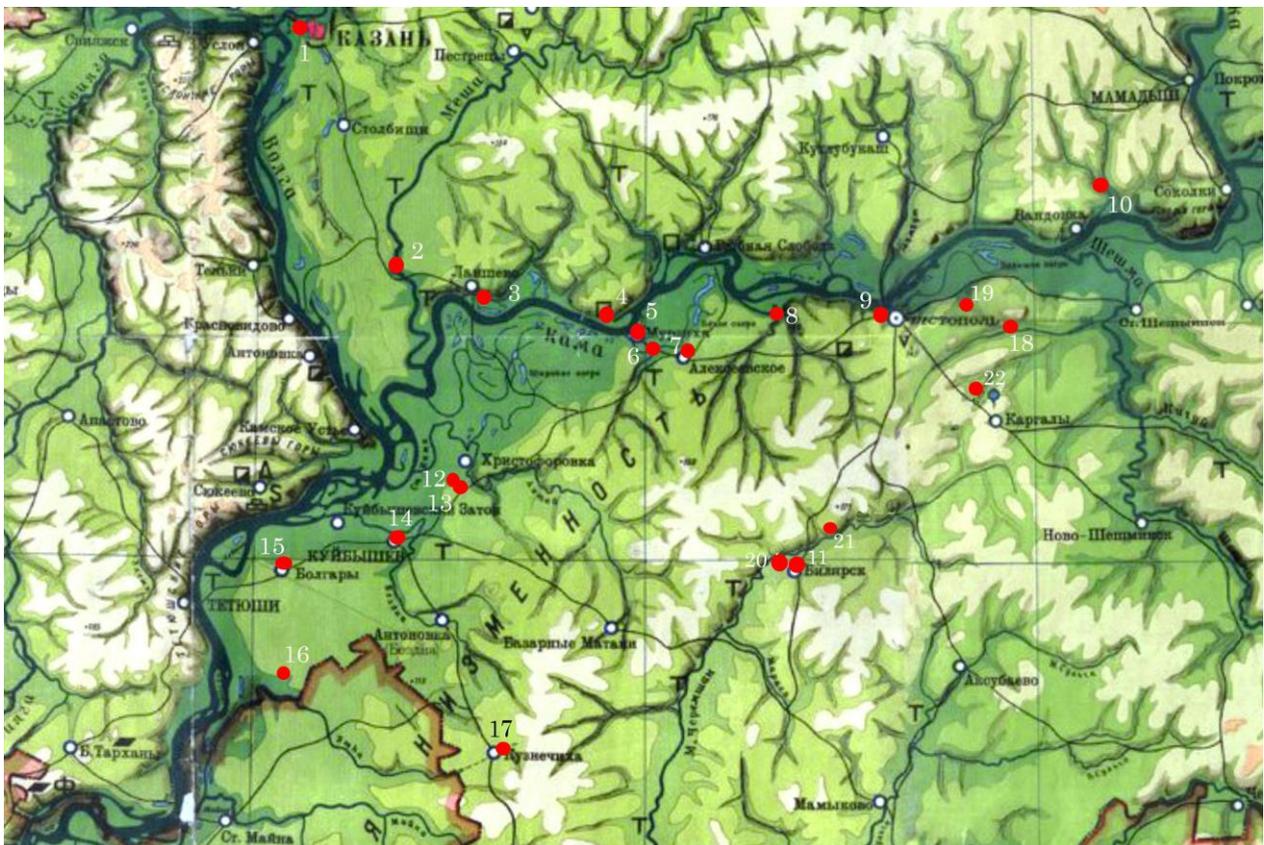

Рис. 1. Карта расположения археологических памятников, упомянутых в тексте (до создания Куйбышевской ГЭС): 1 – городище Казанский кремль; 2 – Рождественское VI селище; 3 – Лаишевское (Чакма) селище; 4 – Кашан I городище; 5 – Мурзинское селище; 6 – Алексеевское VI селище; 7 – Алексеевское городище; 8 – Остолоповское селище; 9 – городище Джукетау; 10 – Кирменское городище; 11 – Билярское городище; 12 – Семеновское I селище; 13 – Измерское I селище; 14 – Старо-Куйбышевское городище; 15 – Болгарское городище; 16 – Маклашевское селище; 17 – городище Сувар; 18 – Больше-Толкишское I селище; 19 – Малополянское I селище; 20 – Билярское II селище; 21 – Горкинское II городище; 22 – Старо-Ромашкинское городище

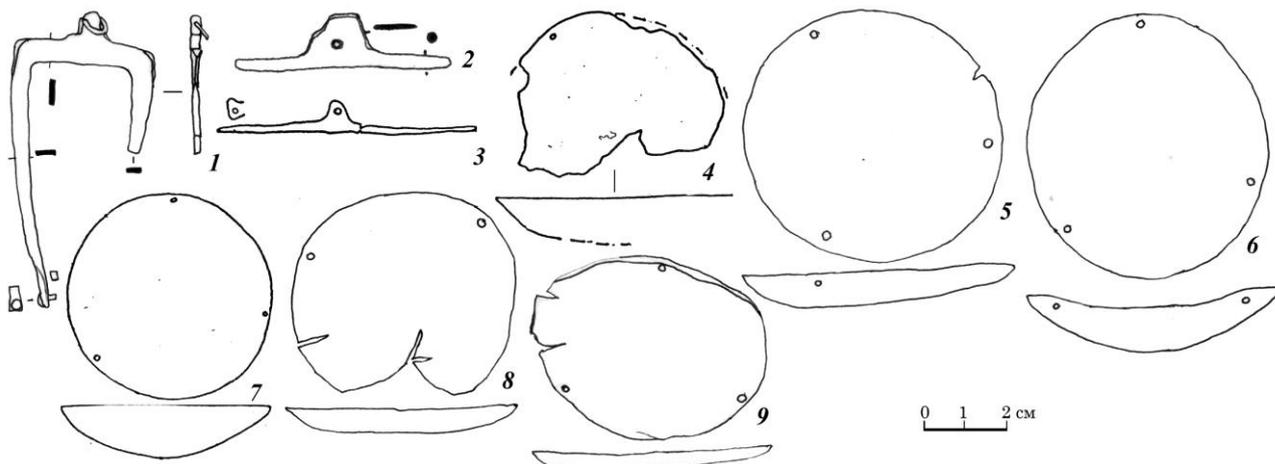

Рис. 2. Детали весов: держатель (1), коромысла (2, 3) и чашечки (4–8):
1, 5, 6 – Остолоповское селище; 3, 4, 7 – Алексеевское VI; 2 – городище Кашан I;
8 – Мурзихинское I селище; 9 – Малополянское I селище. 1–3: железо; 4–9: медь

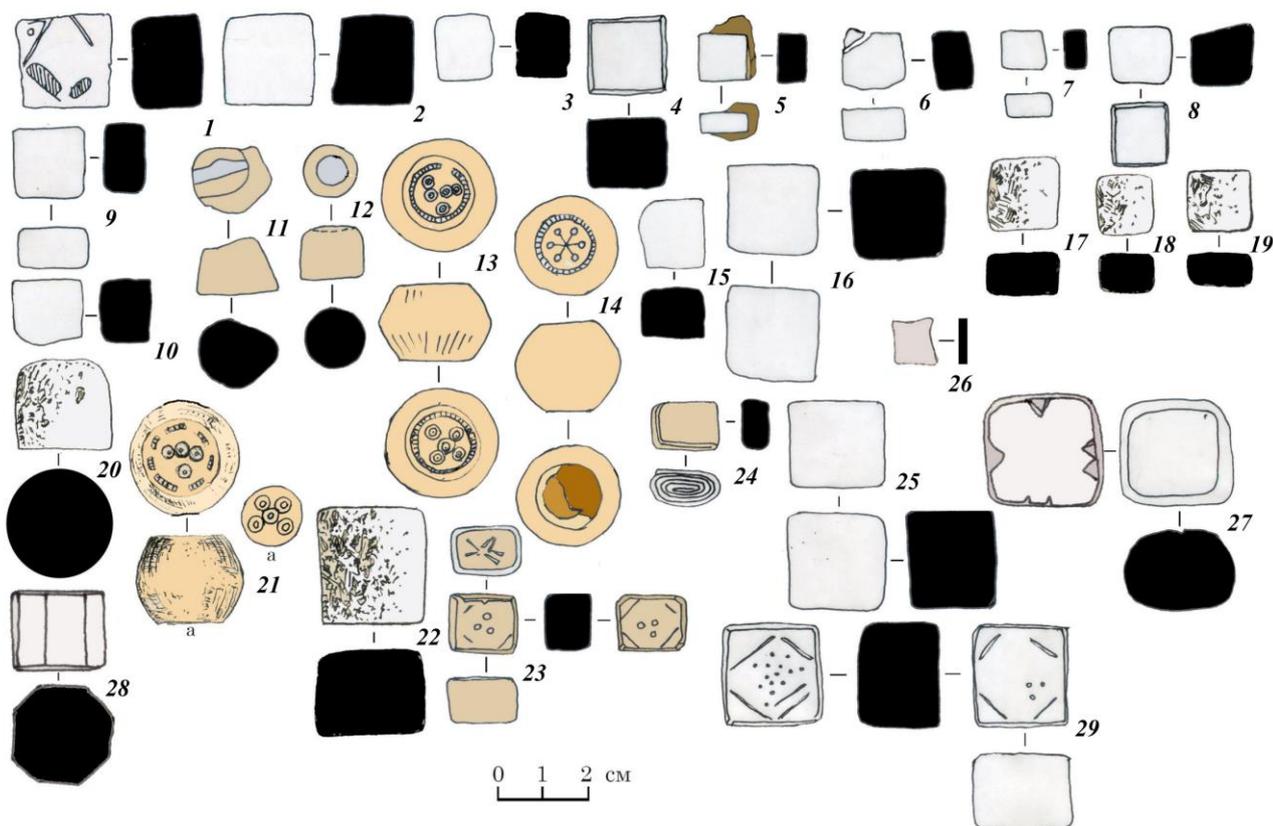

Рис. 3. Весовые гирьки: 1–15: Остолоповское селище; 16–24: Мурзихинское I селище; 25–28 – городище Кашан I; 29 – Рождественское VI селище.
11–12: свинец; 23: бронза; 24: медь; 13–14, 21: железо в бронзовой оболочке; остальные: железо

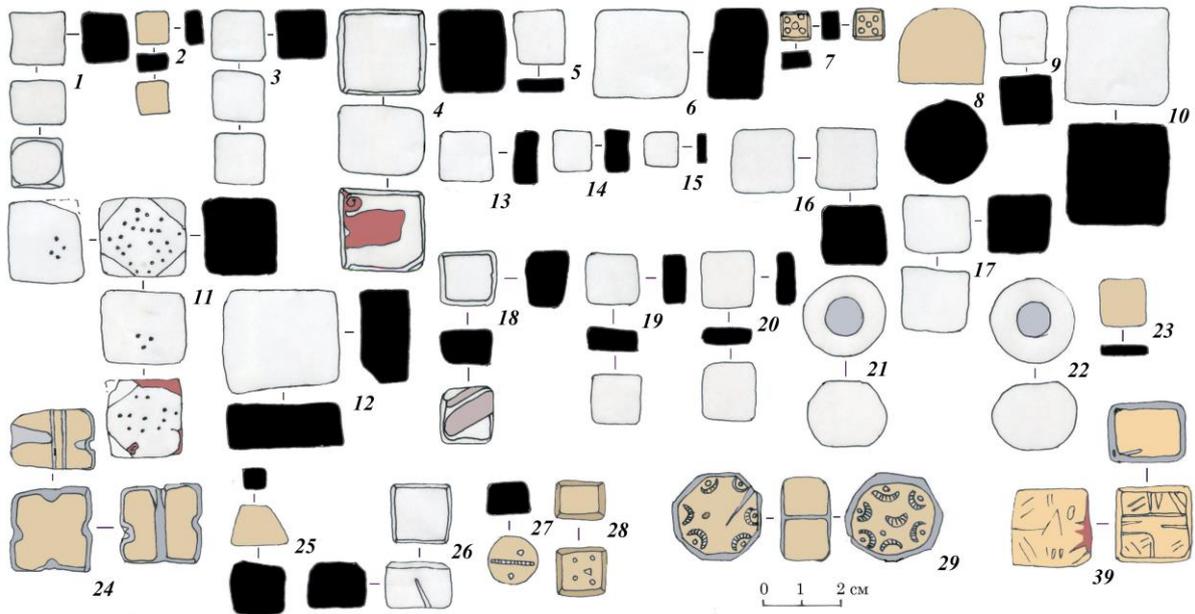

Рис. 4. Весовые гирьки: 1–7: Лаишевское селище (Чакма); 8–15: Измерское I селище; 16 – Елховское городище; 17, 18 – Остолоповское селище; 19–22: депаспортизированные сборы на Куйбышевском водохранилище. 8, 7 – бронза; остальные – железо

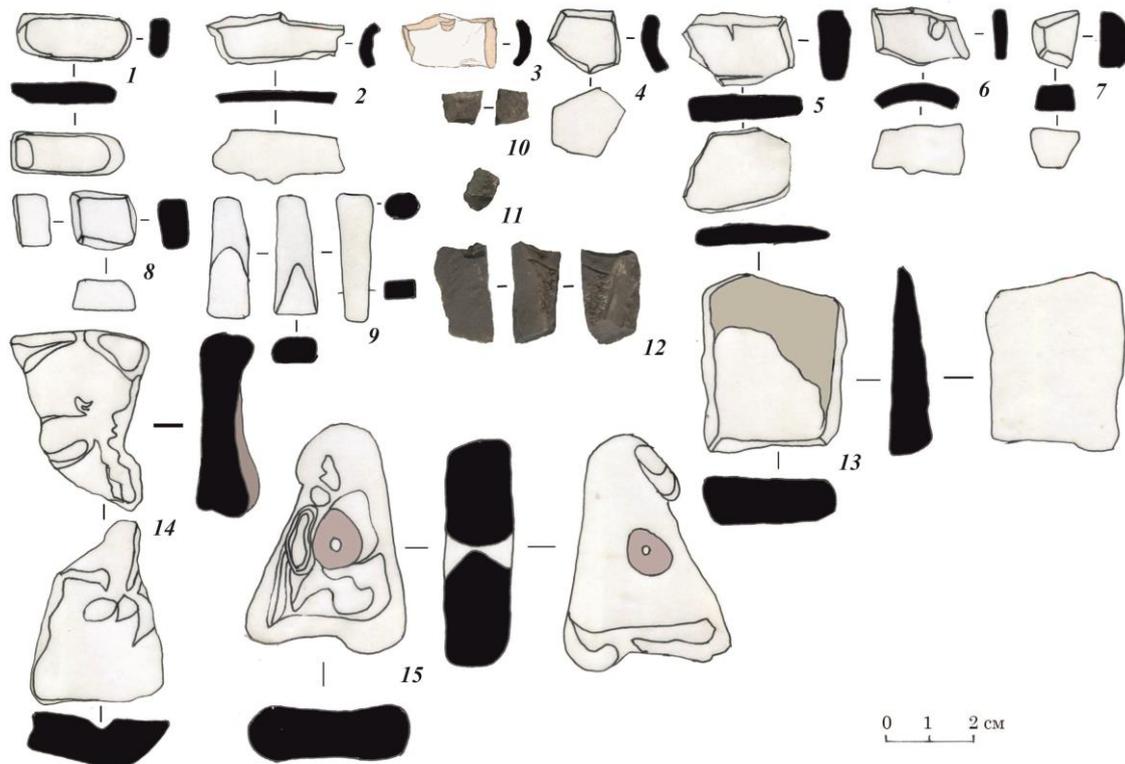

Рис. 5. Слитки цветного металла: 1–7: Лаишевское селище; 8, 9: Остолоповское селище; 10 – Остолоповское селище, раскоп XXIV, уч. 6, № 18–41 см, 11 – Остолоповское селище, раскоп XXIV, уч. 6, № 3 – 15 см; 12 – Остолоповское селище, раскоп XXIV, уч. 6, № 4 – 23 см; 13: Толкишское I селище; 14, 15: Горкинское II городище. Кроме № 10–12, все остальные артефакты из подъемного материала. 1 – свинцово-оловянный (?) сплав; 2–13 – серебро; 1, 14, 15 – свинец

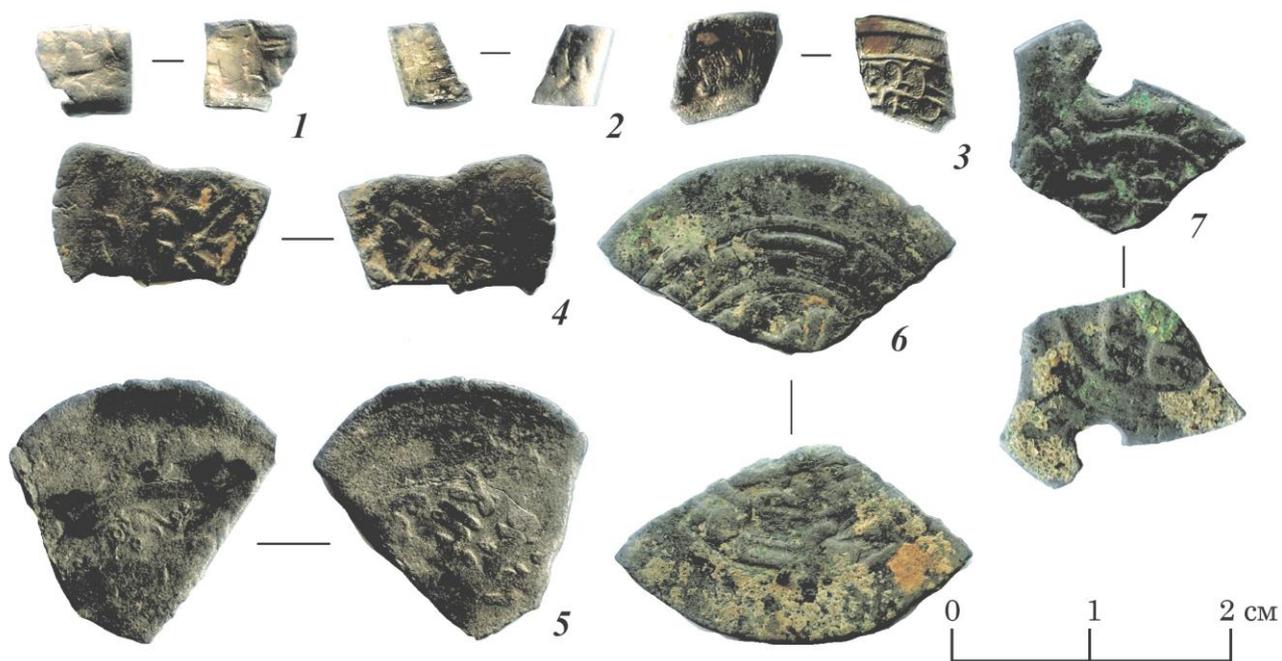

Рис. 6. Обрезки арабских серебряных монет (1–5) и литых монетовидных подвесок (6): 1–4, 7 – Лаишевское селище; 5–6 – Мурзихинское селище. 1–6 – серебро; 7 – бронза (?)

УДК 903.2 + 903.04

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-230-241

А.В. Курбатов
ИЗУЧЕНИЕ КОЖЕВЕННОГО РЕМЕСЛА ПЕРМСКОГО КРАЯ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, РФ

Научная деятельность Андрея Михайловича Белавина наряду с другими темами охватывала изучение периода древнерусской колонизации Пермского Предуралья и его развитие в XVIII–XIX вв. При этом рассматривался максимально полный объем источников, включая скрупулезный анализ и показ археологических памятников, строительных комплексов на них, а также вещевых собраний и столь же скрупулезный анализ письменных и изобразительных источников.

Трудно переоценить вклад Андрея Михайловича в дело научного изучения и передачи всей широты исторических данных по Пермскому краю новым поколениям исследователей в процессе его преподавательской деятельности, Раскрытие Андреем Михайловичем узлового положения Пермской земли на просторах Восточной Европы как в широтном, так и в меридианальном направлениях и было определяющим для развития края на всех этапах освоения человеком. Это было раскрыто ученым в крупном исследовании 2000 г. [Белавин, 2000], используемом многими историками и археологами в своей работе. Подтверждающие данные отражены и в Пермском словаре как понятие «сибирская дорога»: «И промыслы у них соляные и торги большие и живут на Сибирской большой дороге и от проезжих людей в торгах и от соляных промыслов богатеют» [Полякова, 2010, 1, с. 41].

Ключевые слова: Пермский край, кожевенное ремесло, XVI–XVIII вв., археологические и письменные источники.

A.V. Kurbatov
THE STUDY OF LEATHER CRAFT IN THE PERM KRAI
BASING ON ARCHAEOLOGICAL AND WRITTEN SOURCES

Institute of the History of Material Culture, Russian Academy
of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

The research activity of Andrei Mikhailovich Belavin, along with other topics, included the study of the period of Old Russian colonization of the Permian Urals and the region's development in the 18th–19th centuries. In doing this he considered the fullest possible scope of sources, undertook scrupulous analysis, demonstrated archaeological sites and building complexes on their place, as well as collections' materials, and equally scrupulously analyzed written and pictorial sources.

It is difficult to overestimate Andrey Mikhailovich's contribution to the scientific study and transmission of the entire breadth of historical data on the Perm Region to new generations of researchers in the course of his teaching activities. Andrey Mikhailovich's discovery of the nodal position of the Permian land in the expanses of Eastern Europe in both latitudinal and spatial direc-

© Курбатов А.В., 2024

* Исследование проводилось в рамках программы «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011)

tions was decisive for the development of the region at all stages of human exploration. This was revealed by scientists in a major study in 2000. [Belavin, 2000], used by many historians and archaeologists in their work. The supporting data is also reflected in the Perm Dictionary as the concept of "Siberian road": "Their salt fields and large auctions live on the Siberian highway and they get rich from passing people in auctions and salt fields" [Polyakova, 2010, 1, p. 41].

Keywords: Perm Krai, leather craft, 16th–18th centuries, archeological and written sources.

Введение. В работах Андрея Михайловича Белавина история Пермской земли и всего Предуралья очень широко рассматривается на материалах археологии и письменных источников с древнейших эпох до Нового времени включительно. Такое положение отражают пособие для студентов и аспирантов «Очерки археологии Пермского Предуралья», опубликованное под его редакцией [Белавин, 2002б] и курс лекций «История Урала с древнейших времен до конца XVIII в.» [Белавин, Крыласова, 2008].

Научная деятельность Андрея Михайловича, наряду с другими темами, охватывала изучение периода древнерусской колонизации Пермского Предуралья и его развитие в XVIII–XIX вв. При этом рассматривался максимально возможный объем источников, включая скрупулезный анализ и показ археологических памятников, строительных комплексов на них, а также вещевых собраний, и столь же скрупулезный анализ всех письменных и изобразительных источников.

Здесь имеется возможность остановиться на комплексе материалов, до настоящего времени недостаточно изученных – это письменные и археологические источники по кожевенному ремеслу. Прежде всего для таких исследований отсутствовала материальная основа, которая могла быть получена при целенаправленных и систематических раскопках памятников, прежде всего исторических городов. Кроме того, в последние годы стало возможным использовать для комплексного анализа полный словарь региональных слов и выражений жителей Пермского края, составленный на основе письменных документов XVI–XVIII вв. [Полякова, 2010]. Следует отметить, что известные ранее погребальные памятники раннего и развитого Средневековья для указанной темы не давали необходимого массива материальных предметов и исторической терминологии [Курбатов, 2018].

Современное состояние археологического изучения. Коллекции кожаных предметов XVI–XVIII вв. в археологических раскопках исторических городов Пермского края и смежных регионов начали складываться в последние десятилетия. В настоящей работе отмечены только исследования, где были выявлены участки с сохранившимся органическим наполнением, давшим коллекции кожаных предметов.

Здесь можно назвать опыт раскопок и обработки коллекций исторического г. Хлынова, который в XIX – начале XX в. назывался Вяткой, а в советское время – г. Кировом. Раскопки Хлыновского кремля в 1956–1958 гг. под руководством Л.П. Гуссаковского дали для изучения 138 деталей кожаной обуви и обрезков от раскроя, датированных XV – первой половиной XVI в. В последние годы появилась возможность вернуться к изучению старой коллекции, уже с привлечением естественно-научных методов, уточняющих химический состав кож на основе неразрушающих материалы методов спектрометрии [Жилина, Бурков 2018, с. 278–281]. Общие выводы этого исследования показывают, что обработка кож велась в традициях русских средневековых городов – это таннидные и сыромятные способы выделки сырья. При этом большое содержание железа подтверждает использование солей металла для тонирования или окраски кож, а также повышения их товарных качеств. Эти материалы подтверждают достаточно широкое использование металлических нитей из медных и других сплавов для декоративного оформления ранта и швом на пятке русской обуви в XVI–XVII вв. [Курбатов, Овсянников, 1999, с. 254–256]. В частности, для этих целей использовали и нити из свинцово-оловянного сплава [Осипов, 2014, с. 78–79].

Широкий масштаб приобрели охранные раскопки Вятки с 1992 г. под руководством Е.А. Кошелевой, охватившие кремль, острог, посад и примыкающие городу слободки. Не лишним будет добавить, что разработки исторических источников позволяют предполагать

основание г. Вятки (Хлынова) в 1374 г., что не лишает исследователей возможности увидеть здесь комплексы предметов второй половины XIV в. [Макаров, 2000, с. 309–312].

К 1950-м гг. относится также открытие и изучение культурного слоя на Строгановском Орлов-городке, основанного на р. Каме в месте впадения в нее р. Яйва, напротив села Орел. Археологические раскопки 1952–1954 гг., а также изучение письменных источников, привели В.А. Оборина к выводу о возникновении городка в 1564 г. как опорного пункта русского населения при освоении земель Прикамья и Западной Сибири. В археологическом плане раскопки для этого времени были очень объемными – за три года была изучена площадь 4482 м² на «стрелке» – площадке раннего укрепленного поселения XVI – начала XVII в., имевшего деревянные стены и башни. Там находились хоромы Строгановых, церкви и дворы ремесленников. Уже в первой четверти XVII в. он стал крупным ремесленным центром Прикамья. В слое конца XVI – начала XVII в. здесь, в частности, была найдена кожаная обувь, включая кожаные каблуки с железными подковками, близкая по конструкции и стилю находкам в Москве [Оборин, 1957, с. 150–152].

Эти раскопки проводились в рамках Камской археологической экспедицией под руководством О.Н. Бадера, и предварялись небольшими разведками на месте русских поселений, которые возникли в XV–XVI вв. – в 1949 г. в г. Чердыни и Орле-городке, а в 1950 г. на Осинском городище [Бадер, 1951, с. 94; 1953, с. 103]. Как отметил В.А. Оборин, ранее этого времени раскопки первых русских городов Урала почти не производились, за исключением работ О.Н. Бадера, Н.П. Кипарисовой и А.И. Россадович на Ермаковском городище у Нижнего Тагила [Оборин, 1957, с. 140]. Следует добавить, что впервые остатки Орла-городка зафиксировал в 1932 г. А.В. Шмидт. Он определил место древнего поселения и кратко описал стратиграфию культурного слоя [Шмидт, 1935, с. 174–175].

Раскопки первого сезона на Орле-городке В.А. Оборин кратко рассмотрел в публикации 1954 г. и признал многообещающими. Для изучения кожевенного ремесла интересна его фраза: «В раскопках встречено очень много остатков кожаной обуви, иногда сохранившихся почти целиком. Это преимущественно остатки кожаных сапог с мягкой подошвой и на высоком каблуке с железной подковкой. Железные подковки от каблуков встречаются особенно часто» [Оборин, 1954, с. 137]. Однако объемы кожевенного материала не уточняются. Кроме того, в свете современных знаний нахождение полных моделей обуви на памятнике вызывает сомнение в наличии на поселении стабильного кожевенно-обувного ремесла, исключая возможный ремонт и перешив обуви. А это не согласуется с выводами о присутствии на поселении ремесленников разных специальностей, в том числе и выходцев из Москвы.

Небольшие по площади исследования Орлова-городка проводились в 1993 г. Камской экспедицией Пермского университета под руководством А.Ф. Мельничука и Н.Е. Соколовой. Выявлены остатки построек и других сооружений конца XVII в., включая изделия из органических материалов – кожаную обувь [Мельничук, Соколова, 1994, с. 143–144].

В 1995 г. Н.Е. Соколова обследовала там же солепромысловое поселение, основанное Строгановыми в 1568 или 1606 г. При археологическом раскрытии остатков усадьбы первой половины XVII в. встречено много бытовых предметов, в том числе, кожаной обуви [Соколова, 1996, с. 290].

Археологические раскопки на месте исторических городов Пермского края к началу XXI в. отмечены в очерке Андрея Михайловича Белавина, где названы Чердынь, Соликамск, Орел-городок, Нижний Чусовской городок, Ново-Никольская слобода, а также строгановские слободы Новое Усолье, Верхний Чусовской городок, Очерский острожек, поселение Старый Кунгур [Белавин, 2002а, с. 249]. Однако анализ и публикация материалов некоторых раскопок остаются неполными. Например, изучение Нижнего Чусовского городка началось с 1973 г. Выявлены культурные слои раннего заселения конца XVI – начала XVII в. В 1977 и 1981 г. В.А. Оборин проводил раскопки на площади около 100 м² и открыл остатки деревянной застройки [Оборин, 1983, с. 168]. Они содержали предметы, связанные с кожевенно-обувным ремеслом – части кожаной обуви, обувные подковки, раскroечные ножи. Но узнать

это позволяет каталог археологической коллекции Ильинского краеведческого музея [Нижний Чусовской ... , 1994].

С 1996 г. начались планомерные охранные работы в центре г. Перми, в том числе на месте поселения, относящегося к Егошихинскому медеплавильному заводу [Корчагин, 2003, с. 162]. Работы последнего времени (с 2010 по 2022 г.) непосредственно в историческом центре г. Перми также дали для изучения коллекцию изделий из органических материалов XVIII в. [Романова, 2022, с. 260–261]. Примечательно исследование погребальной обуви некрополя в историческом центре г. Перми, относящегося к Егошихинскому медеплавильному заводу, основанному в 1723 г. [Головчанский, Романова, 2016, с. 294–296]. Некрополь относится к раннему периоду существования завода, видимо к первой половине XVIII в. Остатки обуви найдены в 8 погребениях (из 393), в одном – полностью матерчатая, в трех погребениях встречены фрагменты лаптей и шнуров, а в 4 найдена кожаная обувь, в том числе, в одном случае – с матерчатым (суконным) верхом и стельками из травы.

Продолжение раскопок на месте Егошихинского медеплавильного завода отрядами Камской археологической экспедиции в 2021–2022 гг. отмечено раскрытием поселения работников предприятия. Коллекцию кожаных предметов дополнили с двух раскопов более чем 2,5 тыс. находок, которые оперативно поступили в реставрацию специалистам Пермского краеведческого музея [Романова, Чурилова, 2023, с. 160]. Среди групп кожаных изделий в работе названы наборы и отдельные детали различной обуви, детали рукавиц, кошельки и детали неясного назначения – части больших сумок и предметов вторичного использования.

Археологические исследования в исторической части Кунгура были начаты П.А. Корчагиным в 1991 г. и привели к открытию усадьбы XVIII в. и городского кладбища. Работы 1992 г., а также 2005–2009 гг. также позволили изучить усадьбы и хозяйственные сооружения XVIII–XIX вв.

В 2016–2017 г. Камская археологическая экспедиция Пермского государственного национального исследовательского университета под руководством А.В. Усова проводила раскопки в кремле и на посаде г. Кунгура, столицы одноименного округа Пермского края. Город был заложен в 1648 г. выходцами из городов Чердыни и Соликамска в двух верстах от места впадения р. Кургурки в р. Ирень. Он заселялся посадскими людьми и уездными крестьянами Вятки, Сольвычегодска и Устюга Великого. В 1662–1663 гг. восставшие башкиры сожгли город, но в 1663 г. он был восстановлен на новом месте – между сближенными руслами рек Ирени и Сылвы у с. Мысовское. В 1673–1675 гг. город был обнесен деревянной крепостью в 8-ю башнями и двумя воротами.

Проводились исследования и одного из старейших городов Пермского края – Соликамска. Первое упоминание встречается в отрывке местной летописи и относится к 1430 г. Планомерные археологические раскопки в историческом центре пермские археологи проводили с 1977 г. На одном из раскопов (ул. Набережная, 112) был открыт участок усадьбы XVII – начала XVIII в., по мнению исследователей, принадлежавшей кожевнику. «На ее территории обнаружено огромное количество обрезков грубой сыромятной кожи, фрагментов обуви, а также фрагментов кожи хорошего качества с тиснением» [Соколова, 1998, с. 83].

В раскопах 2013 г. отряда Камской АЭ Пермского государственного национального исследовательского университета было собраны свыше 30 кожаных изделий, в том числе, часть кожаного книжного переплета. Эти материалы, в основном происходящие из погребений, датированы концом XVIII – первой половиной XIX в. [Романова, 2015, с. 521; Романова и др., 2018, с. 94]. Оперативно были выполнены работы по консервации и реставрации найденной обуви, что делает коллекцию едва ли не уникальным археологическим собранием, подготовленным для музейного экспонирования. Открыт набор женской и детской низкой обуви – башмаков и туфель, иллюстрирующий городской быт, особенности жизнедеятельности и производства Пермского Предуралья для периода, недостаточно отраженного в этнографических материалах и описаниях. На основе письменных документов авторы убедительно реконструируют кожевенное и обувное производство в регионе. Они отметили развитое местное производство обуви и выделку кож, находившие широкий сбыт в Предуралье и Западной

Сибири. Местной особенностью авторы считают использование разных форм низкой обуви – поршни, коты, башмаки, туфли, черевички и лапти [Романова и др., 2018, с. 98].

Территориально близкими можно считать и коллекцию кожаной обуви из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища в г. Ижевске, но относящуюся уже к Новому времени – с 1810 г. – по начало XX в. [Смердова, 2022, с. 262–264]. Изучение этого памятника началось в 2007 г., когда на площади 1883 м² были вскрыты 533 захоронения. В некоторых сохранились остатки обуви – кожаные сандалии, ботинки, сапоги с берестяными вставками, лапти [Исследования Троицкого кладбища ... , 2010, с. 378]. Эти охранные работы в 2013 г. продолжил Ижевский отряд Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского ГУ. В тот сезон на площади 4489 м² были открыты и изучены 1383 захоронения, в которых найдены остатки 1737 погребенных [Исследования Троицкого ... , 2015, с. 55].

Другие раскопки в сходном регионе – это изучение в 2008 г. кремля Царевококшайска в г. Йошкар-Ола, столице Республики Марий Эл. Крепость была построена в 1584 г. и долго оставалась военно-административным центром региона. Встречена деревянная застройка первой половины XVIII в. с хорошей сохранностью органических материалов, в том числе, кожаной обуви [Загайнова и др., 2011, с. 352–354]. С одной и конструкций второй половины XVIII – первой половины XIX в. связан комплекс из 240 кожаных деталей, который А.Д. Огородников определил как сапожную мастерскую [Огородников, 2017, с. 119]. Не оспаривая выводов автора, надо отметить, что количество кожаных деталей и обрезков слишком малое для определенного вывода о ремесленной деятельности на участке раскопок. Правильнее будет говорить об эпизодическом ремонте и перешиве обуви мастером для нужд своей семьи и соседей.

В 2010 г. на территории раннего города Царевококшайска (совр. г. Йошкар-Ола) исследовался городской некрополь XVII – первой половины XVIII в., на котором вскрыто 596 захоронений. Среди сопроводительных находок встречены остатки одежды и кожаной обуви [Данилов и др., 2015, с. 478]. В 2012 г. проводились охранные раскопки Тихвинского некрополя – второго по времени появления городского кладбища, которое функционировало в конце XVIII – начале XX в. Было изучено 780 захоронений, в основном датируемых второй половиной XIX – началом XX в. Обнаружено 122 набора обуви или их фрагменты. Кроме носильной повседневной обуви выделена и специальная «покойницкая» обувь низких форм [Огородников, 2019, с. 181–182]. Типологически вся масса обуви делится на обувь мягких и жестких форм. К мягкой относятся поршни, не отличающиеся по крою от подобной обуви на других территориях распространения русского населения [Огородников, 2021, с. 165]. Жесткие формы обуви представлены вариантами башмаков и сапог, где обе формы имеют каблук. Однако определенно разделить их не всегда возможно. По нашему мнению, определяемые как погребальная обувь вариант туфли, судя по описаниям и изображениям, является обычной носильной обувью конца XIX – начала XX в., в которых использован новый технический прием. Отверстия для шнуровки в них завальцованы металлическими люверсами [Огородников, 2021, с. 170, рис. 9–10]. В это время в Европе появляются специальные станки для совершения такой операции [Swann, 2001, р. 277]. А то, что для погребения использована новая, не ношенная обувь [Огородников, 2019, с. 181], показывает только сложившуюся традицию облачения покойного в ношенные одежды и обувь.

Параллельно с накоплением археологических материалов по теме кожевенного ремесла в Пермском крае в XVI–XVIII вв. на протяжении последних десятилетий филологи собирали документальные записи бытового и хозяйственного регулирования жизнедеятельности на землях края. Результатом обобщения стал 2-х томный словарь пермской лексики XVI – начала XVIII в. [Полякова, 2010, т. 1, 2]. Собранные в нем термины, особенности их использования в живом языке отражают, среди всего, специфику бытового уклада и местное своеобразие значения слов, действий и причинно-следственных связей. Это прекрасно видно и в наборе слов, относящихся к кожевенному производству, наименованиям кожаных и меховых изделий.

Эти названия в части наименований обуви соприкасаются с более общей темой «одежда», куда входит широкий пласт наименований элементов одежды, а также наименования

различных тканей. Для последней группы характерен очень широкий набор местных и, особенно, привозных тканей. Поступление последних в полной мере отражает специфику связей этого удаленного региона Восточной Европы, территориально оторванного от основных русских городов с их обширной ремесленной и торговой деятельностью. В словаре выделены 47 наименований различных тканей, многие из которых были привозными. Также заимствованными были и названия тканей. Примером тому может быть отмеченное в словаре прилагательное «абилный, абилский» – изготовленный из грубого сукна «аба» [Полякова, 2010, т. 1, с. 17]. «Турецкое» происхождение названия прямо отмечено в записях XVIII в.: «Множайшие [дервиши] нижнюю одежду носят, сочиненную из сукна, Турецким языком аба называемого, белого и природного овечьей шерсти цвета» [СлРЯ XVIII в., 1984, 1, с. 7].

Здесь встречаются и региональные произношения тканей, отличающиеся от других регионов, например, «кострюша» – сукно определенного сорта [Полякова, 2010, т. 1, с. 266]. В других регионах встречаются названия «кострешъ», «кострышъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 7, с. 370, 371] или «кострожь», как сорт толстого сукна [СлРЯ XVIII в., 10, с. 204].

Иногда встречаются и сугубо местные названия отдельных видов тканей, в других регионах, называемых иначе. Так, известная в XVI–XVII вв. хлопчатобумажная ткань «китайка» [СлРЯ XI–XVII вв., 7, с. 142], в Пермском крае зафиксирована как «самца» [Полякова, 2010, т. 2, с. 214]. Возможно, местным было и название привозного сукна «шиптух» [Полякова, 2010, т. 2, с. 410].

Интересные наблюдения можно сделать и при анализе данных по продукции кожевенного ремесла. Например, башмаки на каблуках, согласно документам, были преимущественно женской обувью [Полякова, 2010, т. 1, с. 24]. Это же можно видеть и по письменным и археологическим материалам (*рис. 1*) в Западной Сибири [Курбатов, 2014, с. 195]. И здесь закономерно указание на особые варианты украшения обуви – прошивка мишурой, т.е. декоративная расшивка золочеными или серебряными металлическими нитями: «[1706] Утерялось...коты красные с подбором с прошивкой мишурной...коты красные ж и опушка вишневая» [Полякова, 2010, т. 1, с. 267]; «[1706] Коты красные с подбором с прошивкой мишурной» [Полякова, 2010, т. 1, с. 310]. Для XVI–XVII вв. разные варианты декора обуви металлическими элементами встречены в разных городах России. Известны набойки мелких металлических гвоздиков на носок и пятку, прошивка кожи вальцованной нитью и укрепление спирали из металлической проволоки на заднике, как это встречено в Ивангороде (*рис. 2*).

Достаточно частое упоминание бобров, их хаток и случаев охоты на животных позволяют считать охоту на них стабильным промыслом. Это ставит вопрос о распространении и сохранности животных в Пермском крае, поскольку некоторые историки писали об истощении промыслов в северных землях России уже к XVII в. [Базилевич, 1952, с. 25; Бахрушин, 1954, с. 25–27]. Отдельные записи об этом есть и в пермских документах: «[1635] И теми капканы во многих местех бобры и выдры выбиты и выловлены...и впредь бобров по ловлям добывать не мочно» [Полякова, 2010, т. 1, с. 106]. Тем не менее делать выводы о том, что территория Пермского края в XVI–XVII вв. «испромышлялась» было бы неверно.

Интересный сюжет просматривается по наименованиям с валяной обувью. В Пермском словаре она отражена как «валенцы», «тюни валенцы» и «киндереки»: «[1708] С собою приносил тюни валенцы овечьей шерсти да лапти...с собою де обух валенцы да под пазухой мешок приносил»; «[1707] Взяли...двои киндереки валяные» [Полякова, 2010, т. 1, с. 57, 248]. При этом, название «киндереки» – в значении «валяные опорки, невысокие валенки», надо считать строго региональным, поскольку не встречается более нигде. Но и в Пермской земле оно, видимо, было не везде известно, так как отмечено всего два раза и только в одном документе 1707 г.

Валяная обувь, в отличие от кожаной и лыковой, долгое время оставалась за чертой исследования археологов, поскольку в археологических материалах средневековой Руси фрагменты такой обуви до сего дня почти не известны [Курбатов, 2006, с. 31]. Поэтому сложилось мнение об относительно недавнем распространении валяной обуви в России [ЭС Шанского, 1968, т. I, вып. 3, с. 10]. М.Г. Рабинович отметил, что определенные сведения о валя-

ной обуви – *катанках, валенках, пимах* – имеются только для первой половины XIX в. и происходят из северных городов – Кадникова, Туринска, Пудожа. Там же названы и *шоптаники* – валяные сапоги без голенищ [Рабинович, 1988, с. 138, 177]. Хотя в этой же работе [Рабинович, 1988, с. 174] историк писал, что городскую обувь – поршни или уledi делали в этот период (XIII–XVII вв. – *А.К.*) из бычьей сыромятной кожи с войлочным верхом, при этом ссылаясь на работу П.И. Савваитова [Савваитов, 1896, с. 43]. Кроме того, часть кожаной обуви, подложенной (кроме войлочной стельки) войлоком так, чтобы стопа была прикрыта и сверху, найдена однажды при раскопках в московском Зарядье в слое XVI в. [Рабинович, 1964, с. 228].

По заключению этнографов, «сведений об употреблении валяной обуви с голенищами в более раннее время ни в исторических документах, ни по этнографическим данным пока не обнаружено, что может служить до известной степени подтверждением их позднего происхождения; однако вопрос о времени появления валенок требует ещё дальнейшего уточнения». Считается, что валенки впервые начали изготавливать в Семевском уезде Нижегородской губ. Первоначально их делали низкими, с пришитыми голенищами. Валяная обувь с высокими голенищами появилась только в начале XIX в. На протяжении всего XIX в. валенки были обувью зажиточных крестьян, надеваемой только по праздникам. К ним относились как к семейной ценности. В конце XIX – начале XX в. валяная обувь получила более широкое распространение. Она стала основной зимней обувью русских крестьян Европейской России и соперничала с меховой обувью у русских Сибири [Соснина, Шангина, 1998, с. 40].

Между тем войлок, видимо, широко использовался на Руси как материал для походных шатров, покрывал, попон, потников и некоторых видов одежды. Последние отмечены среди археологических находок в разных средневековых городах. Например, в Орешке, в заполнении постройки 1438 г. найдена целая войлочная шапка [Кирпичников, 1980, с. 51, рис. 18: 1]. В Берестье, в слоях XIII–XIV вв., также встречена шапка, пошитая из тонкого войлока. Она имеет конический верх и завернутые края, прилегающие к тулье, и по форме напоминает более поздние белорусские шапки-*магерки*, а также головные уборы на миниатюрах Радзивилловской летописи [Лысенко, 1985, с. 374]. В Белоозере в слоях XII – XIII в. отмечены обрывки войлока и войлочной «шали с бахромой» [Голубева, 1973, с. 191]. Нередко, в раскопках встречаются войлочные обувные стельки, например, в Тверском кремле, в слоях 80-х гг. XIII – первой половины XV в. найдены несколько таких предметов [Курбатов, 2004, с. 67, рис. 113: 1, 4, 5, 8, 10, 12, 17]. И на этом можно закончить список определяемых войлочных вещей, происходящих из средневековых слоев древнерусских городов, исследованных археологами на протяжении нескольких десятилетий. Здесь мы не приводим находки в слоях XVII–XVIII вв., не относящихся к понятию «Средневековье», хотя и таких вещей тоже очень мало.

Состояние археологических, письменных и этнографических данных, при сравнительном анализе может вызывать недоумение по двум причинам: 1) как природный материал животного происхождения, войлок должен был повсеместно использоваться для определенного круга изделий у всех групп оседлого населения лесной полосы Восточной Европы; 2) кочевые народы степной зоны Восточной Европы, широко использующие войлочные изделия в быту, могли служить объектом для подражания в применении войлока. Проезжая через Крым и Приазовье по пути в Каракорум, Вильгельм де Рубрук увидел и описал быт татар, в частности, их юрты, сделанные из войлока разных цветов. «Из более грубой (шерсти – *А.К.*) они делают войлок для покрытия своих домов, сундуков, а также постелей... Из войлока они делают также плащи, чепраки и шапки против дождя; таким образом они издерживают много шерсти» [Рубрук, 1911, с. 76]. Однако применение войлока кочевыми народами более известно по этнографическим данным и очень редким находкам войлока в средневековых и более древних археологических памятниках номадов. Назовем классические серии находок в погребальных сооружениях скифского времени на Алтае, сохранившиеся благодаря особым условиям. В степях Причерноморья такие находки даже более редкие. Сегодня можно назвать едва ли не единственный случай такого рода. В погребении второй половины IX–

X вв. у с. Верхний Салтов Харьковской области встречены остатки мягкого сапога с войлочным голенищем [Колода, 2000а, с. 54–56; 2000б, с. 69].

Археологические материалы сегодня ещё не могут подтвердить появление валенок в конце XVI–XVII вв. Находок до сих пор нет, если не считать одной части кожаной обуви в слое XVI в. в московском Зарядье, подложенной изнутри войлоком, который прикрывал стопу и сверху, и снизу [Рабинович, 1964, с. 228].

Другой подобный экземпляр из серой шерсти найден в Москве при раскопках на Болотной улице в слоях, датируемых второй половиной XVIII в. На валенок поверх войлока нашиты кожаные детали – подметка, головка и задник, предохраняющие от влажного снега и воды. По свидетельству этнографов, валенки, обшитые снизу и сверху кожей, носили в Сольвычегодском и Устюжском уездах Вологодской губернии в период таяния снега называли «бранченными катанками» [Осипов, 2003, с. 29; СРНГ, 3, с. 150].

Сегодня найдены записи XVI в. с упоминаниями войлочной обуви. В недавно опубликованных Описях Соловецкого монастыря за XVI в. и Уставе 1553 г. упоминались «полстяники – катанки» (28 пар), которые правомерно считать войлочной обувью [Буров, 2013, с. 78]. Ранним упоминанием войлочной обуви служит и запись в приходно-расходной книге Антониева монастыря за 1589 г.: «Купил сапоги обшитки войлочные, дал 11 алтын». От 1631 г. сохранилась запись о войлочных сапогах в Богородицком Важском монастыре: «Сапоги воилочные да другие дубленные» [СлРЯ XI–XVII вв., 2, с. 310; 12, с. 190]. В определенном плане уникальна запись 1627 г. в платяной книге Спасо-Прилуцкого монастыря: «Купил Старцу Галактиону катаников» [Судаков, 1994, с. 318].

Письменные материалы показывают, что наиболее многочисленные и разнообразные наименования валяной обуви существовали в Сибири. В XVII в. русские переняли у аборигенов название *коты*, привнося свою технику, материалы и традиции в изготовление. Коты – это вид теплой обуви, невысокие сапоги или башмаки, иногда с опушкой. Кожаные и войлочные коты носили не только в Сибири, но и в средней полосе Европейской России. В таможенной книге Смоленска 1677 г. указаны «десятеры коты волосеные» [СлРЯ XI–XVII вв., 7, с. 386]. У карел и саамов (лопарей) русские заимствовали *кенги* (*кеньги*) – зимнюю обувь из меха или войлока [Вахрос, 1959, с. 105]. В дальнейшем это название распространилось на валенки. *Каньги* в XIX в. на Русском Севере были именно «валенными сапогами» [Куликовский, 1898, с. 34; СРНГ, 13, с. 48].

Здесь надо видеть поиск новых форм теплой обуви, учитывающей опыт северных народов. Отсюда идет совмещение кожи и войлока, появление стеганых сапог и другое. «[1656] Платья изъ лосинныхъ кожъ: ... 10 штановъ стеганыхъ, 10 сапоговъ стеганыхъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 28, с. 41].

В рамках данной работы невозможно раскрыть всю историческую полноту своеобразия пермского лексического фонда XVI–XVIII вв. Но отметим еще один региональный термин «кирень, керень, кирюн» – это ременная или из веревки петля для лазанья сборщика меда по деревьям: «[1710] Взяли два киреня с арканом...явилось аркан ременной...грабежом взяли 3 кереня...взяли кирюн две теслы бортевые» [Полякова, 2010, т. 1, с. 248]. Название отражено в словаре В.И. Даля, без указания места, в академическом словаре 1909 г., с пометкой «областное» и в «Словаре русских народных говоров», с локализацией «Свердл. 1965. Южн. Урал» [СРНГ, 13, с. 220].

Выводы. Трудно переоценить вклад Андрея Михайловича Белавина в деле научного изучения и передачи новым поколениям исследователей, в процессе его преподавательской деятельности, всей широты исторических данных по Пермскому краю. Раскрытие Андреем Михайловичем узлового положения Пермской земли на просторах Восточной Европы как в широтном (запад – восток), так и в меридианальном (север – юг) направлениях и было определяющим для развития края на всех этапах освоения человеком. Это было раскрыто исследователем в крупной работе 2000 г., используемой многими историками и археологами в своей работе [Белавин, 2000]. Подтверждающие данные отражены и в Пермском словаре как понятие – «сибирская дорога»: «И промыслы у них соляные и торги большие и живут на Си-

бирской большой дороге и от проезжих людей в торгах и от соляных промыслов богатеют» [Полякова, 2010, т. 1, с. 41].

Свои знания и опыт Андрей Михайлович максимально старался передавать студентам и коллегам «по цеху». Следует упомянуть, что по моей личной просьбе он переслал мне Пермский словарь Е.Н. Поляковой, обработка которого дала основную информацию для написания данной работы.

Библиографический список

1. *Бадер О.Н.* Камская археологическая экспедиция в 1949 г. // КСИИМК. Вып. XXXIX, 1951. С. 89–95.
2. *Бадер О.Н.* Камская археологическая экспедиция в 1950 г. // КСИИМК. Вып. XLIX, 1953. С. 97–103.
3. *Базилевич К.В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М. : Изд-во МГУ, 1952. 544 с.
4. *Бахрушин С.В.* Княжеское хозяйство в XV и первой половины XVI в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 13–45.
5. *Белавин А.М.* Археологические памятники эпохи русской колонизации Предуралья и нового времени // Белавин А.М. Очерки археологии Пермского Предуралья : учеб. пособие для студентов и аспирантов. Пермь : ПГПУ, 2002а. С. 243–251.
6. *Белавин А.М.* Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и культурных связях. Пермь : ПГПУ, 2000. 200 с.
7. *Белавин А.М.* Очерки археологии Пермского Предуралья : учеб. пособие для студентов и аспирантов. Пермь : ПГПУ, 2002б. 253 с.
8. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. : курс лекций : учеб. пособие. Пермь : ПГПУ, 2008. 124 с.
9. *Буров В.А.* Государево богомолье – Соловецкий монастырь: Проблемы истории великой северной обители (XV–XIX вв.). М. ; Архангельск : ИА РАН, 2013. 500 с.
10. *Вахрос И.С.* Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии : прил. к № 6/10. Хельсинки, 1959. 271 с.
11. *Головчанский Г.П., Романова Л.В.* Православный некрополь XVIII в. в историческом центре г. Перми // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральск. археологическое совещание). Ижевск, 2016. С. 294–296.
12. *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М. : Наука, 1973. 212 с.
13. *Данилов П.С., Филиппова Е.Е., Калыгина Ж.С.* Археологические охранные исследования в г. Йошкар-Оле // АО 2010–2013 гг. М. : ИА РАН, 2015. С. 478–479.
14. *Жилина М.В., Бурков А.А.* Опыт применения естественно-научных методов в исследовании кожаной обуви XV–XVI вв.: по материалам раскопок в Хлыновском кремле (1956–1958 гг.) // Актуальная археология-4. Комплексные исследования в археологии. СПб. : ИИМК РАН, 2018. С. 278–281.
15. *Загайнова Л.П., Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В.* Раскопки в Йошкар-Оле // АО 2008 г. М. : ИА РАН, 2011. С. 352–354.
16. *Исследования* Троицкого кладбища Ижевска / И.Ю. Пастушенко, В.А. Бернц, Т.М. Григорьева и др. // АО 2007 г. М. : Языки славянской культуры, 2010. С. 376–378.
17. *Исследования* Троицкого (Нагорного) кладбища в г. Ижевске / В.А. Бернц, А.М. Вязников, О.А. Карпушкина и др. // АО 2010–2013 гг. М. : ИА РАН, 2015. С. 455.
18. *Кирпичников А.Н.* Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе – крепости в истоке Невы. Л. : Наука, 1980. 127 с.
19. *Колода В.В.* Исследования в Верхнем Салтове в 1996 г. // Археологічні дослідження в Україні 1994 – 96 років. Київ, 2000а. С. 54–56.

20. *Колода В.В.* О находке остатков обуви в Верхнем Салтове // Культура степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма) : тез. III Междунар. археолог. конф. Самара : СОИКМ, 2000б. С. 67–69.
21. *Корчагин П.А.* Археологическое исследование усадебных построек первой трети XVIII в. поселка Егошихинского завода – Перми // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы МНК, 6–10 окт. 2003 г. Пермь, 2003. С. 160–162.
22. *Куликовский Г.И.* Словарь областного Олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Изд-во ОРЯС ИАН, 1898. 150 с.
23. *Курбатов А.В.* История войлока и валяной обуви на Руси // ЖС. 2006. № 3 (51). С. 31–33
24. *Курбатов А.В.* Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. 1995. № 2. С. 198–208.
25. *Курбатов А.В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.
26. *Курбатов А.В.* Кожевенное ремесло и обувь средневекового населения Пермского Прикамья в I – начале II тыс. н. э. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV. Средневековая археология Евразии: От Ямала до Карпат : сб. науч. раб. к 60-летнему юбилею А.М. Белавина / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой. Пермь : ГГПУ, 2018. С. 220–238.
27. *Курбатов А.В.* Традиции кожевенного ремесла в Сибири (по материалам раскопок Мангазеи в 2001–2007 гг.) // Федорова Н.В. Археология Арктики. Вып. 2. Екатеринбург : Деловая пресса, 2014. С. 182–204.
28. *Курбатов А.В., Овсянников О.В.* Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. 1999. № 6. С. 245–271.
29. *Лысенко П.Ф.* Берестье. Минск : Наука и техника, 1985. 399 с.
30. *Макаров Л.Д.* К истории вопроса о заселении русскими Вятского края // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие : сб. науч. тр. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. С. 306–314.
31. *Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е.* Исследования строгановских поселений Усольского Прикамья // АО 1993 г. М. : ИА РАН, 1994. С. 143–144.
32. *Нижний Чусовской городок* : каталог археолог. коллекции / сост. В.А. Оборин, П.А. Корчагин, А.Ф. Мельничук, Н.Е. Соколова. Ильинский, 1994. 24 с.
33. *Оборин В.А.* Орел-городок (По раскопкам Камской археологической экспедиции 1953–1954 гг.) // СА. 1957. № 4. С. 140–152.
34. *Оборин В.А.* Раскопки Орла-городка на р. Каме // КСИИМК. 1954. Вып. 55. С. 129–138.
35. *Оборин В.А.* Раскопки памятников позднего средневековья в Верхнем Прикамье // АО 1981 г. М. : Наука, 1983. С. 168.
36. *Огородников А.Д.* Мастерская по ремонту обуви в Царевококшайске XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок в Йошкар-Оле 2008 г.) // Новые материалы и методы археологического исследования. От археологических данных к историческим реконструкциям : материалы IV конф. молодых ученых. М. : ИА РАН, 2017. С. 118–119.
37. *Огородников А.Д.* Об одной из групп покойницкой обуви из Тихвинского некрополя Йошкар-Олы (Царевококшайска) // Новые материалы и методы археологического исследования. От критики источника к обобщению и интерпретации данных : материалы V МК молодых ученых. М. : ИА РАН, 2019. С. 181–182.
38. *Огородников А.Д.* Обувные формы Царевококшанска XVIII–XIX вв. (по материалам археологического исследования культурного слоя Йошкар-Олы 2008–2019 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 1. Омск ; Сургут, 2021. С. 165–173.
39. *Осипов Д.О.* Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // РА. 2003. № 2. С. 17–30.

40. *Осипов Д.О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М. : АКТЕОН, 2014. 269 с.
41. *Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в. Т. 1. (А–О). Пермь, 2010. 428 с.
42. *Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в. Т. 2. (П–Я). Пермь, 2010. 424 с.
43. *Рабинович М.Г.* О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М. : Наука, 1964. 353 с.
44. *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М. : Наука, 1988. 309 с.
45. *Романова Л.В.* Краткий обзор итогов археологического изучения Перми // Актуальная археология – 6 : материалы междунар. науч. конф. молодых ученых, Санкт-Петербург, 4–7 апр. 2022 г. СПб., 2022. С. 260–262.
46. *Романова Л.В.* Раскопки памятника «Пермь губернская, поселение» // АО 2010–2013 гг. М. : ИА РАН, 2015. С. 521.
47. *Романова Л.В., Чурилова Н.А.* Опыт массовой консервации изделий из кожи из раскопок памятника археологии «Егошихинский медеплавильный завод, поселение» // Археология евразийских степей. 2023. № 4. С. 160–165.
48. *Романова Л.В., Усов А.В., Чурилова Н.А.* Обувь жителей Кунгура второй половины XVIII–XIX в. по данным археологии // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 93–100.
49. *Рубрук В. де.* Путешествие в восточные страны / пер. А.И. Малеина. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1911. 224 с.
50. *Рычков Н.П.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770–1772. Ч. 3. (XVIII Q19; Q 4785). С. 95–96 [кожев. заводы в Соликамске].
51. *Савваитов П.И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб. : Типогр. Императорской Академии наук, 1896. 184 с.
52. *СлРЯ XI–XVII вв.* – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука. Вып. 2 (1985), 319 с.; 7 (1992), 403 с.; 12 (2001), 381 с.; 28 (2008), 303 с.
53. *СлРЯ XVIII в.* – Словарь русского языка XVIII в. Л. : Наука. Вып. 1 (1984), 224 с.; 10 (1998), 256 с.
54. *Смердова П.А.* Сапоги из погребений Троицкого (Нагорного) кладбища Ижевска (1810–1930-е гг.) // Актуальная археология – 6 : материалы МНК молодых ученых. СПб., 2022 С. 262–264.
55. *Соколова Н.Е.* Историко-археологическое изучение Соликамска Пермской области – города XV–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. II. Омск ; СПб., 1998. С. 82–84.
56. *Соколова Н.Е.* Обследование Верхних Чусовских городков // АО 1995 г. М. : ИА РАН, 1996. С. 289–290.
57. *Соснина Н., Шангина И.* Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб. : Искусство-СПБ, 1998. 400 с.
58. *СРНГ* – Словарь русских народных говоров. Л. ; СПб : Наука. Вып. 3 (2-е изд. 2002), 360 с.; 13 (1977), 358 с.
59. *Судаков Г.В.* И заговорили безмолвные свитки... // Вологда : историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда : Русь, 1994. С. 316–325.
60. *Шмидт А.В.* Район р. Камы // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 109. С. 174–175.
61. *ЭС Шанского* – Энциклопедический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. Т. 1, вып. 3. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 283 с.
62. *Swann J.* History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm : Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 2001. 357 s.

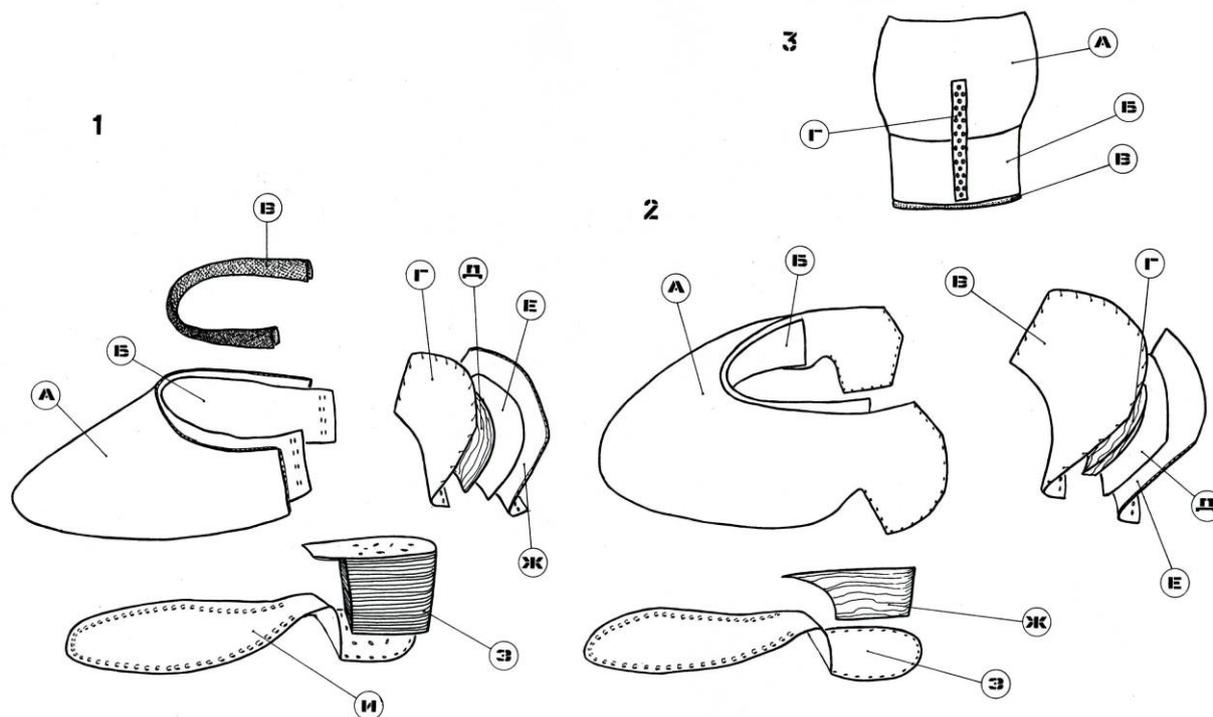

Рис. 1. Мангазея. Схемы сборки башмаков. 1 – конструкция с наборным кожаным каблуком: А – головка; Б – поднаряд; В – тканая обшивка; Г – карман задника; Д – деревянный вкладыш; Е – кожаная прокладка; Ж – задник; З – наборный каблук; И – подошва. 2 – конструкция с деревянным каблуком: А – головка; Б – поднаряд; В – карман задника; Г – берестяной вкладыш; Д – кожаная прокладка; Е – задник; Ж – деревянный каблук; З – подошва. 3 – реконструкция башмаков, вид сзади: А – задник; Б – обтяжка деревянного каблука; В – подошва; Г – декоративная накладка (взято: [Курбатов, 2014, рис. 8]).

Рис. 2. Ивангородская крепость. Проволочная спираль на пятке сапога (взято: [Курбатов, 1995, рис. 7]).

УДК 920

DOI: 10.24412/2658-7637-2024-25-242-252

П.А. Корчагин
ЛЕГЕНДА ОБ УШЕДШЕЙ КОЛВЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЧЕРДЫНЬ – ЧЕРДЫНЬ?

Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, РФ

В статье анализируются русловые процессы, имевшие место в XVI–XVIII вв. в Камско-Вишерском междуречье. Применяя метод комплексного исторического источниковедения, удалось реконструировать древние топографические реалии региона, известного как Пермь Великая и уточнить пространственные обстоятельства исторических событий, имевших здесь место.

Ключевые слова: Пермь Великая, Камско-Вишерское междуречье, абразивная русловая деятельность, Чердынь, Покча, Большие Долды, Вильгорт, Кольчуг.

P.A. Korchagin
THE LEGEND OF THE DEPARTED KOLVA, OR WHY CHERDYN – CHERDYN?

Institute of Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Perm, Russian Federation

The article analyzes the riverbed processes that took place in the XVI–XVIII centuries in the Kamsko-Vishersky interfluve. Using the method of complex historical source studies, it was possible to reconstruct the ancient topographic realities of the region known as Perm Velikaya and clarify the spatial circumstances of the historical events that took place here.

Keywords: Perm Velikaya, Kamsko-Visherskoye interfluve, abrasive riverbed activity, Cherdyn, Pokcha, Bolshye Doldy, Vilgort, Kolchug.

Наше знакомство и дружба с Андреем Михайловичем Белавиным продолжались около полувека, и почти половину этого срока я работал под его непосредственным руководством. Причем, он был мне прямым начальником сразу в двух местах: завкафедрой, позже – проректором по науке в Пермском государственном педагогическом университете, и в академической структуре, имевшей разные названия, ныне известной как Институт гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН. Собственно, он был отцом-основателем этого института и пригласил меня на работу, о чем я всегда буду помнить с благодарностью.

Ни для кого не секрет, что по некоторым научным проблемам наши взгляды кардинально различались, но Андрей Михайлович никогда не позволял себе использовать то, что называется административный ресурс или служебное положение, для того, чтобы склонить чашу научных весов на свою сторону. Мы оба действовали строго в рамках научной дискуссии, излагая собственные доводы на страницах печатных работ, представляя читателю самому выбирать, чья точка зрения более объективна и убедительна. Хотя в частных разговорах мы порой позволяли себе иронические замечания в адрес оппонента, но это никогда не превращалось в ожесточенные споры с переходом на личности. Оба понимали неправоту пословицы, что в споре рождается истина. Наоборот, в споре она гибнет, погребенная под валом разного рода личностных причин, интересов и прочих отнюдь не научных обстоятельств. И это еще одна из причин моего всегдашнего уважения Андрея Михайловича.

Что касается затрагиваемых в настоящей статье проблем исторической географии Перми Великой и Урала в целом, то здесь никаких противоречий между нами не возникало. Наоборот, Андрей Михайлович всячески одобрял и поддерживал изыскания такого рода, по-

сколько понимал, что их результаты окажутся бесполезны в будущих археологических и исторических исследованиях эпохи позднего Средневековья и нового времени Пермского Прикамья.

Собственно, толчком, посылом к данному исследованию послужило осознание несоответствия смысла топонима *Чердынь* реальной топографической ситуации в районе Троицкой горы в Чердыни. Сам топоним этимологизируется достаточно просто, в переводе с коми *чер* – приток, протока, небольшая река; *дын* – устье, а точнее, место около. А.С. Кривошекова-Гантман писала: «Таким образом, *Чердынь* – ‘устье притока (протоки)’’. С северной стороны города с р. Колвой действительно сливается небольшая, в прошлом болотная, речка Чердынка. Видимо, она до прихода русских называлась просто *Чер*, а поселение, расположенное в ее устье, именовалось, естественно, *Чердын*. Современное название речки вторично, дано по названию города» [Кривошекова-Гантман, 2006б, с. 187].

Вынужден не согласиться с уважаемой Антониной Семеновной, поскольку, во-первых, Чердынка – это небольшой пойменный ручеек длиной не более двух километров, а во-вторых: ее устье находится около Иоанно-Богословского монастыря, на расстоянии более километра к северу от Троицкой горы, так что следовало бы искать другой приток.

А еще в Чердыни до сих пор бытует легенда, свидетельствующая, что морфодинамические процессы в данном месте осуществляются достаточно активно. Впервые легенду об ушедшей от Чердыни Колве автор услышал от В.А. Оборина, а позднее – от многих жителей Чердыни. Она весьма краткая и смысл ее сводится к следующему. Однажды чердынские купцы проснулись, вышли к своим амбарам на колвинском берегу и с удивлением обнаружили, что река покинула старое русло, пробив себе новое в обширной Вишерско-Колвинской пойме. Все городские жители, объединив усилия, засыпали «прорву» – прорыв в новое русло – и все вернулось на круги своя.

Для уяснения истинного смысла топонима *Чердынь* и объяснения легенды стоит обратиться к материалам естественнонаучных дисциплин, затрагивавших в исследованиях подобные проблемы, благо, что в географической науке уже существует весьма солидный научный публикационный задел. Хотя пермские географы с присущей им академической скромностью отмечали, что «пространственно-временные особенности развития русел рек в историческое время, а также скорость и направленность сменяемости их морфодинамических типов являются одними из наименее изученных вопросов в учении о русловых процессах». Среди причин подобной исследовательской ситуации они называют «недостаточное применение междисциплинарных методов решения данной проблемы (ландшафтных, палеогеографических, археологических и др.)» [Назаров, Черепанова, 2011, с. 119]. «Вопросами, не имеющими однозначных ответов исследователей русловых процессов Пермского Прикамья, являются: а) время начала и конца (?) этапа последних масштабных изменений направленности русловых процессов р. Камы и ее притоков, б) причины данных изменений» [Назаров, 2014б, с. 4]. Не претендуя на решение второго вопроса, полагаем, что при анализе письменных и картографических источников возможно уточнить крайние даты последнего периода интенсификации русловой деятельности рек Прикамья.

Для этого применялись методы комплексного источниковедения, когда к исследованию привлекаются письменные, археологические, картографические и иные исторические источники. Это прежде всего переписные книги XVI–XVII вв., карты генерального межевания Пермской губернии, проводившегося в 1822–1843 гг., собранные в «Атласе Пермской губернии Чердынского уезда», а также материалы археологических раскопок.

Но для верного ответа на вопрос о смысле топонима и городской легенде, следует попытаться по возможности полно реконструировать общую схему развития системы расселе-

ния и урбанизации в Камско-Вишерском междуречье, формировавшуюся в условиях монотонно изменявшейся интенсивности русловой деятельности рек региона, известного как Пермь Великая. Итак...

Усть-Уролка

При внимательном взгляде на карту бросается в глаза несоответствие смысла топонима *Усть-Уролка* реальной топографической ситуации. Известная с 1579 г. по переписи И.И. Яхонтова «*Деревня Усть Уролка на речке Уролке...*» [Список, л. 35] ныне располагается отнюдь не в устье одноименной реки, а в 4 км от него. В то время как д. Вилисова, тоже стоящая на Уролке, находится ближе к устью, всего в километре от него. Эта деревня показана уже на карте из «Атласа Пермской губернии Чердынского уезда» созданного в ходе генерального межевания. На этом документе зафиксировано старичное оз. Исты, являвшееся короткой петлей прежнего русла Камы (рис. 1).

На современных космофотоснимках с сервиса Яндекс карты это старичное образование хорошо заметно, хотя название его уже не сохранилось, а кроме того, фиксируется еще одна – большая – петля бывшего камского меандра, подходившего непосредственно к д. Усть-Уролка. Таким образом, можно уверенно предполагать, что на момент своего основания (до 1579 г.) интересующая нас деревня реально стояла в устье камского притока, а Кама спрямила русло уже после этой даты.

Вильгорт и Вымкар

В переписи И.И. Яхонтова 1579 г. «*Стан верхней погост Вильгорт на реке на Колве... Того ж погосту у крестьян рыбная ловля... в озерке Вымкарском и в истоке... В старой реке Колве в прокопи...*» [Список, л. 21 об., 22 об.]. Перепись М.Ф. Кайсарова 1623/24 г. зафиксировала весьма похожую картину: «*Погост Вильгорт, на р. Колве... у крестьян рыбные ловли в... Старой Колве, в прокопи ...*» [Шишонко, 1882. с. 214].

В переписной книге отмечены весьма интересные гидронимы, которые являются свидетельствами, с одной стороны, разворачивающихся здесь исторических процессов, а с другой, процессов природных, русловых.

Побывавший здесь в 1770 г. Н.П. Рычков в своих «Дневных записках...» описывает археологический памятник в окрестностях Вильгорта (правда, путая его названия: «*За оным (селением Покча – П.К.) в четырнадцати верстах следует другое городище, находящееся у села, именуемого Вильгор, стоящего на краю западного берега реки Колвы. Чердынские жители уверяют, что имя села сохранило древнее именование города, и что древние Пермские обитатели называли его Вильгор. В нем было жилище некоего князя или владетеля той земли. Не приметно ничего отменного в княжеском жилище*» [Рычков, 1772, с. 115].

И.Я. Кривошеков в своем «Словаре...» проясняет ситуацию: «*Вильгорт село на р. Колве при впадении р. Цидовка и Чердынско-Якишинском тракте, от у. г. (уездного города – П.К.) в 17 верстах. Одно из древнейших финно-угорских поселений Перми Великой, как на это указывает близлежащее около села чудское городище, а равно и название озер и урочищ, упоминаемых в писцовых книгах времени Иоанна Грозного, так напр., озеро Вымкарское. Первая часть слова – названия озера созвучна с Вымь, столицей Пермских князей на Вычегде, ныне в Вологодской губернии, а частица «кар» пермяцкое наименование города или укрепленного пункта. С другой стороны Чердынский синодик Иоанно-Богословского монастыря упоминает трех Вымских князей-христиан Ермолая, Василия и Федора, не были ли эти последние владельцам Вильгортского чудского городища, носившего наименование Вымкара, от которого получило название и озеро, упоминаемое в писцовых книгах Яхонтова в 1579 г.... Нынешнее название последнего села объясняется из пермяцкого языка так: виль – новый, горт – дом, и по изысканиям профессора Смирнова «горт» равнозначуще понятию – родовая община и позднейшее – сельское общество...» [Кривошеков, 1914, с. 280–281].*

Предположение И.Я. Кривошекова о принадлежности Вымкара вымской ветви коми князей безосновательно, поскольку известно, что в Перми Великой наместничал старший сын кн. Ермолая Вымского – кн. Михаил, положивший начала династии Великопермских

князей, но для нас важно иное. Вильгорт, как «Новая Деревня» является новым относительно исчезнувшего городища Вымкар, жители которого по какой-то причине вынуждены были переселиться подальше от берега р. Колвы (рис. 2).

Упомянутая в переписях И.И. Яхонтова и М.Ф. Кайсарова «старая река Колва» обнаруживается на картах генерального межевания. Сохранившееся по настоящее время старичное озеро в колвинском левобережье подписано как «*Ста:[рое] течение р. Колвы*», что является свидетельством интенсивной русловой деятельности этой реки, которая спрямила русло еще до основания с. Вильгорт. А городище Вымкар, стоявшее «*на краю западного берега реки Колвы*» было смыто в процессе береговой абразии, начавшемся не позднее середины XVI в. и завершившемся, по свидетельствам Н.П. Рычкова и И.Я. Кривошекова, в кон. XVIII – нач. XIX в. Теперь становится ясно, почему многолетние попытки обнаружить этот археологический памятник не увенчались успехом.

Покча

Городок Покча впервые упоминается в источниках под 1472 г.: «*Того же лета июля 26 прииде весть великому князю ис Перми, что воевода его князь Федоръ Пестрой землю Пермскую взялъ... а Гаврила Нелидова отпустил на нижнюю землю, на Урос, на Чердыню, да на Почку, на князя на Михаила... И по том прииде князь Федоръ на устье Покчи, где впала в Колву, и сожедася тамо со всеми своими, а пойманных тех туто же приведе. И срубивши ту городок седе в немъ и приведе всю землю ту за великого князя, и оттуду послал князь Федоръ князя Михаила к великому князю и тех, Бурмота и Мичкина и Кача, а сам остался тамо в городке Почке...*» [ПСРЛ, 1949, с. 296–297].

П.И. Рычков еще наблюдал этот памятник археологии: «*Первое, что было на пути моем, есть старинное городище, находящееся при селе Пахче, в шести верстах от города Чердыня. Укрепление, коим ограждено сие городище, не заслуживает никакого примечания: ибо с одной стороны видимы там ветхие валы, с другой горные расселины и буераки, с третьей крутизна горная составляли крепость сего места*» [Рычков, 1772, с. 115].

Местный священник В.Е. Попов в краеведческой статье 1891 г., опираясь на составленную его отцом Покчинскую приходскую летопись, поместил подробную историю села, содержащую весьма интересные сведения, в том числе, и о русловой деятельности р. Колвы.

«*Городок Покча, говорит предание, находился на речке Покче (нынешней Кемзелке) при впадении ее в реку Колву. А так как, по сказанию очевидцев стариков, прежде в этом месте р. Колва делала громадный изгиб, обходя мыс, и протекала около места, называемого теперь «Малой Покчей», против которой было устье речки Кемзелки, впоследствии искусственно отведенное, – то с уверенностью можно сказать, что городок Покча находился именно в том месте, где теперь малая Покча; может быть небольшая часть строений была разбросана и около этого места. Князь городка жил «над родником, впадающим в настоящее время в Колву». Жительство его предполагают на том месте, где теперь находится дом лесничего.*

Князь Ф. Пестрый, окончив завоевание Верхней Пермской земли, прибыл в Почку и здесь, – на устье речки Почки, – должно быть на месте городка, – заложил крепость. «*Земляной вал этой крепости был виден еще в конце первой половины сего столетия (XIX – П.К.), но потом его сорвало большеводиями*». Цитируя это место из Покчинской приходской летописи, В.Е. Попов в подстрочном примечании писал: «*Мой покойный отец, священник Евфимий Попов, чердынский уроженец (с. Анисимово), служивший священником в селах Ныробе и Почке долгое время, видел остатки этого вала; он, составляя покчинскую приходскую летопись, говорил об остатках крепости как очевидец*». Далее В.Е. Попов продолжал: «*Этот вал был единственным историческим памятником древнего городка; с уничтожением его Покча лишается всего, что фактически могло напоминать старину...*

Заимствуем из Покчинской приходской летописи сведения о храмах покчинских и их древностях.

Кроме древнего храма Благовещения, в Покче существовал еще до 1587 г. храм во имя св. великомученика Георгия. Это видно из сохранившейся старой рукописи, которая дана в 7095 г. «Якушкой Ивановым Луниным и Иваном Ивановым Луниным попу Благовещенскому и Георгиевскому на покосное место в поминовение». Помянутый нами храм стоял на берегу; его впоследствии подмыло водой. Вследствие этого было возбуждено ходатайство о построении нового Георгиевского храма и на новом месте. Это известно из рукописи 7171 (1663) г., где говорится о благословении епископа Вятского и Великопермского Александра церковному старосте Ивашку Серебренникову «на постоение новой Георгиевской церкви вместо старой на новое место, где згоже строите, так (как) старое место водой подмыло»...

В настоящее время Покча – самое большое, богатое, торговое село во всем Чердынском уезде. Оно расположено в 2-х верстах от севера на юг по течению реки Колвы. Против северного конца села р. Колва образовала довольно большую курью, сорвав находившийся здесь мыс» [Попов, 1891, с. 86–89].

Василий Евфимьевич нарисовал почти эпическую картину борьбы покчинцев с чередой гидрологических катастроф, в ходе которых изначальный городок Покча был смыт колвинским течением, а новое село Покча основано ниже по течению реки. Основываясь на показаниях летописей, можно уточнить дату этого переноса. В Воскресенской летописи под 1535 г. сообщается: «Того же лета, июля 15 послал князь велики в Пермь Семена Давыдова сына Курчова города ставити, а старой згорел» [ПСРЛ, 1859. с. 289]. Тогда на Троицкой горе в Чердыни был возведен первый на Урале деревянный кремль, но город там возник раньше, по крайней мере, до 1505 г., когда в Уставной грамоте Перми Великой упоминаются пермичи и усольцы, как жители Перми Великой Чердыни и Усолья Камского (Соликамска) [Семенов, 2008, с. 304–311]. Но скорее всего, наместнический центр был перенесен на Троицкую гору еще до 1481 г., когда «пришедишу Асыка князь с пельнскими вогуличи на Пермь Великую и приступиша на Чердыню, Чердынь не взял, а Покчу пожегл и князя Михаила Ермолича и княжат его посекал и повосты розорив» [Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с. 262].

Есть все основания предполагать, что не только и не столько пожар послужил поводом для переноса «города» на новое место, но и начинавшаяся эрозия берега Колвы возле городка, основанного кн. Ф. Пестрым. Карта генерального межевания, относящаяся к 1822–1843 гг., фиксируют весьма интересную топографическую ситуацию. Колвинский меандр к северу от с. Покча уже завершил свою разрушительную работу, и от летописного городка Покчи, располагавшегося на высоком берегу, остался лишь необычной силы родник, бьющий из-под подошвы коренного берега в урочище Малая Покча, что вполне соответствует показаниям Покчинской приходской летописи (рис. 3).

Но на этом русловая деятельность Колвы не остановилась: современный фотокосмоснимок с Яндекс карт свидетельствует, что Колва вновь спрямила русло, но уточнить сроки этих изменений пока не представляется возможным.

Таким образом, источники свидетельствуют, что в 1472 г. русский укрепленный городок Покча был основан на месте древнего коми святилища, на берегу р. Колвы в устье р. Кемзелки на северной окраине современного с. Покча. Уже в кон. XV – нач. XVI в. появились первые признаки смены Колвой русла, в 1663 г. подмыло стоящий в селе храм, к концу XVIII в. от площадки городища остались лишь валы с напольной стороны, а к середине XIX в. и они были вовсе уничтожены русловой абразией.

Большие Долды

Переписные книги XVI–XVII вв. однозначно свидетельствуют – д. Долда была основана на берегу озера. Так, в переписи И.И. Яхонтова 1579 г. читаем: «Б. В Верхнем стане Чердынского уезда... Дер. Долда на оз. Долде...» [Шишонко, 1881, с. 84]. О том же свидетельствует и перепись М.Ф. Кайсарова 1623/24 г.: «Дер. Долда, на озере Долде, а в ней: дворов пашенных крестьян 28, непашенных 1, бобыльских 2 и нежилых 4» [Шишонко, 1882, с. 234].

По утверждению И.Я. Кривошекова, *«Большие Долды деревня при старице р. Камы и колодцах, Пянтежской волости, от волост. правл. 17 верст, и от у. г. в 25 верстах. ... Из архива Кольчужской церкви за 1791 г. видно по исповедным росписям, что тогда в селении было 53 двора. Такое многолюдство селения объясняется его счастливым положением при р. Каме, здесь еще в 1669 г. грамота Алексея Михайловича упоминает о развитом судостроении, суда эти даже в царских грамотах именовались «Долдинская ладья», вместимость, или грузоподъемность судов равнялась 12 тысячам сапцев... старообрядцы здесь отличаются предприимчивостью... главное ремесло большинства жителей – это баржестроение... При селении находится перевоз через р. Каму и два баржестроительных плотбища... Урочище, наз. Городищем не имеет никаких признаков, указывающих на существование его, но высокий холм, на котором расположено урочище, весьма удобен для наблюдений за долиной Камы»* [Кривошеков, 1914, с. 219–220].

Н.Н. Новокрещенных *«Дер. Б. Долды находилась на горе, которая когда-то была омываема водами реки Камы, но теперь Кама отошла влево версты на три и правый берег из нагорного сделался луговым. Ниже д. Б. Долды впадает в Каму ручей, образовавший громадный лог с направлениями вверх течения р. Камы, вследствие чего на противоположной стороне лога образовался остряк, который и выдается за чудское городище»* [Новокрещенных, 1901, с. 121].

Е.Н. Полякова, анализируя топоним, писала: *«А.С. Кривошекова-Гантман предполагала, что оно восходит к коми-зырянскому диалектизму далда 'роща'. Но А под ударением (д́алда) не могло перейти в О (дóлда), то есть ойконим должен был возникнуть из какого-то другого слова. Если учесть этнографические данные, то можно связать название деревни с коми словом дольд 'ходкий, быстроходный (о лодке)'. Дело в том, что на старице (в писцово-вой книге озеро Долда) традиционно строили суда. В XIX – начале XX в. это было баржестроение, до этого сооружали долдинские ладьи (так они названы в царской грамоте 1669 г.), видимо, лодки изготовляли там и в далекие времена, возможно, до прихода русских. И испытывали суда в удобном для этого старом русле Камы, превратившемся в озеро. В заимствованном слове дóльд был редуцирован и исчез заударный звук Ы, но вместе с тем появилось обычное для гидронимов (озеро имело выход в Каму) окончание –а»* [Полякова, 2007, с. 19].

У населения с. Большие Долды сохранились рассказы, что раньше Кама подходила к самому селу, но из-за того, что одна местная жительница оттолкнула приставшую к берегу икону Николы Угодника (в другом варианте, кидала камнями в самого Стефана Пермского), высшие силы разгневались, и отвели Каму в сторону [Назаров, 2014а, с. 106–107] (рис. 4).

На карте генерального межевания можно почерпнуть топографические подробности. Село Большие Долды расположено на западном берегу оз. Обалты (судя по всему, это второе название оз. Долды), из которого вытекает р. Мельнишная. На современном космофотоснимке озеро, как таковое, практически не фиксируется, а речка сейчас называется Протока. Стоит отметить, что общее расположение малых рек, протекающих вокруг села, на фото существенно отличается от такового же на карте XIX в.

Кольчуг

По переписи И. Яхонтова 1579 г. в Верхнем стане: *«Погост Кулчуг на озере Колчюке... того ж погоста у крестьян рыбная ловля на озере Колчюке...»* [Список, л. 27, об. 28]. А.А. Дмитриев писал о нем: *«Кольчужский округ был одним из самых населенных в Чердынском уезде. Расположенный на берегу Камы, в близком расстоянии от Колвы, он занимал очень выгодное географическое положение... и служил для них как бы пристанью на ближайшем пункте левого берега Камы»* [Дмитриев, 1891, с. 80–84]. А. А. Дмитриев имел в виду ближайший по отношению к г. Чердыни.

Весьма интересно, что сам топоним (и одновременно гидроним) *Кольчуг* отражает результаты интенсивной русловой деятельности Камы. А.С. Кривошекова-Гантман считает, что: *«Кольчуг может быть расшифрован как 'оставленная река'»* [Кривошекова-Гантман, 2006а, с. 44]. Однако точнее (дословно) данный гидроним следовало бы перевести как «оставшаяся река», что по смыслу должно соответствовать «руслу, покинутому рекой», что напрямую подтверждается на местности, ибо озеро Кольчуг старичное.

С Кольчугом, а точнее, с местом, где ныне стоит с. Кольчуг, связана история похода князя Ф. Пестрого на Пермь Великую в 1472 г. В Московском летописном своде читаем: «Того же лета июля 26 прииде вестъ великому князю ис Перми, что воевода его князь Федоръ Пестрой землю Пермьскую взялъ, а пришел в землю ту на усть Черные реки на фоминои неделе в четверток и оттуду поиде на плотах и с коньми, приплывъ под город Аифаловской, съиде с плотов и поиде оттуду на конех на верхнюю землю к городку Искуру ...» [ПСРЛ, 1949, с. 296–297].

Искомый Анфаловский город представляет собой археологический памятник, городище-убежище и располагается южнее села, на стрелке мыса, образованного логом р. Келяновка, впадающего в современное оз. Кольчугское. Кстати, «*келляны многокр. 1. оставлять...*» [Удмуртско-русский словарь, 2008, с. 289]. Именно здесь высадился русский отряд, чтобы следовать к Чердыни кратчайшим путём по гребню водораздела, что было важно в условиях весенней распутицы и паводка, ведь на таком маршруте не нужно было пересекать ни одной водной преграды [Корчагин, 2017, с. 5–16] (рис. 5).

В современное озеро уже невозможно проследовать на «плотах и с коньми», следовательно, в 1472 г. Кольчугское озеро было ещё камской излучиной. Но до 1579 г. Кама окончательно оставила старое русло. Об этом факте уже писали пермские географы, но, к сожалению, ограничились лишь самой общей датировкой – XV–XVI вв. [Назаров, Черепанова, 2012, с. 133].

Чердынь и р. Чудова

Искомый *чер*, приток, давший название городу, стоит искать на противоположном берегу Колвы. Левый колвинский приток, река с характерным названием Чудова, ныне впадает в Колву двумя устьями на расстоянии более километра ниже по течению от Троицкой горы, где располагался летописный городок Чердынь. Но есть все основания считать, что ранее чудовское устье находилось непосредственно напротив Троицкой горы. В половодье старичное образование заполняется водой и на фото с коптера старое русло Чудовой проявляется особенно заметно (рис. 6).

Топоним Чердынь верно отображал топографическую ситуацию еще в XV в., когда одноименный «городок» стал известен русским. В то время напротив Троицкой горы в р. Колву впадала р. Чудовка, что для местных язычников являлось одним из свидетельств сакральности места. Однако позднее (в XVI–XVII вв.) произошла местная гидрологическая катастрофа, в результате чего два новых устья Чудовки оказались много южнее, и ныне топоним не стоит воспринимать буквально.

На современном космофотоснимке отчетливо видно расположенное как раз напротив Троицкой горы старичное образование, прежнее колвинское русло. Похоже, что именно оно на карте генерального межевания обозначено как «Оз. Городовое» (рис. 7).

Однако данная гидрологическая ситуация противоречит легенде, поскольку получается, что Колва не ушла, а, наоборот, вернулась к городу. И в данном случае приходится констатировать закономерность, свойственную всем городским легендам. В их основе всегда лежит объективный факт, достоверное историческое событие, которое в общественном сознании преломляется порой самым неожиданным образом. Земляные гидротехнические работы около Чердыни, действительно, велись, но не у Троицкой горы, а в другом месте. Ниже Чердыни, напротив с. Серегово, практически в месте впадения Колвы в Вишеру расположено оз. Староречье, которое на карте генерального межевания показано как колвинский меандр, хотя у его основания уже существует «прорва», через которую Колва уже спрямляла свое течение. С северо-запада к нему примыкало небольшое озерцо с характерным названием *Копанец*, выдающим его искусственное происхождение. Судя по всему, именно здесь и происходили действительно имевшие место в XVIII в., или, возможно, но менее вероятно, в XIX в. земляные работы на старом русле р. Колвы, неправомерно отнесенные авторами легенды к подножию Троицкой горы. Однако народная память несколько заострила сюжет, привязав событие непосредственно к городской черте.

* * *

Н.Н. Назаров и Е.С. Черепанова вполне справедливо связывают интенсификацию русловой деятельности рек Северного Прикамья эпохи раннего нового времени с малым ледниковым периодом: «На Верхней Каме вся вторая половина последнего тысячелетия является временем масштабной перестройки направленности русловых процессов. Ее проявлением служит смена морфологических типов русла и пойм, состоявшаяся с окончанием малого ледникового периода. Произошло резкое уменьшение извилистости русла в основном за счет сокращения количества развитых излучин. Русло на многих протяженных по длине участках трансформировалось в относительно прямолинейное» [Назаров, Черепанова, 2012, с. 146].

Повышение влажности и общей обводненности рек вызывало бурное половодье, срывающее узкие перемычки в основании речных меандров. На основании привлеченных исторических источников можно утверждать, что пик русловой деятельности пришелся на кон. XV–XVI вв., а в XVII–XVIII вв. ее интенсивность постепенно снижалась. Однако выводы, полученные научно-историческими методами, нуждаются в подтверждении данными естественно-научных дисциплин, что будет возможным при объединении усилий специалистов из этих сфер в ходе осуществления совместных междисциплинарных проектов, на что автор искренне надеется.

Библиографический список

1. *Вычегодско-Вымская летопись* // Историко-филологический сборник – IV. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271.
2. *Дмитриев А.А.* Пермская старина : сб. ист. ст. и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 3: Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII вв. Пермь : Типогр. П.Ф. Каменского, 1891. 176 с.
3. *Корчагин П.А.* Легендарный Анфаловский городок. А был ли город? // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. Вып. 2 (37). С. 5–16.
4. *Кривошеков И.Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии: с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. – Издание Чердынского Уездного Земства. Пермь : Труд, 1914. 839 с.
5. *Кривошекова-Гантман А.С.* Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье // Кривошекова-Гантман А.С. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2. Ономастика. Пермь, 2006а. С. 29–50.
6. *Кривошекова-Гантман А.С.* Краткий топонимический словарь // Кривошекова-Гантман А.С. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. Ономастика. Пермь, 2006б. С. 144–192.
7. *Кривошекова-Гантман А.С.* Общепермская и общекоми лексика ландшафта в составе топонимии Прикамья // Кривошекова-Гантман А.С. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2. Ономастика. Пермь, 2006в. С. 19–27.
8. *Назаров Н.Н.* К вопросу о времени последнего массового спрямления излучин на верхней Каме // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». 2014а. Вып. 2. С. 105–111.
9. *Назаров Н.Н.* Особенности морфодинамики русла верхней Камы в позднем голоцене // Географический вестник. 2014б. Вып. 2 (20). С. 4–9.
10. *Назаров Н.Н., Черепанова Е.С.* Морфодинамические изменения русла Верхней Камы (исторический аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». 2011. Вып. 4. С. 119–126.
11. *Назаров Н.Н., Черепанова Е.С.* Пойменно-русловые комплексы Пермского Прикамья. Пермь, 2012. 158 с.
12. *Новокрещенных Н.Н.* Археологические исследования в западной части Пермской губернии (Дневник раскопок и разведок) // Труды Пермской ученой архивной комиссии / под ред. А.А. Дмитриева. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 107–141.

13. *Полное собрание русских летописей*, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. СПб. : Изд. Археологической комиссии, 1859. Т. 8. 301 с. Продолжение Летописи по Воскресенскому списку.

14. *Полное собрание русских летописей*. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 464 с.

15. *Полякова Е.Н.* Русская речь Пермского края в историческом аспекте (XIII–XVIII вв.) // *Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования*. Ч. 1. Пермь, 2007. С. 4–42.

16. *Попов В.Е.* Древнейшие города Перми Великой – Искор и Покча // *Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией*. Вып. 3. Пермь, 1891. С. 75–90.

17. *Рычков Н.П.* Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства 1770 г. СПб. : Изд-во при Императорской Академии наук, 1772. 132 с.

18. *Семенов О.В.* Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // *Проблемы истории России*. Екатеринбург : Волот. 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 295–333.

19. *Список с переписных книг городов Соликамска и Чердыни с уездами, учиненных писцами Иваном Яхонтовым 7087 (1579) и Михайлом Кайсаровым с товарищи 7131 и 7132 (1623 и 1624) гг.* // РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256 Собрание рукописных книг Н.П. Румянцева. № 308.

20. *Удмуртско-русский словарь* : ок. 50 000 слов. Ижевск, 2008. 925 с.

21. *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263–1881 г. Первый период: с 1263–1613. Пермь : Типогр. Губернской земской управы, 1881. 238 с.

22. *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263–1881 г. Второй период: с 1613–1645 гг. Пермь : Типогр. Губернской земской управы, 1882. 502 с.

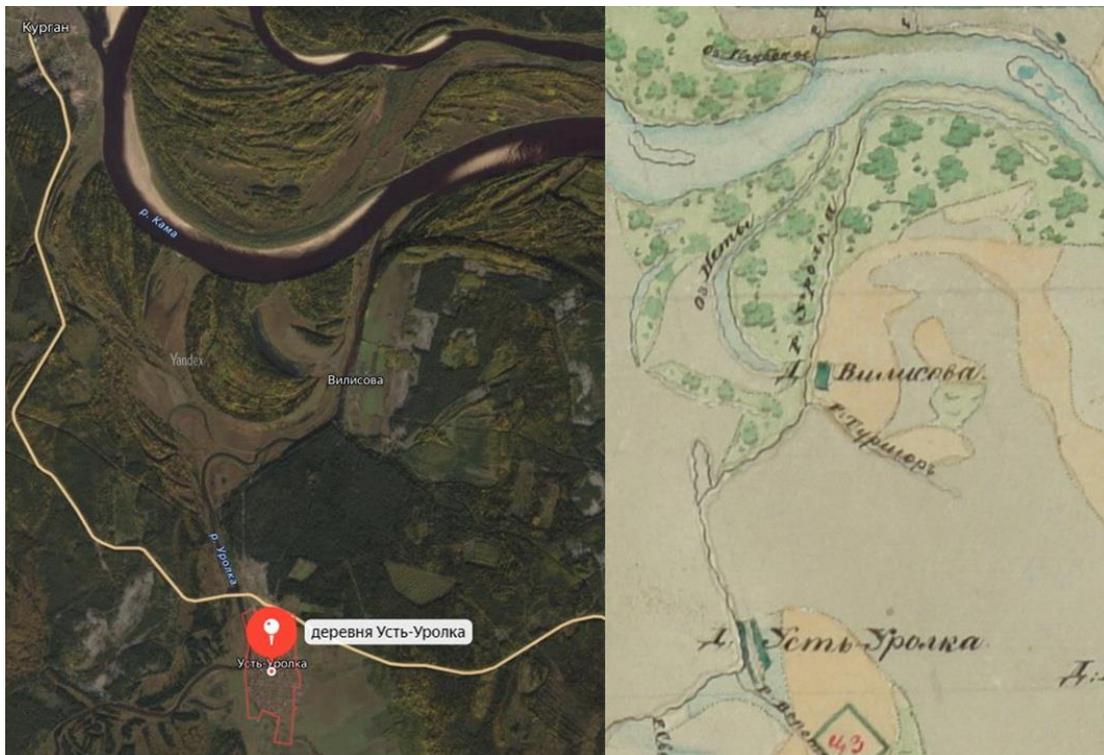

Рис. 1. Деревня Усть-Уролка на космофотоснимке и карте из Атласа Пермской губернии Чердынского уезда (1822–1843 гг.)

Рис. 2. Село Вильгорт и окрестности карте из Атласа Пермской губернии Чердынского уезда (1822–1843 гг.) и на космофотоснимке

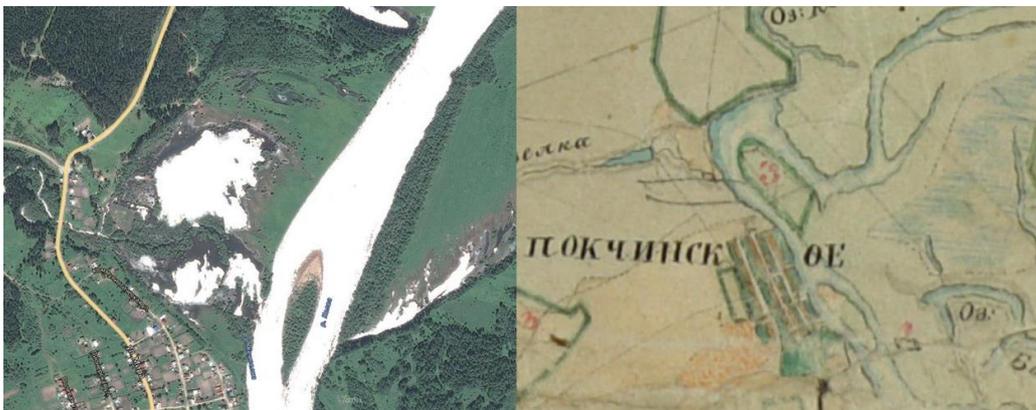

Рис. 3. Село Покча и урочище Малая Покча на космофотоснимке и на карте из Атласа Пермской губернии Чердынского уезда (1822–1843 гг.)

Рис. 4. Деревня Большие Долды и окрестности карте из Атласа Пермской губернии Чердынского уезда (1822–1843 гг.) и на космофотоснимке

Рис. 5. Село Кольчуг и Кольчугское озеро на карте из Атласа Пермской губернии Чердынского уезда (1822–1843 гг.) и на космофотоснимке

Рис. 6. Вид с востока на старое русло р. Чудовой и г. Чердынь (июнь 2024 г.)

Рис. 7. Космофотоснимок старичного образования напротив Троицкой горы в Чердыни и система старичных озер на левобережье р. Колвы на карте из Атласа Пермской губернии Чердынского уезда (1822–1843 гг.)

СОДЕРЖАНИЕ***ВОСПОМИНАНИЯ***

СПАСИБО ВСЕМ ЗА ПОДДЕРЖКУ И ТЕПЛЫЕ СЛОВА (составитель Н.Б. Крыласова).....	5
Крыласова Н.Б. ТАКАЯ МНОГОГРАННАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ В ВЕЩАХ, ФОТОГРАФИЯХ И ДОКУМЕНТАХ: ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА А.М. БЕЛАВИНА	10
Белавина А.А. МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПАПА.....	35
Полякова О.В. ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАЛЫЧЕ.....	42
Черных А.В. АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЛАВИН – У ИСТОКОВ ГУМАНИТАРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ.....	46
Любчанский И.Э. НАБРОСКИ К ВОСПОМИНАНИЯМ ОБ АНДРЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ БЕЛАВИНЕ.....	49
Черных Е.М. «ДРУЗЬЯ УХОДЯТ КАК-ТО НЕВЗНАЧАЙ...»	54
Обыденова Г.Т. «И ВСЕ ЖЕ С БОЛЬЮ В ГОРЛЕ МЫ ТЕХ СЕГОДНЯ ВСПОМНИМ, ЧЬИ ИМЕНА, КАК РАНЫ, НА СЕРДЦЕ ЗАПЕКЛИСЬ...»	57
Шмуратко Д.В. ОТ КУРСОВЫХ РАБОТ ДО ДИССЕРТАЦИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПРОФЕССОРА А.М. БЕЛАВИНА	60

А.М. БЕЛАВИН И ШКОЛА ЮНЫХ АРХЕОЛОГОВ

Рубцов А.В. ТРАДИЦИИ ШКОЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В ПРИКАМЬЕ	65
Кирпилева С.А. КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ.....	72
Кудрин А.В. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.М. БЕЛАВИНЕ.....	75
Ибраев Ф.М., Ибраев Д.М., Агишев Я.В. КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ.....	78

СТАТЬИ В СФЕРЕ НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ А.М. БЕЛАВИНА

Иванов В.А. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА БЕЛАВИНА «ИЗ БУЛГАР В УГРИ».....	82
Нигомаев А.З., Хузин Ф.Ш. КАМСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА БЕЛАВИНА	91
Моряхина К.В. ВКЛАД А.М. БЕЛАВИНА В ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	95
Смертин А.Р., Смертина А.Ю. ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ В ТРУДАХ А.М. БЕЛАВИНА.....	102
Сарапулов А.Н. ЗАМЕТКИ УЧЕНИКА: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ТРУДАХ А.М. БЕЛАВИНА.....	109

Вострокнутов А.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ КУДЫМКАРА (В XIX–XX вв.).....	112
Кузнецов В.Е. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОГО ТОРГОВО-ВЕСОВОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	117
Савельева Э.А., Подосёнова Ю.А. ОЧЕЛЬЕ ИЗ ЫДЖЫДЪЁЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА ВЫМСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ.....	122
Тюрк А., Фьуреди А., Шанта Ж. НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ПОЯСНЫХ СУМОЧЕК, УКРАШЕННЫХ ПЛАСТИНАМИ ДРЕВНЕВЕНГЕРСКОГО СТИЛЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ	137
Губайдуллин А.М. ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ РОЖДЕСТВЕНСКОГО КОМПЛЕКСА	157
Хаярова П.В., Голдобин А.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПУТЕЙ МИГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ НА СТЫКЕ ЕВРОПЫ И АЗИИ (КОНЦА I ТЫС. ДО Н. Э.– I ТЫС. Н. Э. ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ)	161
Данич А.В. ДВА ИНТЕРЕСНЫХ МОМЕНТА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА, ЗАФИКСИРОВАННЫХ В ПОГРЕБЕНИИ № 23 ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА IX–XI вв.....	172
Кузнецова В.Н. ОДНОЙ ЦЕПЬЮ: НАХОДКИ ПРЯМОУГОЛЬНЫХ ЗВЕНЬЕВ НА ТЕРРИТОРИИ РУСИ И ВОЛГО-КАМЬЯ XII–XIII вв.....	180
Подосёнова Ю.А., Лычагина Е.Л., Брюхова Н.Г., Смертина Н.С. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА ТЕПЛОУХОВЫХ: ЗАПИСИ АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА ТЕПЛОУХОВА (по материалам архива ИИМК РАН).....	187
Проценко А.С. ГОРОДИЩЕ УФА-II. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ.....	196
Руденко К.А. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БУЛГАРСКОЙ ТОРГОВЛЕ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД.....	203
Курбатов А.В. ИЗУЧЕНИЕ КОЖЕВЕННОГО ремесла ПЕРМСКОГО КРАЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ	230
Корчагин П.А. ЛЕГЕНДА ОБ УШЕДШЕЙ КОЛВЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЧЕРДЫНЬ – ЧЕРДЫНЬ?.....	242

Научное издание

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск XXV

Сборник научных трудов памяти А.М. Белавина

Под общей редакцией Н.Б. Крыласовой

Корректор – *О.В. Вязова*

Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений, цитирования и использованных иллюстративных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Стиль и пунктуация авторов статей в основном сохранены

Подписано в печать 27.01.2025. Формат 60×90/8

Усл. печ. л. 31,8. Тираж ... экз. Заказ № _____

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, каб. 310
Тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)

Отпечатано в типографии Издательства
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29, к. 113
Тел. (342) 219-80-33